Его превосходительству

Кресьяну Федоровичу

Берингу

въ знакъ непритворнаго усердія и почтенія
отъ переводчика второй части
и следующихъ по ней

Февраля дня 1810 года

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

О

МОРЕХОДСТВѢ

содержащая въ себѣ

Начало онаго у всѣхъ народовъ, успѣхи, нынѣшнее состоянїе, и морскїе какъ древнїе, такъ и новѣйшїе походы.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Переведена съ Французкаго языка переводчикомъ Иваномъ Черкасовымъ, и при отданїи ея въ учрежденный при Государственной Адмиралтейской Коллегїи Комитетъ издана подъ смотрѣнїемъ Начальствующаго онымъ.

Печатано въ Типографїи Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, 1801 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ СЕЯ КНИГИ.

ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРІЯ
МОРЕПЛАВАНІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

О
МОРЕХОДСТВѢ ПЕРВЫХЪ НАРОДОВЪ.

Начала мореходства надлежитъ искать въ Исторіи самыхъ древнихъ народовъ. Первые мореплаватели, о коихъ упоминается въ Священномъ писаніи, суть дѣти Ноевы. Утверждаютъ, что Патріархъ сей съ тремя своими сыновьями преплылъ Средиземное море, что Симу показалъ онъ весь Азіатскій берегъ, отъ Танаиса (нынѣшняго Дона), чрезъ Босфоръ, даже до Нила; Хаму берега Африканскіе отъ Нила, даже до пролива Гадитанскаго; а Іафету весь берегъ Европы, отъ Гадитанскаго пролива даже до Танаиса, и что онъ самъ положилъ основанія разселившимся на сихъ берегахъ племенамъ. Сіе повѣствованіе, ни чемъ не подтверждаемое, кажется быть баснію; преданіе же всѣми пріемлемое есть то, что Ноевы дѣти, послѣ потопа, раздѣлили между собою землю для населенія оной: Симъ взялъ Азію, начиная отъ Евфрата, къ востоку, даже до Индійскаго Океана; Хамъ всю Африку, съ частію Ассиріи и Аравіи; а Іафетъ Европу съ нѣкоторымъ удѣломъ Азіи. Къ сему присовокупляютъ еще, что потомки

Лѣта міра 1656, до Р. Хр. 2348.

Іафетовы заселили всѣ земли, простирающіяся отъ горы Тавра до рѣки Дона, и оттуда даже до Гадитанскаго при концѣ Испаніи пролива, называемаго нынѣ Гибралтарскимъ, и что заняли еще сѣверную и западную часть Азіи, и всѣ острова Средиземнаго моря, или острова язычниковъ, какъ говоритъ Священное писаніе; а сіе и подаетъ случай догадываться, что первые они пустились въ море, для поселенія своего на сихъ островахъ.

Їованъ, сынъ Іафетовъ, распространился по всему берегу морскому, названному имъ Їоніею, и который потомъ наименованъ Греціею. Самосъ, Хіо и многіе другіе острова были ему подвластны. Ѳирасъ перебрался моремъ, по видимому чрезъ мѣсто именуемое нынѣ Геллеспонтъ, или Босфоръ, и утвердилъ жилище свое въ землѣ названной по имени его Ѳракіею. Асхенесъ, внукъ Іафетовъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ мужей, жилъ на берегахъ Пропонтиды, (что нынѣ Мраморное море) и населилъ полуденную часть Чернаго моря, получившаго по немъ названіе *Понтусъ Асхенусъ* или *Аксенусъ*, изъ коего вышло потомъ имя *Понтъ Евксинскій*.

Ѳарсисъ, сынъ Їовановъ, назвалъ по имени своему нѣкую прилѣжащую къ морю страну: Їосифъ думаетъ, что оная есть Киликійская Ѳарсія въ Малой Азіи; нѣкоторые почитаютъ ее Карѳагеномъ или Тунисомъ, иные Тартессомъ, островомъ Гадитанскаго пролива; а другіе наконецъ Ѳассомъ на Егейскомъ морѣ. Изъ сихъ разнообразныхъ мнѣній явствуетъ, что населенная Ѳарсисомъ страна была приморская, которая стеченіемъ въ нее первыхъ мореплавателей, сдѣлалась столь славною, что въ Священномъ писаніи слово *Ѳарсисъ* употребляется для означенія моря, и всѣ вообще корабли именуются *Ѳарсійскими кораблями.*

Сеттимъ, другой сынъ Їовановъ, поселился на островѣ Кипрѣ, съ Доданимомъ, братомъ своимъ, или Раденимомъ,

по слову Самаританскому. Сіи-то были страны при раздѣленіи земли доставшіяся въ удѣлъ дѣтямъ Іафетовымъ, первымъ мореплавателямъ, которыхъ Горацій въ одахъ своихъ называетъ смѣлымъ Іафетовымъ потомствомъ, *Audax Japeti genus*. Поселившись на берегахъ морскихъ, соорудили они, для обхожденія оныхъ, небольшія суда, коимъ, какъ думать надлежитъ, Ноевъ Ковчегъ служилъ образцомъ. Относящіе все къ естественнымъ откровеніямъ заключаютъ, что рыбы поворачиваніемъ хвоста своего подали первую мысль о изобрѣтеніи руля, а распусканіемъ перьевъ своихъ показали употребленіе веслъ, и что образъ ихъ, весьма удобный для разсѣканія воды, служилъ поводомъ къ вымышленію корабельныхъ ребръ или шпангоутовъ. Птицы, кажущіяся быть плавающими по воздуху, споспѣшествовали къ приведенію въ совершенство сихъ понятій. Видъ лѣжащихъ по близости острововъ, производившій въ нихъ любопытство, польза отъ рыбной ловли происходящая, удобность перевозить вещи водою, и нужда въ торговлѣ, побуждали ихъ къ мореплаванію. Сперва отважились они переплывать чрезъ узкіе токмо проливы, потомъ мало по малу вдавшись въ море, и пріобыкши нѣсколько къ волнамъ, пускались они далѣе въ оное; а наконецъ вѣтры и быстрыя теченія заносили ихъ на отдалѣннѣйшіе берега, гдѣ, невозможность возвратиться назадъ, и страхъ погибели, принуждали ихъ часто избирать себѣ жилище. Сіе самое было источникомъ мореплаванія. Начало онаго было весьма не хитрое; оно медленно приращалось, и не прежде, какъ уже послѣ долгаго времени, наукъ и претерпѣнныхъ опасностей, достигло до того совершенства, въ какомъ мы нынѣ оное видимъ.

Іюдеи, хотя вскорѣ послѣдовали первымъ жителямъ земли, однако весьма поздо уже достигли до познанія мореходства, по причинѣ, что въ области ихъ, окружен-

ной землями, не было ни пристаней, ни приморскихъ городовъ. Хотя къ западу и имѣли они Средиземное море, но между ими и моремъ симъ жили Сидоняне. Къ востоку граничили они съ Галаадскими горами, къ западу съ пустою, къ югу съ каменистою Аравїями, къ сѣверу съ Лебаномъ и Сирїею. Правда, что они жили недалеко отъ Чермнаго моря; но на ономъ не было у нихъ ни одной пристани прежде Гассїонъ-Гаверской, которую построилъ Соломонъ. Они не имѣли никакого понятїя объ Океанѣ, и Средиземное море называли великимъ моремъ, потому, что больше онаго не знали. Занимаясь единственно обработованїемъ земель и попеченїемъ о своихъ стадахъ, не прельщались они торговлею сосѣдей своихъ, и безъ зависти взирали на ихъ изобилїе. Будучи довольны собственностїю своею, живучи въ такой плодоносной землѣ, которая недопускала ихъ ни въ чемъ нуждатся, не простирали они жадности своей далѣе предѣловъ своего отечества, и отмѣнный законъ ихъ не позволялъ имъ предпринимать далекихъ путешествїй.

Г. Гюетъ, писавшїй о мореплаванїи древнихъ народовъ, въ противность Їосифову мнѣнїю утверждаетъ, что Їюдеи снаряжали суда еще прежде Соломона. Мнѣнїе его можетъ подтверждатся тѣмъ, что Завулоново колѣно, простиравшееся къ западу до Средиземнаго моря, могло удобно вести торговлю съ Сидонянами и Тирянами, что самое кажется и въ Священномъ писанїи означается сими словами: „*возвеселися, Завулоне, во исходѣ твоемъ*„: то есть, въ плаванїяхъ твоихъ, какъ нѣкоторые о семъ толкуютъ.

Надлежитъ однакожъ согласиться, что если мореплаванїе и не было еще въ употребленїи у Їюдеевъ, то оное имъ не могло быть вовсе безъизвѣстно; ибо близкое съ ними сосѣдство Финикїанъ, славныхъ мореходцевъ, не позволяло имъ быть въ совершенномъ невѣденїи о семъ, столь много уже прославившемся, искуствѣ. Въ самомъ

дѣлѣ Моисей, за нѣсколько времени прежде смерти своей, говорилъ имъ о судоходствѣ и корабляхъ, какъ о такихъ предмѣтахъ, кои уже не новыми для нихъ были. *И возвра-„титъ тя,* сказалъ онъ имъ, *Господь Богъ во Египетъ „въ корабляхъ.„* Предсказаніе сіе исполнилось, когда, послѣ разоренія Титомъ Іерусалима, взятые въ плѣнъ Іудеи на бывшихъ тогда въ Средиземномъ морѣ Римскихъ судахъ отвезены были въ Александрію. Сіи слова Моисеевы доказываютъ, что Іудеи знали мореплаваніе, прежде еще баснословной древности, хотя стихотворцы приписываютъ изобрѣтеніе онаго Язону и Аргонавтамъ, жившимъ во время Гедеона, то есть, гораздо спустя послѣ пророчества сего. Сверхъ того усматриваемъ мы, что Пророки, въ сказаніяхъ своихъ къ нимъ, часто заимствуютъ подобія свои отъ волнъ, кораблей, острововъ, и вѣщаютъ имъ о Ѳарсійскомъ морѣ, морской торговлѣ и судахъ. Одинъ изъ нихъ, предсказывая имъ будущія нещастія съ городомъ Тиромъ, пространно говоритъ о строеніи судовъ его, о веслахъ, о гребецкихъ банкахъ, о богатствѣ въ парусахъ, мачтахъ и флагахъ, о морскихъ офицерахъ, штурманахъ, матросахъ, о вѣтрахъ и буряхъ; изъ чего можно заключить, что всѣ сіи понятія не были для нихъ чужды. Но Соломонъ былъ первый, который знаніе сіе привелъ въ употребленіе, и къ его царствованію относить должно Епоху мореплаванія Іудеянъ, которымъ искуство сіе было такъ еще ново, что Царь сей, намѣреваясь ввести оное въ областяхъ своихъ, просилъ Гирама Царя Тирскаго, съ коимъ имѣлъ онъ открытую торговлю, прислать ему штурмановъ и матросовъ, для заведенія оныхъ между подданными своими.

Чрезвычайныя издержки, каковыя принужденъ былъ Соломонъ употребить на сооруженіе Іерусалимскаго Храма и дворца своего, истощили оставленныя Давыдомъ сокровища. Сіе самое побудило его думать, что въ мореплаваніи можетъ онъ найти служащіе къ возвращенію оныхъ Л. М. 3012; до Р. Хр. 992.

источники. По чему приказалъ онъ въ Гассїонъ-Гаверской пристанѣ построить суда: Гирамъ доставлялъ ему нужные для оныхъ припасы и работниковъ; ибо невѣроятно, чтобъ Царь Тирской посылалъ корабли свои изъ Тира въ Чермное море, поелику округъ былъ бы чрезвычайно великъ. Корабли Соломоновы, вкупѣ съ кораблями Царя Тирскаго, оканчивали въ три года путешествїе въ Офиръ, откуда вывозили павлиновъ, обезьянъ, слоновую кость, драгоцѣнные камни, многостоющїя дерева, золото и серебро; чрезъ то сїи металлы наконецъ толико умножились въ Їерусалимѣ, что престали быть почитаемы за велико. Сїи соединенные флоты въ Священномъ писанїи называются иногда Соломоновыми, иногда Гирамовыми кораблями.

Весьма трудно узнать, въ какомъ мѣстѣ происходили Соломоновы мореплаванїя. Нѣтъ ни единой страны толико отъискиваемой, и толико безъизвѣстной, какъ упоминаемый въ Священномъ писанїи Офиръ. Всѣ ученыя о семъ разсужденїя служили токмо къ вящшему того помраченїю, и Офирское золото также трудно найти, какъ золото философическаго камня. Не безприлично разсмотрѣть здѣсь разные толки о мѣстѣ Офира: Нѣкоторые полагаютъ сїю богатую область на островѣ Чермнаго моря; но близкое сосѣдство Їудеи отнюдь не соотвѣтствуетъ тому понятїю, каковое подаетъ намъ Священное писанїе о Соломоновыхъ мореплаванїяхъ, о коихъ говоритъ оно, яко о далекихъ путешествїяхъ. Полагающїе Офиръ въ Испанїи, не удачнѣе первыхъ угадываютъ; ибо для прибытїя къ оному изъ Гассїонъ-Гаверской пристани, надлежало бы объѣзжать всю Африку, чего во время Соломоново никто еще не дѣлалъ. Нехусъ, Царь Египетскїй, во время Їозїи жившїй, предпринялъ первый путеплаванїе сїе; его старанїями открыто было, что не возможно дойти моремъ до Гадитанскаго пролива, обходя Африку, какъ мы то послѣ увидимъ.

Г. ГюетЪ, ЕпископЪ Авранскій, увѣряетЪ, что ОфирЪ былЪ земля Софальская, или восточный берегЪ Африки до Цангебара. ОнЪ полагаетЪ, что Царь Тирской посылалЪ корабли свои, для соединенія сЪ кораблями Соломоновыми, вЪ ГассіонЪ-Гаверскую пристань, посредствомЪ канала соединявшаго Чермное море сЪ СредиземнымЪ, и что сіи соединенные флоты, обошедЪ мысЪ Гвадалквиверскій, плыли вдоль всего Африканскаго берега, и приходили вЪ ФарсисЪ, коимЪ, по мнѣнію его, назывался вообще весь западный берегЪ Африки и Испаніи, а особливо тотЪ, который ближе кЪ устью Гвадалквиверскому; но по несчастію каналЪ сей выкопанЪ долгое время спустя послѣ Соломона. При Нехусѣ Царѣ ЕгипетскомЪ былЪ онЪ начатЪ, а при Даріѣ оконченЪ. И потому, какЪ мы выше сказали, не обходилЪ еще ни кто вокругЪ Африки до Испаніи.

Наибольшее число толкователей чаютЪ быть мѣсту Офира вЪ великой Индіи, полагая, что флотЪ СоломоновЪ, снаряженный на ЧермномЪ морѣ, заходилЪ вЪ Бабельмандельской проливЪ, для входа вЪ заливЪ Аравійскій; а оттуда шелЪ вЪ восточную Индію. ІосифЪ кажется былЪ первый утверждавшій мнѣніе сіе, подкрѣпляемое тѣмЪ, что ОфирЪ, сынЪ ІектановЪ, поселилЪ переведенцовЪ своихЪ вЪ Индіи, и безЪ сумнѣнія назвалЪ ихЪ по имени своему. Но гдѣ найти ОфирЪ сей? Каждый опредѣляетЪ ему мѣсто, по волѣ своей, вЪ Гоѣ, Малаккѣ, вЪ Пегу, Цейланѣ, Тапробранѣ и вЪ ЗолотомЪ Херсонесѣ. КакимЪ образомЪ Гирамовы корабли, отходившіе изЪ Средиземнаго моря, могли соединяться сЪ Соломоновыми кораблями, отправлявшимися изЪ ГассіонЪ-Гавера на ЧермномЪ морѣ? Не можно ли еще сказать, что Индія не такЪ далека отЪ Средиземнаго моря, чтобЪ нужно было употреблять три года на путешествіе вЪ оную, и что поелику Священное писаніе говоритЪ о мореплаваніи ОфирскомЪ, яко о новомЪ открытіи, того ради надлежало оному быть вЪ иномЪ мѣстѣ, а не вЪ

Индїи, о комерцїи коей на Чермномъ морѣ давно уже было извѣстно.

Домъ Калметъ, въ преизрядномъ разсужденїи своемъ о странѣ Офирской, при началѣ толкованїя своего на книгу Бытїя, помѣщаетъ землю сїю далеко отъ Средиземнаго моря и Океана, между горою Мазїусомъ и горами Сафирскими, около Мидїи, Арменїи и Сирїи. По его мнѣнїю Соломоновы корабли отправлялись изъ Гассїонъ-Гавера, плыли по Чермному морю, входили въ Океанъ, оттуда въ Персидской заливъ, и потомъ паки возвращались въ верьхъ по Евфрату и Тигру. Сїе соображенїе свое выводитъ онъ въ прочемъ со всевозможнымъ искуствомъ, но токмо кажется самъ не совершенно въ томъ удостовѣренъ: затрудненїя приводимыя имъ столько же сильны, какъ и самыя его доказательства, и можно привесть еще нѣкоторыя, до коихъ онъ со всемъ не касался.

Мнѣнїе, по которому полагаются два флота Соломоновыхъ, одинъ, отправляющїйся изъ пристани Средиземнаго моря въ землю, извѣстную нынѣ подъ именемъ Америки, а другой, изъ пристани Гассїонъ-Гаверской на Чермномъ морѣ, чтобъ итти въ Индїю, могло бы всѣми вообще быть принято; вся трудность состоитъ въ доказательствѣ о подлинномъ существованїи сихъ двухъ флотовъ, и о познанїи Америки. Подтверждающїе мнѣнїе сїе увѣряютъ, что въ тѣхъ мѣстахъ Священнаго писанїя, въ коихъ говорится о Соломоновыхъ мореплаванїяхъ, сїи два разныхъ флота означены ясно, изъ коихъ на одномъ привозили золото, серебро, слоновую кость, обезьянъ и павлиновъ; на другомъ же токмо золото, драгоцѣнные камни и рѣдкїя дерева; одинъ препровождалъ три года въ путешествїи, а другой токмо одинъ годъ; и первый изъ нихъ назывался Гирамовымъ флотомъ, а другой Соломоновымъ. Вотъ дѣйствительное различїе, говорятъ они, двухъ флотовъ: къ сему прибавляютъ еще,

что Іосифъ съ довольнымъ различенїемъ говоритъ о сихъ двухъ флотахъ, о разныхъ предпрїемлемыхъ ими путяхъ, и о различныхъ привозимыхъ на нихъ товарахъ. Когда возражаютъ имъ, что, полагая сїи два флота Соломоновы, одинъ на Средиземномъ морѣ, а другой на Чермномъ, надлежитъ положить также два Гирамовыхъ флота, соединенныхъ съ сими обоими, и тогда трудно будетъ понять, какимъ образомъ корабли Царя Тирскаго могли приходить въ Гассїонъ-Гаверъ; то отвѣтствуютъ они, что Гирамъ все нужное къ сооруженїю какъ своихъ такъ и Соломоновыхъ кораблей, посылалъ сухимъ путемъ въ пристань бывшую на Чермномъ морѣ; что отъ Средиземнаго моря до Іерусалима сухимъ путемъ возимы были камни, сосновыя деревья, и употребляемые на построенїе Храма и Дворца Соломонова, кедры, и что слѣдовательно тѣмъ же самымъ путемъ можно было перевозить въ Гассїонъ-Гаверъ лѣсъ, канаты, и все, служащее къ вооруженїю флота.

Мнѣнїе сїе опровергается еще нѣкоторою вящшею затруднительностїю. Когда Іосафатъ, Царь Іудейскїй, заключилъ союзъ съ Охозїемъ, Царемъ Израильскимъ, то сїи два Государя, въ чаянїи собрать такое же какъ и Соломонъ богатство, соорудили, общимъ иждивенїемъ, флотъ въ Гассїонъ-Гаверѣ, для отправленїя онаго въ Ѳарсисъ: и такъ заключаютъ, что флотъ Чермнаго моря есть тотъ самый, который плылъ въ Ѳарсисъ; но затруднительность сїю хотятъ разрѣшить тѣми же самыми словами текста, въ коемъ думаютъ находить различїе сихъ двухъ флотовъ (а).

(а) Занеже сотвори, и отъиде къ нему, да сотворятъ корабли, еже итти въ Ѳарсисъ, и сотвори корабли въ Гассїонъ-Гаверѣ. 2. Парал. 20. 36. Слѣдуя толкованїю сему, кораблями „еже итти въ Ѳарсисъ„ означается ясно первой флотъ, а изреченїемъ „и сотвори корабли въ Гассїонъ-Гаверѣ„ означается второй.

Чтожъ касается до Америки, увѣряютъ, что дѣти Симовы населили ее; что оная присоединялась тогда къ самой восточнѣйшей части Азіи, и что слѣдовательно извѣстна уже была во время Соломона.

Но совершенноль основательны сіи доказательства? Имя *Перу*, которое производятъ отъ Еврейскаго слова *Фервоимъ*, или *Парваимъ*, и нѣкоторыя другія таковаго же роду подобія; изображеніе острова Атлантида, описаннаго Платономъ въ Тимеи; мореплаванія Ефіоплянъ около полуденнаго Океана, повѣствуемыя Діодоромъ Сицилійскимъ; славное изреченіе Сенеки, сочинителя Трагедіи Медеи, кажущееся быть подлинно прорицающимъ объ открытіи Америки (6); суть главные виды, на коихъ основываются защитники сего мнѣнія. Но пространнѣйшее о семъ изслѣдованіе завелобы насъ въ такія географическія подробности, кои со всѣмъ не принадлежатъ до нашего предмѣта.

Дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ по сему предположенію разсмотрѣть, по какимъ морямъ думаютъ были Соломоновы плаванія. Снаряженный на Чермномъ морѣ флотъ, перешедши Аравійскій заливъ, плылъ, говорятъ, прямо въ Гою, гдѣ, обойдя мысъ Коморинъ, простиралъ путь свой къ Цейлану, въ Бенгалу, и въ другія Индійскія области; путешествіе сіе оканчивалъ онъ въ одинъ годъ. Флотъ же ходившій по Средиземному морю плылъ сперва около береговъ Азіи и Европы, торговалъ на оныхъ товарами своими, потомъ переправлялся чрезъ Гадитанской проливъ, и продолжалъ плаваніе свое даже до Америки, гдѣ нагружался золотомъ; потомъ опять возвращался въ Средиземное море, и приставалъ на возвратномъ пути

(6) Venient annis
Secula seris, quibus Oceanus
Vincula rerum laxat, et ingens
Pateat tellus, Tiphisque Novos
Detegat orbes, nec sit terris
Ultima Thyle. Med.

своемъ къ берегамъ Африканскимъ, на коихъ получалъ онъ слоновую кость и обезьянъ. Сіе второе путешествіе совершалось въ три года.

Такимъ образомъ, по сему предлагаемому мною расположенію, подъ именемъ Офирскаго путешествія, разумѣлось всегда Индійское, поелику Офиръ, сынъ Іектановъ, основалъ въ Индіи нѣкоторое селеніе, которое назвалъ онъ по имени своему; а путешествіе въ Америку называлось Ѳарсійскимъ, поелику Ѳарсисъ въ Священномъ писаніи значитъ обыкновенно Средиземное море, гдѣ начиналось сіе послѣднее путешествіе.

Предпріятіе Царей Израильскаго и Іудейскаго, о коемъ мы недавно упоминали, было не удачно. Флотъ послѣдняго разоренъ былъ, и суда его претерпѣли въ пристанѣ кораблекрушеніе. Священное Писаніе велитъ намъ взирать на сіе приключеніе яко на наказаніе Божіе за преступный союзъ, учиненный Іосафатомъ съ Царемъ нечестивымъ. (a). Л. М. 3108, до Р. Хр. 896.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ бѣдственнаго похода Царей сихъ, Іона сѣлъ на корабль на Средиземномъ морѣ. Богъ повелѣлъ ему направлять путь къ Ниневіи, пышному граду лѣжащему на Тигрѣ, для извѣщенія онаго о угрожающихъ ему нещастіяхъ. Пророкъ сей, устрашенный опасностію своего посольства, вмѣсто исполненія повелѣній Божіихъ, прибылъ въ Іопію, въ коей нашедъ корабль, готовый къ отшествію въ Ѳарсъ, столицу Киликійскую, сѣлъ на оный. Едва корабль сей снялся съ якоря и началъ путь свой, какъ вдругъ поднялась, преужасная буря. Извѣстно, какой съ Іоною воспослѣдовалъ жребій. Проглотившая его рыба выбросила его близъ Ниневіи, гдѣ онъ принужденъ былъ исполнить посольство свое. Сіи суть всѣ мореплаванія, описанныя въ ветхомъ завѣтѣ; въ новомъ же упоминается токмо объ одномъ мореплаваніи С. Павла. Л. М. 3196, до Р. Хр. 808.

(a) 3. Цар. 22. 49.

Сей Апостолъ, по злости Іудеянъ содержимый подъ стражею въ Цезареи, видя себя подвержена неправедному суду Порція Феста, Палестинскаго Правителя, просилъ о переносѣ дѣла своего изъ его суда въ Судъ Кесаревъ. Почему С. Павелъ отправленъ былъ въ Римъ, для учиненія

Л. М. 4066, до Р. Хр. 62.

тамъ ему окончательнаго приговора. Въ Іоппійской пристанѣ посадили его на корабль, принадлежащій Африканскому городу Адрумету, или Адрамиту, Мизійскому городу въ Малой Азіи. Корабль по отшествіи въ море на другой день легъ на якорь у пристани Дидоновой, находящейся въ двухъ стахъ стадіяхъ отъ Тира, на томъ же самомъ берегу. Потомъ, когда корабль пустился опять въ море, принуждены были по причинѣ противныхъ вѣтровъ, держатся острова Кипра, оставляя его всегда въ лѣвѣ. Напослѣдокъ, переплывши Киликійское и Памфильское море, остановились на якорѣ при Мирѣ въ Ликіи. Послику товары въ кораблѣ везены были не въ Италію, то сотникъ, коему С. Павелъ съ прочими узниками препорученъ былъ, сошелъ съ сего корабля, и сѣлъ на другой, шедшій съ хлѣбомъ изъ Александріи въ Римъ. Но отъ перемѣны корабля вѣтръ не перемѣнился. Корабль сей, будучи тяжело нагруженъ, употребилъ долгое время на переходъ 12 миль, дабы дойти до Книда, города и мыса Азіятскаго. Оттуда для прямаго пути въ Италію, надлежало проходить острова Егейскаго моря, но вѣтры принесли кораблеплавателей сихъ къ восточной оконечности острова Кандіи, и принудили остановиться у мыса Салмона. Обошедшижъ съ чрезвычайною трудностію островъ, пристали они къ берегу возлѣ Ѳалассы (а).

И хотя уже было поздое и опасное для плаванія время, однакожъ они пустились немедлѣнно опять въ море, и направили путь свой къ Финикіи, городу лѣжащему къ

(а) Географамъ не извѣстны ни Салмонъ, ни Ѳаласеъ, кои лѣжали отъ острова къ юговостоку.

юговостоку отъ острова, но были вѣтромъ занесены въ южнозападную отъ тогожъ острова сторону. Тогда поднялась страшная буря, которая прибила ихъ къ берегамъ Африки, и подвергла ихъ всѣмъ опасностямъ великаго и малаго Сирта (б). Потомъ сей корабль увлеченъ былъ въ Іонїйское море къ Кефалонїи, а наконецъ сѣлъ на мѣль при островѣ Мальтѣ.

Проживъ три мѣсяца на семъ островѣ, С. Павелъ съ прочими сопутниками своими, отправился паки въ море на одномъ Александрїйскомъ кораблѣ, называемомъ Дїоскоромъ, по той причинѣ, что на носу у онаго находилось изображенїе Кастора и Полюкса, коимъ давали сїе названїе. Они поплыли къ Сиракузѣ, лѣжащей на восточномъ берегу Сицилїи; оттуда, обошедъ островъ сей, направили путь свой къ Режїо въ Италїи, и чрезъ два дни прибыли въ Пузолъ, находящїйся въ осми миляхъ отъ Неаполя. Тутъ кончилось мореплаванїе ихъ; ибо здѣсь обыкновенно приставали Александрїйскїе корабли. Отсюда С. Павелъ поѣхалъ сухимъ путемъ въ Римъ. Безсомнѣнїя сей Апостолъ дѣлалъ еще другїя путешествїя по морю, ибо по словамъ его онъ три раза претерпѣвалъ кораблекрушенїе, не считая Малтїйскаго, но мы не имѣемъ о тѣхъ никакого описанїя. И такъ окончимъ на семъ Исторїю о мореплаванїи Іудеянъ, или народа Божїя, и приступилъ къ мореплаванїю Египтянъ.

Начало Египтянъ, (не заимствуя ничего отъ басенъ и химеръ, приводящихъ памятники ихъ въ толь великое сомнительство), теряется въ отдаленнѣйшихъ временахъ. По общему мнѣнїю, *Мизраимъ*, сынъ Хамовъ, почитается Отцемъ сихъ древнихъ народовъ. Ихъ называли сперва *Мезреянами*, а Египетъ *Мезреномъ*. Арапы и нынѣ еще называютъ Великїй Каиръ *Мезеромъ*. Сїя пространная

(б) Сирты суть два быстротекущїе залива, на берегу Барбарїи лѣжащїе, преисполненные лудъ, объ кои корабли разбиваются.

земля получила потомъ имя *Египта* отъ Царя *Сетозиса*, котораго называли также *Египтусомъ*. Предѣлы Египта суть: къ сѣверу Средиземное море, къ югу Абиссинія и Нубія, къ востоку Чермное море и перешѣекъ Суесъ, а къ западу Барбарія и степь Барка.

Поелику съ Средиземнымъ моремъ сообщается онъ посредствомъ Нила, а съ Океаномъ посредствомъ Чермнаго моря, то весьма удобно ему чрезъ сіи два выхода производить торговлю со всѣми народами вселенной; но долгое время не пользовался онъ таковыми положенія своего преимуществами: Египтяне имѣли великое отвращеніе отъ моря, поелику почитали оное за Тифона, страшнаго непріятеля ихъ Озирису. На плавателей по морямъ взирали они яко на нечестивыхъ; и не прежде какъ уже по долгомъ времени включили они Нептуна въ число боговъ своихъ. Довольствуясь богатствомъ земли своей, не пеклись они ни о чемъ иномъ, какъ токмо чтобъ вести въ ней жизнь благополучную и спокойную, и весьма не охотно впускали къ себѣ иностранцевъ (а). Отъ сего то столь долгое время не знали источниковъ Ниловыхъ. Въ прочемъ входъ въ землю ихъ отвсюду былъ загражденъ: къ западу степи необитаемой Ливіи, безводной и покрытой однимъ токмо горячимъ пескомъ, дѣлали ее непроходимою; къ югу, крутыя горы, и пороги низвергающагося съ высокихъ каменныхъ скалъ Нила, поставляли такія преграды, кои трудно было преодолѣть; къ востоку простирались обширныя поля, преисполненныя болотъ, въ которыя южный вѣтръ наносилъ столько песку, что оный составлялъ нѣкую зыбкую землю, по коей не возможно было ни плавать, ни ходить, поелику оная не имѣла ни довольной жидкости, ни довольной твердости. Къ сѣверу лежало море, на котораго берегахъ каменистыхъ и окруженныхъ прудами стоячей воды, не было ни пристаней ниже какихъ - либо убѣжищъ для кораблей.

(a) Et gentes maluit ortus mirari quam nosce tuos. Lucan. 10.

Египтяне, наскучивъ таковою единообразною жизнїю, возъимѣли нечувствительно охоту къ торговлѣ. Примѣръ жителей Тирскихъ, ихъ сосѣдей, сопряженный съ желанїемъ къ завоеванїямъ и возвышенїю своему, и прельщенїе на иностранныя богатства, произвели въ нихъ рвенїе къ подражанїю онымъ. Съ начала положили они основанїе нѣкоторымъ селенїямъ на берегахъ Средиземнаго моря и Понта Евксинскаго, а потомъ, открывши себѣ торговлю въ малой Азїи и Европѣ, отпускали они въ Грецїю товары Египетскїе, а въ Египетъ привозили Греческїе.

Цари Египетскїе много или мало, слѣдуя склонностямъ своимъ, занимались разпространенїемъ мореходства. Озирисъ, самый древнѣйшїй и самый почтеннѣйшїй изъ всѣхъ Египтянъ, послику они признавали его за Бога, завоевалъ Индїю. Онъ оставивъ по всюду въ ней знаки побѣдъ своихъ, перешелъ чрезъ Геллеспонтъ, покорилъ Фракїанъ, Македона сдѣлалъ Царемъ въ нѣкоторой Провинцїи, названной послѣ Македонїею, утвердилъ Триптолема въ Аттикѣ, и оттуда возвратился опять въ Египетъ.

Наслѣдники Озирисовы почти со всемъ неизвѣстны даже до Сезостриса, который первый, пристрастившись къ завоеванїямъ, отважился выттти за предѣлы Египта. Л. М. 2513, до Р. Хр. 1491.

Ни одинъ изъ предшественниковъ его не проходилъ Чермнаго моря на длинныхъ корабляхъ. Онъ вооружилъ флотъ состоящїй изъ 400 судовъ, и овладѣлъ всѣми островами и городами, лѣжащими на семъ морѣ. Съ сими морскими силами перешелъ онъ чрезъ Аравїйской заливъ, и покорилъ подъ власть свою всѣ морскїе берега даже до Индїи. Онъ имѣлъ на Средиземномъ морѣ еще другой флотъ, коимъ покорилъ большую часть островов Егейскаго моря, называемыхъ Цикладами, также островъ Критъ и Финикїю; но возмущенїе Данаюса брата его, возхотѣвшаго между тѣмъ взойти на ввѣренный ему престолъ, понудило его возвратиться паки въ Египетъ, гдѣ уже

онъ и остался. Въ прочемъ безшумная и свободная жизнь, каковую велъ онъ потомъ, была гораздо полезнѣе для его подданныхъ, нежели всѣ его завоеванія, поелику во многихъ мѣстахъ Египта приказалъ онъ сдѣлать крѣпкія плотины, для охраненія ровныхъ мѣстъ земли отъ тѣхъ опустошеній, каковыя причиняли на оныхъ наводненія Нила; повелѣлъ ископать великое число каналовъ отъ Мемфиса даже до моря, для доставленія городу сему поспѣшнѣйшихъ и легчайшихъ способовъ къ полученію всякаго рода припасовъ. Плиній увѣряетъ, что онъ же выдумалъ и тотъ славный каналъ, который долженъ былъ соединять Чермное море съ Средиземнымъ, и о коемъ мы послѣ говорить будемъ.

Наконецъ, для засвидѣтельствованія признательности своей къ богамъ морскимъ, приказалъ онъ соорудить изъ кедровыхъ деревъ корабль, длиною въ 70 саженъ, позлащенный снаружи, а внутри посеребреный, который наипаче посвятилъ онъ почитаемому въ городѣ Ѳивахъ богу.

Данаюсъ, братъ Сезострисовъ, дабы избѣгнуть наказанія за возмущеніе свое, удалился въ Аргосъ въ Пелопонезѣ, на кораблѣ, который для Греціи былъ нѣчто первое и вновь появившееся; ибо въ оной до того времени употребляемы были токмо простые плоты, подобные тѣмъ, каковые Царь Ерифросъ первый завелъ на Чермномъ морѣ.

Л. М. 3334, до Р. Хр. 670. По смерти Сезострисовой мореходство въ Египтѣ со всемъ оставлено было. Наслѣдники побѣдителя сего занимались токмо созиданіемъ пирамидъ, не помышляя ни мало о морской торговлѣ приходившей въ совершенной упадокъ. Псаммитихъ былъ первый возвратившій ей паки прежнюю ся силу: онъ сдѣлалъ союзъ съ Греками, послалъ къ нимъ молодыхъ Египтянъ, для обученія языку ихъ, и привлекъ Грековъ ради купечествованія въ Египетъ.

Л. М. 3388. до Р. Хр. 616. По немъ наслѣдовалъ сынъ его Нехусъ, или Нехао: сей старался воспользоватся преимуществами, каковыя имѣлъ Египетъ въ разсужденіи мореплаванія. По чему

вознамѣрился онъ исполнить предположенное Сезострисомъ, и соединить оба моря прокопаннымъ отъ Нила до Чермнаго моря каналомъ. И такъ что Сезострисъ задумалъ, Нехао то предпринялъ, а Дарїй гораздо уже далѣе распространилъ оное. Геродотъ оставилъ намъ слѣдующее о каналѣ семъ описанїе: Протяженїе онаго было на четыре дни плаванїя, и двѣ о трехъ ярусахъ веслъ галеры * могли по оному плавать въ рядъ; онъ проведенъ былъ чрезъ одну Египетскую долину, простирающуюся къ Аравїи; воды Ниловы впадали въ него повыше нѣсколько Бюбаста, близъ одного Аравїйскаго предмѣстїя называемаго Патюмономъ. Онъ простирался отъ запада къ востоку подлѣ подошвы одной горы отстоящей неподалеку отъ Мемфиса, и перешедъ чрезъ нѣкоторую часть оной впадалъ въ Аравїйской заливъ, то есть въ Чермное море, которое древнїе народы симъ именемъ называли. Сей каналъ могъ имѣть 50 миль длины по всѣмъ его изворотамъ. Можно было сдѣлать его гораздо короче, проведя прямо отъ Средиземнаго моря къ Чермному, то есть чрезъ Суезскїй перешеекъ; но на семъ пути повстрѣчалась бы гора, отдѣляющая Египетъ отъ Сирїи. Нехао съ великимъ тщанїемъ продолжалъ сей тягостный трудъ, но по потерянїи ста двадцати тысячь человѣкъ погибшихъ въ сей работѣ, наскучилъ оною.

* Trirêmes.

Принужденъ будучи отложить предпрїятїе сїе, обратилъ онъ все свое вниманїе къ мореплаванїю. Приказалъ соорудить великое множество судовъ на обоихъ моряхъ, для употребленїя оныхъ въ случаѣ нужды; и при жизни еще Геродота видны уже были порты, повелѣнїемъ Государя сего построенные, дабы корабли его безопасно въ оныхъ стоять могли. Поелику новыя открытїя приносили ему удовольствїе, то отправилъ онъ изъ Чермнаго моря искусныхъ въ мореплаванїи Финикїанъ, давъ имъ пове-

ленїе пройти полуденное море. Сїи мореплаватели проплыли мысЪ Доброй-Надежды, объехали кругомЪ всю Африку, вошли чрезЪ Галитанской проливЪ вЪ Средиземное море, и по трехлетнемЪ плаванїи прибыли опять вЪ ЕгипетЪ, такЪ что отЪ востока на западЪ зделали они тотЪ же самый кругЪ, какой учинили Португальцы отЪ запада на востокЪ, сЪ тою мнимою славою, яко бы они были первые открытели сихЪ морей. ГеродотЪ, повествуя о путеплаванїи ФиникїанЪ сихЪ, думаетЪ что они весьма много лишняго прибавили и насказали, говоря будто, будучи на краю Африки, видели они Солнце по правую у себя руку. Естьлибы онЪ лучшее имелЪ сведенїе вЪ Географїи, то конечно бы зналЪ, что сему непременно такЪ быть надлежало, поелику северная часть Африки лежитЪ выше тропика Козерога кЪ южному Полюсу.

ПсаммихЪ, сынЪ и наследникЪ НехусовЪ, не оказалЪ ни на море ни на сухомЪ пути ни чего такого, что бы могло славу отца его продлить. АпрїесЪ, получа после него правленїе надЪ ЕгиптомЪ, вооружился на море противЪ жителей острова Кипра и ФиникїанЪ, разбилЪ ФлотЪ ихЪ, атаковалЪ городЪ СидонЪ моремЪ и сухимЪ путемЪ, взялЪ оный, овладелЪ Финикїею и возвратился сЪ великимЪ богатствомЪ вЪ ЕгипетЪ.

Вступившїй на ПрестолЪ по немЪ АмазисЪ, убїйца его, содержалЪ вЪ порядке морскїя силы Египетскїя, овладелЪ островомЪ КипромЪ, и вошелЪ вЪ союзЪ сЪ ПоликратомЪ, ТираномЪ СамосскимЪ, который, по видимому ссужалЪ его кораблями; ибо у сего последняго было до ста большихЪ о пятидесяти веслахЪ судовЪ, на коихЪ велЪ онЪ щастливо войну сЪ Лакедемонянами, овладелЪ многими островами, и ЛезбїанЪ победилЪ на море.

Успѣхи Египтянъ въ мореплаванiи не въ сихъ токмо однихъ малыхъ дѣянiяхъ заключаются; но какъ Исторiя ихъ смѣшивается съ Исторiею Персовъ, то когда станемъ говорить объ однихъ, тогда скажемъ и о другихъ.

Мы бы могли Финикïянъ причислить къ народу Божïю; ибо Iудея и Финикïя непосредственно были смѣжны между собою, и послѣдняя такъ сжата была первою около Средиземнаго моря, что Греки не распознавали ихъ, и древнïе Географы мало различали. Близкое сосѣдство ихъ было также причиною частаго между ими союза. Финикïя вся лѣжала между Їудеею и моремъ; она весьма недалеко простиралась въ ширину, и такимъ малымъ кускомъ земли владѣла, что Соломонъ подарилъ Гираму Царю Тирскому, союзнику своему, двадцать мѣстечекъ, дабы земля его была нѣсколько по ширѣ. Къ сѣверу граничила она съ Галилеею, къ западу съ Средиземнымъ моремъ, къ югу съ Египтомъ, а къ востоку съ частïю Пустой Аравïи.

Финикïане произошли отъ Ханаана, внука Ноева; они толико искусны были въ знанïи мореходства, что изобрѣтенïе онаго имъ приписывали. (a)

Сïи народы, распространившïеся вдоль Средиземнаго моря, отъ острова Ерада даже до горы Кармелы, весьма выгодное занимали положенïе для разъѣздовъ по морю. Все привлекало ихъ къ мореплаванïю: живучи на берегахъ морскихъ приобыкли они къ сей стихïи; приманчивость торговли уменьшала внушаемый оною страхъ; спокойныя пристани представляли имъ безопасное убѣжище для

(a) Prima ratem ventis credere docta Tyrus. То есть: ученый Тиръ былъ первый ввѣрившïй вѣтрамъ суда.

кораблей ихъ, а гора Либанъ предлагала имъ нужный лѣсъ къ сооруженію оныхъ. Они такъ хорошо воспользовались сими выгодами, что естьли не почесть ихъ изобрѣтателями мореплаванія, то по крайней мѣрѣ они первые предприняли дальнѣйшія путешествія, и ополчались военною рукою на морѣ. Прибытокъ и честолюбіе, совокупно, учинили ихъ славнѣйшими въ древности мореплавателями. Будучи стѣснены въ уголку Азіи, возжелали они распространиться далѣе. Надѣжда найти лучшіе климаты побудила ихъ оставить землю свою, а часто бывшія у нихъ землетрясенія принудили ихъ искать себѣ убѣжища въ нѣдрахъ такой стихіи, которую находили они безопаснѣе чемъ зыблющаяся твердь, готовая всегда поглотить ихъ. Распространеніе торговли и искуство ихъ въ мореплаваніи, предали имъ во власть моря, на коихъ они долгое время господствовали, а наконецъ здѣлались грабителями, производя по онымъ разбойничества.

Прежде Соломона не видно чтобъ Финикіяне выходили за предѣлы Средиземнаго моря. Обширные берега онаго удовлетворяли жадности ихъ, и не были еще имъ извѣстны ни Океанъ ни Понтъ Евксинскій. Финикійскіе города, самыми богатѣйшими и славнѣйшими отъ морской торговли учинившіеся, были Сидонъ и Тиръ. Сидонъ долгое время былъ столицею въ Финикіи; но напослѣдокъ сталъ оною Тиръ. Сіи два града, обогатившіеся отъ мореплаванія, почитались самыми цвѣтущими изъ всего востока; Іезекія, предсказывая будущія несчастія съ городомъ Тиромъ, такое даетъ оному описаніе, къ каковому ни одинъ нынѣшній городъ не подходитъ близко. Оный былъ всеобщее гостепріимище всѣхъ куплю дѣющихъ народовъ земныхъ. Многочисленныя суда его распространялись по всѣмъ приморскимъ областямъ, и съ чрезвычайнымъ богатствомъ изъ оныхъ возвращались. Въ гавань его и на рейды въ

великомъ множествѣ стекались всегда корабли отъ всѣхъ народовъ, спѣшащихъ доставлять ему изъ всѣхъ на свѣтѣ климатовъ различныя свои произведенія: Карфагеняне привозили въ него желѣзо, олово и свинецъ; Греція доставляла ему невольниковъ и лошадей; Ефіопляне давали ему черное Африканское дерево и слоновую кость; Сиріане драгоцѣнныя камни, червленицу, холстъ, ленъ и шелкъ; Іудея посылала къ нему пшеницу, балзамъ, медъ, масло и смолу; Дамасская область снабдѣвала его наилучшими винами и шерстяными матеріями; Аравія дѣлилась съ нимъ скотомъ своимъ; Савія не жалѣла для него благовоній своихъ и золота. На конецъ Африка, Азія и Европа, учинясь данниками Тирской пышности, споспѣшествовали безпрестанно къ пріумноженію оной. Убранство и великолѣпіе домовъ его простерлось даже до кораблей: самыя дорогія и рѣдкія деревья употреблялись на строеніе оныхъ; гребецкія банки облагались слоновою костію; флаги были штофные, вышитые золотомъ, а парусы червленныя. Обогащенные торговлею жители его такъ великолѣпно жили, что Священное писаніе называетъ ихъ *Князьями*. Въ прочемъ по недостатку свидѣтельствъ мало что извѣстно о морскихъ ихъ экспедиціяхъ.

Бошаръ хотѣлъ разобрать Исторію основанныхъ Финикіанами селеній. Я не буду слѣдовать мрачнымъ его стезямъ, ниже темнымъ догадкамъ, изъ коихъ большая часть кажутся паче остроумны, нежели справедливы; а остановлюсь токмо на основательнѣйшемъ. Кипръ былъ изъ первѣйшихъ, учиненныхъ Финикіанами, завоеваній. Близкость острова сего возбудила первое ихъ вниманіе; Синнаръ ихъ есть Синирасъ отецъ Адонисовъ. Царь Белъ покорилъ оный паки подъ власть свою, какъ о семъ говоритъ Виргилій. Отъ Кипра пустились они въ Киликію, заняли Низиръ, который, какъ почитали древніе, отдѣленъ

былъ отъ Коса ударомъ трезубца Нептунова. *Низиръ* есть слово Финикійское, которое значитъ *отрывокъ.* Имя *Хїо,* на томъ же самомъ языкѣ значущее *мастика,* открываетъ, что Финикїане господствовали на семъ островѣ, на которомъ оной весьма много находится. Спорады, Циклады, островъ Критъ, нынѣ Кандїя, Сицилїя и Сардинїя были еще селенїями Финикїйскими, и Кадмъ Финикїянинъ населилъ единоземцами своими островъ Родосъ, который содѣлался послѣ столь славнымъ по морскимъ экспедицїямъ своимъ.

Геркулесъ ихъ дошелъ до Гадитанскаго пролива; и какъ онъ не осмѣлился пуститься далѣе, то увѣряютъ, что поставилъ онъ тамъ два столпа съ таковою надписью: Nec plus ultra, то есть: *Далѣе итти неможно.* Но мореплаватели отважнѣйшїе, нежели сей славный странствователь, осмѣлились переступить чрезъ сїи предѣлы и за оными построили многїе города (а). Тартесъ, одно изъ древнѣйшихъ селенїй, основанныхъ ими тамо, названо было Финикїйскимъ именемъ Гадиръ. Они чрезъ Чермное море распространились также по Океану, вошли въ Аравїйской и Персидской заливы, и пробрались даже въ Индїю, въ коей заняли Тапобрану.

(а) Страб: Кн. 1.

КНИГА ВТОРАЯ.

О

МОРЕПЛАВАНІИ ПЕРВЫХЪ МОНАРХІЙ.

Мы имѣемъ мало описаній достопамятныхъ о первыхъ Монархіяхъ, и то самое, что до насъ дошло, есть такъ темно и баснословно, что надлежитъ конечно быть многимъ упущеніямъ въ предлагаемой нами части сей Исторіи.

Первая въ свѣтѣ Монархія, то есть Ассирійская, славится войнами своими и перемѣнами правительствъ; что касается до мореплаванія, оное не гремитъ въ ея Исторіи. Царствованіе Немвродово, основателя ея, и Ниново представляютъ намъ обширнѣйшія намѣренія и многочисленныя завоеванія; но морскихъ подвиговъ или очень мало, или совсѣмъ нѣтъ. Ниневія, основанная какъ думаютъ Немвродомъ, а построенная Пиномъ на Тигрѣ, есть можетъ статься одинъ токмо коммерческій городъ, по положенію котораго судить можно, что Ассиріанѣ, въ Царствованіе Государя сего, имѣли нѣкоторое понятіе о мореплаваніи.

Семирамида, въ честолюбіи самому Александру не уступавшая, и паче всѣхъ предшественниковъ своихъ высокомыслящая, распространивъ области свои, открыла себѣ посредствомъ мореплаванія путь къ дальнѣйшимъ еще завоеваніямъ.

Нѣкоторые Авторы приписываютъ ей изобрѣтеніе галеръ, и повѣствуютъ, якобы она приказала построить ихъ три тысячи, вооруженныхъ мѣдными шпиронами, *сирѣчь острыми въ носу трезубцами*. Она имѣла мужество сѣсть на сіи суда, и плыть къ Индійскимъ и Ефіопійскимъ берегамъ, для познанія нравовъ и силъ жителей сихъ странъ. Она вознамѣрилась покорить Индію: собрала для сего сильную армію, и велѣла привезти изъ

Финикїи и Кипра знатное количество лѣса для построенїя судовъ, на коихъ бы удобно было переправить войски чрезъ Индъ рѣку.

По прибытїи къ берегамъ сей рѣки нашла она тамъ ожидающаго ее съ равными силами Индїйскаго Царя Ставробата; онъ имѣлъ уже на Индѣ четыре тысячи судовъ, сдѣланныхъ по тогдашнему обыкновенїю изъ тростника. Сїе морское сраженїе было ужасное: Индїйцы остались побѣжденными, и потерявши около двухъ тысячь малыхъ судовъ своихъ, обратились въ бѣгство.

Семирамида велѣла навесть мостъ изъ судовъ чрезъ
Л. М. 2789, до Р. Хр. 1215. рѣку, перевела по оному всю армїю свою, и погналась за бѣгущими Индейцами. Сїи собрались паки и устроились въ бой: сраженїе началось снова съ большимъ еще жаромъ. Семирамида, не имѣвши слоновъ, присоединила къ силѣ хитрость: приказала набить сѣномъ бычачьи кожи, помѣстя въ нихъ людей; сїи чучелы посаженныя на спину верблюдовъ представляли похожую на Индїйскихъ слоновъ громаду. Хитрость сїя возъимѣла было сперва свой успѣхъ; ибо устрашенныя непрїятельскїя лошади произвели великое повсюду замѣшательство; но когда Ставробатъ, видя войски свои колебавшимися, противупоставилъ симъ поддѣланнымъ слонамъ настоящихъ, то животныя сїи въ войнѣ уже натворѣвшїе, произвели вездѣ кровопролитїе и безпорядокъ. Тогда устрашились Ассирїане. Царь Индїйской гнался за Семирамидою, настигъ ее, ранилъ, и едва было не схватилъ; однакожъ она успѣла избавиться отъ него, перешла по наведенному ею чрезъ Индъ мосту, приказала разорвать его, и съ остальною армїею своею удалилась въ области свои.

Царствованїя Нинїаса, сына Семирамидина, и тритцати наслѣдовавшихъ по немъ Царей даже до Сарданапала, послужили токмо къ прїуготовленїю паденїя сей цвѣтущей Имперїи, и показываютъ одни токмо памятники

постыдной нѣги. Отъ остатковъ Монархїи Ассирїйской произошли три сильныя Монархїи: Мидїйская, Вавилонская, и Персидская; но сїи воинственныя державы такъ мало пеклись о мореплаванїи, что когда Салманассаръ вооружилъ шесдесятъ судовъ, на коихъ находилось восемь сотъ гребцовъ, для покоренїя Тирянъ, тогда Тиряне съ двенадцатью токмо кораблями атаковали флотъ ихъ, совершенно его разбили, и пять сотъ человѣкъ взяли въ плѣнъ (а).

Навуходоносоръ былъ первый Царь Вавилонскїй, котораго морскїе подвиги достойны того, чтобъ помѣстить ихъ въ сей Исторїи: можно видѣть, что я хочу говорить о взятїи Тира. Городъ сей, по мнѣнїю нѣкоторыхъ писателей, построенъ былъ ушедшими Сидонянами, которые, по взятїи Асколонитами Сидона, отправились на судахъ, для поселенїя своего въ первомъ выгоднѣйшемъ для нихъ мѣстѣ. Нашедъ одну пространную, и со всѣхъ сторонъ окруженную водою, каменную гору, рѣшились они основать на оной свое жилище; но какъ гора сїя была сухая и безплодная, то наносили они на нее земли, для заведенїя на ней садовъ и строенїй. Отъ сего то у Пророка Исаїи названъ Тиръ *дщерїю Сидона*. Онъ имя свое получилъ отъ каменной горы, на коей построенъ былъ; ибо *Тиръ* на Еврейскомъ языкѣ значитъ камень или скалу. Иныежъ основанїе Тира приписываютъ *Тирасу*, седмому сыну Їафетову. Їосифъ не полагаетъ его быть толикїя древности, и построенїе онаго считаетъ не далѣе какъ токмо за 240 лѣтъ до Храма Соломонова; а Квинтъ Курцїй относитъ его ко временамъ Агенора, сына Кадмова.

Л. М. 3420. до Р. Хр. 584.

Не входя въ дальнѣйшее еще разбирательство о началѣ Тира, городъ сей, по мнѣнїю Отца Калмета, раздѣленъ былъ на двѣ части, изъ коихъ одна называлась старымъ, а другая новымъ Тиромъ. Старой лѣжалъ на берегу

(а) Іосиф. лѣтопис. Кн. 9. Ст. 14.

матерой земли; а новой выстроенъ былъ на каменной горѣ на островѣ, и оба они соединялись одною насыпною плотиною, каковую приказалъ сдѣлать Гирамъ, при жизни еще Соломона, какъ о семъ говоритъ Іосифъ. Тиръ въ самомъ блистательнѣйшемъ былъ тогда состояніи, когда Навуходоносоръ осадилъ его. Сей Государь набогатившись похищеніемъ Іудейскихъ сокровищъ, захотѣлъ пріумножить оныя разграбленіемъ Тирянъ. Тридцать лѣтъ держалъ онъ городъ ихъ въ осадѣ, и на конецъ взялъ оный. Старый Тиръ не долго сопротивлялся; но новый толикаго стоилъ ему труда, что у осаждающихъ, въ продолженіе сего предпріятія, сдѣлалась, какъ говоритъ Іезекіиль: „*всяка глава плѣшива, и всяко рамо наго.*„ Навуходоносоръ принужденъ былъ починить насыпную между островомъ и берегомъ плотину, которую, какъ видно, Тиряне разорвали, и необходимо надлежало ему имѣть флотъ, безъ котораго кажется не возможно было взять сего окруженнаго моремъ мѣста. Хотя Священное писаніе умалчиваетъ о морскихъ сего побѣдителя силахъ, однакожъ невозможность взять островъ безъ кораблей отъемлетъ всякое о семъ сомнѣніе. Мы послѣ увидимъ, что и Александръ тожъ самое мѣсто не могъ иначе взять, какъ моремъ. Догадка наша еще болѣе основывается и на самомъ писаніи: Іезекіиль предсказалъ, что по взятіи Тира, войски побѣдителевы пойдутъ паки на корабляхъ въ верьхъ Нила; а нѣкоторые писатели утверждаютъ, что и въ самомъ дѣлѣ, послѣ опустошенія Тира и Египта, Навуходоносоръ повелъ флотъ свой въ верьхъ Нила, дабы наказать живущихъ при берегахъ Чермнаго моря Арапов, подававшихъ помощь Египтянамъ.

Паденіе Тира, царствовавшаго тогда на морѣ, не могло конечно иначе быть, какъ дѣломъ рукъ сильнаго Монарха, оружію коего все покорялось, но причины онаго надлежитъ смотрѣть гораздо выше. Сей пышный градъ

утѣшался несчастїями Їерусалима, и раззоренїемъ его мнилъ обогатиться. Богъ наказуя таковую неистовую радость его, вооружилъ противъ него Навуходоносора, избравъ онаго мстителемъ за народъ свой, и удостоивъ его быть орудїемъ своего гнѣва.

Совершенное разрушенїе Монархїи Ассирїйской и Вавилонской Имперїи, весьма скоро за разоренїемъ Тира воспослѣдовавшее, и возниченїе Персидскаго Царства на развалинахъ сихъ обширныхъ областей, представляютъ великїя историческїя произшествїя, но въ коихъ мореплаванїе не имѣетъ почти никакого участїя.

Киръ, главный производитель всѣхъ сихъ перемѣнъ, употреблялъ токмо сухопутныя войска: Ксенофонтъ, писатель жизни сего побѣдителя, не упоминаетъ ни о какомъ морскомъ подвигѣ; онъ говоритъ, правда, о выходѣ его въ море для завладѣнїя Кипромъ и Египтомъ; но не входитъ ни въ какїя подробности о сихъ экспедицїяхъ. И такъ я нахожу себя принужденнымъ предложить кратко о наипрекраснѣйшемъ Азїатскомъ Царствѣ.

Недостатокъ въ морскихъ силахъ уменшалъ славу Кирову, и часто островскїе жители власть его презирали. Государь сей, побѣдивъ и взявъ въ плѣнъ Креза, Царя Лидїйскаго, и овладѣвъ Сардомъ, столицею его, поставилъ Л. М. 3456. Правителемъ надъ оною Табала, родомъ Персїянина, а до Р. Х. сокровища свои ввѣрилъ Пактїю, Лидїянину, коего вѣрность 548. почиталъ онъ превыше сего опаснаго искушенїя; но вскорѣ имѣлъ причину раскаяваться въ своей довѣренности: Пактїй увезъ на судахъ всѣ Крезовы богатства: онъ взбунтовавъ согласилъ съ собою всѣ приморскїя земли, около Лидїи лѣжащїя, и пошелъ осаждать Сардъ; но узнавъ, что Киръ идетъ на него съ войскомъ, оставилъ станъ свой, и убѣжалъ въ Кюмесъ. Жители города сего, будучи понуждаемы Киромъ къ выданїю ему Пактїя, не знали что дѣлать. Оракулъ угрожалъ имъ гнѣвомъ своимъ, естьли они его

выдадутъ, а Киръ, естьли не выдадутъ: для освобожденія себя отъ таковаго сомнительства, рѣшились они отослать его въ городъ Митилену на островѣ Лезбосѣ. Мазаресъ, Генералъ Кирова войска, сталъ требовать Пактія у Митиленянъ; а сіи положили за него цѣну. Кюмесскіе жители, извѣстясь о семъ, отправили корабль въ Митилену, увезли Пактія, и отослали его на островъ Хіо; но жители онаго, обольщенные обѣщаніями Кировыми, выдали ему Пактія. Если бы Государь сей имѣлъ у себя суда, то бы не могъ онъ удерживаемъ быть столь малыми затрудненіями: единственный недостатокъ въ мореходныхъ силахъ былъ препятствіемъ его храбрости.

Гарпагъ, другой Генералъ Кировъ, вошедъ въ Іонію съ войсками, осадилъ Фокею, главный городъ Іонянъ. Фокеане, видя себя повергающимися во власть Персовъ, испросили одинъ день сроку на размышленіе, и въ теченіе онаго забравъ на суда женъ своихъ, дѣтей, имѣнія, и даже истукановъ изъ храмовъ своихъ, удалились на островъ Хіо; но не могши согласиться съ жителями сего острова, рѣшились уклониться въ Сирну, гдѣ, презъ двадцать лѣтъ, устроили городъ, называемый Алалія. Прежде еще отправленія своего, сдѣлали они дессантъ въ Фокею, напали въ расплохъ на гарнизонъ Персовъ, и порѣзали оный. Потомъ, сѣдши опять на суда, бросили въ море кусокъ желѣза, и торжественно поклялися тогда развѣ возвратиться въ отечество свое, когда желѣзо сіе появится всплывшимъ поверьхъ воды. Нѣкоторые изъ нихъ устояли въ словѣ своемъ; а другіе, влекомы будучи любовію къ отечеству, нарушили сію достойную смѣха клятву съ такою же легкостію, съ какою учинили оную.

А. М. 3461. до Р. Хр. 543.

Первые, по прибытіи своемъ въ Сирну, поселились въ ней; но какъ стали потомъ укрѣпляться въ оной, то возбудили противъ себя зависть сосѣдственныхъ народовъ. Тиряне и Карѳагеняне, соединившись вмѣстѣ, атаковали

ихъ съ шестьюдесятью судами. Фокеане вышли на встрѣчу къ нимъ съ равнымъ числомъ, и дали имъ бой на Сардинскомъ морѣ, который кончился весьма несчастливо для Фокеанъ. Правда, они остались побѣдителями, но побѣда ихъ весьма дорого имъ стоила; ибо сорокъ судовъ ихъ потоплены; а у прочихъ двадцати поломаны были шпироны. Фокеане видя невозможность стоять противу завидующихъ имъ сильныхъ сосѣдей, починили суда свои, на кои забравъ все то, что лучшаго у себя имѣли, и посадя на оныя семейства свои, пріобыкшія къ странствованіямъ, удалились въ Режъ, гдѣ и поселились.

Тейенцы, другіе Іонійскіе народы, такимъ же самымъ способомъ избавились отъ злости Гарпаговой, ушедъ во Ѳракію, гдѣ построили они городъ Абдеръ. Тѣ изъ сихъ народовъ, кои попались во власть Персовъ, не могли бы лишиться свободы своей, естьлибъ послушались Віанта, который совѣтовалъ имъ для сысканія себѣ убѣжища ѣхать на судахъ въ Сардинію, и тамъ поселиться. Книдяне такъ надѣялись на безопасность островскихъ жителей, и что Киръ со всѣми силами своими, по неимѣнію судовъ, ни чего имъ сдѣлать не можетъ, что, услыша о приближеніи Гарпага, хотѣли прокопать тотъ перешѣекъ, который землю ихъ дѣлалъ полуостровомъ; но когда вопросили они о семъ Дельфійскаго Оракула, то оный отвратилъ ихъ отъ сего намѣренія слѣдующимъ отвѣтомъ.

Оставте трудъ напрасный,
Рыть перешѣекъ сей опасный:
Когдабъ отецъ боговъ на то благоволилъ,
Онъ островомъ его безъ васъ бы сотворилъ. (a)

(a) Istmum neque aggetate, neque fodite,
Jupiter namque ipſe, ſi placuiſſet feciſſet inſulam.

И такъ Киръ самымъ опытомъ узналъ, что не имѣющій владычества на морѣ, не можетъ присвоять себѣ онаго на сухомъ пути.

Камбизъ, сынъ его и наслѣдникъ, возчувствовалъ необходимость имѣть корабли, какъ для сохраненія учиненныхъ отцемъ его завоеваній, такъ и для пріобрѣтенія новыхъ. Чего ради заключилъ онъ союзъ съ Финикіянами и жителями острова Кипра. Сіи островитяне снабдили его морскими силами, помощію которыхъ, какъ видно, овладѣлъ онъ Пелузою при устьѣ рѣки Нила; ибо онъ тогда же обратилъ оружіе свое на Египетъ. Вскорѣ послѣ взятія мѣста сего Египтяне были разбиты, и убѣжали въ Мемфисъ. Царь Персидскій послалъ къ нимъ на Митилинскомъораблѣ провозвѣстника своего, долженствовавшаго понуждать ихъ къ здачѣ; но они убили сего посланнаго со всѣми его сопровождателями, и разломавъ корабль сей въ мѣлкія части, носили обломки онаго съ великимъ торжествомъ. Камбизъ не оставилъ ихъ безъ
А. М. 3479. до Р. Х. 525. наказанія за сію наглость: онъ овладѣлъ Мемфисомъ, и всю тяжесть мщенія своего возвергъ на тѣхъ, кои оскорбили его убіеніемъ провозвѣстника. Послѣ сего весьма легко завоевалъ онъ Египетъ.

Потомъ съ тѣмъ же самымъ флотомъ хотѣлъ онъ итти войною на Карѳагенцовъ; но какъ Финикіане, будучи общими союзниками обѣихъ державъ, отказались отъ сраженія съ такимъ селеніемъ, кое было силное отъ нихъ, и которое клятвою обязались они покровительствовать и оборонять, то отказомъ симъ, котораго Царь Персидскій не могъ опровергнуть, спасся Карѳагенъ, по силику съ остальнымъ флотомъ не возможно было осадить онаго. Камбизъ просилъ еще кораблей у Поликрата, Тирана Самосскаго, который и послалъ къ нему сорокъ судовъ съ Самієнцами, роптавшими противу насильственнаго ими завладѣнія его, и отъ которыхъ желалъ онъ избавиться; но

флотъ сей былъ для него безполезенъ; ибо посаженные на немъ Самїенцы, проникнувъ Поликратовы намѣренїя, не довели его до назначеннаго мѣста. Тиранъ сей имѣлъ сто вооруженныхъ кораблей, кои, обезопасивая власть его отъ внѣ, содержали въ страхѣ собственныхъ его подданныхъ.

Камбизъ, коего силы государственныя состояли только въ сухопутныхъ войскахъ, имѣлъ въ службѣ своей вспомогательные флоты; за что получилъ онъ нѣкогда наиласкательнѣйшую себѣ похвалу: будучи въ одномъ великомъ собранїи, захотѣлось ему узнать, какъ думаютъ о немъ, и о Кирѣ отцѣ его; на сїе отвѣтствовано ему было, что онъ превосходитъ Кира, по елику разпространилъ области свои завоеванїемъ Египта и владычествуетъ на морѣ; къ чему Крезъ, при семъ случаѣ находившїйся, присовокупилъ еще слѣдующее остроумное ласкательство: Киръ, сказалъ онъ, превосходитъ васъ въ томъ, что оставилъ по себѣ такова сына, какъ вы.

По смерти Камбизовой, Персидская Имперїя въ свое время ощутила также нѣкоторые, поколебавшїе ее, удары; но паки утверждена была Дарїемъ, сыномъ Гистасповымъ, Л. М. 3483. до Р. Х. 521.
котораго конюшїй его, хитростїю своею сдѣлалъ главою сей Монархїи. Начало царствованїя его было спокойно, и онъ занимался токмо попеченїемъ о доходахъ своихъ; но въ тогдашнее время благоразумный Государь, пекущїйся единственно о внутреннемъ благѣ и удовольствїи своихъ подданныхъ, не былъ въ отличномъ уваженїи; надлежало быть завоевателемъ для блистанїя въ очахъ славолюбиваго народа. Дарїй возчувствовалъ любовь къ завоеванїямъ отъ слѣдующаго съ нимъ случая: Будучи на охотѣ, уязвилъ онъ себѣ ногу, отъ которой болѣзни исцѣлилъ его Демоседъ, уроженецъ изъ Кротона, содержавшїйся плѣннымъ въ Сузѣ. Излѣченїе Царя Персидскаго и Атоссы жены его, отъ чувствуемой ею въ груди боли, составило щастїе Кротонскому врачу; но врожденная любовь къ

отечеству, въ сердцѣ его сильнѣе дѣйствующая, нежели желанїе богатствъ, побудила его искать всякихъ способовъ къ возвращенїю паки въ страну свою со славою; чего ради просилъ онъ Атоссу, склонить Дарїя къ войнѣ съ Греками, и отправить его на судахъ, кои вооружитъ онъ для сего похода. Атосса, имѣвшая довольно честолюбїя, радуясь что можетъ симъ случаемъ отвлечь Дарїя отъ праздной жизни, каковую казалось онъ препровождалъ, выбрала такое благопрїятнѣйшее для себя время, въ которое обыкновенно нѣжный супругъ прїемлетъ всякїя отъ жены своей внушенїя, и представила ему, что въ такихъ лѣтахъ, въ какихъ онъ тогда находился, безславно для него жить въ праздности; что бездѣйствїе царствованїю его наноситъ поношенїе; что повелѣвая таковыми пылкими къ войнѣ народами, время уже показать имъ наслѣдственную въ себѣ предшественниковъ своихъ храбрость; и что на конецъ война есть ремесло Государей. Грецїю она представила ему яко землю достойную его завоеванїя. Дарїй возпламенясь сими словами, послалъ врача Демоседа по всѣмъ берегамъ Грецїи. Позволено было ему раздѣлить имѣнїе свое съ домашними своими, и послать къ родственникамъ своимъ корабль нагруженный богатыми вещами.

Демоседъ, и находившїеся съ нимъ Персы, сѣли на суда въ Сидонѣ, гдѣ вооружили они двѣ о трехъ ярусахъ веслъ галеры, и отправились для исполненїя препорученнаго имъ дѣла. Проѣхавъ самыя знатнѣйшїя мѣста Грецїи, присшали они къ Таренту въ Италїи. Аристофилидъ, Царь Тарентинскїй, уроженецъ Кротонскїй, по согласїю съ единоземцемъ своимъ, задержалъ Персовъ, яко шпїоновъ, и завладѣлъ кораблями ихъ. Демоседъ, коему одному далъ онъ токмо свободу, удалился въ Кротонъ въ домъ свой; а Аристофилидъ, не имѣвшїй уже больше никакого предлога къ удерживанїю Персовъ, отослалъ ихъ назадъ съ однимъ только кораблемъ. Сїи, пылая желанїемъ отмстить за себя,

пустились въ Кротонъ съ тѣмъ намѣренїемъ, чтобъ увезти Демоседа. Кротонскїе жители воспротивились тому, и поступили худо съ Персїянами, которые лишась послѣдняго, оставшагося имъ корабля, возвратились назадъ, и возвѣстили Дарїю о вѣроломствѣ Демоседовомъ. Сїе было источникомъ возгорѣвшихся потомъ величайшихъ браней, и искрою, произведшею пагубный пожаръ, опустошавшїй, въ продолженїе многихъ вѣковъ, Грецїю. Симъ то образомъ самыя величайшїя въ свѣтѣ происшествїя раждаются иногда отъ самыхъ малыхъ причинъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ сего приключенїя, Дарїй выслалъ въ море флотъ, будучи побуждаемъ къ тому благодарностїю. Когда былъ онъ еще частнымъ человѣкомъ, тогда Силозонъ, братъ Поликратовъ, подарилъ ему великолѣпную епанчу. Силозонъ, по возшествїи его на престолъ, явился къ нему. Дарїй, награждая щедроту прежняго друга своего, хотѣлъ удѣлить ему нѣчто отъ своихъ богатствъ; но Силозонъ, вмѣсто принятїя сихъ даровъ, просилъ у него помощи для овладѣнїя островомъ Самосомъ, подъ предлогомъ яко бы имѣетъ на оный нѣкое законное право. Царь Персидскїй выслалъ въ море флотъ, подъ начальствомъ Отанеса, который вскорѣ отнялъ островъ сей у завладѣвшихъ имъ насильно, и отдалъ оный во власть Силозону.

Счастливый похода сего успѣхъ поощрилъ Дарїя къ наибольшимъ еще замысламъ: онъ сталъ помышлять о наказанїи Вавилона за возмущенїе и сложенїе съ себя ига; и по двадцати-мѣсячной осадѣ усмирилъ гордость мятежнаго града сего, разоренїемъ онаго.

Дарїй вознамѣрился потомъ отмстить также и за жестокое оскорбленїе, возбужденное въ немъ отказомъ ему дочери Царя Скифскаго, которую требовалъ онъ себѣ въ супружество. Онъ по сей причинѣ понесъ войну въ Скифїю, и вооружился противу Скифовъ сухимъ путемъ

и моремЪ. Сухопутная армія его состояла изЪ семи сотЪ тысячь человѣкЪ, кромѣ конницы; а флотЪ изЪ шести сотЪ судовЪ, набранныхЪ отЪ ІонянЪ, ЕолянЪ, и жителей береговЪ ГеллеспонтскихЪ. Дарій отправился изЪ Сузы, столицы Имперіи своей, дабы самому предводительствовать войсками. Для переправленія оныхЪ за БосфорЪ, приказалЪ онЪ чрезЪ сей каналЪ навести мостЪ, который простирался отЪ Калхидоніи до Византіи. Описаніе оному здѣлаю я, когда буду говорить о КсерксовомЪ мостѣ, построенномЪ по семужЪ самому образцу.

Между тѣмЪ, какЪ мостЪ сей сооружали, Дарій сѣлЪ на одинЪ изЪ кораблей своихЪ, и поплылЪ кЪ СіанскимЪ островамЪ, кои суть двѣ великія скалы, лѣжащіе при входѣ вЪ ПонтЪ-Евксинскій. ОнЪ между тѣмЪ временемЪ желалЪ обозрѣть море сіе, которому ГеродотЪ полагаетЪ одиннадцать тысячь сто стадій длиннику и три тысячи двести поперечнику. УдовлетворивЪ любопытству своему, возвратился онЪ паки кЪ Босфору, дабы видѣть переходЪ войска своего. По совершеніи моста, МандроилЪ, Саміянинъ, зодчій онаго, изобразилЪ памяти достойное зданіе сіе на картинѣ, которую посвятя Юнонѣ, поставилЪ вЪ храмѣ ея сЪ надписью вЪ стихахЪ; а Дарій, для всегдашняго напоминовенія о семЪ славномЪ переходѣ, приказалЪ воздвигнуть на обѣихЪ сторонахЪ Босфора два столпа изЪ бѣлаго камня, на коихЪ повелѣлЪ вырѣзать имена всѣхЪ составлявшихЪ войско его народовЪ.

ПерешедЪ по мосту со всѣми войсками своими, направилЪ онЪ путь свой чрезЪ Ѳракію. ФлотЪ его, лѣжавшій на якорѣ близЪ СіанскихЪ острововЪ, поплылЪ кЪ устьямЪ Дуная. МостЪ, который сдѣланЪ былЪ изЪ соединенныхЪ и сцѣпленныхЪ вмѣстѣ судовЪ, слѣдовалЪ за флотомЪ. Дарій приказалЪ навести оный чрезЪ Дунай, для перехода войскамЪ, и потомЪ велѣлЪ было его разломать; но ГенералЪ Митиленской представилЪ ему, что весьма нужно его

сберечь; что щастіе оружія перемѣнчиво, и что естьли паче чаянія повстрѣчается съ нимъ какое злоключеніе, то разореніемъ сего моста лишитъ онъ себя средствъ къ учиненію свободнаго назадъ отступленія. Дарій принялъ совѣтъ сей за благо, сохранилъ мостъ, и отдалъ оный на сбереженіе Іонянамъ, коихъ оставилъ на берегахъ Дуная. Онъ даже позволилъ имъ сѣсть опять на суда свои и ѣхать во свояси, естьли чрезъ шесдесятъ дней не возвратится онъ изъ похода своего противъ Скифовъ.

Срокъ сей безъ сумнѣнія былъ нѣсколько кратокъ, и Дарій худо зналъ тѣ народы, съ коими шелъ сражаться; онъ встрѣтилъ гораздо болѣе сопротивленія, нежели ожидалъ, и принужденъ былъ отступить назадъ съ великою потерею. Поспѣшающу ему къ Дунаю, Скифы, имѣвшіе у себя превосходную конницу, предъупредили его прибытіемъ къ устью сей рѣки, гдѣ нашли они Персидскій флотъ, и стрегущихъ мостъ Грековъ. Они употребили всѣ свои силы къ склоненію ихъ отстать отъ Дарія, и разломать мостъ, представляя имъ, что они могутъ сдѣлать сіе безъ всякаго нарушенія вѣрности, поелику назначенные Даріемъ шесдесятъ дней уже прошли. Греки составили совѣтъ, и рѣшились на то, что по видимому хотя и благопріятствовало Скифамъ, однакожъ безъ всякаго злонамѣренія для Дарія: они отвели часть моста примыкавшую къ Скифскому берегу. Скифы подумавъ, что мостъ весь совершенно разоренъ, пошли на встрѣчу къ Персамъ, которые вскорѣ по отшествіи ихъ прибыли къ берегамъ Дуная. Дарій, не видя моста, подумалъ, что ему измѣнили; но Греки, узрѣвъ его, навели опять мостъ, и войско сѣло на суда. Такимъ образомъ одна часть Персовъ, избѣгшихъ отъ меча Скифовъ, спаслась чрезъ Фракію, а другая на судахъ.

Походъ Даріевъ противъ Скифовъ былъ неудаченъ; но тотъ, который предпріялъ онъ въ Индію, имѣлъ лучшій

успѣхъ. Присовокупя къ завоеванїямъ своимъ вновь отысканную имъ немалую часть Азїи, хотѣлъ онъ найти также и устье рѣки Инда; чего ради послалъ въ Индїю славнаго Географа, по имени Сцилакса, отъ котораго осталось намъ одно небольшое сочиненїе. Сей Сцилаксъ, весьма искусный въ мореплаванїи, построилъ суда при берегахъ той рѣки, коей хотѣлъ онъ узнать теченїе. Вооружа ихъ и сѣвъ на одно изъ оныхъ, направилъ онъ путь свой къ морю: онъ плылъ на западъ, проѣхалъ мимо всѣхъ береговъ, и по двухлѣтнемъ съ половиною плаванїи, вошедъ въ Чермное море, окончилъ путешествїе свое въ той пристани, откуда посланные Нехусомъ Финикїане начали оное, когда пошли обходить Африку. Сцилаксъ, по возвращенїи своемъ, обо всемъ видѣнномъ имъ донесъ Дарїю. Государь сей, освѣдомлявшiйся объ Индїи единственно для завоеванїя оной, ополчился сильно сухимъ путемъ и моремъ, и нѣкоторую часть ея присоединилъ къ своей Имперїи.

Между тѣмъ, не теряя ни когда изъ виду завоеванїя Грецїи, всегда желалъ онъ обратить на оную оружїе свое. Нечаянный случай подалъ ему удобный къ тому поводъ; Артафернъ, братъ его, бывшїй правителемъ всѣхъ приморскихъ мѣстъ въ Азїи, имѣлъ подъ начальствомъ своимъ немалое число кораблей. Нѣкоторые жители острова Накса, одного изъ Цикладскихъ, будучи изъ онаго
Л. М. 3500. до Р. Х. 504. выгнаны, пришли къ Аристагору, правителю Милетскому, съ прозбою, чтобъ онъ силою оружїя своего ввелъ ихъ опять въ ихъ землю. Аристагоръ, не захотя упустить случая, столь благопрїятнаго для намѣренїй, каковыя Государь его имѣлъ противу Грецїи, началъ дѣйствительно помышлять объ овладѣнїи Наксомъ, подъ предлогомъ введенїя въ него изгнанныхъ.

Съ симъ намѣренїемъ прибылъ онъ къ Артаферну, и сталъ просить у него ста судовъ для сего предпрїятїя,

Артаферн предложеніе сіе принял с радостію, и обѣщал до двух сот судов дать ему, естьли только Дарій намѣренія их не отринет. Сей Государь, прельщаясь блеском изображаемых пред ним завоеваній, охотно согласился на такое предпріятіе, которое столь много честолюбію его льстило. И так действительно собран был флот из двух сот судов, под начальством Мегабата, который, дабы скрыть стремленіе свое на Накс, поплыл к Геллеспонту и остановился на якорѣ у острова Хіо, гдѣ в ожиданіи благополучнаго вѣтра, могущаго поставить его в Накс, сдѣлал флоту своему смотр, на котором примѣтя, что с одного Миндійскаго корабля всѣ служители ушли, для отвращенія впредь таковых упущеній, велѣл наказать за сіе Капитана. Аристагор, будучи друг сему офицеру, взял сторону онаго. Мегабат, раздраженный гордым поступком, с каким Аристагор заступался за виноватаго, поссорился с Губернатором Милетским, и жертвуя всѣм негодованію своему, послал тайно корабль в Накс, дабы предварить жителей о угрожавшем им непріятельском нашествіи. Предупрежденные Наксянѣ взяли свои осторожности, и как в предпріятіи неудалось, то Мегабат не преминул обезславить Аристагора в худом успѣхѣ, коего сам он был содѣтелем. Л. М. 3501. до Р. Х. 503.

Аристагор, видя себя озлословленным пред Государем, разсудил предупредить несчастіе свое возмущеніем против него. Будучи Іонянином, и Губернатором одного Іонійскаго города, постарался он вдохнуть в соотечественников своих желаніе к независимости, коим сам он пылал, и дабы побудить их к сложенію с себя ига Персов, тотчас предал он похищенную им власть в их волю. Іонянѣ, льстя себя надеждою скорой свободы, охотно предложенія сіи приняли, и ополчились против Дарія. Аристагор, не удовольствовавшись Л. М. 3502. до Р. Х. 502.

тѣмъ, побудилъ всѣхъ тирановъ, сосѣдей своихъ, послѣдовать сему примѣру, и всю Грецію подвигъ на брань. Аѳинцы прислали къ нему двадцать военныхъ кораблей подъ управленіемъ Меланѳія, и когда флотъ сей усиленъ былъ еще пятью трехъ-ярусными галерами Етрурцовъ, то всѣ союзныя войска, вышедъ изъ судовъ при устьѣ Каистра, направили путь свой вдоль сей рѣки, для осажденія Сарда. Не великаго труда стоило имъ зажечь городъ сей, построенный изъ тростника, но войско собравшихся вмѣстѣ въ великомъ множествѣ Лидіанъ и Персовъ понудило ихъ возвратиться паки на свои суда. Сіе самое было началомъ тѣхъ долговременныхъ браней, кои Грековъ и Персовъ непримиримыми учинили врагами.

Примѣру Іонянъ скоро послѣдовали сосѣдніе народы, и между прочими Кипрянѣ, изъ коихъ одни только Амафонтскіе жители остались покорными. Онесилъ, братъ Царя Саламинскаго, желая принудить городъ сей къ принятію стороны возмутившагося острова, осадилъ оный; но узнавъ, что состоящій въ службѣ у Персовъ, подъ предводительствомъ Артибія, флотъ Финикійскій подходилъ къ Кипру, сталъ просить помощи у Іонянъ. Сіи союзники послали къ нему знатное число судовъ, которыя хотя и разбили флотъ Артибіевъ; но какъ оныя, понадѣясь на одержанную ими поверхность, отступили отъ нихъ нѣсколько рано, то Кипрскіе жители побѣждены и покорены были Персами.

Между тѣмъ бунтъ распространялся по всей Лидіи, Ликіи и Греціи: завоеванныя Даріемъ мѣста одно за другимъ, смотря по удобности случая, возпринимали паки свою свободу. Гистей, сдѣлавшись явнымъ непріятелемъ Царю Персидскому, бывъ долгое время скрытнымъ его врагомъ, захотѣлъ войти въ Милетъ, отечество свое; но Милетянцы не отворили ему воротъ. Жители острова Хіо, куда кинулся было онъ потомъ, дабы ходатайство-

вать о вооруженіи кораблей, поступили съ нимъ такъ же. Въ Митиленѣ было ему больше удачи: тамъ вооружили для него восемь кораблей, кои отвелъ онъ въ Византію, гдѣ назначено было сборное мѣсто для всѣхъ тѣхъ судовъ, которыя соединяся съ нимъ желаютъ искать освобожденія Греціи; а для пріумноженія еще мореходныхъ силъ своихъ, онъ задерживалъ всѣ выходившія изъ Понта Евксинскаго суда, принуждая ихъ служить во флотѣ своемъ. Л. М. 3506. до Р. Х. 498.

Когда Гистей дѣлалъ таковыя пріуготовленія въ Византіи, Персы набрали двѣ большія арміи, одну морскую, а другую сухопутную, для овладѣнія Милетомъ и всею Іонїею. Іонянѣ просили помощи у всѣхъ народовъ Греческихъ, и отовсюду присылали къ нимъ суда. Они составили изъ нихъ флотъ, коего расположеніе, по мнѣнію Геродота, было слѣдующее: поелику дѣло состояло въ оборонѣ Милета, коимъ хотѣли овладѣть Персы, то союзный флотъ собрался при Ладѣ, небольшомъ весьма близкомъ отъ сего мѣста островѣ. Къ востоку стояли рядомъ Милетинцы, Пріенцы и Міузянѣ, коихъ всѣхъ вкупѣ было сто три судна. Тейенцы, Хіонянѣ, Ерифреянѣ, Фокеянѣ и Лезбинцы составляли другую линію, заключавшую въ себѣ сто тридцать восемь судовъ, а шестдесятъ кораблей Саміенскихъ построены были къ западу. Л. М. 3507. до Р. Х. 437.

Флотъ Персидскій, состоявшій изъ шести сотъ судовъ, присланныхъ къ нимъ отъ Финикїянъ, Кипрянъ, Египтянъ и другихъ народовъ, при всемъ своемъ превосходствѣ въ числѣ, старался всегда избѣгать сраженія, опасаясь, что оное между двумя состязающимися сторонами будетъ рѣшительное, кому изъ нихъ владычествовать на морѣ; да можетъ быть и увидѣли бы, что страхъ сей не напрасенъ былъ, когдабъ Іонянѣ послѣдовали совѣтамъ Дениса, начальника Фокеанъ; ибо сей, будучи весьма

искусенъ въ мореходствѣ, показалъ имъ необходимость въ обученіи солдатъ и матросовъ, прежде нежели отважатся они на такое сраженіе, которое по важности обстоятельствъ требуетъ, чтобъ всякія возможныя мѣры взяты были къ удостовѣренію себя въ одержаніи верьха надъ непріятелемъ. Іонянамъ понравилось предложеніе сіе; Денисъ семь дней обучалъ ихъ греблѣ, и всякимъ движеніямъ и дѣйствіямъ, нужнымъ какъ для нападенія, такъ и для обороны; но Іонянѣ, наскуча толь тяжелою работою, вдругъ все сіе оставили, и лучше согласились положиться на удачу не извѣстнаго боя, нежели сносить таковые труды.

Вмѣсто того, чтобъ быть осторожными противъ непріятеля, захотѣли они успокоиться отъ претерпѣваемыхъ ими въ обученіяхъ трудовъ: вышли изъ судовъ своихъ отдыхать на одинъ ближній островъ. Финикіянѣ, примѣчавшіе за ними, вдругъ появились, и вступили съ ними въ сраженіе. Іонянѣ построились полумѣсяцемъ, и вскорѣ усмотрѣли, что они имѣютъ дѣло съ искуснѣйшими ихъ въ мореходствѣ людьми. Саміенцы, видя слабую при первомъ нападеніи оборону ихъ отъ непріятелей, или по мнѣнію нѣкоторыхъ, подкуплены будучи Персами, предпочли благоразумное отступленіе славѣ умереть на такомъ сраженіи, въ которомъ погибель ихъ казалась имъ несумнительною, и поплыли къ Самосу, кромѣ десяти кораблей, коихъ начальники возхотѣли жизнію своею жертвовать своимъ союзникамъ. Хотя храбрость ихъ не имѣла удачи, однакожъ оная награждена была воздвигнутыми въ честь имъ памятниками. За Саміенцами обратились также въ бѣгство и Лезбіанѣ, отъ чего весь флотъ разстроился; одни токмо Хіосцы устояли, которые, бросясь въ средину непрятелей съ удивительною жестокостію, взяли много кораблей; но принуждены будучи уступить множеству, учинили они славную ретираду, и

направили путь къ Микалу. Тѣ изъ нихъ, коихъ корабли во время сраженія были разбиты, посадили ихъ на мѣль, опасаясь, чтобъ не попались оные во власть гнавшихся за ними непріятелей, а сами ушли берегомъ; но по злополучному, и не достойному столь храбрыхъ людей, приключенію, подходя въ темную ночь къ Ефесу, сочтены они за разбойниковъ и побиты отъ женщинъ, отправлявшихъ тогда праздникъ Цереры.

Денисъ Фокеанинъ, по разсѣяніи флота Іонянъ, отъ собственной ихъ оплошности произшедшемъ, предвидя, что ихъ отечество и его достанутся въ корысть побѣдителю, пустился въ Финикію съ тремя, взятыми имъ, непріятельскими кораблями. Потомъ завладѣвъ многими попавшимися ему купеческими судами, поплылъ въ Сицилію, гдѣ принялся за грабительство. Щадя Грековъ, нападалъ онъ на Тирянъ и Карѳагенянъ.

Персы, по одержаніи столь великой побѣды, умѣли воспользоваться преимуществами своими: флотъ ихъ, пошелъ сперва покорять Іонію, Хіо, Лезбосъ и Тенедосъ; потомъ поплылъ къ Геллеспонту, и завладѣлъ всѣми живущими тамъ народами. Устрашенные Калхидоняне и Византійцы, видя приближеніе его, удалились отъ береговъ.

Дарій, надменъ будучи сими щастливыми успѣхами, вознамѣрился уничижить Аѳинянъ, и обратить на нихъ побѣдительное свое оружіе. Начальство надъ флотомъ поручилъ онъ зятю своему Мардонію, славившемуся паче породою своею, нежели заслугами, который, по многомъ странствованіи на моряхъ, покорилъ безсильныхъ и немогшихъ сопротивляться ему народовъ, вмѣсто низверженнаго единовластія возстановилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народодержавіе, и усиля знатно флотъ свой, поплылъ къ Аѳинамъ; но когда по желанію своему шелъ онъ вдоль береговъ Македоніи, тогда внезапу возставшая отъ сѣвера жестокая буря захватила его близъ горы Аѳоса.

Мардоній по неискуству своему въ мореплаваніи не умѣлъ избавиться отъ угрожающаго ему бѣдствія: три ста судовъ его, брошенныя на берегъ, были разбиты, и онъ потерялъ тутъ двадцать тысячъ человѣкъ, изъ коихъ нѣкоторые потонули, иные померли съ холоду, а многіе съѣдены были дикими звѣрьми.

Несчастіе сіе паче токмо воспламенило духъ мщенія и гнѣвъ Даріевъ на Афинянъ: онъ выслалъ въ море сильный флотъ, состоявшій, по мнѣнію Геродота, изъ шести сотъ, а по мнѣнію другихъ, изъ пяти сотъ судовъ, ввѣря оный Датису и Артаферну, искуснѣйшимъ Мардонія Адмираламъ. Флотъ сей, на которомъ находилось двѣсти тысячъ человѣкъ пѣхоты, и десять тысячъ конницы, поплылъ къ Самосу, и присталъ у острова Накса, коего устрашенные жители разбѣжались на горы. Персы, мстя за сраженіе при Сардахъ, сожгли домы и храмы Накскіе, опустошили всѣ сосѣдственные острова, и всѣхъ взятыхъ ими въ плѣнъ принудили служить въ войскахъ своихъ. По учиненіи сего пошли они высаживать дессантъ на берега Евбейскаго города Еретріи, и разорили оный. Но какъ главною цѣлію ополченія сего были Афины, то Персы поплыли къ Аттикѣ, гдѣ, посредствомъ многихъ изъ судовъ сооруженныхъ ими мостовъ, вышли на берегъ, и распространясь по Маратонской долинѣ расположили на ней свою армію.

Аѳиняне съ начала колебались мыслями, ожидать ли имъ пришествія Персовъ къ ихъ городу, или итти напасть на нихъ. Они противу столь великой арміи имѣли у себя токмо десять тысячъ человѣкъ и тысячу Платеанъ. Милтіадъ не взирая на сіе малое число совѣтовалъ атаковать непріятелей, и привесть ихъ въ смятеніе неустрашимостію, которая одна могла токмо заступить безсиліе Афинянъ. Мнѣніе сіе одобрено было и принято. Милтіадъ, дабы не быть окружену, примкнулъ малочи-

сленное войско свое къ одной горѣ; велѣлъ поле завалить лѣсомъ, чтобъ конницѣ ихъ не было проѣзда; и не давъ Персамъ времени осмотрѣться, ударилъ въ нихъ съ такою храбростiю, что привелъ ихъ въ великое обуянiе и замѣшательство. Персы, по видимому худо предводительствуемые, такъ оробѣли, что побѣжали, помышляя токмо о достиженiи судовъ своихъ, на которыя съ такою поспѣшностiю бросались, что многiе изъ нихъ потонули. Афиняне погнались за ними, и надъ тѣми, кои не успѣли спастись, произвели ужасное кровопролитiе. Сраженiе сiе, на коемъ Персы потеряли шесть тысячъ триста, а Греки токмо сто девяносто два человѣка, было однимъ изъ самыхъ чувствительнѣйшихъ ударовъ, каковаго доселѣ ни когда не претерпѣвала еще сiя гордая держава. Мильтiадъ не могъ пользоваться побѣдою своею: море храбрости его поставило преграду; однакожъ много сожегъ онъ непрiятельскихъ кораблей, и семь изъ оныхъ взялъ въ плѣнъ.

Сей славный день былъ началомъ паденiя Персовъ, коихъ Греки долгое время боялись: страхъ, такъ сказать, сопряженъ былъ съ ихъ именемъ; одно одѣянiе ихъ наводило имъ ужасъ, и они не иначе говорили объ нихъ, какъ съ трепетомъ; но по одержанiи надъ ними съ толь малымъ урономъ побѣды, всѣ грозныя объ нихъ мечтанiя ихъ изчезли, и Греки почувствовали превосходство свое.

Афиняне, послѣ Маратонскаго сраженiя не остались въ праздности: они дали семдесятъ кораблей Мильтiаду, который со флотомъ симъ пошелъ покарять добровольно, или насильно, всѣ, подававшiе помощь Персамъ, острова, изъ коихъ Паросъ былъ наизнатнѣйшiй. Мильтiадъ, тщетно понуждая оный къ здачѣ, послалъ войска, для осажденiя его по всѣмъ правиламъ. Въ самое то время, какъ оный уже со всѣмъ готовъ былъ здаться, ночью въ лѣсу на матерой землѣ, которая съ острова видна была, загорѣлось; осаждающiе, почитая огонь сей за учиненный

отЪ Персидскаго войска сигналЪ, поражены были незапнымЪ ужасомЪ. МилтїадЪ, приказавЪ зжечь всѣ сдѣланныя имЪ для осады города укрѣпленїя и работы, отступилЪ сЪ кораблями своими вЪ Афины, гдѣ весьма худо былЪ принятЪ и обвиненЪ вЪ измѣнѣ. ТакимЪ образомЪ сей великїй мужЪ, спасшїй Афины и всю Грецїю, вмѣсто награды заточенЪ былЪ вЪ оковы.

Л. М. 3519. до Р. Х. 485. Можно себѣ представить, сЪ какою досадою узналЪ Дарїй о разбитїи войска своего: смерть постигла его среди мстительныхЪ замысловЪ, каковые гордость гнѣву его внушала.

Вступившїй на престолЪ по немЪ сынЪ его КсерксЪ, какЪ власти его наслѣдникЪ былЪ, такЪ и ненависти противЪ ГрековЪ: онЪ предпринялЪ претерпѣнный отцемЪ его при Маратонѣ стыдЪ омыть ихЪ кровїю, и цѣлые пять лѣтЪ приготовлялся кЪ страшному и не слыханному ополченїю. ЗаключилЪ союзЪ сЪ Карѳагенянами, кои долженствовали итти атаковать поселившихся вЪ Сицилїи и Италїи ГрековЪ, между тѣмЪ какЪ Мардонїй пойдетЪ покарять живущихЪ вЪ Аттикѣ и ПелопонезѢ. ВЪ семЪ намѣренїи вооружался онЪ сухимЪ путемЪ и моремЪ, и приказалЪ строить суда во всѣхЪ владѣнїя своего пристаняхЪ. Финикїяне и Сирїяне доставили ему оныхЪ триста; Кипряне сто пятдесятЪ; Киликїяне сто; Памфиляне тридцать; Ликїяне пятдесятЪ; Доряне, поселившїеся вЪ Азїи, тридцать; Каряне семдесятЪ; Їоняне сто; Островскїе жители семнадцать; Египтяне двѣсти; Еоляне шестдесятЪ; Геллеспонтцы сто; и наконецЪ Артемиза Царица Карская, но другая, а не жена Мавзолова, присовокупила кЪ симЪ еще пять кораблей.

Л. М. 3523. до Р. Х. 481. ВсѣхЪ соединенныхЪ и оставшихся отЪ Дарїя было тысяча двести судовЪ, выключая трехЪ тысячЪ каравеллЪ или транспортовЪ, для перевозу лошадей и аммуницїи. Войска находившїяся на сихЪ судахЪ были или

Персы или Мидяне; каждый народъ имѣлъ особаго предводителя; а весь флотъ состоялъ подъ начальствомъ четырехъ главныхъ Адмираловъ, родомъ Персовъ, коихъ имена суть: Аріабинъ, Прексаспъ, Мегабазъ и Ахеменъ. Флотъ сей собирался при берегахъ Малой Азіи; а главное зборное мѣсто его было Елеунтъ, въ Херсонезѣ Фракійскомъ. Поелику надлежало ему проходить мимо горы Афоса, гдѣ отъ сильныхъ и порывистыхъ вѣтровъ мореплаваніе бываетъ весьма опасно, то Ксерксъ, дабы не подвергнуться такому же нещастію, какое претерпѣлъ отецъ его, предпринялъ гораздо важнѣйшую еще нежели вооруженіе его работу.

Афосъ, которую называютъ нынѣ Афонскою горою или Святою (Monte-Santa), есть такая Македонская гора, которая выходитъ въ бѣлое море или Архипелагъ на подобіе полуострова, и съ матерою землею сообщается перешейкомъ на полмили въ длину. Онъ приказалъ прокопать перешеекъ сей, и вырыть каналъ такой глубины и ширины, чтобъ судамъ его можно было по два въ рядъ итти по оному.

Сухопутная армія была не менше морской: оная, по мнѣнію Геродота, состояла изо 170 миріадъ или темъ; каждая тема или миріада содержала въ себѣ десять тысячь: слѣдовательно армія сія состояла изъ одного миліона семи сотъ тысячь человѣкъ; но оная, равно какъ и морская, на пути своемъ еще знатно пріумножилась; такъ что, по заключенію нѣкоторыхъ писателей, въ обѣихъ арміяхъ было болѣе пяти миліоновъ человѣкъ. Отъ великаго множества людей и животныхъ оскудѣли воды въ рѣкахъ; сказываютъ, что Греція не могла помѣщать въ себѣ сухопутныхъ войскъ, а море тѣсно было для флота. По приведеніи къ концу сего страшнаго пріуготовленія, Ксерксъ послалъ къ Грекамъ требовать отъ нихъ землю и воду. Сіе было обыкновенное Царей Персидскихъ требо-

ванїе отЪ народовЪ, которыхЪ они поработить хотѣли; чтобЪ согласїемЪ своимЪ на уступленїе имЪ двухЪ самонужнѣйшихЪ вЪ жизни вещей, признали они совершенное свое подданство. Дарїй вЪ первую войну соблюлЪ тотЪ же самый обрядЪ и сЪ Афинянами; но сїи, бросили пословЪ его вЪ колодезь, сказавЪ имЪ: „вотЪ вамЪ вода и земля, отнесите ихЪ кЪ обладающему вами!„

Послѣ сего объявленїя войны, КсерксЪ подвинулЪ войска свои кЪ Геллеспонту, для переправы оныхЪ по двумЪ сдѣланнымЪ изЪ судовЪ мостамЪ, которые приказалЪ онЪ навести между АбидомЪ и СестомЪ; одинЪ изЪ нихЪ, связанный пеньковыми веревками, сооружали Финикїяне; а другой, укрѣпленный сплѣтенными изЪ тростника канатами, дѣлали Египтяне; но поднявшаяся буря оба изломала, и все привела вЪ безпорядокЪ. КсерксЪ вЪ гордости своей крайне раздраженЪ былЪ симЪ первымЪ препятствїемЪ. Ожесточась безумно на противоборствовавшее намѣренїямЪ его море, приказалЪ онЪ дать оному яко непослушному рабу, три ста ударовЪ кнутомЪ; велѣлЪ бросить вЪ него железы, каковыя надѣваютЪ на преступниковЪ, для показанїя своего надЪ нимЪ повелительства, и еще дать ему нѣсколько пощечинЪ, приговаривая сїи слова: *о море! по истиннѣ сЪ тобою горе! обладатель твой налагаетЪ на тебя сїю казнь за то, что не во время оскорбило ты его, ни когда ни какого зла тебѣ не учинившаго.* КЪ сему сумазбродству присовокупилЪ онЪ еще и лютость, велѣвЪ отрубить головы строителямЪ сихЪ двухЪ мостовЪ, какЪ будто бы они ручались за постоянство сей стихїи.

ОнЪ велѣлЪ построить два другїе моста, гораздо крѣпчайшїе первыхЪ, о коихЪ ГеродотЪ оставилЪ намЪ описанїе. Триста шестдесятЪ судовЪ поставлены были поперекЪ, боками кЪ Понту Евксинскому, а со стороны Геллеспонта триста четырнадцать, обращенныя носами

кЪ оному, для разсѣченія быстраго теченія воды. СЪ обѣихЪ сторонЪ брошены были вЪ море большіе якори, для утвержденія ихЪ противу бурныхЪ вѣтровЪ, оставя кЪ востоку между судами три промежутка, для прохода мѣлкихЪ судовЪ, безпрестанно вЪ задЪ и вЪ передЪ ходившихЪ. ЧрезЪ сіи суда протянуты были крѣпкіе изЪ пеньки и тростника сдѣланные канаты и веревки, на коихЪ положены были поперегЪ длинныя бревна, а на сихЪ лежали крѣпко сплоченныя доски, насыпанныя землею, и по обѣимЪ сторонамЪ сдѣланы были перилы, дабы лошади и вьючный скотЪ не пугались, видя море. Сіи мосты простирались не прямо отЪ одного берега кЪ другому, но косвенно, даже до береговЪ Европы, потому что море такимЪ образомЪ имѣетЪ теченіе свое вЪ ГеллеспонтЪ.

Нѣкоторые заступающіеся за Ксеркса писатели утверждаютЪ, что ГеродотЪ оклеветалЪ его, мстя за ГрековЪ; другіежЪ воображаютЪ, что выраженія сего историка суть метафорическія: что данные морю триста ударовЪ кнутомЪ означаютЪ триста брошенныхЪ вЪ оное, для удержанія судовЪ, якорей; а мнимыя, возложенныя на сію виновную стихію, оковы не иное что суть, какЪ двѣ большія цѣпи, коими мосты сіи укрѣплены были; присовокупляя кЪ тому, что цѣпи сіи сохранялись даже до временЪ Александра великаго и Плинія, кои видѣли оныя.

ВЪ Спартѣ заблаговременно узнали о военныхЪ Ксерксовых пріуготовленіяхЪ на Грецію. ДемаратЪ, Царь Лакедемонскій, изгнанный изЪ земли своей, и находившійся при Дворѣ Царя Персидскаго, чувствуя угрожавшія отечеству его нещастія, паче нежели несправедливости онаго, отписалЪ кЪ градоначальникамЪ, предЪувѣдомляя ихЪ о всѣхЪ КсерксовыхЪ замыслахЪ. ОнЪ употребилЪ для сего натертыя воскомЪ деревянныя скрижали, кои по прибытіи вЪ Спарту почитались нѣкоею загадкою, которую истолковала сестра Леонидова.

Л. М. 3524. до Р. Х. 480.

Афинцы и Лакедемоняне ополчились немедлѣнно на оборону всеобщей свободы Греціи. Во всѣ страны отправили они депутатовъ, и съ присланными къ нимъ на помощь кораблями, флотъ ихъ состоялъ изъ двухъ сотъ осмидесяти одного судна. Афинцы поставили оныхъ сто двадцать семь; Коринѳяне сорокъ; Мегаряне двадцать; Калхидоняне толикоежъ число; Египтяне осмнадцать; Сикіоняне двенадцать; Лакедемоняне десять; Епидавряне восемь; Етрурцы семь; Трезенцы пять; Стиріане два; Хіосцы такоежъ число и двѣ галеры; Оппонтійцы десять. Я не считаю плоскодонныхъ судовъ, назначенныхъ для измѣренія глубины воды при берегахъ и на рейдахъ. Афиняне, какъ явствуетъ, доставили больше всѣхъ. Ѳемистоклъ, опасаясь всегда, чтобъ Маратонское сраженіе не обратилось къ ихъ бѣдѣ, вселилъ въ нихъ охоту къ мореходству, и предъуспѣлъ надъ ними столько, что денежный сборъ съ находящихся въ Аттикѣ серебряныхъ рудъ, которой раздѣлялся прежде между всѣми жителями, опредѣленъ потомъ былъ на содержаніе принадлежащихъ области кораблей. Онъ умѣлъ увѣрить ихъ, что они должны всего опасатся отъ Персовъ, и что не иначе могутъ избавиться отъ угнѣтенія сихъ варваровъ, какъ токмо тѣмъ единымъ, когда содѣлаются сильны на морѣ. Убѣжденные таковыми представленіями Афиняне снарядили сто военныхъ кораблей, чемъ и спасли всю Грецію.

И такъ Греки, собравъ всѣ морскія силы свои, нарѣкли Еврибіада, начальника Лакедемонскаго, Генералиссимусомъ. Сіе явно оскорбляло Афинянъ, составлявшихъ главнѣйшую часть воинства: по чему съ начала и воспротивились было они сему выбору; но Ѳемистоклъ, опасаясь худыхъ отъ раздора сего слѣдствій, при самомъ его началѣ немедлѣнно потушилъ оный. Помышляя паче о спасеніи отечества своего, нежели о наносимой ему обидѣ, уступилъ онъ честь главноначальствованія, принадле-

жавшую ему, какъ по способности его, такъ и по той степени величія, каковую занимали Афины между всѣми сими соополчившимися областями, и склонилъ Афинянъ на мнѣніе свое.

Между тѣмъ Ксерксовы арміи были уже въ движеніи. Сухопутная перешла по новому мосту, который приказалъ онъ усыпать цвѣтами и миртовыми вѣтьвьми. Онъ восхотѣлъ примириться съ моремъ, и въ знакъ сего учинилъ на мосту семъ жертвоприношеніе и поливаніе вина; бросилъ въ море употребляемую при семъ обрядѣ стклянницу, сосудъ, золотую чашу и мечъ свой. Войско его употребило семь дней на переправу по мосту, съ необычайнымъ великолѣпіемъ: потомъ направило путь свой чрезъ Ѳракію. Ксерксъ, по прибытіи въ Дорискъ, хотѣлъ знать о числѣ своихъ войскъ; но не могши исчислить ихъ, принужденъ былъ добираться до того примѣрно, велѣвъ вымѣрять занимаемое ими пространство земли, и сравнить оное съ пространствомъ, занимаемымъ десятью тысячами человѣкъ.

Также сдѣлалъ онъ смотръ флоту своему, возшедъ для сего на одинъ Сидонской корабль, на которомъ сидя подъ богатымъ флагомъ, смотрѣлъ на суда свои, устроившіяся на параллельной къ берегу линеѣ, обратясь носами къ оному; солдатыжъ стояли въ ружьѣ. Послѣ сего величаваго зрѣлища, велѣлъ онъ обѣимъ арміямъ шествовать; и дабы удобно было имъ подавать взаимную одна другой помощь, сухопутная сила шла по берегамъ моря, а морская плыла вдоль оныхъ, и прошла по тому славному каналу, который прорылъ онъ чрезъ перешеекъ отдѣляющій Афонскую гору отъ матерой земли. Сіе самое подало Цицерону поводъ сказать, что сухопутныя Ксерксовы войска шли по морю, а суда его по суху. Когда Царь Персидскій былъ между горами Олимпомъ и Оссою, то захотѣлось ему увидѣть устье рѣки Пенеи; для удовлетворенія

сему любопытству своему, взошелЪ онЪ на тотЪ же самый корабль, сЪ котораго смотрѣлЪ флотЪ свой.

Во время плаванія Персидскаго флота кЪ острову Евбеи (Негропонту), отряжены были вЪ крейсерство кЪ Скіафосу, нынѣшнему Сіатту, десять легкихЪ судовЪ, которыя, сошедшись сЪ тремя Греческими кораблями, два изЪ оныхЪ атаковали, взяли, и всѣхЪ служителей, превосходству силЪ хотя и уступившихЪ, но сЪ удивительною храбростію оборонявшихся, побили. ПотомЪ погнались они за третьимЪ, сѣдшимЪ на мѣль у береговЪ; однако всѣ находившіеся на немЪ люди спаслись. По прибытіи всего флота кЪ Магнезіи, мысу Егейскаго моря вЪ Македоніи, великое число судовЪ онаго послужило ему вЪ тягость; ибо самый опытЪ показалЪ, что сЪ толикимЪ множествомЪ кораблей, по неудобности кЪ распространенію ихЪ, невозможно соблюдать нужнаго вЪ сраженіяхЪ порядка. Нѣкоторыя суда пустились вЪ открытое море, иныя легли на якоряхЪ на рейдѣ, а иныя вдоль береговЪ. ВЪ таковомЪ расположеніи жестокая буря, возставшая отЪ оста, и три дни продолжавшаяся, привела весь флотЪ вЪ замѣшательство: суда одно о другое разбивались; большая часть оныхЪ, будучи брошены кЪ берегу, сокрушились; многія поглощены были волнами: четыре ста военныхЪ кораблей, по самому умѣренному положенію, и множество еще другихЪ судовЪ вЪ семЪ случаѣ погибли. Персы, дабы не дать ГрекамЪ провѣдать о бѣдствіи семЪ, собрали разбитыя суда свои, сдѣлали изЪ оныхЪ крѣпкую себѣ ограду, и соединились вЪ заливѣ Магнезіи, землѣ смежной сЪ Ѳессаліею.

Греки, извѣстясь о случившемся сЪ Персами нещастіи, предпріяли воспользоватся онымЪ. ВЪ семЪ намѣреніи поплыли они кЪ сѣверному берегу Евбеи, гдѣ примѣчены были пятнадцатью большими Ксерксовыми кораблями, которые, почетши ихЪ за нѣкоторую часть флота своего,

пустились къ нимъ для соединенія; Греки, возпользовавшись сею ошибкою, овладѣли ими; но по прибытіи ихъ въ Артемизъ увидѣли они такой непріятельской флотъ, который показался имъ гораздо сильнѣйшимъ, нежели они воображали, почитая, что оный отъ бури знатно уменшился. И такъ, при всей потери онаго, видя его столь многочисленнымъ, и увеличивая страхомъ опасность, хотѣли они искать спасенія своего въ бѣгствѣ. Самъ Еврибіадъ, удивясь столь великому числу судовъ, и увѣдомясь, что за оными идутъ еще двѣсти другихъ, почитая флотъ сей непобѣдимымъ, соглашался возвратиться въ Грецію; но Ѳемистоклъ предложилъ въ военномъ совѣтѣ, что гораздо лучше съ отважною и пылкою храбростію напасть на непріятелей; что наступленіе на нихъ въ добромъ устройствѣ, уже и такъ смущенное потерями воинство ихъ, приведетъ въ вящшее смятеніе; что Греческій флотъ, въ теснѣйшемъ всѣхъ силъ своихъ соединеніи, имѣетъ великое преимущество предъ варварскимъ, который безмѣрнымъ распространеніемъ своимъ теряетъ много крѣпости своей; что суда ихъ, могущія всѣ вдругъ сражаться, берутъ превозходство надъ Персидскими, долженствующими вступать въ бой однѣ послѣ другихъ; что на конецъ не токмо не должно имъ робѣть при воззрѣніи на непріятельской флотъ, который во время битвы конечно приведенъ будетъ въ замѣшательство, но напротивъ того надлежитъ ободряться, что съ такимъ малымъ числомъ судовъ, удобно дѣлать имъ всѣ тѣ движенія и эволюціи, кои могутъ доставить имъ побѣду. И такъ Греки, убѣждены будучи Ѳемистокломъ, ободрились и приготовились къ бою. Персы съ своей стороны, видя Греческій флотъ столь малочисленнымъ, съ презрѣніемъ на него взирали, и не столько думали о сраженіи съ нимъ, сколько о взятіи онаго въ плѣнъ. Чего ради рѣшились окружать его, и употребить воинскую хитрость. Но

Л. М. 3524.
до Р. Х.
480.

прежде нежели мы приступимъ къ описанію боя, нужно разсмотрѣть, какое было положеніе Грековъ. Евбейской островъ, нынѣ Негропонтъ, лежитъ къ сѣверовостоку отъ Ахаіи, между 38 и 39½ градусами широты, и между 49 и 52 долготы; онъ простирается отъ юговостока къ сѣверозападу на 44 мили; ширина его 10 или 12, а окружность 120 миль; отъ матерой земли отдѣленъ онъ Еврипомъ, славнымъ каналомъ, довольно извѣстнымъ по случающимся въ немъ нѣсколько разъ къ сутки приливу и отливу. Все пространство канала сего занималъ Греческій флотъ, защищаемый съ обѣихъ сторонъ островомъ и матерою землею: а потому, въ случаѣ нужды въ отступленіи имѣлъ онъ токмо два открытыхъ выхода. Персы, положили атаковать его со стороны Артемиза, но чтобъ
Л. М. 3524. до Р. Х. 480. не могъ онъ уйти другимъ концомъ Еврипа, того ради отправили они съ сей стороны двѣсти отборнѣйшихъ судовъ, съ такимъ повелѣніемъ, чтобъ они, держась скрытно подъ берегами Евбея, захватывали всѣ бѣгущіе Греческіе корабли. Замыслъ сей былъ не худой, но не имѣлъ успѣха. Скиллій, славный водолазъ, для извѣщенія Грековъ о всѣхъ намѣреніяхъ варваровъ, переплылъ подъ водою отъ Афетовъ, гдѣ находился тогда Персидской флотъ, даже до Артемиза, то есть, чрезъ восемдесятъ стадій; Геродотъ однакожъ думаетъ, что онъ употребилъ для сего небольшое судно. Греки снялись съ якоря на разсвѣтѣ, вышли въ великомъ порядкѣ изъ укрытій своихъ, и на всѣхъ парусахъ поплыли къ непріятелямъ. Персы, не ожидая сего незапнаго нападенія, съ начала почли Грековъ за сумозбродныхъ, вдающихся съ неслыханною дерзостію въ явную опасность: погибель ихъ казалась имъ неизбѣжною, и каждой уже назначалъ для себя, какіе брать ему корабли. Между тѣмъ Греки подошли весьма близко къ непріятелямъ своимъ: они сперва должны были сразиться съ тридцатью отряженными къ нимъ кораблями, а

потомъ въ краткое время окружены были великимъ оныхъ множествомъ; но побуждаемые опасностію, вездѣ обращаясь къ нимъ носами, и повсюду сохраняли строй: вскорѣ могли они примѣтить, что варвары не устоятъ предъ ними.

Ликомедъ, Афинянинъ, первый абордировалъ одинъ изъ непріятельскихъ кораблей и взялъ оный. Ѳемистоклъ, предводительствовавшій Афинянами, устремлялся съ такою яростію на Персовъ, что потоплялъ всѣ противоборствовавшія мужеству его суда, и другихъ, видящихъ сіе, обращалъ въ бѣгство. Греки, поощряемые примѣромъ сего славнаго полководца, старались гнаться за бѣгущими, которые бросались на берегъ, желая лучше разбить свои суда, нежели достаться въ руки непріятелю. Но претерпѣнная Персами при сей первой неудачѣ потеря скоро паки поправлена была множествомъ кораблей ихъ: тѣ, кои не были еще въ сраженіи, заступили мѣста разбитыхъ, и составили строй сильный и твердый; бой паки съ большею еще лютостію возобновился; храбрость была съ обѣихъ сторонъ равная, и побѣда, долгое время спорная, осталась нерѣшимою, поелику разлучившая ихъ ночь принудила оба флота отступить, а именно: Персидской къ Афетамъ, а Греческой къ Артемизу, гдѣ воздвигли они столпъ съ надписью, преждевременный подвиговъ ихъ памятникъ. Л. М. 3524, до Р. Х. 480.

Назавтрее Персы увидѣли море покрытое несчастными обломками флота своего, и весла спутавшіеся со множествомъ плавающихъ по водѣ мертвыхъ тѣлъ. Приведенные въ страхъ симъ ужаснымъ зрѣлищемъ, претерпѣли они еще подобную первой бурю, отъ коей многіе корабли ихъ погибли; сверьхъ сего отправленныя ими для завладенія Евбеемъ суда, будучи крѣпкимъ вѣтромъ занесены въ открытое море, и не зная гдѣ они находятся, нашли на большіе камни, и разбились объ оные. И такъ Персы

и Греки, равномѣрно битвою утомленные, провели день сей въ отдохновеніи и въ починкѣ судовъ своихъ; а на другой день послѣ сраженія Греки получили изъ Аттики подмогу состоящую изъ пятидесяти трехъ кораблей, отъ которыхъ узнали они о случившемся бѣдствіи съ тѣми непріятельскими судами, кои держались скрытно при островѣ Евбеѣ. Сія неожидаемая помощь оживотворила храбрость ихъ, и дабы не дать оной ослабѣть, отправились они отъ Артемиза въ тотъ же самый часъ, какъ и предшедшаго дня, и атаковали Киликійскіе корабли, коихъ было числомъ сто. По причиненіи онымъ ощутительнаго вреда, ночь прекратила бой, и Греки возвратились паки на свое мѣсто.

На третій день Персидскіе Генералы, стыдясь того, что два раза были они атакованы и разбиты столь малочисленнымъ флотомъ, рѣшились сами атаковать Грековъ среди дня, дабы солнце освѣщало ожидаемую ими побѣду. И такъ всему флоту ихъ повелѣно было въ боевомъ порядкѣ плыть къ Артемизу. Греки не отреклись отъ боя: пошли на встрѣчу къ Персамъ въ добромъ устройствѣ. Сраженіе съ обѣихъ сторонъ происходило съ великимъ мужествомъ; но Персидскій флотъ не долго сохранялъ свое благоустройство: множество судовъ его послужило ему паки въ пагубу; ибо оныя другъ другу мѣшали, и разбивались, ударяясь одно о другое. Въ Ксерксовомъ флотѣ весьма отличили себя Египтяне, которые взяли пять кораблей Греческихъ; больше всѣхъ претерпѣли неустрашимѣйшіе изъ всѣхъ Афиняне; преимущественнѣе же отличилъ себя между ними Клиній, сынъ Алцибіадовъ, находившійся на снаряженномъ на его собственный щетъ корабле съ двумя стами служителей. Битва сія не была еще рѣшительная; ночь разлучила сражающихся, и съ обѣихъ сторонъ отступили съ великою потерею.

Между тѣмъ сухопутная Ксерксова армія приближалась къ Афинамъ: какъ скоро Греки получили сіе извѣстіе, то все свое вниманіе обративъ токмо на оборону отечества своего, поплыли къ Аттикѣ. Они остановились на якорѣ у Саламина, острова называемаго нынѣ Колури, въ Егинскомъ заливѣ, на берегу Афинской земли. Извѣстно, какимъ образомъ Леонидъ, Царь Спартанскій, съ четырью тысячами человѣкъ, удержалъ тучу сію при Термопильскомъ проливѣ (а). По оказаніи удивительной храбрости, надлежало на конецъ пасть подъ множествомъ непріятелей, или паче подъ бременемъ побѣды. Ксерксъ, прорвавшись чрезъ сей славный переходъ, подался въ передъ къ Аттикѣ, которую онъ опустошилъ, и пошелъ къ городу Афинамъ, для разграбленія онаго.

Греки, находившіеся въ Саламинѣ, приведены были сими извѣстіями въ уныніе; но Ѳемистоклъ, преисполненный великаго духа и мудрости, умѣлъ паки ободрить ихъ: онъ взялъ намѣреніе отвлечь Іонянъ отъ союза съ Персами и нашелъ способъ сообщить имъ сіе, оставя повсюду, гдѣ надлежало имъ проходить, на каменныхъ скалахъ письмы, коими приглашалъ ихъ къ пріобрѣтенію паки прежней ихъ свободы, къ соединенію съ Афинянами, для прогнанія общаго ихъ врага, и чтобъ они обратились противъ Персовъ, или отстали бы отъ нихъ при самомъ началѣ сраженія; въ чемъ и удалось ему успѣть, какъ мы то въ послѣдствіи увидимъ.

Между тѣмъ Ксерксъ подошелъ уже ко вратамъ Афинъ. Афинцы, не зная что въ такой крайности предпринять, послали вопросить Дельфійскаго Оракула. Отвѣтъ былъ, что все спасеніе ихъ состоитъ единственно *въ оборонѣ*

(а) Проливъ сей есть переходъ между горами, отдѣляющими Ѳессалію отъ Греціи. Слово Термопилы, значитъ врата теплыхъ бань, потому что оныя въ семъ мѣстѣ находились, такожъ и стѣна со вратами, сдѣланная жителями Фокиды, для удержанія Ѳессалійцовъ отъ набѣговъ въ землю ихъ.

себя деревянными стѣнами. НародЪ толковалЪ прорицанїе сїе по точному значенїю словЪ; но ѲемистоклЪ, будучи увѣренЪ, что Греки не могутЪ иначе спастись, какЪ посредствомЪ силЪ морскихЪ, увѣрялЪ, что ОракулЪ подЪ именемЪ деревянныхЪ стѣнЪ, долженствующихЪ спасти Афи-
Л. М. 3524. до Р. Х. 480. ны, разумѣлЪ корабли. И такЪ присовѣтовалЪ онЪ АфинянамЪ сдѣлать себѣ ограду изЪ судовЪ, и посадить на оныя всѣхЪ жителей, кои больше составляютЪ городЪ, нежели стѣны. ТакимЪ образомЪ всѣ граждане перебрались на суда и отвезены были, одна часть кЪ Саламину, а другая кЪ Трезену вЪ Пелопонезѣ.

По приведенїи АфинскихЪ жителей вЪ безопасность, нужно было подумать о новыхЪ покушенїяхЪ кЪ разбитїю Персидскаго флота. Многїя происходили о семЪ разсужденїя, и на послѣдокЪ заключили, что надлежало отступить кЪ Пелопонезу, дабы вЪ случаѣ неудачи можно было по крайней мѣрѣ спастись бѣгствомЪ. Нѣкто объяснилЪ Ѳемистоклу неудобства сопряженныя сЪ симЪ отступленїемЪ, и ѲемистоклЪ, почувствовавЪ благоразумїе сего совѣта, умѣлЪ преклонить Еврибїада кЪ тому, чтобЪ искать всякихЪ способовЪ ко вступленїю вЪ бой сЪ непрїятелемЪ на самомЪ виду Саламина, представляя ему, что симЪ самымЪ не допустятЪ они Персидской флотЪ сближиться сЪ сухопутными ихЪ, опустошавшими Аттику, войсками; что сохранятЪ СаламинЪ сЪ окрестными онаго мѣстами, куда укрылись жены ихЪ и дѣти; что по малочислїю судовЪ ихЪ вЪ сравненїи сЪ Персидскими, гораздо лучше для нихЪ сражаться вЪ тѣсномЪ мѣстѣ, чемЪ на открытомЪ морѣ; что занимаемое ими мѣсто довольно пространно для кораблей ихЪ, могущихЪ растягиватся по произволенїю; а для страшнаго флота непрїятельскаго весьма оное тѣсно, и что по сему самая главная часть онаго оставатся будетЪ безполезною. ЕврибїадЪ, всѣми сими доводами убѣжденный, сталЪ приуготовляться кЪ бою.

Греки, чувствуя, что отЪ единаго токмо сраженія зависитЪ рабство ихЪ, или свобода, соединили всѣ свои силы: со всѣхЪ сторонЪ велѣли они судамЪ своимЪ собиратся, и вЪ Саламинѣ флотЪ ихЪ былЪ гораздо многочисленнѣе, чемЪ вЪ Еврипѣ. Коринѳяне, Мегаряне, Калхидоняне, жители острова Хіо, Стиріянцы, прислали кЪ нимЪ столько кораблей, сколько они построили ихЪ вЪ Артемизѣ; Аѳиняне, яко наиболѣе вЪ томЪ участвующіе, употребили всевозможное напряженіе силЪ своихЪ, и привели сто восемдесять кораблей; весь же Греческій флотЪ простирался до трехЪ сотЪ пятидесяти осми судовЪ. л. м. 3524. до Р. Х. 480.

Во время сихЪ пріуготовленій, флотЪ Персидскій, починившійся и усилившійся, отправился изЪ Трашина, прошелЪ вдоль Еврипа, и легЪ на якорь у Греческаго берега. КсерксЪ прибылЪ тогда на одинЪ корабль, на коемЪ учрежденЪ былЪ военный совѣтЪ, вЪ которомЪ Артемиза не совѣтовала ему толикое число соединенныхЪ силЪ подвергать опасности сраженія, присовокупя кЪ тому, что обладая Аттикою, обладаетЪ онЪ всею Греціею; что Греки хотя и малочисленнѣе на морѣ, однако они сильнѣе, и что, естьли Персы побѣждены будутЪ на морскомЪ сраженіи, то надлежитЪ опасатся, чтобЪ и сухопутное войско, устрашенное симЪ нещастіемЪ, не подвергнулось таковомужЪ жребію. СовѣтЪ сей былЪ благоразуменЪ, но не послѣдовали оному, и рѣшились дать битву.

КсерксЪ, воображая себѣ, что причиною неудачи, каковую имѣли Персы вЪ двухЪ послѣднихЪ сраженіяхЪ, было отсутствіе его, вознамѣрился на семЪ третьемЪ самЪ присутствовать. И такЪ дано было повелѣніе сняться сЪ якоря и плыть кЪ Саламину. Греки, устрашенные приближеніемЪ опасности, хотѣли еще разЪ выйти изЪ пролива вЪ открытое море; но ѲемистоклЪ, усматривая неизбѣжную для нихЪ погибель, естьли отдалятся они отЪ Саламина, употребилЪ паки, для спасенія Греціи,

остроумныя хитрости свои, предуспѣвъ внушить Ксерксу чрезъ учителя дѣтей его, якобы оный имѣлъ отъ Өемистокла, тайнаго друга своего, подлинныя извѣстія, что Греки пріуготовляются къ бѣгству, и что потому онъ совѣтуетъ ему окружить ихъ, дабы не могли они отъ него уйти. Ксерксъ, отвергшій благоразумные совѣты Артемизины, вѣрнѣйшей союзницы своей, принялъ безъ дальнѣйшаго изслѣдованія злоумышленный совѣтъ непріятеля своего, и на оный положился.

Онъ отрядилъ отъ флота своего двѣсти судовъ, для захваченія всѣхъ проходовъ, и для окруженія островов, дабы ни одинъ корабль Греческій не могъ уйти; и такимъ образомъ стесня ихъ, принудилъ къ необходимому сраженію. Но всего болѣе ободрило ихъ прибытіе къ нимъ одного Самієнина, который, пустившись вплавь, доплылъ до нихъ и увѣдомилъ, что Іоняне, при самомъ началѣ боя, оставятъ непремѣнно Персидскій флотъ: безъ сомнѣнія видѣли они то, что Өемистокломъ написано, или
Л. М. 3524. до Р. Х. 480. начертано было на большихъ камняхъ. Самієнинъ далъ при томъ знать Грекамъ о намѣреніяхъ Ксерксовыхъ и о распредѣленіи флота его, сказавъ имъ, что каждой націи суда составляютъ особливую эскадру, для удобнѣйшаго опознанія въ сраженіи; что Финикіяне занимаютъ правое, а приставшимъ къ сторонѣ варваровъ Грекамъ поручено лѣвое крыло. Греки ободрились симъ извѣстіемъ, и расположили флотъ свой по полученнымъ ими увѣдомленіямъ. На лѣвомъ крылѣ поставили они Аөинянъ и Лакедемонянъ, яко самыхъ способнѣйшихъ къ противуборствованію съ Финикіанами, а на правомъ Егинетовъ и Мегарянъ, какъ такихъ людей, кои по Аөинянахъ слыли искуснѣйшими на морѣ; остальные же Греки составляли кордебаталію. По расположеніи такимъ образомъ всего къ бою, Ксерксъ, на разсвѣтѣ дня, возхотѣвъ быть зрителемъ сраженія, взошелъ на одну находящуюся на матерой землѣ,

противъ самаго Саламина, высоту, гдѣ сѣлъ на золотомъ стулѣ, окруженъ будучи секретарями, кои должны были записывать всѣ произшествія боя. Демосѳенъ, который видѣлъ стулъ сей, говоритъ, что онъ былъ серебряной.

Писатели различнымъ образомъ повѣствуютъ о началѣ боя: Геродотъ всю славу онаго отдаетъ одному Аѳинянину; который съ великою шибкостію пустился на непріятелей, въ той надеждѣ, что не будетъ оставленъ своими, въ чемъ дѣйствительно и не обманулся. Діодоръ Сицилійскій приписываетъ честь сего Персидскому Адмиралу, а Плутархъ Ѳемистоклу. Сей Аѳинской Генералъ выбралъ, для нападенія на непріятелей, такой часъ, въ которой пасадный вѣтръ поднимаетъ на сихъ моряхъ волны. Онъ предвидѣлъ, что Греческимъ судамъ, кои были плоскодонны и низки, не могъ оный причинить великаго безпокойства, а Персидскія напротивъ того, будучи тяжелы, и имѣя высокой носъ и палубу, потерпятъ отъ него весьма сильную качку. Между тѣмъ, какъ Греки предпринимали столь благоразумныя мѣры, варвары дѣлали величайшія ошибки. Сперва они стройно поплыли; но вошедъ въ Саламинской проливъ, принуждены были фрунтъ свой согнуть, и слѣдственно притти въ безпорядокъ и ослабѣть. Ѳемистоклъ, видя благопріятное время, воспользовался онымъ. Онъ съ великою смѣлостію напалъ на Адмиральскій корабль, которымъ командовалъ братъ Ксерксовъ; корабль сей былъ самый сильнѣйшій изо всего флота: онъ былъ такъ огроменъ, что съ палубы его бросали, какъ бы съ нѣкакой высокой стѣны. Два Аѳинскихъ корабля Л. М. 3524.
послѣдовали за Ѳемистокломъ, толкнулись крѣпко въ Адмиральскій корабль и съ нимъ сцѣпились. Предводитель Персовъ соскочилъ на одинъ изъ сихъ кораблей, на коемъ мужественно сражался, но при всей своей храбрости убитъ и брошенъ за бортъ, а корабль его потопленъ. Тѣло его, плавающее по водѣ, Артемиза узнала и приказала выта-

до Р. Х. 480.

щить, для отданія ему должныхъ породѣ и мужеству его послѣднихъ почестей.

Сїе первое нещастїе было какъ бы предвозвѣстїе совершеннаго разбитія Персовъ. Смерть начальника ихъ распростерла смятенїе по всему флоту. Власть, которая столь сильна бываетъ, когда имѣетъ ее одинъ кто нибудь, потеряла отъ раздѣленія своего всю свою силу, и множество несогласныхъ между собою повелителей увеличило еще больше безпорядокъ и замѣшательство. Греки неупустили выгоднымъ для нихъ случаемъ симъ воспользоваться. Ревнїе и храбрость, присоединясь къ необходимости сраженїя, до которой они доведены были, понудили ихъ броситься на варваровъ съ такою лютостїю, что при первомъ ударѣ потопили они многїя суда ихъ, прободая оныя мѣдными шпиронами своими; у многихъ поломавъ весла, учинили они ихъ со всѣмъ неспособными къ употребленїю, и разсыпали Финикїанъ, самыя лучшія Персидскїя войска.

На семъ сраженїи Артемиза явила храбрость приличную мужу; а Ксерксъ оказалъ слабость свойственную женѣ; онъ не могъ мужеству ея не воздать достойной похвалы, хотя и долженъ былъ завидовать оному. Царица сїя, видя, что гонится за нею одинъ Аѳинскїй, гораздо сильнѣйшїй судна ея, корабль, выдумала хитрость, посредствомъ которой купно и отмстила за себя и спаслась: перемѣнивъ движенїе свое, напала на корабль Дамазитима, Царя Коландїенскаго, съ которымъ въ Геллеспонтѣ поссорилась, и потопила оный. Гнавшїеся за нею Аѳинцы, видя, что она съ толикимъ жаромъ сражается съ Персидскимъ кораблемъ, сочли судно ея Греческимъ, или ихъ сторону державшимъ, перестали за нею гнаться, а она между тѣмъ ушла. Персы съ своей стороны также обманулись: зная Артемизинъ флагъ, подумали они, что потопленное ею судно было Греческое; самъ Ксерксъ, видѣвъ ее сража-

ющуюся, не могЪ хитрости ея проникнуть; ибо усмотря, что Греки начинаютЪ торжествовать, вскричалЪ онЪ: *здѣсь женщины сражаются какЪ мужчины, а мужчины какЪ женщины.* Артемиза храбростію своею была столь извѣстна и страшна ГрекамЪ, что они обѣщали десять тысячь драхмЪ тому, кто ее возметЪ. Л. М. 3524. до Р. Х. 480.

Битва однакожЪ нѣсколько времени была сумнительна, и сЪ обѣихЪ сторонЪ сраженіе продолжалось сЪ равнымЪ упоромЪ; но Аѳиняне, обратившй вЪ бѣгство ФиникіанЪ, КиликіанЪ, ПамфилянЪ и ЛикіанЪ, поколебали вскорѣ остальныхЪ. Возстало несогласіе между вспомогательными Персидскими войсками, и обращенныя Греками вЪ бѣгство суда, сходясь сЪ подававшимися вЪ передЪ для сраженія, сталкивались однѣ сЪ другими и разбивались. Іоняне сдержали слово свое, данное ГрекамЪ, и уклонились отЪ боя. Сему примѣру многіе другіе народы послѣдовали. Египтяне, выступя кЪ открытому морю, задерживали и брали бѣгущихЪ; на конецЪ ночь прекратила какЪ самую дотолѣ славнѣйшую, такЪ купно и самую щастливѣйшую для ГрековЪ битву, поелику оная колеблющуюся свободу ихЪ паки утвердила, и сохранила отечество ихЪ, весьма недалеко отЪ паденія своего отстоявшее. На семЪ сраженіи повреждено у нихЪ и потоплено было токмо сорокЪ судовЪ; ПерсыжЪ потеряли оныхЪ двѣсти, не щитая взятыхЪ вЪ плѣнЪ со всѣми людьми и ушедшихЪ, ужасаясь столькожЪ гнѣва Царя Персидскаго, сколько храбрости Греческой.

КсерксЪ, вмѣсто того, чтобЪ собирать остатки флота своего, занимался токмо мщеніемЪ, казня подданныхЪ своихЪ худо сражавшихся. ОднакожЪ, на другой день послѣ баталіи, искра храбрости отрыгнула вЪ сердцѣ его. ОнЪ вознамѣрился соединить островЪ СаламинЪ сЪ матерою землею, посредствомЪ моста изЪ судовЪ, дабы перевести по оному сухопутную армію свою. Мардоній совѣ-

товалЪ ему отложить намѣренїе сїе и удалиться вЪ Персїю. ОнЪ имѣлЪ нѣкоторые особливые виды кЪ поданїю ему сего совѣта, будучи вЪ томЪ способствуемЪ Артемизою; однакожЪ за успѣхЪ желанїй своихЪ болѣе обязанЪ онЪ хитрости Өемистокловой. Послѣ Саламинскаго боя, Греки имѣли совѣтЪ, на которомЪ предложено было итти разломать мостЪ, наведенный КсерксомЪ чрезЪ ГеллеспонтЪ. ӨемистоклЪ, опасаясь раздражать отчаянїе, могущее превратиться вЪ храбрость, и желая непрїятелямЪ своимЪ золотаго кЪ побѣгу моста, представилЪ ГрекамЪ, что не для чего оставлять имЪ ПерсовЪ, имѣя у себя и безЪ оныхЪ довольное число враговЪ; что щастїе оружїя перемѣнчиво, и что опасно принуждать ПерсовЪ, чтобЪ они противЪ воли своей паки храбрость свою возпрїяли, и дали бы снова бой, могущїй учиниться пагубнымЪ для ГрековЪ. Сколько совѣтЪ сей ни былЪ благоразуменЪ, однакожЪ не приняли онаго, и ӨемистоклЪ, видя, что противное превозмогаетЪ мнѣнїе, принужденЪ былЪ прибѣгнуть кЪ обыкновеннымЪ хитростямЪ своимЪ: онЪ тайнымЪ образомЪ далЪ знать Ксерксу, что Греки хотятЪ овладѣть мостомЪ. Сей легковѣрный Государь, устрашась таковой предпрїимчивости, возвратился сЪ малымЪ числомЪ людей кЪ Геллеспонту, гдѣ нашелЪ мостЪ свой вЪ весьма худомЪ состоянїи. И такЪ МонархЪ сей, обуздовавшїй море, прокапывавшїй горы, засыпавшїй долы, изсушавшїй рѣки, покрывавшїй безчисленнымЪ множествомЪ судовЪ своихЪ морскїя бездны, сопровождаемый предЪ недавнымЪ временемЪ милїонами людей, одинЪ, всѣми оставленный, со страхомЪ и трепетомЪ едва успѣлЪ спастися, и еще щастливымЪ себя почиталЪ, что могЪ найти рыбачью лодку, для переѣзда обратно чрезЪ ГеллеспонтЪ.

Греки, узнавЪ обЪ уходѣ Персидскаго флота, послѣдовали за нимЪ до самаго Андроса; но ни гдѣ не встрѣтясь сЪ онымЪ, показали мщенїе свое надЪ тѣми

островами, кои не держались ихъ стороны; и напослѣдокъ возвратились опять къ Саламину, для засвидѣтельствованія признательности своей отечественнымъ богамъ, коимъ посвятили они три Финикійскихъ о трехъ ярусахъ галеры, и воздвигли колоссальную, двенадцати локтей въ вышину, статую, держащую обломки разбитаго корабля. Егинеты же особливо принесли въ даръ три золотыхъ звѣзды, утвержденныхъ на мачтѣ. Начальникамъ оказали они также свою благодарность: Еврибіадъ объявленъ былъ самымъ храбрѣйшимъ, а Өемистоклъ самымъ благоразумнѣйшимъ изъ Грековъ, и къ похваламъ симъ присовокупленъ былъ еще масличный вѣнецъ.

Мардоній, оставшись въ Греціи для возстановленія въ ней Ксерксовой чести, потерялъ свою. Армія его разбита была и самъ онъ погибъ. Сто тысячь Грековъ напали на него и побили его на голову. И такъ отъ перемѣны въ войскѣ Ксерксовомъ начальника щастіе его не перемѣнилось. Въ тотъ же самый день былъ онъ еще разбитъ на морѣ при Микалѣ, мысѣ Малой Азіи, гдѣ Греки весь остальной флотъ его истребили. Сіе послѣднее разбитіе его произошло слѣдующимъ образомъ: послѣ Саламинской битвы, Леотихидъ Лакедемонянинъ, и Ксантиппъ Афинянинъ, получа главное надъ Греческимъ флотомъ начальство, собрались въ Егинѣ, откуда съ двумя стами пятьюдесятью судами поплыли къ Делосу. Самосскіе жители, явясь къ нимъ на семъ островѣ, стали просить, чтобъ они избавили ихъ отъ ига варваровъ. Персы, имѣвшіе флотъ свой въ Самосѣ, увѣдомясь о приближеніи Грековъ, ушли немедлѣнно въ Микаль; но обладавшій ими страхъ предвозвѣщалъ имъ, что суда ихъ не могутъ быть тутъ безопасны; чего ради вытащили они ихъ на берегъ, обвели вокругъ валомъ и широкимъ рвомъ, и собрали для обороны ихъ сто тысячь человѣкъ войска. Леотихидъ, остановясь на якорѣ предъ Микалемъ, велѣлъ одному судну

Л. М. 3525. до Р. Х. 479.

подойти какъ можно ближе къ берегу и громкимъ голосомъ закричать, что Персы побѣждены при Платеѣ. Онъ выдумалъ сїю хитрость для устрашенїя Персовъ, и чтобъ возмутить Грековъ находившихся въ ихъ флотѣ. Обманъ сей, содѣлавшїйся послѣ того правдою, возъимѣлъ щастливый успѣхъ. Греческїя войска вышли изъ судовъ на берегъ, построились въ боевой порядокъ, разбили совершенно Персовъ, и взяли всѣ ихъ суда. Варвары, избѣгнувшїе отъ меча на семъ послѣднемъ сраженїи, убѣжали въ Сарды, гдѣ извѣстили они Ксеркса о совершенномъ истребленїи обѣихъ его армїй. По полученїи сего извѣстїя, нещастный Государь сей оставилъ Лидїю, и понесъ горесть и стыдъ свой въ Персїю: онъ сими нещастїями своими въ такое пришелъ у подданныхъ своихъ презрѣнїе и ненависть, что они вскорѣ потомъ его убили.

Остальное, что надлежитъ узнать еще о мореплаванїи древнихъ Персовъ, сопряжено съ мореплаванїемъ Грековъ.

КНИГА ТРЕТЇЯ.

О

МОРЕПЛАВАНЇИ ГРЕКОВЪ.

Древняя Грецїя граничила къ сѣверу съ Ѳракїею и Иллирїею; къ югу съ Кандїйскимъ, къ востоку съ Егейскимъ, а къ западу съ Їонїйскимъ морями. Всѣ окружающїе твердую землю острова состояли также подъ ея правительствомъ. Изъ сего мѣстоположенїя видно, сколько выгодъ и преимуществъ имѣла она для мореплаванїя. Однакожъ начало мореходства ея вовсе не извѣстно, и дабы отыскать оное, надлежитъ, послѣдуя Варрону, различать три Греческихъ вѣка: первый, называемый имъ темнымъ, простирается отъ сотворенїя мїра до потопа Огигеева; второй, нарицаемый баснословнымъ, начинается отъ сего потопа, и продолжается до первой Олимпїады; а третїй, именуемый историческимъ, прїемлетъ начало свое отъ первой Олимпїады; многїежъ другїе писатели различаютъ четыре вѣка между Греками: первый отъ основанїя небольшихъ Греческихъ государствъ продолжается даже до Троянской осады; второй отъ Троянской войны до сраженїя при Маратонѣ; третїй отъ сей битвы до смерти Александровой; а четвертый на конецъ отъ времени сего побѣдителя до владѣнїя Римлянъ. Согласующїеся въ раздѣленїи сихъ вѣковъ не согласуются во времени, сколько оные продолжались. По чему держусь я раздѣленїя Варронова, которое въ основанїи своемъ не различествуетъ отъ другаго.

Въ первомъ вѣкѣ Грековъ, или въ вѣкѣ темномъ, не видно ни какихъ слѣдовъ мореходства; чего ради и не остановлюсь я надъ онымъ. Стихотворцы, жившїе во второмъ вѣкѣ, обезобразили всѣ дѣянїя онаго вымыслами

пылкаго воображенія; бытописатели же, слѣдуя по стопамъ ихъ, весьма спутали и затмили повѣствованія свои, помѣщая въ оныхъ баснословныя сказанія. Но дабы не оставить пустаго мѣста въ предназначенномъ мною расположеніи, начну я описывать мореплаванія втораго вѣка Греціи.

Окруженные моремъ Греки, и вдоль по берегамъ онаго распространившіеся, весьма выгодное для мореплаванія занимали мѣстоположеніе; но какъ состояли они изъ множества не большихъ особо отдѣленныхъ обществъ, другъ другу недовѣрявшихъ, и всегда почти въ войнѣ между собою находившихся, то долгое время были они безъ всякаго на морѣ соединенія и безъ флота: каждый народъ имѣлъ свои суда, и не осмѣливаясь далеко отходить, занимались разбойническимъ промысломъ: они взаимно другъ друга грабили, нападали одни на другихъ, и опустошали города, бывшіе тогда почти безъ всякой обороны и укрѣпленій. Таковое разбойничество почиталось у нихъ за честное дѣло. Миносъ прекратилъ сіе. Поелику былъ онъ Царь Кандійскій, и Цикладскіе острова ему повиновались, то собравъ знатныя морскія силы, освободилъ онъ всѣ окрестныя моря отъ всеобщихъ разбоевъ, и возстановилъ на нихъ спокойствіе.

Спустя около пятидесяти лѣтъ послѣ Миноса, воспослѣдовало отправленіе Аргонавтовъ въ Колхосъ, по слѣдующему случаю: Язонъ, Князь Ѳессалійскій, былъ еще молодъ, и такія имѣлъ способности, каковыми природа не награждаетъ такъ щедро простолюдима. Пелій, Ѳессалійскій Царь, дядя его, взявшій на себя попеченіе о его воспитаніи, болѣе встревоженъ, нежели обрадованъ былъ таковыми столь знатными въ племянникѣ своемъ качествами. Онъ усматривалъ въ немъ довольно много какъ честолюбія къ помышленію свергнуть его съ престола, такъ и мужества къ таковому предпріятію; по чему,

дабы утвердить престолъ свой, казавшійся ему весьма ненадежнымъ, вознамѣрился онъ отдалить его подъ нѣкоторыми благовидными предлогами: онъ предложилъ ему завоеваніе златаго руна, твердо надѣясь, что онъ по пылкости своей, смѣлости, и славолюбію, уловленъ будетъ представляемою ему прелестію, и что въ путешествіи семъ погибнетъ или отъ волнъ морскихъ, или отъ рукъ варваровъ. Не проникавшій намѣреній дяди своего Язонъ взялся съ великою ревностію за столь благопріятный къ отличенію своему, и къ пріобрѣтенію себѣ знаменитаго имени, случай. Для исполненія сего предпріятія, велѣлъ онъ соорудить первый еще появившійся тогда, какъ утверждаютъ Овидій и Катуллъ, длинный корабль, коему дано было имя Аргосъ, или по тому, что оный сооруженъ былъ Аргусомъ, или по причинѣ поворотливости его, или для того, что находившіеся на немъ Греки, назывались Аргіенцами: ибо сіи суть различныя ученыхъ о семъ мнѣнія. Все земли той юношество, прельщаясь блескомъ столь славнаго похода, приступило къ Язону съ прозбою о принятіи онаго въ число своихъ сотоварищей; но онъ избралъ изъ нихъ токмо самыхъ знатнѣйшихъ породою и достоинствомъ, и тѣхъ, кои слыли Греческими героями; всѣхъ ихъ было восемдесятъ человѣкъ; они по имени того судна, на коемъ плыли, назывались Аргонавтами.

Снявшись съ якоря направили они путь свой къ Понту Евксинскому; но какъ не были они еще искусные мореходцы, то лишь токмо перешли чрезъ Ѳракійскій Босфоръ, какъ уже отъ приближенія къ *Симплегадскимъ* островамъ были въ крайней тревогѣ; сіи острова суть двѣ *Сіанеевы* каменныя скалы, при входѣ въ море сіе представляющіяся, къ коимъ по видимому занесены они были или быстрыми теченіями или вѣтрами; однакожъ благополучно прибыли они въ *Колхиду*, извѣстную нынѣ подъ именемъ *Мингреліи*. Намѣреніе путешествія сего, по

баснословію, состояло въ похищеніи златаго руна; а дѣйствительно предпринималось оное для того, чтобъ обогатиться золотыми земли той рудами, и чтобъ закупить въ ней Колхидскихъ шерстяныхъ матерій, или рунъ, употребляемыхъ для собиранія несомаго съ пескомъ въ рѣкахъ золота. Когда Піиты говорятъ, что Язонъ первый вошелъ въ сіи неизвѣстныя моря, то сіе значитъ, что онъ первый плавалъ по нимъ на большомъ кораблѣ; ибо онъ шелъ токмо по слѣдамъ Фрикса и Гелла, проложившихъ ему путь въ оныя.

Всѣ писатели одинаково повѣствуютъ о путешествіи Аргонавтовъ до Колхиды; но различно пишутъ о возвратномъ ихъ пути. Флаккъ говоритъ, что, переплывъ Черное море, прибыли они къ устьямъ Дуная, и о дальнѣйшемъ плаваніи ихъ ничего не упоминаетъ. Аполлоній ведетъ ихъ паки въ верьхъ сей рѣки; а нѣкоторые худые Географы полагаютъ, яко бы они пустились по оной въ Адріатическое море; но Плиній говоритъ, что изъ Дуная перешли они въ Саву, перенеся корабль свой на плечахъ за Альпинскія горы, даже до той рѣки, по которой дошли они до Адріатическаго залива, куда впадаетъ она около Тегесша, и отъ того получаетъ названіе Наупорта: оная есть Квіето, не большая рѣка, протекающая въ Истріи. Напослѣдокъ вѣтромъ замчало ихъ въ По, откуда пробрались они въ Ронъ, по видимому паки перетаскивая корабль свой, и сходили на Стекадскіе, нынѣ Гіерскіе острова, отъ коихъ возвратились въ отечество свое. Издатель приписуемой Орфею поемы утверждаетъ, яко бы они еще пространнѣйшій путь совершили. По мнѣнію его чрезъ Симмерійской Босфоръ вступили они въ Палусъ Меотидесъ, откуда прошли Дономъ въ Сѣверныя моря, потомъ, обходя Европу, чрезъ Иракловы столбы вошли паки въ Средиземное море. Нѣкоторые писатели говорятъ, что Аргонавты не на плечахъ

корабль свой несли по берегу, но тащили машинами; другіе думаютъ, что съ ними былъ не одинъ корабль, но цѣлый флотъ. Марсіалъ держится мнѣнія тѣхъ, кои полагаютъ, что они имѣли одинъ токмо корабль, называемый Аргомъ, и увѣряетъ, что при жизни его видѣнъ былъ еще нѣкоторый остатокъ сего столь славнаго судна (а).

Нѣкоторые ложно вообразили себѣ, будто Язонъ токмо четыре мѣсяца пробылъ въ путешествіи своемъ, что со всемъ невѣроятно. По мнѣнію Овидія, походъ его продолжался три года, какъ то явствуетъ изъ сказанныхъ ему Гипсипилою словъ, когда она, по возвращеніи его, увидѣлась съ нимъ на островѣ Лемносѣ (б).

За отправленіемъ Аргонавтовъ вскорѣ послѣдовала Троянская война. Мореплаваніе въ сей толико славной въ древности войнѣ имѣло слѣдующее участіе: Исторія о Парисѣ, который былъ причиною оной, столь извѣстна, что я не нахожу за нужное останавливаться здѣсь для описыванія ея. Всякъ знаетъ какую цѣпь нещастій судъ его произвелъ. Парисъ, плѣняясь болѣе пустыми заразами красоты, нежели твердыми прелестями мудрости, рѣшилъ въ пользу Венеры споръ, въ которомъ Паллада безъ сумнѣнія долженствовала имѣть преимущество. Венера за судъ его наградила обладаніемъ прекраснѣйшей въ свѣтѣ женщины: оная была Елена, супруга Менелая, Царя Спартанскаго, въ Пелопонезѣ. Парисъ, вооруживъ двадцать

(а) Fragmentum quod vile putas, et inutile lignum,
haec fuit ignoti prima carena navis;
Q a n nec Cyaneæ quondam potuere ruinæ
Frangere, nec Scythici triſtior unda freti,
Sæcula vicerunt: ſed quamvis ceſſerit annis,
Sanctior eſt ſalvâ parva tabella rate.

(б) Tertia meſsis erat, cum, tu dare vela coactus,
impleſti lachrymis talia verba tuis:
Abſtrahor, Hypſipyle; ſedent modo fata recurſum
Vir tuus hinc abeo, vir tibi ſemper ero.
Quod tamen é nobis gravida celatur in alvo,
Vivat: et ejuſdem ſimus uterque Parens.

судовъ, поплылъ на оныхъ въ Грецію, подъ тѣмъ предлогомъ, яко бы хочетъ освободить похищенную нѣкогда Геркулесомъ тетку свою Гезіону. Онъ прибылъ въ Спарту, гдѣ принятъ былъ Менелаемъ съ великою ласковостію и учтивствомъ; но когда Менелай для исправленія нѣкоторыхъ дѣлъ своихъ, отъѣхалъ на островъ Критъ, тогда Парисъ, нарушивъ всѣ законы гостепріимства, похитилъ Елену, и увезъ ее въ Трою, что самое и было пагубною причиною подавшею поводъ къ совершенному города сего разоренію. Менелай, раздраженный сею презѣльною обидою, замѣшалъ въ мщеніе свое брата своего Агамемнона, Царя Мисенскаго, и всѣхъ Князей Греческихъ.

Князья сіи, почитая таковую обиду за стыдъ вообще всѣмъ имъ нанесенный, и желая загладить оный, соединили силы свои. Они вооружили флотъ состоящій по
Л. М. 2820. до Р. Х. 1184. мнѣнію Гомера, изъ тысячи ста судовъ; а по мнѣнію Овидія, ровно изъ тысячи; Фукидидъ же число онаго почитаетъ гораздо меншимъ, увѣряя, что стихотворцы увеличили оное. Отправясь изъ Олиды, лежащей въ Беотіи, противъ острова Евбея, поплыли они къ городу Трои и осадили оный. Троя былъ Фригійскій городъ, построенный Дарданомъ въ Малой Азіи близъ Геллеспонта, на берегахъ Егейскаго моря. Онъ славился великостію своею и богатствомъ. Пріамъ, отецъ Парисовъ, привелъ его въ самое цвѣтущее состояніе; но по десятилѣтней осадѣ городъ сей обращенъ въ пепелъ, и побѣдительные Греки, обогатясь грабежемъ онаго, возвратилися паки въ свое отечество. Въ прочемъ въ мореплаваніи ихъ не произошло ничего достопамятнаго; одно Улиссово странствованіе по морямъ достойно описанія.

Улиссъ, Царь Итаки и Дулихіи, двухъ неболшихъ Іонійскаго моря острововъ, отъ чрезвычайной любви къ Пенелопѣ женѣ своей, притворился безумнымъ, дабы нейти ему на Троянскую войну; но какъ открылся обманъ

его, что присоединился онъ къ Греческимъ Князьямъ, и наконецъ хитростями его доведенъ былъ великолѣпный городъ сей до паденія. Послѣ сего славнаго похода, поплылъ онъ въ отечество свое съ двенадцатью кораблями. Съ начала прибило его бурею къ Ѳракійскимъ берегамъ въ Синоніанскую землю; оттуда отправясь, прошелъ онъ Делосомъ, и направилъ путь свой къ Малейскому мысу, извѣстному по частымъ на берегахъ его кораблекрушеніямъ. При подхожденіи къ оному постигшая его жестокая буря бросила корабль его на мѣль. Оправясь паки отъ сего приключенія, зашелъ онъ къ Ситерскому острову, нынѣ Серига, откуда занесенъ былъ въ Лотофажскую землю, названную такъ по имени Лотона, столь вкуснаго плода, что Улиссовы сопутники, отвѣдавъ онаго, не хотѣли возвращаться въ Грецію. Нѣкоторые писатели полагаютъ жителей сихъ въ Африкѣ; иные помѣщаютъ ихъ въ Сициліи, ссылаясь на Гомера, который говоритъ, что Улиссъ отъ Лотофажской земли до Циклопской плылъ одни токмо сутки; въ чемъ не могъ бы онъ успѣть, когдабъ жители первой изъ нихъ находились на берегахъ Африки. По соображенію тѣхъ, кои помѣщаютъ Лотофаговъ въ Африкѣ, Улиссъ, странствовавшій, какъ видно, по морю, въ бурныя погоды, занесенъ былъ оттуда въ Сицилію. Прибывъ къ горѣ Етнѣ, гдѣ жили Циклопы, попался онъ въ руки славнѣйшаго изъ нихъ, по имени Полифема, который шесть сопутниковъ его съѣлъ, и изъ особливой милости къ нему, обѣщался пожрать его послѣдняго; но Улиссъ, упоивши его, изболъ одно токмо и бывшее у него око, и симъ образомъ отъ рукъ его избавился. Бурею прибило его къ Еолійскимъ островамъ, оттуда, съ попутнымъ вѣтромъ, поплылъ онъ въ Итаку; но перемѣнившійся противный вѣтръ принесъ его паки къ тѣмъ же островамъ, при коихъ онъ уже былъ не долго, потому, что не хотѣли его принять на оныхъ. Отправясь отъ

нихъ, остановился онъ на якорѣ при Лестригонскомъ берегѣ, близъ того мѣста, гдѣ находится нынѣ Гайетская пристань. Сїи лютые народы пожрали нѣкоторыхъ его служителей, и потопили одиннадцать изъ его кораблей; остался у него одинъ токмо корабль, на которомъ спасся онъ, и убѣжалъ къ Италїанскимъ берегамъ, на тотъ островъ, на коемъ Цирцея, дщерь Солнцева, царствовала. Ускользнувши отъ прелестей чародѣйственницы сей, поплылъ онъ, какъ повѣствуютъ нѣкоторые писатели, къ океану, вошелъ въ оный, пробрался даже въ Велико-Британїю, къ берегамъ Рейна, и наконецъ построилъ городъ Лиссабонъ, названный по имени его Улиссипомъ; но искусные толкователи не прїемлютъ преданїя сего.

Ирой нашъ, миновавъ островъ обитаемый Сиренами, проходилъ мимо Кампанскихъ и Люканскихъ береговъ, гдѣ оставилъ достопамятные знаки прохода своего. Обошедъ Брютинскую землю, остановился онъ на якорѣ въ Темезѣ. Оттуда перебрался чрезъ отдѣляющїй Италїю отъ Сицилїи проливъ, избѣгнувъ благополучно отъ находящихся при входѣ и выходѣ онаго славныхъ лудъ Скиллы и Харибды, но едва токмо успѣлъ онъ избавиться отъ сей опасности, какъ вдругъ ввергнутъ былъ въ другую: судно его претерпѣло кораблекрушенїе, всѣ служители его погибли, одинъ токмо онъ спасся на обломкѣ мачты, и вышелъ на Огигейскїй островъ, на коемъ царствовала Калипса. Очарованный прелестями сея Нимфы, упоившей его забавами, прожилъ онъ на ономъ шесть, семь или десять лѣтъ; ибо писатели различно упоминаютъ о долговременности пребыванїя его на семъ островѣ, предававшагося совершенной нѣгѣ и сладостямъ роскоши; но когда любовь къ отечеству, возникла паки въ сердцѣ его, восторжествовавъ надъ страстїю отъ привычки утоляющеюся, тогда самъ своими руками соорудилъ онъ судно, на которомъ уѣхалъ съ острова сего, избавясь отъ прелестей

ныхъ. Чрезъ нѣсколько дней плаванія своего, находился онъ въ виду Итаки; однако новою бурею паки отъ оной отдаленъ былъ. Между тѣмъ какъ судно его борясь съ волнами, претерпѣвало жестокую качку, упалъ онъ въ море и выплылъ на островъ Феакъ, нынѣ зовомый Корфу, на коемъ съ отличною ласкою принятъ былъ Алсиноемъ. Оттуда отправился снова къ Итакѣ, куда прибылъ послѣ десятилѣтняго странствованія по такому пути моря, который могъ бы онъ совершить менѣе нежели въ одинъ мѣсяцъ (а).

Между тѣмъ, какъ Улиссъ былъ такимъ образомъ игралищемъ волнъ и моря, остатки нещастныхъ Троянъ претерпѣвали такоежъ бѣдствіе. Видя городъ свой пламенемъ объятый, въ крайнемъ сердца своего сокрушеніи простились они съ преисполненнымъ скорби отечествомъ своимъ, и отошли въ другія страны искать убѣжища себѣ отъ лютости Грековъ. Антеноръ, Князь Троянской, поплылъ къ Италіи; онъ вошелъ въ Адріатическій заливъ, и построилъ тамъ городъ Падую. Франкъ отправился на берега Рейна для основанія новаго селенія; но знаменитѣйшій изъ всѣхъ избавившихся отъ жестокости Грековъ былъ Еней, зять Пріамовъ. Во время Трои лишился онъ Креузы жены своей; самъ же вознергнувъ на плечи свои отца своего Анхиза и домашнихъ боговъ, съ симъ дражайшимъ для него бременемъ, спасся и достигъ до флота своего, состоявшаго изъ двадцати судовъ и ожидавшаго его у пристани Антандроса, Фригійскаго города, лежащаго въ полуденномъ краю сея провинціи. Плаваніе его было столько же безпокойное, какъ Улиссово. Отправившись отъ Антандроса, присталъ онъ во Ѳракіи, или какъ Діонисій Галикарнасскій говоритъ, въ Палѣнѣ, Македонскомъ городѣ, на границахъ Ѳракіи, гдѣ построилъ

(а) Jactantur dubio per duo lustra mari. Ovid.

городЪ, названный по имени его Еносомъ. Оттуда продолжая путь свой, заходилЪ онЪ вЪ ДелосЪ, НаксосЪ, ДонизЪ, ОлїаросЪ, ПаросЪ, и многїе другїе Егейскаго моря острова; потомЪ остановился на якорѣ близЪ острова Кандїи, на коемЪ построилЪ два города. Отселѣ отплывЪ, положилЪ онЪ якорь у острова Цитеры, на коемЪ воздвигнулЪ храмЪ Венерѣ. ОбошедЪ Пелопонезскїй берегЪ поплылЪ онЪ кЪ СтрофадамЪ, откуда зашелЪ вЪ ЗасинтЪ, гдѣ построилЪ еще храмЪ Венерѣ. ПотомЪ, придерживаясь Епирскаго берега, добрался онЪ до самаго входа вЪ Адрїатическїй заливЪ, отколѣ, оставя берегЪ, перевалился чрезЪ Ионїйское море, направилЪ путь свой кЪ Италїи, миновалЪ Тарентy, и ея весь берегЪ, достигЪ до Сицилїи, и прошедЪ мысы Пашинскїй и Лилибейскїй, остановился на якорѣ у Дрепано.

По выступленїи паки вЪ море, претерпѣлЪ онЪ жестокую бурю, прибившую его кЪ Карѳагену на берегахЪ Африки. Оттуда поплылЪ онЪ вторично кЪ Сицилїи, отколѣ, послѣ различныхЪ, описанныхЪ Пїитами, похожденїй, прибылЪ вЪ КюмесЪ, городЪ Кампанїи, при ГаїетскомЪ заливѣ; отсюда сЪ семью токмо отЪ двадцати оставшимися у него кораблями вошелЪ вЪ устье Тибра: тутЪ кончилось семилѣтнее его мореплаванїе. Дїонисїй Галикарнасскїй увѣряетЪ, что Еней не входилЪ вЪ ТибрЪ, который для судовЪ его былЪ мѣлководенЪ, что мореплаванїе его продолжалось токмо два года и кончилось при Лаврентѣ. НѣкоторыежЪ, упоминаемые СтрабономЪ, писатели утверждаютЪ, что мореплаванїе Енеево есть совершенно баснословное. Соглашая ихЪ, вѣроятно кажется, что оное есть такое же, какЪ Улиссово; сиречь, преисполнено истинны и лжи, какЪ и всѣ рыцарскихЪ временЪ приключенїя.

Третїй вѣкЪ ГрековЪ, или время историческое, начинается сЪ первою Олимпїадою. Извѣстно, что Олимпїады

получили названіе свое отъ Олимпіа, города Пизанской области въ Пелопонезѣ, гдѣ торжественно отправлялись сіи столь знаменитыя у Грековъ игры. Геркулесъ Критскій, потомокъ Египетскаго Геркулеса, и гораздо древнѣйшій сына Алкмены, установилъ оныя; но какъ онѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ прерваны были, то Ифитъ, Царь Елидской, паки возобновилъ ихъ. Игры сіи состояли въ ристаніи, въ бояхъ, въ борбѣ. Онѣ чрезъ каждые четыре года, продолжались толикоежъ время, попеременно, и сіе число лѣтъ, въ которое онѣ отправлялись, называлось Олимпіадою. Писатели несогласны въ опредѣленіи времени первой Олимпіады; но не входя въ лѣточислительное разбирательство, до нашего здѣсь слова не принадлежащее, соглашаюсь я съ мнѣніемъ тѣхъ, кои полагаютъ первую Олимпіаду въ 3278 году отъ сотворенія міра; то есть, въ 406 мъ отъ разоренія Трои.

По обращеніи въ пепелъ сего, столь славнаго нещастіями своими, города, Греки возъимѣли охоту къ мореплаванію, и отправили поселенцовъ на многіе острова, въ Сицилію и въ Италію. Поелику всѣ вкупѣ составляли они разныя области, однѣ отъ другихъ не зависящія, то каждая область имѣла свое собственное мореходство. Коринѳъ, лѣжащій въ Пелопонезѣ близъ называемаго именемъ его перешейка, началъ славиться морскою торговлею и двумя пристанями своими. Коринѳяне сдѣлались искусными въ кораблестроеніи; они первые перемѣнили образъ судовъ, имѣвшихъ прежде одинъ токмо ярусъ для пятидесяти гребецкихъ банокъ, начавъ строить оныя о трехъ ярусахъ веселъ. Они учинились страшными на морѣ, и жителямъ Корсира, нынѣ Корфу, дали первую морскую битву. Сраженіе сіе состоялось за 260 лѣтъ до окончанія Пелопонезской войны.

Іоняне, обладатели Малой Азіи и многихъ приморскихъ мѣстъ, долгое время владычествовали на морѣ; они

наслаждались еще симъ при Кирѣ и сынѣ его Камбизѣ; но напослѣдокъ покорены были Крезомъ, Царемъ Лидійскимъ. Государь сей, желая такожъ и окрестные острова подвергнуть власти своей, располагался вооружить флотъ для сего похода; но ему нарочно съ хитростію сказано было, что сіи островитяне хотятъ отправить къ Іонянамъ десять тысячь коней, для способствованія имъ сложить съ себя иго Лидіанъ, и что по тому они весьма рады будутъ, когда Крезъ пришлетъ къ нимъ суда для перевоза оныхъ. Легковѣрный Царь Лидійскій дался въ обманъ, и не вооружилъ флота своего.

Фокеане, жители Фокиды, Греческой провинціи, между Беотіею и Етоліею лежащей, первые предприняли далекія мореплаванія; однакожъ они имѣли пятидесяти-весельныя токмо суда. Они завели селенія въ Адріатическомъ заливѣ на берегахъ Тирріенцовъ, Иберіи и въ Тартессѣ.

Аѳины, столица Аттики, гремевшая славою оружія своего, и отличившаяся изящными художествами, славилась также тремя пристанями своими, и знаменита была по морскимъ своимъ подвигамъ. Она имѣла съ Мегаромъ, Ахайскимъ городомъ, великія за Саламинъ распри. Островъ сей долгое время былъ поводомъ къ состязанію между сими двумя городами; но послѣ многихъ сраженій достался Мегарянамъ. Аѳиняне, стыдясь, что съ такимъ упрямствомъ безполезно стояли за такое мѣсто, которое не стоило толикаго труда, издали законъ, коимъ запрещалось подъ смертною казнію дѣлать какія либо предложенія о завоеваніи Саламина. Солонъ, почитая честь отечества своего страждущею въ семъ запрещеніи, притворился безумнымъ, дабы возобновить дѣло сіе, и околичными многократно о немъ предложеніями довелъ до того, что стали его слушать. Аѳиняне, возбуждены будучи словами его, выступили въ море, атаковали снова Саламинъ, и взяли оный.

Мегаряне, озлобясь потерею сею, искали способовъ къ отмщенію, и вмѣсто силы употребили хитрость: тайно отправились они на судахъ, для похищенія въ темнотѣ Аѳинскихъ женъ, въ то самое время, когда займутся онѣ Елевзинскими жертвоприношеніями, каковые отправлялись у нихъ ночью съ возженными факелами. Пизистратъ, предводитель Аѳинянъ, узнавъ о намѣреніи семъ, сталъ въ засадѣ съ молодыми Аѳинянами. Мегаряне, отнюдь не чая себя быть подстерегаемыми, вышли безпрепятственно изъ судовъ своихъ на берегъ; но лишь только хотѣли они приступить къ исполненію намѣренія своего, какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ окружены были и на голову побиты. Пизистратъ, пользуясь побѣдою своею, сѣлъ на суда Мегарянскія, и посадя на оныя Аѳинскихъ женъ, поплылъ къ Мегару. Мегаряне, увидя суда свои съ Аѳинскими женами, бросились толпою къ берегу, дабы поздравить соотечественниковъ своихъ съ удачнымъ въ хитрости ихъ успѣхомъ. Пизистратъ употребя ошибку ихъ въ пользу свою, почти всѣхъ ихъ перерубилъ, и едва не овладѣлъ Мегаромъ.

Аѳиняне вели еще войну на морѣ съ Египетами. Сіи смежные между собою народы, поссорясь, ополчились одни противъ другихъ. Но какъ Египеты, имѣя у себя превосходнѣйшее число судовъ, сильнѣе были на морѣ, то Аѳиняне купили оныхъ двадцать у Коринѳянъ, и симъ способомъ составили флотъ свой изъ семидесяти судовъ. Хотя Египеты имѣли оныхъ болѣе, однакожъ были побѣждены. Спустя нѣсколько времени Египеты одержали верхъ: они разбили Аѳинянъ и взяли у нихъ четыре судна со всѣми людьми. Ѳукидидъ замѣчаетъ, что флоты сіи были весьма не знатны, поелику состояли изъ малыхъ токмо судовъ, изъ коихъ не было ни одного о трехъ ярусахъ. Купленныя въ Коринѳѣ Аѳинянами суда были безъ сомнѣнія маловажныя, поелику заплачено за нихъ не болѣе пяти драхмъ.

Θемистоклъ, видя Аѳинянъ безпрестанно угнѣтаемыхъ Егинетами, и угрожаемыхъ ужаснымъ къ войнѣ приуготовленіемъ Ксерксовымъ, истощилъ всю силу красноречія своего, дабы обратить все вниманіе ихъ къ мореходству. Онъ представлялъ имъ ясно и убѣдительно, что иначе не могутъ они быть безопасны отъ столь сильныхъ непріятелей, какъ помощію морскаго ополченія. Повѣривъ ему, начали они прилѣжно стараться о познаніи мореходства. До того времени не было у нихъ кромѣ однихъ токмо грузовыхъ судовъ; но послѣ построили они ихъ великое число, и о трехъ ярусахъ. Сіи суда спасли Грецію, и были камнемъ претыканія, сокрушившимъ безмѣрную власть Персовъ, при славныхъ Артемизскомъ и Саламинскомъ сраженіяхъ, какъ мы то уже видѣли. Сіи суть достопамятныя на морѣ дѣянія Грековъ, отъ времени установленія Олимпіадъ. Для лучшей связи и порядка исторіи, надлежитъ включить здѣсь случившееся при владѣніи Кира, Камбиза, Дарія, Ксеркса, и то, что уже сказано мною въ повѣствованіи о мореплаваніи древнихъ Персовъ, а потомъ предложить о послѣдующихъ произшествіяхъ.

Ксерксъ, послѣ Саламинской баталіи, пришелъ въ области свои съ печальными отъ разбитія своего остатками, и выходъ его изъ Греціи былъ толико уничижителенъ, колико входъ его страшенъ. Между тѣмъ, Греки не теряли времени въ праздномъ увеселеніи плодами побѣды своей, но помышляли прилѣжно о дальнѣйшихъ отъ оной выгодахъ. Θемистоклъ велѣлъ паки возстановить разрушенныя Персами стѣны Аѳинскія, и какъ опытами узналъ онъ пользу происходящую отъ мореходства, то и побудилъ Аѳинянъ упражняться въ ономъ. Древніе Аѳинскіе Цари весьма не любили мореплаванія, и дабы вдохнуть въ народъ ненависть къ морю, вымыслили они басню о Минервѣ, тяжущейся съ Нептуномъ, кому изъ нихъ быть

богомЪ хранителемЪ АѳинЪ. НадЪ НептуномЪ, представлявшимЪ море, вЪ тяжбѣ сей одержана была побѣда. Аѳиняне такое имѣли отвращеніе отЪ мореходства, что тридцать тирановЪ велѣли перестроить и поворотить передомЪ кЪ землѣ одинЪ выстроенный на мѣстѣ, называемомЪ *ПниксЪ*, судебный домЪ, который стоялЪ окнами кЪ морю. ѲемистоклЪ исторгнулЪ всѣ сіи предразсудки, и поселилЪ вЪ АѳинянахЪ охоту кЪ мореходству, будучи увѣренЪ, что оное открываетЪ путь кЪ верховной власти. Спартанскіе жители, вЪ которыхЪ ЛикургЪ вдохнулЪ презрѣніе кЪ морскому дѣлу, увидѣли себя принужденными кЪ упражненію вЪ ономЪ, дабы противустать Персидской силѣ, которую не иначе преодолѣли они, какЪ посредствомЪ кораблей своихЪ.

Аѳиняне, увѣрясь, что морю одолжены они сохраненіемЪ отечества своего, рѣшились содержать морскія силы; а ѲемистоклЪ взялЪ благоразумнѣйшія кЪ умноженію оныхЪ мѣры. ГородЪ Аѳины имѣлЪ одну токмо небольшую пристань, коей недостаточно было для помѣщенія судовЪ цѣлой республики; ѲемистоклЪ присовѣтовалЪ народу сдѣлать такую, которая бы была пространнѣе сей. И такЪ построили славную, прекраснѣйшую изЪ всей Греціи, пристань Пирейскую, вЪ которой можно было помѣстить четыреста кораблей, и оная сЪ городомЪ соединена была стѣною вЪ двѣ тысячи шаговЪ. Но какЪ пристань безЪ судовЪ безполезна, то ѲемистоклЪ убѣдилЪ АѳинянЪ ежегодно строить оныхЪ по двадцати. ОнЪ присовѣтовалЪ также увольненіемЪ отЪ платежа податей и знатными преимуществами ободрить работавшихЪ вЪ Адмиралтействѣ ихЪ художниковЪ; чрезЪ что привлекли они безпредѣльное множество искусныхЪ работниковЪ, весьма нужныхЪ кЪ построенію и вооруженію флотовЪ ихЪ. ѲемистоклЪ, бдящій обо всемЪ, преклонилЪ также АѳинянЪ ко вступленію вЪ союзЪ сЪ Іонянами,

прежними друзьями своими, кои сильны были на морѣ. Сими мѣрами возвеличилъ онъ Аѳины предъ соперникомъ ихъ, Лакедемономъ, котораго морскія силы весьма были не велики.

Лакедемоняне съ своей стороны полученныя ими великія надъ Персами преимущества употребили въ пользу свою. Дабы освободить Греческіе города, бывшіе подъ владѣніемъ сихъ варваровъ, препоручили они Павзанію флотъ, состоявшій изъ осмидесяти Пелопонезскихъ судовъ, изъ коихъ тридцать было Аѳинскихъ, подъ начальствомъ Аристида. Павзаній поплылъ къ острову Кипру, возвратилъ оному прежнюю его свободу; потомъ подвинулся къ Геллеспонту, и взялъ Византію. Толь быстрые успѣхи далекобъ его провели, когда бы могъ онъ возпротивиться дарамъ Персидскимъ, или паче любостяжанію своему. Артабазъ, одинъ изъ Ксерксовыхъ Генераловъ, послалъ ему богатые подарки, кои вѣрность его поколебали. Павзаній, торжествуя надъ Персами въ Платеѣ, въ Кипрѣ и въ Византіи, бралъ города ихъ, и предавался ихъ порокамъ. Пораженъ будучи пышностію ихъ и утѣхами, сравнилъ умѣренную жизнь Спарты, бывъ ея Царемъ, съ роскошною жизнію Азіатцовъ, коихъ онъ былъ побѣдителемъ. Сперва вовлеченъ примѣромъ, а потомъ обольщенъ златомъ Персовъ, преклонился онъ на льстивыя ихъ предложенія, и измѣнилъ отечеству своему. Вѣроломство его обнаружилось и не осталось безъ наказанія. Греки оставили его, и пришедъ обвинили его въ Лакедемонѣ, гдѣ постыдная смерть помрачила всю пріобрѣтенную имъ на ратномъ полѣ славу.

Аристидъ благоразуміемъ своимъ паки все то поправлялъ, что Павзаній невѣрностію своею испортилъ. Добродѣтель его обратила на него взоры всей Греціи, и привлекла къ нему довѣренность отъ всѣхъ воюющихъ съ варварами народовъ. Ставъ начальникомъ ихъ,

доставилъ онъ Аѳинянамъ владычество на моръ, которое имѣли до того Лакедемоняне. Онъ присовѣтовалъ соединеннымъ городамъ возложить на себя добровольно нѣкоторые денежные сборы и подати, соразмѣрные имуществамъ каждаго, дабы можно было, во всенародныхъ сокровищахъ сихъ, находить пособія противъ новаго всегда угрожавшаго имъ отъ Персовъ нападенія. Сей совѣтъ его всеобщимъ согласіемъ утвержденъ былъ; и на него возложили попеченіе располагать симъ налогомъ. Препорученное ему дѣло хотя и было скользкое и щекотливое, однакожъ онъ исправлялъ оное съ такимъ безкорыстіемъ, что прозванъ за то *честнымъ*. Онъ опредѣлилъ ежегодную для сооруженія судовъ сумму, по мнѣнію Діодора, до пяти сотъ шестидесяти, а по мнѣнію Корнелія Непота, до четырехъ сотъ талантовъ (1), предположа деньги сіи хранить на островѣ Делосѣ.

Лакедемоняне не безъ зависти и опасенія взирали на то, что владычество моря перешло къ Аѳинянамъ. Сіе превосходство ихъ устрашало Спарту. Сенатъ, граждане, а особливо молодые люди, были такого мнѣнія, что надлежитъ всячески стараться паки оное возвратить. Етемаридъ, одинъ изъ Сенаторовъ, опасаясь междуусобія, истощилъ всю краснорѣчія своего силу на обезоруженіе зависти Лакедемонянъ, и хотя успѣлъ въ ономъ; однакожъ всегда оставалась въ сердцѣ ихъ искра гнѣва, которая, постепенно усиливаясь, произвела на конецъ, какъ мы то послѣ увидимъ, весьма гибельный для всей Греціи пламень.

Негодованіе Лакедемонянъ смягчено было на нѣсколько Л. М. 3531.
времени Етемаридомъ; но не совсѣмъ погашено. Не смѣя до Р. Х.
явнымъ образомъ напасть на Аѳинянъ, принялись они за 473.
начальника ихъ Ѳемистокла; обвинили его въ томъ,

К

(1) Аттической талантъ стоитъ тысячу ефимковъ.

яко бы соучаствовалъ онъ въ злоумышленіи Павзаніевомъ, и подвигали всѣхъ его непріятелей, дабы лучше удостовѣрить въ семъ злословіи, которое легко принято было Аѳинянами, коимъ слава сего великаго человѣка становилась въ тягость, и кои начинали страшиться заслугъ его. Ѳемистоклъ, дабы избѣгнуть лютости гнавшихъ его ненавистниковъ, убѣжалъ къ Персамъ.

Л. М. 3533. до Р. Х. 471. Аѳиняне, лишившись сего великаго человѣка, постановили на мѣсто его Кимона, сына славнаго Милтіада, побѣдившаго Дарія при Маратонѣ. Кимонъ, научившійся, при владѣніи еще отца своего, воинскому искуству, снарядилъ флотъ, съ коимъ поплылъ къ Византіи. Онъ овладѣлъ однимъ небольшимъ городомъ Еіономъ, въ которомъ жили Персы, и однимъ изъ Цикладскихъ островов, Сциросомъ, на коемъ поселилъ Аѳинянъ. Послѣ сего, возвратился паки къ Пирейской пристани, для учиненія въ оной гораздо знатнѣйшаго еще вооруженія: онъ приказалъ расширить двѣсти сооруженныхъ Ѳемистокломъ легкихъ судовъ, прибавя къ каждому выдавшіеся съ обоихъ боковъ помосты, для удобнѣйшаго помѣщенія на оныхъ бóльшаго числа воиновъ. Онъ усилилъ еще флотъ свой помощію союзныхъ народовъ, и съ тремя стами судовъ поплылъ къ Каріи и Ликіи; изгналъ всѣхъ Персовъ изъ завоеванныхъ ими провинцій, и освободя оныя, получилъ отъ нихъ для увеличенія флота своего новыя морскія силы. Все сіе происходило въ царствованіе Артарксеркса *Лонгемана*, вступившаго на престолъ послѣ Ксеркса, отца своего.

Пробужденные побѣдами Аѳинянъ Персы собрали паки морскія силы свои, и составили флотъ, по мнѣнію Діодора, изъ трехъ сотъ сорока, или, по мнѣнію Плутарха, изъ шести сотъ судовъ, надъ коими главное начальство имѣлъ побочной сынъ Ксерксовъ. Флотъ сей лежалъ на якорѣ въ устьѣ впадающаго въ Памфильское море Евримедона, во ожиданіи присоединенія къ оному осмидесяти

Финикїйскихъ судовъ: Кимонъ, искавшїй сраженїя съ симъ флотомъ, вскорѣ присовокупилъ его къ своему, которой состоялъ, по словамъ Дїодора, токмо изъ двухъ сотъ пятидесяти, или, по сказанїю Плутарха, изъ трехъ сотъ пятидесяти судовъ. Персы, при подхожденїи Аѳинянъ, снялись съ якоря, и вошли въ рѣку; но видя, что непрїятели за ними гонятся, обратились на встрѣчу къ нимъ. Бой начался весьма жестокой и побѣда долгое время была сомнительна, на конецъ оказалась оная на сторонѣ Аѳинянъ; они совершенно разбили Персовъ, потопили у нихъ великое число судовъ ихъ, и двѣсти изъ оныхъ взяли въ плѣнъ со всѣмъ снарядомъ; остальные ушли въ Кипръ; находившїеся на нихъ люди, вышли тамъ на берегъ, и для способствованїя бѣгству своему, всѣ покинутыя ими суда оставили во власть побѣдителя.

Кимонъ не упустилъ воспользоваться побѣдою своею. Прежде нежели достигъ о томъ слухъ до сухопутныхъ непрїятельскихъ войскъ, стоявшихъ лагеремъ на берегахъ Евримедона, посадилъ онъ на взятыя имъ суда самыхъ лучшихъ солдатъ своихъ, переодѣвъ ихъ въ платья убитыхъ или плѣнныхъ Персовъ. Сїи солдаты поплыли по рѣкѣ къ тому мѣсту, гдѣ варвары, почитая ихъ за нѣкоторую отряженную часть флота своего, дали имъ спокойно пристать къ берегу. При наступленїи ночи, Кимонъ высадилъ ихъ изъ судовъ, и поставилъ въ боевой строй безъ всякаго помѣшательства. Сїи тако переодѣтые воины бросясь съ великою яростїю на Персовъ, произвели надъ ними ужасное кровопролитїе. Варвары, будучи атакованы не извѣстными имъ непрїятелями, давали рѣзать себя почти безъ всякой обороны. Темнота ночи усугубляла смятенїе ихъ и страхъ. Избѣгая отъ опасности, стремились они къ оной; и не имѣя ни малѣйшаго подозрѣнїя въ хитрости Грековъ, бѣжали къ морю, для спасенїя своего на суда свои; но симъ самымъ предавались они въ

руки непріятелямъ своимъ, убивавшимъ ихъ по мѣрѣ, какъ они имъ попадались. Кимонъ, опасаясь, чтобъ жадность къ грабежу не разсѣяла солдатъ его, разсудилъ, для призыванія ихъ, зажечь свѣтильники на судахъ своихъ; что было сигналомъ къ отступленію. Они всѣ собрались и на завтрее въ честь побѣды своей воздвигли памятники на берегахъ рѣки.

Кимонъ весьма прославился сею битвою, послику одержалъ онъ вдругъ двѣ знатныя побѣды: одну на морѣ, а другую на сухомъ пути. Персы лишились на сихъ двухъ сраженіяхъ трехъ сотъ сорока судовъ, и болѣе двадцати тысячь воиновъ, взятыхъ въ плѣнъ, не щитая убитыхъ и раненыхъ; но щастіе Аѳинскаго Генерала не ограничилось еще сими преимуществами. Когда возвращался онъ съ побѣдительнымъ флотомъ, то встрѣтился съ восемьюдесятью Финикійскими судами, шедшими на помощь къ Персамъ, не знавъ о разбитіи оныхъ: онъ атаковалъ ихъ и взялъ; потомъ, продолжая путь свой къ Фракійскому Херсонесу, выгналъ изъ онаго овладѣвшихъ имъ Персовъ, и взялъ у нихъ тринадцать кораблей; оттуда обратился къ Тазосу, острову Егейскаго моря, не далеко отъ Ѳракіи отстоящему; атаковалъ мятежныхъ жителей его, разбилъ ихъ на морскомъ сраженіи, и взялъ у нихъ тридцать три судна, кромѣ городовъ и иныхъ принадлежащихъ имъ мѣстъ.

Артаксерксъ, уничиженный всѣми сими нещастіями, покушался поправить оныя; но въ то самое время, когда онъ пріуготовлялся къ новому ополченію, взбунтовались противъ него Египтяне, и добровольно избрали владыкою своимъ Инареса, Царя Ливійскаго. Артаксерксъ отправилъ противъ возмутителей сихъ состоявшее болѣе нежели изъ трехъ сотъ тысячь человѣкъ войско, подъ предводительствомъ Ахменеса, дяди своего, съ такимъ приказаніемъ, чтобъ все пожечь и порубить. Египтяне, предохраняя

себя отъ угрожающей имъ бури, просили помощи у Аѳинянъ. По нѣкоторомъ въ Аѳинахъ размышленіи о семъ дѣлѣ, на конецъ въ общемъ совѣтѣ положено, что надлежитъ дать помощь Египту, какъ для умаленія силы Персовъ, кои при всѣхъ потеряхъ своихъ всегда еще были страшны, такъ и для снисканія отъ Египтянъ дружбы, которая въ случаѣ могла быть полезною. И такъ отправили къ нимъ двѣсти судовъ. Съ симъ пособіемъ атаковали они Персидское войско, вдоль по берегамъ Нила распространившееся, и по упорнѣйшемъ сраженіи, разбили оное.

Артаксерксъ, стыдясь разбитія своего, собралъ паки, въ короткое время, такуюжъ многочисленную армію, какъ и первая, подъ предводительствомъ Артабаза и Мегабиза, и выслалъ въ море триста судовъ. Сухопутные войски его и флотъ, соображаясь во всѣхъ движеніяхъ своихъ, тянулись вдоль берега. По прибытіи ихъ въ Египетъ, Л. М. 3550.
начальники, провѣдавъ, что флотъ Аѳинянъ, коихъ му- до Р. Х.
жества они ужасались, стоитъ при одномъ омываемомъ 454.
Ниломъ островѣ, велѣли вырыть глубокіе каналы, въ кои впустили рѣчную воду, и оставили такимъ образомъ Аѳинскія суда на мѣли. Аѳиняне, видя корабли свои безполезными, сожгли ихъ, опасаясь, чтобъ оные не достались въ руки непріятелямъ. Египтяне, устрашены будучи первымъ симъ успѣхомъ Персовъ, вступили съ ними въ договоры. Аѳиняне, видя себя толь подлымъ образомъ оставленныхъ, рѣшились биться до послѣдней капли крови, и приготовились къ оборонѣ. Артабазъ и Мегабизъ зная сколь опасно нападать на людей отчаянныхъ, рѣшившихся побѣдить или умереть, разсудили за благо не доводить ихъ до сей крайности, и дали имъ волю возвратиться въ ихъ отечество.

Гордящіеся сими успѣхами Аѳиняне обладали безпрепятственно моремъ; но алчность къ распространенію

власти своей не дала имъ быть долгое время въ покоѣ: не имѣя у себя иноземныхъ непріятелей, обратили они оружїе свое на сосѣдей своихъ, которые, хотя въ защиту вольности своей соединенными силами и ополчились противъ нихъ, однакожъ разбиты были и побѣждены. По семъ предприняли Аѳиняне покорить подъ владѣнїе свое сильныхъ на морѣ Егинетовъ, противу коихъ отправили они знатной флотъ. Егинеты, превосходнѣйшїе мореходцы, собрали всѣ морскія силы свои, и не взирая на малочислїе оныхъ предъ Аѳинскими, а полагаясь на искуство и храбрость свою, вступили съ ними въ бой; однакожъ были разбиты, и лишась семидесяти судовъ, учинились данниками побѣдителей.

Аѳиняне находились тогда на высочайшемъ степени благоденствїя своего: по одержанїи вездѣ верха надъ Персами, покорили они почти всю Грецїю, и все на морѣ трепетало предъ ихъ кораблями. Кимонъ, зная духъ ихъ бранолюбивый, опасался того, чтобъ они, не терпя отдохновенія, не начали опять обезпокоивать какихъ либо сосѣднихъ народовъ; чего ради, дабы занять чемъ нибудь честолюбїе ихъ, присовѣтовалъ имъ начать новое вооруженїе противъ Персовъ, въ томъ намѣренїи, чтобъ освободить Греческїе города Малой Азїи. Для сего предпрїятїя дано ему было двѣсти судовъ, изъ коихъ шестдесятъ послалъ онъ въ Египетъ, а съ остальными поплылъ къ Памфильскимъ берегамъ. Мимоходомъ взялъ онъ нѣкоторые города на островѣ Кипрѣ; и какъ скоро на моряхъ сихъ появился флотъ Персидской, состоящїй изъ трехъ сотъ Киликїйскихъ и Финикїйскихъ судовъ, подъ предводительствомъ Артабаза, то Кимонъ напалъ на оный и привелъ его въ безпорядокъ: многїя суда потопилъ, сто изъ нихъ взялъ со всѣмъ екипажемъ, а за остальными гнался даже до Финикїйскаго берега. Плывшїе на оныхъ, видя за собою погоню, вышли на берегъ, и соединились съ сухопутною,

подъ начальствомъ Мегабиза, армїею. Аѳиняне, пылкою храбростїю влекомые, тотчасъ за ними появились предъ Персидскимъ лагеремъ; учинили на нихъ нападенїе, не давъ имъ времени осмотрѣться. Скорая и незапная для непрїятелей ихъ атака сїя даровала имъ побѣду. Послѣ сего подвига, сѣли они паки на свои суда и пристали къ острову Кипру, гдѣ Кимонъ безъ дальной трудности взялъ всѣ, не покоренные еще, города; однако предъ Саламиномъ, въ коемъ находился сильный и довольно снабдѣнный припасами гарнизонъ, былъ онъ остановленъ. Онъ облегъ его по правиламъ искуства и наступалъ на него сильно. Артаксерксъ съ лишенїемъ мѣста сего терявшїй всю славу оружїя своего, разсудилъ лучше дѣла свои поправить полезнымъ миромъ, нежели безвыгодною войною, и предложилъ о примиренїи Аѳинянамъ, кои, величаясь тѣмъ, что довели сильнаго Монарха сего до толикой крайности, приняли его предложенїя. И такъ гордость Персовъ уничижена была небольшою республикою, принудившею ихъ къ учиненїю постыднаго договора. Артаксерксъ обязался возвратить свободу Азїйскимъ Грекамъ, и не входить болѣе Понтомъ Евксинскимъ въ Егейское море, ни въ Средиземное, Памфильскимъ и Сирїйскимъ морями. Кимонъ умеръ въ Кипрѣ, посредѣ побѣдъ своихъ и славы. При послѣднемъ уже издыханїи своемъ, приказалъ онъ, чтобъ флотъ его немедлѣнно отведенъ былъ въ Аѳины; что и исполнено было.

Л. М. 3555. до Р. Х. 449.

Аѳиняне великаго человѣка лишились въ Кимонѣ; но мѣсто его заступилъ великїй же человѣкъ, а именно Периклъ, сынъ Ксантиппов, разбившїй Персовъ на сраженїи при Микалѣ.

Периклъ, видя себя верховнымъ правителемъ дѣлъ, началъ стараться о утвержденїи на морѣ владычества Аѳинянъ. Онъ умножилъ морскїя силы ихъ, и симъ средствомъ учинилъ ихъ страшными для всей Грецїи. Со

многочисленнымЪ и великолѣпнымЪ флотомЪ поплылЪ онЪ кЪ Понтійскому государству, дабы предЪ глазами варваровЪ блеснуть всѣмЪ величествомЪ Аѳинской власти. Пагубная суета, возбудившая зависть вЪ нѣкоторыхЪ сосѣднихЪ народахЪ, и наполнившая напослѣдокЪ Грецїю кровїю самыхЪ лучшихЪ ея гражданЪ! Когда жители острова Евбея, покоренные, при жизни еще Солона, Аѳинянами, взбунтовались, тогда ПериклЪ пришедЪ кЪ острову сему сЪ пятьюдесятью кораблями, атаковалЪ мятежниковЪ, и привелЪ ихЪ паки вЪ повиновенїе; и какЪ населявшїе восточной Евбейской берегЪ Гистїйцы побили солдатЪ одного взятаго ими вЪ плѣнЪ Аѳинскаго судна, то онЪ выгналЪ сихЪ, и на мѣста ихЪ поселилЪ АѳинянЪ.

Л. М. 3564. до Р. Х. 440. ЧрезЪ нѣсколько времени, Самосская война обнаружила еще болѣе способность Перикдову. Во время брани СамосцовЪ сЪ Милетскими жителями, Аѳиняне хотѣли быть ихЪ примирителями; но Самосцы не приняли ихЪ посредничества. ПериклЪ почитая за нужное принудить ихЪ кЪ принятїю онаго, приступилЪ кЪ Самосу сЪ сорокью кораблями, перемѣнилЪ вЪ ономЪ правленїе, подозрительное АѳинянамЪ по тѣмЪ связямЪ, каковыя градоправители имѣли сЪ Персами, и принудя СамосцовЪ заплатить за издержки вооруженїя, возвратился паки вЪ Аѳины. Самосцы, негодуя на повиновенїе свое АѳинскимЪ законамЪ, соединились сЪ Персами, пособившими имЪ выгнать всѣхЪ тѣхЪ, кои казались быть приверженными кЪ АѳинянамЪ. ПериклЪ, для покоренїя сихЪ островитянЪ, сѣлЪ паки на суда, и поплылЪ кЪ Самосу, по мнѣнїю Плутарха, сЪ сорокью четырьмя, а по мнѣнїю Дїодора, сЪ шестьюдесятью кораблями. ОнЪ нашелЪ СамосцовЪ не токмо готовыхЪ оборонять себя, но даже не уступить ему владычества на морѣ. Они находились близЪ Трагїи, одного изЪ СпорадскихЪ острововЪ, сЪ семьюдесятью судами, изЪ коихЪ двадцать вооружены были военною рукою. ПериклЪ атако-

валъ ихъ и разбилъ; но тѣмъ еще неудовольствовался: онъ усилилъ флотъ свой двадцатью пятью пришедшими изъ Хїо и Митилены кораблями, овладѣлъ Самосскою пристанью и осадилъ городъ. Когда онъ приступалъ къ нему со всѣхъ сторонъ, то увѣдомили его, что Финикїйскїй флотъ идетъ на помощь къ осаждаемому имъ городу; чего ради, для встрѣчи и сраженїя съ нимъ, выступилъ онъ съ шестью десятью кораблями въ море, и сдѣлалъ, какъ замѣчаетъ Плутархъ, великую въ семъ случаѣ ошибку; ибо предоставя осаду города не искуснымъ людямъ, упустилъ онъ тѣмъ самое важнѣйшее дѣло.

Отъ сей ошибки произтекли весьма худыя слѣдствїя; ибо Мелиссъ, Самосской Генералъ, пользуясь отсутствїемъ Перикла, сдѣлалъ на осаждающихъ вылазку. Сраженїе было кровопролитное, побѣду одержали Самосцы: они потопили и взяли не малое число кораблей, многихъ людей побрали въ плѣнъ, и очистя море, снабдили городъ свой всѣми нужными припасами. Периклъ весьма уничиженъ былъ разбитїемъ симъ; однакожъ вскорѣ оное поправилъ. Онъ присовокупя ко флоту своему шестьдесятъ судовъ присланныхъ изъ Аѳинъ и тридцать пришедшихъ изъ Митилины и Хїоса, поплылъ къ Самосу. Мелиссъ выступилъ на встрѣчу къ нему со флотомъ своимъ, и далъ съ нимъ бой. Периклъ, побѣдивъ его, осадилъ Самосъ сухимъ путемъ и моремъ; но щадя кровь солдатъ своихъ, облегъ онъ городъ и окружилъ его окопами. Онъ раздѣлилъ войско свое на восемь корпусовъ, изъ коихъ одинъ всегда отдыхалъ, между тѣмъ какъ прочїе семь сражались. Девять мѣсяцовъ стоялъ онъ предъ симъ мѣстомъ, желая лучше потерять время, нежели людей, и на конецъ терпѣливостїю своею взялъ оное. По завладѣнїи городомъ симъ велѣлъ онъ разрушить стѣны онаго, взялъ всѣ Самосскїя суда, и принудилъ жителей заплатить двѣсти талантовъ за военныя издержки. Завоеванїе сїе показалось толь важнымъ

въ Аѳинахъ, что когда Периклъ туда прибылъ, то знатнѣйшія госпожи въ богатыхъ убранствахъ подходили къ нему цѣловать у него руку, осыпали его цвѣтами, и возлагали на главу его вѣнцы, подобно какъ надѣвались оные въ публичныхъ играхъ на побѣдителей.

Между тѣмъ, какъ Аѳины, въ полномъ торжествѣ и благоденствіи, гордясь успѣхами своими, давали законы всей Греціи, прочіе Греки, а особливо Лакедемоняне, снѣдаемы были тайною завистію, готовою вспыхнуть и обнаружиться при малѣйшемъ предлогѣ. Возставшія между Корсиромъ и Коринѳомъ распри были какъ бы условнымъ всеобщаго возмущенія знакомъ. При появленіи сихъ вновь происшедшихъ раздоровъ вся Греція поколебалась, и вскорѣ за оными послѣдовалъ явный разрывъ. Пелопонезская война была первымъ соединившихся Грековъ покушеніемъ противъ Аѳинской власти.

Епидамнъ, названный Латинцами Диррахіумъ, по имени соорудившаго въ немъ морскую пристань, нынѣ Дурацо, есть Албанской городъ, лѣжащій при устьѣ впадающей въ Адріатической заливъ рѣки. Корсиряне и Коринѳяне были его основатели. Жители города сего раздѣлились на двѣ партіи, изъ коихъ самая сильнѣйшая выгнала слабѣйшую. Изгнанные пристали къ сосѣднимъ народамъ, и осадили отечество свое, дабы войти паки въ оное. Осажденные послали въ Корсиръ просить помощи, въ которой имъ отказано было. Они потребовали оной отъ Коринѳянъ, кои, или изъ дружбы своей къ нимъ, или по ненависти къ Корсирскимъ жителямъ, съ которыми не было у нихъ согласія, прислали къ нимъ войска. Раздраженные Корсиряне отправили къ осажденному городу флотъ изъ пятидесяти судовъ состоящій, для понужденія жителей или принять соотечественниковъ ихъ, или окончить споръ сей гласомъ правосудія, а не оружіемъ. Въ тожъ самое время представили они Коринѳянамъ, что паче надлежитъ имъ

пещись о потушенiи сего раздора въ самомъ его началѣ, нежели о вящшемъ воспаленiи онаго, какъ они то дѣлаютъ. Сiи представленiя были тщетны и съ обѣихъ сторонъ вооруженiями и союзами приготовлялись къ войнѣ.

Корсиряне появились предъ Епидамномъ; но какъ городъ сей отказалъ въ принятiи ихъ, то обступили они оный съ сорокью кораблями. Коринѳяне съ своей стороны выслали въ море состоящiй изъ тридцати кораблей флотъ, который, умноженъ будучи присланными къ нимъ отъ Мегарянъ, Кефалонянъ, Епидаврянъ, Гермiонянъ, Трезенянъ, Левкадянъ и Амбракiотцовъ, кораблями, простирался до семидесяти пяти судовъ. Корсиряне, кромѣ тѣхъ кораблей, которые имѣли они предъ Епидамномъ, держались на морѣ съ восемьюдесятью судами: когда оба флота сближились одинъ съ другимъ, то Корсиряне первые начали бой, который былъ весьма упорный и жестокiй; но побѣда осталась на сторонѣ превосходнѣйшаго числа людей, и Корсиряне одержали верьхъ. Они не довольствуясь тѣмъ облегли Епидамнъ и взяли оный. Коринѳяне, для поправленiя сего нещастiя, сдѣлали великiя прiуготовленiя: они починили поврежденныя суда свои, построили новыя, и требовали помощи у всѣхъ союзниковъ своихъ. Корсиряне съ своей стороны сдѣлали также сильное вооруженiе. Оба народа на перерывъ искали покровительства у Аѳинянъ, и старались привлечь ихъ на свою сторону. Периклъ, предусматривая Пелопонезскую войну, убѣдилъ Аѳинянъ, ради прiобрѣтенiя полезнаго для нихъ союза, пристать къ Корсирянамъ, яко сильнѣйшимъ на морѣ. И такъ послали они имъ двадцать кораблей. Съ сею помощiю Корсирской флотъ простерся до ста двадцати судовъ, которыя атакованы были Коринѳскимъ флотомъ, состоявшимъ изо ста пятидесяти кораблей. Съ обѣихъ сторонъ сражались съ великою неустрашимостiю; но присланныя въ помощь Аѳинскiя суда склонили побѣду на сторону Кор-

сирянъ. Поелику о семъ послѣднемъ сраженіи Діодоръ, Плутархъ и Ѳукидидъ, различно повѣствуютъ, того ради намѣренъ я сказанное ими здѣсь помѣстить.

Діодоръ говоритъ, что Коринѳяне, будучи раздражены тѣмъ, что Аѳинцы отказались взять ихъ сторону, нашли себѣ другихъ союзниковъ, снабдившихъ ихъ шестьюдесятью кораблями, которые присоединили они къ девяносту судамъ, составлявшимъ флотъ ихъ. Съ сими силами пошли они искать Корсирянъ, коихъ флотъ состоялъ изо ста двадцати судовъ, включая въ то число и Аѳинскую помощь. Оба флота сошлись, и сразились съ равною храбростію. Сперва Коринѳяне одержали верьхъ, но потомъ присланныя на подкрѣпленіе изъ Аѳинъ двадцать судовъ перевѣсили побѣду на сторону Корсирянъ. На другой день Корсиряне стали въ боевой порядокъ; но Коринѳяне не имѣли уже въ себѣ ни столько силъ, ни мужества, чтобъ выступить къ нимъ и вновь сразиться. Плутархъ увѣряетъ, что Аѳинскія суда пришли уже послѣ сраженія; а господинъ Дасіеръ въ примѣчаніяхъ своихъ на Плутарха говоритъ, что хотя сіи двадцать судовъ и послѣ сраженія пришли, однакожъ оныя въ обоихъ флотахъ равномѣрный произвели ужасъ, и принудили ихъ разойтися.

Описаніе Ѳукидида гораздо обстоятельнѣе и вѣрнѣе, поелику онъ былъ тогда въ Аѳинахъ; вотъ что говоритъ онъ о семъ славномъ боѣ: Коринѳяне, дабы загладить стыдъ нанесенный имъ въ послѣднемъ сраженіи, на коемъ были они побѣждены, поплыли къ Корсиру со флотомъ, состоявшимъ изо ста пятидесяти судовъ. Корсиряне сочли за лучшее ожидать ихъ на якорѣ при островѣ Сиботѣ, нынѣ Сивита, лѣжащемъ близъ полуденнаго Корсирскаго берега. Флотъ ихъ состоялъ изо ста двадцати судовъ, щитая въ томъ числѣ десять Аѳинскихъ. Какъ скоро оба флота увидѣли другъ друга, то расположились въ слѣдующій боевой порядокъ: Корсиряне раздѣлили флотъ

лвой на три части: сами стали на лѣвомъ крылѣ, а Аѳинянъ пустили на правое. Коринѳяне построились такимъ же образомъ: союзники ихъ заняли средину, Мегаряне правое крыло, а сами они стали на лѣвомъ крылѣ, дабы сражаться противъ Аѳинянъ. Бой былъ упоренъ и кровопролитенъ; но безпорядоченъ. Всѣ суда стѣснились и во множествѣ смѣшались. Не можно было дѣлать ни какихъ движенiй, ниже управлять судами, которыя стояли неподвижно, и матрозы на нихъ были праздны; драка производилась съ палубъ и башенъ; гребцамъ безполезны были ихъ весла; одни только солдаты дѣйствовали; такъ что сраженiе сiе походило болѣе на сухопутное, нежели на морское; все рѣшилось больше силою, нежели искуствомъ. Аѳиняне во время боя, разъѣзжали вокругъ Корсирянъ, для ободренiя ихъ. Поелику не хотѣли они явно воевать съ Коринѳянами, то и не вступали съ ними въ дѣло. Намѣренiе ихъ не столько клонилось къ тому, чтобъ разбить ихъ, сколько къ воспрепятствованiю, чтобъ Корсиряне не были отъ нихъ разбиты. Между тѣмъ сраженiе продолжалось мужественно, и побѣда долгое время была сомнительна; но правое крыло Коринѳянъ начало отступать; будучи сломлено, пустилось оно къ берегу. Люди находившiеся на ономъ, посадя суда свои на мѣль, ушли съ нихъ на берегъ; десять погнавшихся за ними судовъ Корсирскихъ ограбили ихъ и сожгли.

Между тѣмъ, какъ правое крыло Коринѳянъ претерпѣвало сiе пораженiе, правое жъ крыло Корсирянъ разбито было и обращено въ бѣгство лѣвымъ крыломъ сопротивниковъ ихъ, на коемъ вся сила ихъ находилась. Аѳиняне подоспѣли на помощь къ бѣгущимъ Корсирянамъ, желая токмо остановить и ободрить ихъ, не вступая сами въ бой; но Коринѳяне напали на нихъ съ такою ярость iю, что они принуждены были обороняться и даже обратиться въ бѣгство, будучи безсильны. Побѣдоносные Коринѳя-

не съ великою запальчивостїю гнались за непрїятелями; они старались болѣе убивать ихъ, нежели брать въ плѣнъ, и какъ съ обѣихъ сторонъ суда смѣшаны были и въ безпорядкѣ, то побили они множество союзниковъ своихъ, щитая оныхъ за непрїятелей. Прогнавъ Корсирянъ даже до острова ихъ, пошли они собирать разсѣянныя суда свои, и подавать помощь имѣвшимъ нужду въ оной. По собранїи потомъ всего флота своего, поплыли къ Корсиру, надѣясь легко покорить жителей онаго, устрашенныхъ разбитїемъ согражданъ ихъ. Корсиряне, дабы не дать сдѣлать дессанта, и оборонить берега свои, выступили во всемъ порядкѣ на встрѣчу къ нимъ. Съ обѣихъ сторонъ располагались къ новому бою; но Коринѳяне, увидя идущихъ на подкрѣпленїе къ непрїятелямъ ихъ двадцать Аѳинскихъ судовъ, дабы не подвергнуть опасности какъ прїобрѣтенную ими славу, такъ и силъ своихъ довольно уже уменшившихся, рѣшились лучше отступить. Сїе поспѣшное отступленїе удивило не вѣдавшихъ причины оному Корсирянъ; но скоро узнали они, что виною сему было прибытїе новой помощи, которою однакожъ не могли они воспользоваться, поелику ночь принудила ихъ отступить.

На другой день Корсиряне, ободренные прибывшею къ нимъ помощїю, выступили паки въ море, дабы дать бой стоявшимъ на якорѣ у острова Сибота Коринѳянамъ, кои снялись съ якоря и приготовились къ оборонѣ; но прежде нежели вступили въ сраженїе, коего опасались слѣдствїй, отправили они къ Аѳинянамъ судно, которое принято отъ нихъ миролюбно. Учинены были нѣкоторыя о мирѣ предложенїя, возъимѣвшїя успѣхъ. Оба флота возвратились вспять, и каждой славя побѣды свои воздвигъ въ честь оныхъ памятники. Корсиряне лишились въ семъ случаѣ семидесяти судовъ, а Коринѳяне тридцати.

Изъ сей войны произошла другая распря за Потиду, Македонскїй городъ. Коринѳяне, заведя въ немъ селенїе,

побудили его взбунтоваться противЪ обладавшихЪ имЪ АѳинянЪ, и для подкрѣпленія бунта отправили кЪ нему войска. Пердикка, Царь Македонскій, дабы занять АѳинянЪ новыми заботами, возпалилЪ огнь возмущенія вЪ сердцахЪ КалхидонянЪ, зависившихЪ также отЪ АѳинЪ. Аѳиняне, для покоренія возмутителей сихЪ, отправили тридцать исправно и сильно вооруженныхЪ судовЪ, осадили Потиду, и разбили пришедшихЪ для защищенія онаго КоринѳянЪ. Послѣ сей битвы, Потидяне учинили новое сопротивленіе; но какЪ война сія смѣшивается сЪ Пелопонезскою, то вЪ послѣдствіи увидимЪ мы окончаніе оной; а теперь приступимЪ кЪ описанію сей послѣдней.

ПелопонезЪ, названный такЪ отЪ Пелопса, сына Тантолова, а нынѣ именуемый Мореею, есть полуостровЪ, имѣющій подобіе винограднаго листа. КЪ востоку отЪ него лежитЪ Егейское море, кЪ западу Іонинское, а кЪ сѣверу Греція, отЪ коей отдѣленЪ онЪ весьма узкимЪ перешейкомЪ. Пелопонезская война есть самая знатнѣйшая изЪ всѣхЪ упоминаемыхЪ вЪ исторіи. Она продолжалась двадцать семь лѣтЪ, вЪ теченіе коихЪ появлялись славнѣйшіе военачальники, показавшіе, что Греція вЪ тогдашнее время не могла иначе покорена быть, какЪ токмо сама собою. ПлутархЪ говоритЪ, что весьма трудно отЪискать начало сей войны. Историки приписываютЪ ей многія причины, кои хотя и маловажны кажутся, однакожЪ всѣ вмѣстѣ, какЪ бы толикое число искрЪ, произвели сей великій пожарЪ, обЪявшій пламенемЪ всю Грецію.

Политика ПерсовЪ много кЪ распрямЪ симЪ способствовала: не могши торжествовать надЪ Греками силою, достигли они до того хитростію: дабы удобнѣе побѣдить оныхЪ, поссорили они ихЪ между собою, и вооружили однихЪ противу другихЪ. Самое благоденствіе ГрековЪ послужило имЪ вЪ пагубу: вЪ нещастіи жили они союзно, а вЪ благополучіи поссорились, и не имѣя никакихЪ у себя

непріятелей, обратили на самихъ себя побѣдительныя свои оружія. Діодоръ Сицилійскій въ Перикловой политикѣ мнитъ быть источнику Пелопонезской войны. Послѣ того, какъ расточилъ онъ хранившуюся въ Делосѣ Греческую казну, народъ требовалъ у него отчету въ оной; не находя возможности оправдать себя въ употребленіи ее, впалъ онъ въ глубочайшую задумчивость. Алсибіадъ, видя его въ такомъ положеніи, спросилъ у него тому причины; онъ отвѣтствовалъ, что затрудненіе въ отданіи отчетовъ своихъ, сильно его безпокоитъ. Думай лучше о томъ, чтобъ не давать ихъ, сказалъ Алсибіадъ. Периклъ, воспользовавшись симъ совѣтомъ, выдумалъ Пелопонезскую войну, въ той надеждѣ, что симъ средствомъ не токмо приведетъ онъ въ забвеніе Делоскую казну, но и принудитъ Аѳинянъ прибѣгнуть къ нему. Онъ не обманулся въ томъ; ибо чрезъ сіе учинился онъ гораздо еще прежняго нужнѣйшимъ тѣмъ самымъ людямъ, кои его погубить желали. Ѳукидидъ приписываетъ опустошившіе Грецію раздоры водворившейся между Аѳинами и Лакедемономъ зависти. Сіи два различно правимые города равномѣрно процвѣтали; но духъ властолюбія овладѣлъ ими. Они думали, что по усмиреніи Персидской силы ни что уже не можетъ болѣе имъ противиться; и подлинно всѣ другіе Греки уважали и боялись сихъ двухъ республикъ. Такимъ образомъ изъ соперниковъ токмо содѣлались они совершенными непріятелями, и облежаніе Потиды было предлогомъ къ дѣйствительному между ими разрыву. Я говорилъ уже объ осадѣ мѣста сего, на Палленскомъ перешейкѣ лежащаго. Аѳиняне повелѣли жителямъ онаго, союзникамъ своимъ, разломать стѣны города ихъ, и выслать вонъ Коринѳскихъ градоначальниковъ. Потидяне не послушались, и прибѣгнули подъ покровительство Коринѳа. Раздраженные поступкомъ симъ Аѳиняне осадили Потиду сухимъ путемъ, и съ моря облегли флотомъ, состоящимъ

изъ семидесяти судовъ. Коринѳяне послали депутатовъ въ Спарту просить помощи, которую они и получили. И такъ раздоры между Аѳинянами и Лакедемономъ начинали уже обнаруживаться. Сіи два, завидующіе одинъ другому, города имѣли попеременно то миръ то войну, кои нечувствительно пріучили ихъ къ военному искуству, и показали имъ способы къ ихъ взаимному разоренію. Наконецъ сіи несогласія кончились явнымъ разрывомъ и непримиримою враждою.

Аѳины и Лакедемонъ помышляли о подкрѣпленіи себя союзами. Лакедемонцы заключили союзъ съ Италійскими и Сицилійскими городами, которые дали имъ пять сотъ судовъ; флотъ ихъ состоялъ изъ Коринѳянъ, Мегарянъ, Сикіонянъ, Палленянъ, Елеенцовъ, Амбракіотовъ и Левкадянъ. Союзниками Аѳинянъ были приморскіе Азійскіе народы, Каряне, Доряне, Іоняне, главная часть островитянъ и Геллеспонтцовъ, такожъ жители Корсира и Митилена. Аѳинская морская сила была также немалая: они имѣли триста судовъ, всегда готовыхъ выступить въ море. Вся Греція была въ движеніи, и приставала къ той или другой сторонѣ, смотря по выгодамъ своимъ, выключая Аргіенцовъ, кои наблюдали неутралитетъ. Лакедемонцы первые открыли кампанію, и вошедъ непріятельски въ Аттику, начали опустошать въ ней села и деревни. Периклъ, для учиненія диверсіи, вооружилъ сто пятдесятъ судовъ, на которыя посадя отборныя войски послалъ ихъ для нападенія на Лакедемонскія земли. Сіи суда, соединясь еще съ тридцатью Корсирскими, составили флотъ, который поплылъ опустошать всѣ зависящія отъ Спарты, или отъ союзниковъ оной, приморскія мѣста. И такъ Лакедемонцы принуждены были возвратиться назадъ, и помышлять токмо о собственной своей оборонѣ.

Вторая кампанія открылась такимъ же образомъ, какъ и предъидущая. Лакедемонцы опустошили Аттику, и всѣхъ

жителей съ полей ея загнали въ Аѳины. Городъ сей, притесняемый тако непрїятелями, поражаемъ еще былъ другимъ бичемъ, гораздо ужаснѣйшимъ нежели самая война: моровое повѣтрїе причиняло въ немъ страшныя опустошенїя. Периклъ, для отвращенїя колико возможно сихъ угнѣтавшихъ отечество его бѣдствїй, рѣшился учинить паки сильную диверсїю съ стомя судами, къ коимъ присоединилось еще шесдесятъ кораблей изъ Хїо и Лезбоса. Съ симъ флотомъ пошелъ онъ разорять всѣ Пелопонезскїе берега. Сей походъ его былъ столько же удаченъ, какъ и первый; ибо тѣмъ самымъ принудилъ онъ Лакедемонянъ, оставя нападенїя свои, обратиться къ защитѣ собственнаго своего отечества. Язва распространившаяся во флотѣ Перикловомъ, остановила предпрїятїя его, и понудила его возвратиться паки въ Аѳины.

Аѳиняне, видя всѣ поля свои опустошенными, и городъ наполненный мертвыми и умирающими, поставляли Перикла виною всеобщихъ сихъ напастей, за которыя лишили его всѣхъ достоинствъ, осудили заплатить пени восемдесятъ талантовъ, и наскучивъ разорительною войною, предложили о мирѣ Лакедемонцамъ, кои, зря уничиженїе непрїятелей своихъ, тѣмъ паче возгордѣлись и не хотѣли слышать о примиренїи. Отказъ сей превратилъ печаль Аѳинянъ въ отчаянїе: они призвали паки Перикла, и рѣшились продолжать войну съ гораздо бо́льшимъ еще противъ прежняго ожесточенїемъ. Среди самыхъ замысловъ сихъ лишились они сего великаго человѣка: Периклъ, будучи зараженъ моровымъ повѣтрїемъ, умеръ столь же славно, какъ и жилъ. По смерти его Аѳиняне настоя въ томъ, чтобъ взять Потиду, отправили къ сему городу флотъ свой, для блокированїя онаго. Доведенный до самой послѣдней крайности городъ сей, здался на такомъ договорѣ, чтобъ выдти изъ него всѣмъ жителямъ. И такъ Аѳиняне завели въ немъ новое селенїе.

По сіе время всѣ сіи морскія предпріятія служили токмо къ разоренію нѣкоторыхъ частныхъ земель; но наконецъ опустошеніе сіе разпространилось повсюду. По взятіи многихъ, осажденныхъ сухимъ путемъ, мѣстъ произошло морское сраженіе между Коринѳскимъ и Аѳинскимъ флотами. Форміонъ, Аѳинской Генералъ, стоялъ въ заливѣ Наупактѣ, нынѣ Лепантѣ, съ двадцатью судами. При появленіи Коринѳскаго флота, состоявшаго изъ сорока семи судовъ, для удобнѣйшаго сраженія съ онымъ, выступилъ онъ въ открытое море. Коринѳяне, нехотѣвшіе вступать въ бой, построились въ особливый совсемъ ордеръ: они составили изъ судовъ своихъ кругъ, обратя ихъ кормами къ средоточію сего круга, и заключивъ внутрь онаго слабѣйшія суда свои и пять галеръ. Аѳиняне, будучи построены на прямой линеѣ, подошедъ къ нимъ обогнули сей кругъ, дабы стеснить оный. Форміонъ, зная моря сіи, ожидалъ для начатія атаки, нѣкоего вѣтра, возстававшаго всегда съ возхожденіемъ солнца, и умѣлъ при нападеніи своемъ воспользоваться онымъ. Когда вѣтръ сей насталъ, то суда ихъ, съ лишкомъ стесненныя, начали между собою сходиться и ломаться. Форміонъ напавъ тогда на флотъ сей, такимъ образомъ разстроенный и по неискуству матрозовъ худо управляемый, потопилъ адмиральскій корабль, прочіе разбилъ, и двѣнадцать судовъ со всѣми людьми взялъ въ плѣнъ. По одержаніи сей побѣды Аѳиняне воздвигли на близлежащемъ мысу побѣдоносные знаки, посвятили одинъ непріятельскій корабль Нептуну, и отступили къ Наупакту.

Остальной флотъ Коринѳской уклонился въ Силленъ, гдѣ Лакедемонцы исправили оный, и умножили до числа семидесяти семи судовъ. Форміоновъ увеличился также двадцатью пришедшими изъ Аѳинъ судами. Сіи два флота стояли шесть или семь дней въ виду одинъ у другаго, ничего не предпринимая. Пелопонезской былъ много-

численнѣе, Аѳинской искуснѣе. Первый, будучи послѣ разбитія своего приведенъ въ робость, не смѣлъ атаковать; а другой, чувствуя безсиліе свое, помышлялъ токмо о защищеніи своемъ. Пелопонезцы стали дѣлать движеніе, и поступили сперва весьма изрядно, но конецъ не соотвѣтствовалъ началу. Для лучшаго понятія о семъ послѣднемъ сраженіи, надлежитъ представить себѣ то мѣсто, гдѣ оное произходило: въ Лепантской заливъ иначе войти невозможно, какъ Дарданельскимъ проливомъ, протекающимъ между мысами Ріоскимъ въ Мореи и Моликрійскимъ въ Ливадіи. Въ одномъ стояли Пелопонезцы, а въ другомъ Аѳиняне. Первые изъ нихъ, тщетно покушаясь понудить непріятелей своихъ войти въ заливъ, наконецъ предъуспѣли въ томъ хитростію, войдя въ оный напередъ сами и показавъ ложный видъ, будто идутъ осаждать Наупактъ, состоявшій подъ покровительствомъ Аѳинянъ. Формїонъ, для защиты союзнаго города сего, вошелъ въ заливъ и расположился вдоль берега; но едва успѣлъ онъ перейти чрезъ проливъ, какъ Пелопонезцы съ нѣкоторою частію судовъ своихъ заградили ему выходъ изъ онаго, а прочїе окружили и атаковали Аѳинянъ. Вымыслъ Пелопонезцовъ былъ преизрядный, но не до конца выдержанъ: одиннадцать Аѳинскихъ судовъ, прорвавшись сквозь непріятельской флотъ, ушли далѣе въ открытое море; многія другія сѣли на мѣль, и моглибы всѣ оныя быть взяты, сожжены, или потоплены, естьлибъ Пелопонезцы, вмѣсто воспѣванія побѣды своей, поспѣшили скоряе возпользоваться оною.

Побѣдители гнались тихо за бѣгущими судами; они наполняли воздухъ радостными восклицаніями, и сїе преждевременное торжество было причиною, что они разсажали суда свои по мѣлямъ, съ которыхъ не могли скоро стянуться. Аѳиняне ободрились, и пользуясь произшедшимъ въ непріятельскомъ флотѣ безпорядкомъ, атако-

вали оный, разсѣяли, взяли шесть кораблей, и собственныя суда свои стащили съ мѣлей. Симъ вторымъ сраженіемъ поправилось первое; побѣда сдѣлалась между обоими флотами спорная, и каждой изъ нихъ съ своей стороны воздвигъ побѣдоносные знаки. Пелопонезцы отступили потомъ къ Коринѳу, а Аѳиняне къ Наупакту, гдѣ присоединились къ нимъ еще двадцать судовъ. Кампанія довольно уже долго продолжалась. Пелопонезцы, желая окончить оную славнымъ подвигомъ, покусились напасть внезапу на Пирейскую пристань, бывшую безъ всякой обороны, потому что Аѳинскія суда находились въ морѣ. Въ семъ намѣреніи сорокъ судовъ пошли ночью къ Аѳинамъ. Естьли бы пустились онѣ прямо къ пристани, то всеконечно овладѣли бы оною безъ всякаго препятствія, потому что она никѣмъ не была охраняема; но они занялись высадкою дессанта на Саламинской островъ, и ограбили оный. Жители сего острова засвѣтили превеличайшіе огни, дабы чрезъ то подать извѣстіе въ Аѳины. Предъувѣдомленные такимъ образомъ Аѳиняне, взяли свои осторожности; они немедлѣнно выслали въ море нѣсколько судовъ, для обороны проходовъ къ ихъ пристани. Пелопонезцы, видя что намѣреніе ихъ открылось, возвратились назадъ съ тремя пустыми кораблями находившимися на Саламинской рейдѣ, и съ полученною ими на островѣ добычею.

Четвертый годъ Пелопонезской войны начался обыкновенными набѣгами Лакедемонянъ въ Аттику; но отражаемы будучи выступавшею изъ Аѳинъ конницею, и не находя болѣе что грабить, возвратились они паки въ свои жилища. По отвращеніи сей бури, Аѳиняне претерпѣли другое, еще большее сего, несчастіе, состоящее въ отступленіи отъ нихъ Митилена, столицы острова Лезбоса. Городъ сей, знаменитый морскими силами своими, былъ въ союзѣ съ Аѳинами; но вдругъ рѣшился обратиться къ Лакедемонянамъ, и Митиленцы, дабы привесть себя въ безопас-

ность отъ Аѳинянъ, возстановили паки стѣны свои, укрѣпили пристани, построили суда, и требовали помощи отъ Спарты. Приведенные симъ въ безпокойство Аѳиняне, нѣсколько времяни были въ недоумѣнiи, что имъ предпринять. Съ великою досадою взирали они на то, что такой сильной островъ, каковъ Лезбосъ, предался ихъ непрiятелямъ; но весьма трудно было ополчиться на покоренiе онаго; однакожъ, сколько ни были они обезсилены моровымъ повѣтрiемъ и войною, и хотя страшные непрiятели при вратахъ ихъ находились, при всемъ томъ, напрягая колико возможно силы свои, послали они къ Лезбосу, по мнѣнiю Ѳукидида сорокъ, а по мнѣнiю Дiодора пятдесятъ судовъ, удержавъ въ пристани своей десять Митиленскихъ кораблей. Аѳинскiя суда долженствовали придти къ Митилену въ самый тотъ день, когда неподалеку отъ онаго отправлялся Аполоновъ праздникъ, дабы всѣхъ собравшихся тамъ жителей нечаянно захватить; но какъ сiи о томъ предъувѣдомлены были, то и осталось намѣренiе сiе безъ успѣха. Аѳиняне, остановившись на якорѣ противъ Митилена, требовали, чтобъ Митиленцы сломали городскiя стѣны и отдали имъ всѣ суда свои. Митиленцы чувствуя себя безсильными сопротивляться Аѳинянамъ, просили перемирiя и времени на заключенiе примирительнаго договора. Аѳиняне согласились на требованiе ихъ. Митиленцы отправили депутатовъ въ Аѳины и Лакедемонъ; первыхъ послали они для продленiя токмо времени, а вторыхъ для истребованiя самоскорѣйшей помощи. Аѳиняже не были обмануты предложенiями жителей Митилена; они, напротивъ того, взявъ благоразумнѣйшiя мѣры, поспѣшали осадить городъ, который, видя всѣ хитрости свои недѣйствительными, сталъ усильно просить Лакедемонянъ о принятiи его въ союзъ ихъ, въ чемъ и не трудно было ему успѣть. И такъ Аѳины и Лакедемонъ равно имѣли нужду, одинъ

защищать, а другой взять Митилену, и оба сїи состязающїеся города употребляли всѣ-возможныя средства къ достиженїю намѣренїй своихъ.

Лакедемонцы перевели нѣсколько судовъ изъ Коринѳскаго залива въ Аѳинское море, гдѣ назначили они зборное мѣсто для союзниковъ своихъ, кои, будучи уже изнурены войною, не поспѣшали прибытїемъ туда. Аѳиняне, наблюдая всѣ сїи движенїя, за нужное почли, для приведенїя въ страхъ непрїятелей, и для ободренїя союзниковъ своихъ, обнаружить всѣ свои силы, и какъ однимъ такъ и другимъ показать, что они хотя и заключены въ городѣ своемъ, однако еще могущественны. И такъ выслали они въ море флотъ изо ста судовъ состоящїй, который, показавшись при Коринѳскомъ перешейкѣ, сдѣлалъ дессанты въ Пелопонезъ, гдѣ все разграбилъ; другїя сто судовъ ихъ охраняли Аттику, Евбею и Саламинъ; а еще пятдесятъ употреблены были при осадѣ Митилена и въ прочихъ мѣстахъ. Флотъ Аѳинской бывалъ иногда многочисленнѣе, но не былъ ни когда такъ блистателенъ; ибо всѣ сїи суда не имѣли ни въ силѣ ни въ украшенїяхъ ни какого не достатка. Устрашенные вооруженїемъ симъ Лакедемоняне отступили назадъ, дабы оборонять собственную землю свою.

Между тѣмъ Митиленъ, осажденный моремъ и сухимъ путемъ, готовъ былъ къ здачѣ; но полученное извѣстїе, что изъ Лакедемона идутъ на помощь къ нему сорокъ судовъ, подкрѣпило мужество жителей: они съ великою бодростїю оборонялись, доколѣ надежда ихъ поддерживала; но движенїя вспомогательнаго флота сего были весьма медлительны, ибо онъ занимался крейсерствомъ въ Пелопонезѣ. Аѳиняне приступили еще сильнѣе къ городу, который, видя себя безъ помощи и безъ съѣстныхъ припасовъ, здался на волю побѣдителя. Прибывшїе поздо Лакедемонцы, узнавъ о здачѣ онаго, и опасаясь, чтобъ имъ самимъ не попасться въ добычу

побѣдителямъ, ушли назадъ къ Пелопонезскимъ берегамъ, гдѣ ко флоту ихъ присовокупилось еще тринатцать судовъ.

Въ сїе время Корсиръ сдѣлался жертвою вооружившихъ Аѳины и Лакедемонъ распрей. Островъ сей, который каждая изъ противныхъ сторонъ тщилась завоевать, попеременно то тѣми то другими, съ пролитїемъ крови жителей онаго, былъ порабощаемъ. Пелопонезскїй флотъ, состоявшїй изъ пятидесяти трехъ судовъ, поплылъ къ Корсиру, приверженному тогда къ Аѳинамъ, и раздираемому междоусобїемъ. Онъ тѣмъ паче надѣялся смятенїями сими воспользоваться, что Аѳиняне въ окрестностяхъ онаго не имѣли болѣе двенатцати судовъ, кои стояли на якорѣ въ Наупактской гавани. Корсиряне, удивленные приближенїемъ непрїятелей, вооружили поспѣшно шестдесятъ судовъ, и по оплошности, которая весьма дорого имъ стоила, отправляли оныя противъ Пелопонезцовъ, однѣ за другими, по мѣрѣ ихъ готовности, не разсуждая, что раздѣленныя такимъ образомъ силы не могли имъ принесть великой пользы.

Пелопонезцы, видя таковое неискусное движенїе, употребили токмо двацать судовъ противъ Корсирянъ, коихъ и разбили. Остальной же флотъ ихъ назначенъ былъ противъ Аѳинскаго, пришедшаго на помощь къ Корсиру, и состоявшаго токмо изъ двенатцати судовъ. Они учинили таковуюжъ ошибку, каковая здѣлана была ими при Наупактѣ, построя суда свои паки въ кружокъ. Разбившїе Корсирянъ, видя худое расположенїе сїе, которымъ Аѳиняне спѣшили уже воспользоваться, подоспѣли на помощь къ своимъ, и перемѣнили боевой строй ихъ. Корсиряне, видя что надежда ихъ изчезла, обратились въ бѣгство, а за ними и Аѳиняне отступили. Пелопонезцы не умѣли преимуществами своими воспользоваться: они также съ тринадцатью взятыми ими судами отошли прочь, и вмѣсто того чтобъ овладѣть Корсиромъ, въ чемъ легко могли бы они

успѣшъ, занялись опустошенїемъ острова. Аѳиняне, будучи всегда бдишельны къ поправленїю несчастїй своихъ, и къ обращенїю въ пользу свою чинимыхъ непрїятелями ихъ ошибокъ, собрали шесдесятъ судовъ, и присовокупя къ онымъ еще тридцать Корсирскихъ, пустились съ симъ флотомъ искать Пелопонезцовъ, кои убѣгая отъ нихъ, пристали къ берегу Леукатскаго полуострова, и перетащивъ суда свои черезъ перешѣекъ земли изъ одного моря въ другое, тѣмъ самымъ укрылись отъ поисковъ непрїятеля.

Аѳины и Лакедемонъ, не удовольствовавшись тѣмъ, что замѣшали въ брань свою сосѣдей своихъ, устремили еще намѣренїя свои и на Сицилїю, и привели оную заступленїемъ за нихъ въ междоусобный раздоръ. При жизни еще Перикла, Аѳиняне порывались къ завоеванїю сего острова; но сей великїй человѣкъ, стараясь укротить таковое честолюбїе ихъ, могущее быть пагубнымъ для республики, всегда противоборствовалъ сему намѣренїю; въ оное же время не будучи болѣе удерживаемы благоразумїемъ сего полководца, и ища токмо утвердить себя союзами, привлекли они нѣкоторую часть Сицилїи къ принятїю участїя въ ихъ распряхъ, и при окончанїи кампанїи сей отрядили двадцать кораблей для опустошенїя тѣхъ уѣздовъ, кои не захотятъ взять ихъ стороны.

Въ слѣдующее лѣто Пелопонезцы, враждующїе всегда противъ Аттики, готовились паки учинить въ оную набѣги; но удержаны отъ сего были землетрясенїемъ, коего сильныя поколебанїя низпровергли многїе приморскїе города, прорвали перешѣйки и произвели ужаснѣйшїе безпорядки. Лакедемонцы сочли приключенїя сїи знаменїемъ гнѣва Божїя, и отступили назадъ. Между тѣмъ, дабы не быть въ продолженїе кампанїи сей праздными, и чтобъ имѣть Аѳины подъ рукою, отправили они множество

поселенцовъ въ городъ Траквинъ, отстоящїй на одну милю отъ моря, и на двѣ или около двухъ отъ пролива Термопильскаго. Въ семъ мѣстѣ построили они новый городъ, названный ими Ираклїею. Аѳиняне съ другой стороны старались также утвердить себя. Они отправили флотъ въ Сицилїю, тридцать судовъ къ Пелопонезу, и шестдесятъ къ Мелосу, одному изъ Спорадскихъ островов, лежащему между Кандїею и Пелопонезомъ, для понужденїя онаго войти съ ними въ союзъ. Сїи три флота великое произвели опустошенїе.

Въ седмый годъ отъ начатїя войны, Лакедемонцы, подъ управленїемъ Царя Агиса, опустошили Аттику. Аѳиняне, не безпокоясь много сими набѣгами, отъ которыхъ силы ихъ мало истощались, пребывали внутри города своего заключенными, и имѣя невозбранный по морю путь, далеко и сильно распространяли дѣйствїя свои на ономъ. Они отправили сорокъ судовъ въ Сицилїю, приказавъ начальникамъ оныхъ, при проходѣ мимо Корсира, буде за благо разсудятъ, подать помощь Корсирянамъ, обезпокоиваемымъ тогда нѣкоторыми островскими изгнанниками, кои подкрѣпляемы были шестьюдесятью Пелопонезскими судами. Аѳинской флотъ, находясь между Пиломъ и Корсиромъ, сдѣлалъ совѣтъ, какое учинить предпрїятїе. Предводительствовавшїй онымъ Демосѳенъ, хотѣлъ овладѣть Пиломъ, но другїе начальники предлагали идти въ Корсиръ. Вѣтръ рѣшилъ споръ ихъ, и пригналъ суда къ самому Пилу. Оный былъ небольшой довольно укрѣпленной городокъ, лежащїй въ Мессинїи, по западную сторону Пелопонеза, и славившїйся тѣмъ, что въ немъ родился Несторъ. Аѳиняне овладѣли мѣстомъ симъ, и подѣлали въ немъ новыя укрѣпленїя. Демосѳенъ находя оное удобнымъ для содержанїя въ немъ воинскихъ командъ, взялъ его подъ свое начальство. Онъ оставилъ тутъ пять кораблей, а прочїе пошли своимъ путемъ. Лакедемонцы, удивляясь что люди

не осмѣливавшїеся, какъ казалось, выходить за стѣны города своего для обороны собственныхъ своихъ полей, могли привесть ихъ въ трепетъ подъ самыми вратами Спарты, и чувствуя важность потери такого мѣста, въ которомъ непрїятели такъ близко къ нимъ поселились, употребили всѣ возможныя къ выученїю онаго средства. Они собрали всѣ какъ сухопутныя такъ и морскїя силы свои, и позвали назадъ суда находившїяся предъ Корсиромъ.

Съ начала заперли они всѣ проходы къ пристани, которая защищаема была Сфактерїйскимъ островомъ, закрывавшимъ ее отъ бурныхъ вѣтровъ. Они сей островъ взяли и посадили на него довольное число добраго войска; въ проходахъ же, для обороны оныхъ, поставили нѣсколько судовъ, обратя ихъ носами къ городу, дабы удобнѣе было возбранять какъ входъ въ оный, такъ и выходъ изъ онаго. Сорокъ три судна, раздѣленныя на три эскадры, атаковывали городъ съ морской стороны; а съ берегу производилась осада подъ предводительствомъ Тразимеда, начальствовавшаго надъ корпусомъ состоявшимъ изъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ. Трудно было сухопутной армїи и флоту, для взаимной помощи ихъ, имѣть между собою сообщенїе, поелику берега были опасны, и корабли не могли приближаться къ онымъ. Бразидасъ, преисполненный храбрости офицеръ, не удерживаясь препятствїемъ симъ, велѣлъ кормчему своему, не взирая ни на что, держать прямо къ берегу. „*Стыдно*, говорилъ онъ, *щадить тогда* „*дерево, когда не щадятся люди.*„ Кормчїй повинулся ему, и направилъ судно къ берегу, гдѣ оное разбилось. Храбрый Лакедемонецъ вышелъ на берегъ; но въ тотъ же часъ осыпанъ былъ градомъ стрѣлъ, и по долгомъ сопротивленїи, пронзенъ ударами, палъ на кучу мертвыхъ и раненыхъ, пожертвовавшихъ жизнїю своею славѣ отечества. Щитъ его выпалъ изъ охладѣвшихъ рукъ его: Аѳиняне

схватили оный, и потомъ служилъ онъ украшенiемъ ихъ торжества. Примѣру Бразидасову ни кто не послѣдовалъ; Лакедемонскiе офицеры почитали оный неудобоподражаемымъ, и не прельщались толь славною смертiю.

Таково было расположенiе Пильской осады. Мѣсто сiе, окруженное войсками, и со стороны моря и земли сильно притесняемое, мужественно было обороняемо; но шесдесятъ Аѳинскихъ судовъ, подоспѣвшихъ на помощь къ оному, преобратили все въ другой видъ. Во флотѣ семъ находились многiя пришедшiя изъ Наупакта и Хiоса суда. Офицеры весьма удивились, увидя на берегахъ и на островѣ Сфактерiи множество Лакедемонскихъ воиновъ, а въ проходахъ къ пристани немалое число судовъ ихъ. Они однакожъ приготовились къ сраженiю, которое было единое средство къ освобожденiю города: Лакедемонцы, вмѣсто того, чтобъ держать пристань запертою, какъ они съ начала намѣревались, и какъ того благоразумiе требовало, перемѣнили расположенiе свое, и безъ всякаго порядка выступили къ бою. Аѳиняне, имѣя свободные проходы, напали на непрiятелей своихъ. Они погнавшись за тѣми, кои отдалились отъ береговъ, нѣкоторую часть оныхъ разбили и пять кораблей взяли въ плѣнъ; не спаслись отъ нихъ и тѣ, которыя ушли подъ берегъ: они достигнувъ ихъ, немалое число оныхъ сокрушили. Послѣ сей побѣды, торжествующiй флотъ окружилъ Сфактерiйскiй островъ съ находившимися на немъ воинами. Аѳиняне, побѣдители Пелопонезцовъ въ самомъ Пелопонезѣ, воздвигли въ честь храбрости своей побѣдоносные памятники. Спартанскiе градоначальники, преклоненные всѣми сими бѣдствiями, для заключенiя нужнаго обѣимъ сторонамъ мира, предложили о перемирiи, которое принято было на слѣдующихъ условiяхъ: воинамъ задержаннымъ на островѣ быть наономъ безъ всякихъ обидъ, до тѣхъ поръ, пока или утвердится или расторгнется миръ; Лакедемонцамъ не чинить на оный

ни какихъ непрїятельскихъ дѣйствїй, и всѣ суда ихъ, числомъ шестдесятъ, отдать въ руки Аѳинянамъ. По заключенїи сего договора, Лакедемонцы отправили депутатовъ въ Аѳины, для представленїя о примиренїи. Они говорили тамъ прекраснѣйшую рѣчь, которая однакожъ мало подѣйствовала надъ людьми щастїемъ напыщенными. Аѳиняне вознамѣрясь пользоваться преимуществами своими, сдѣлали самыя безчестныя предложенїя Лакедемонцамъ, кои отвергли оныя. И такъ все разрушилось. Лакедемонцы потребовали обратно депутатовъ своихъ; но оныхъ, подъ различными предлогами, противъ права народнаго, не выпустили.

Пильская съ берегу осада началась паки съ жестокостїю, увеличившеюся отъ худыхъ въ переговорѣ успѣховъ. Лакедемонцы, какъ и прежде, заключены были на островѣ; и поелику недоставало имъ съѣстныхъ припасовъ, то пересылали имъ оные посредствомъ водолазовъ. Неспускавшїе ихъ Аѳиняне терпѣли сами великую нужду, не могши доставать ни воды ни пищи, потому что весь берегъ усѣянъ былъ непрїятелями. Сверхъ сего, побуждаемы будучи приближавшеюся зимою, вознамѣрились они напасть на стрегомыхъ ими воиновъ, коихъ было числомъ до четырехъ сотъ. Они призвали нѣсколько войскъ изъ Аѳинъ, также взяли изъ Пила, и разсадили оныя на семдесятъ судовъ. Сїи соединенныя силы напали на Лакедемонянъ, которые, будучи обезсилены долготерпѣнїемъ, и превозмогаемы многочислїемъ, по потерянїи ста двадцати осми человѣкъ, отдались въ плѣнъ.

Аѳиняне съ осмьюдесятью судами поплыли оттуда къ Коринѳу, гдѣ сдѣлали они дессантъ. Коринѳяне выслали противъ нихъ войско, для недопущенїя ихъ выйти на берегъ, или для сраженїя съ ними, когда уже они будутъ на берегу; но Аѳиняне одержали паки верьхъ, и побѣжденные Коринѳяне ушли на горы.

Лакедемонцы вЪ слѣдующую кампанїю не начали оную обыкновеннымЪ нападенїемЪ своимЪ на Аттику, зная безполезность сего; ибо нѣчего имЪ было грабить на поляхЪ уже опустошенныхЪ; Аѳинцы же не показывалися ни когда изЪ за стѣнЪ своихЪ; почему, наскуча тщетными набѣгами сими, стали они располагать движенїя свои по движенїямЪ непрїятелей ихЪ. Аѳиняне, будучи гораздо удачливѣе вЪ сообразованїи дѣйствїй своихЪ, открыли кампанїю взятїемЪ Ситера, называемаго нынѣ СеригомЪ, который есть небольшой островЪ, лежащїй неподалеку отЪ Кандїи, близЪ Малейскаго мыса, и сЪ котораго удобно было оборонять или разорять берега ЛакедемонянЪ. Никїй присталЪ кЪ оному сЪ шестьюдесятью судами, овладѣлЪ имЪ, и сдѣлалЪ изЪ него укрѣпленное для пребыванїя войскЪ мѣсто, изЪ котораго часто производилЪ онЪ весьма обезпокоивавшїе ЛакедемонянЪ набѣги. Аѳины вездѣ торжествовали надЪ ЛакедемономЪ, и даже вЪ Сицилїи оружїя ихЪ не меньше были благоуспѣшны; они содѣлали тамЪ союзниковЪ своихЪ побѣдителями, и доставили имЪ честный для нихЪ и выгодный мирЪ. Возгордясь сими успѣхами, предприняли они овладѣть МегаромЪ; взяли оный хитростїю, но силою были изЪ онаго выгнаны: и такЪ вЪ краткое время прїобрѣли они городЪ сей, и паки лишилися онаго. ВЪ остальное же теченїе кампанїи сей сЪ обѣихЪ сторонЪ не учинено было ничего знаменитаго на морѣ: всѣ дѣйствїя происходили на сухомЪ пути.

ВЪ началѣ наступившей кампанїи, Аѳиняне и Лакедемонцы сдѣлали на годЪ перемирїе, можетЪ быть для того, чтобы вкусить плоды мира, или для отдохновенїя нѣсколько отЪ тяжкихЪ воинскихЪ трудовЪ. Около начала весны, спустя десять лѣтЪ и нѣкоторое число дней со времени объявленїя войны, считая годы по кампанїямЪ, заключили они мирный договорЪ, который сЪ обѣихЪ сторонЪ не былЪ соблюденЪ свято. Несогласїе вскорѣ возобновилось.

Вражда между Аѳинами и Лакедемономъ, едва токмо на нѣсколько времени утихшая, паки возстала; непрїятельскїя дѣйствїя съ обѣихъ сторонъ снова начались, и союзники обѣихъ республикъ великое оказали непостоянство. Много учинено было осадъ, битвъ, сшибокъ, и много пролито крови; но мало произошло знатныхъ сраженїй на морѣ, даже до шестагонадесять года войны. Весною въ седмыйнадесять годъ Сицилїяне просили помощи отъ Аѳинъ; но какъ приключенїемъ симъ перемѣнился театръ войны, то въ слѣдующей книгѣ покажу я, отъ чего сїе случилось.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРОДОЛЖЕНЇЕ МОРЕПЛАВАНЇЯ ГРЕКОВЪ.

Егестъ и Селинунтъ были два Сицилїйскихъ города, коихъ чрезвычайная близость одного отъ другаго, не могли позволять имъ долгое время быть въ тесномъ союзѣ. Одна небольшая раздѣлявшая ихъ рѣчка служила имъ границами; но какъ честолюбїе не знаетъ оныхъ, то жители Селинунта присвоили себѣ земли находившїеся по ту сторону границы ихъ. Жители Егеста хотѣли войти паки во владѣнїе сихъ похищенныхъ у нихъ земель. Съ начала требовали они того миролюбно, но напослѣдокъ принуждены были прибѣгнуть къ силѣ, въ коей однакожъ не болѣе имѣли успѣха, и были побиты. Таковыя худыя слѣдствїя побудили ихъ искать защиты себѣ отъ Аѳинянъ. Дабы склонить ихъ на свою сторону, представили они имъ, что заступающїеся за Селинунтъ Сиракузяне имѣютъ намѣренїе завладѣть Сицилїею, и что естьли имъ удастся, то соединятся они съ Пелопонезцами, основателями ихъ. Они присовокупили еще къ сему, что

естьли Аѳиняне объявятъ войну Сиракузамъ, то они снабдятъ ихъ деньгами и людьми; и что взятіе мѣста сего учинитъ ихъ вскорѣ обладателями всей Сициліи.

Столь лестныя предложенія кинулись въ глаза Аѳинянамъ. Они собрали великой совѣтъ, для разсужденія о семъ дѣлѣ. Никій говорилъ въ ономъ съ великою вольностію и благоразуміемъ. Онъ представлялъ имъ, что обремененные тяжкимъ трудомъ войны съ Греціею не могутъ они вести оную съ Сициліею; что раздѣленіемъ силъ своихъ уменшатъ они оныя; и что суетно ласкать себя надеждою, овладѣть такимъ могущественнымъ островомъ, противъ котораго всѣ силы Карѳагенскія были тщетны. Алсибіадъ, коего пылкое воображеніе стремилось единственно къ завоеванію Италіи, Карѳагена и Африки, настоялъ въ томъ, чтобъ идти въ Сицилію, и мнѣніе свое утверждалъ съ величайшимъ жаромъ и краснорѣчіемъ. Не трудно было ему увѣрить Аѳинянъ въ желаемомъ ими. И такъ положено было какъ наискорѣе вооружить флотъ состоящій во стѣ судахъ, который потомъ и вышелъ въ море. Каждый корабль тщился превзойти другихъ пышностію и великолѣпіемъ; всѣ солдаты и матрозы были самые отборные люди, и въ храбрости одни другимъ не уступали. На флотъ сей, прежде отбытія онаго, весь городъ стекался смотрѣть, и казалось, что онъ назначенъ былъ паче для нѣкоего празднества морскаго, нежели для воинскаго похода. Когда служители садились на суда у Пирейской пристани, весь народъ сопровождалъ ихъ, и въ чаяніи, что расхищены будутъ всѣ Сицилійскія богатства, напередъ радовался. По всему берегу, при отправленіи жертвоприношеній и возливанія вина, для умилостивленія боговъ, раздавались доброжелательства и восклицанія. По окончаніи сихъ при отшествіи флота употребляемыхъ обрядовъ, поплылъ онъ къ Корсиру, гдѣ назначено было общее зборное мѣсто, куда собирались всѣ

союзническія суда. Флотъ сей, состоявшій изо ста судовъ Аѳинскихъ, и тридцати шести вспомогательныхъ, раздѣленъ былъ на три эскадры подъ начальствомъ Алсибіада, Никія и Ламаха. Три корабля посланы были въ Италію и Сицилію, для осмотрѣнія мѣстъ удобныхъ къ приставанію и высадкѣ людей на берегъ. Флотъ отправился изъ Корсира, имѣя при себѣ тридцать судовъ со всякими съѣстными припасами, да сверхъ того послѣдовали за нимъ многія купеческія суда, съ разными для продажи тамъ товарами. Направили путь къ Италіи, для отысканія въ ней пристанищъ; но всѣ почти проходы были охраняемы. Никто не хотѣлъ принять Аѳинянъ, ниже дать имъ убѣжище, опасаясь впутаться въ войну, которой успѣхъ казался сумнительнымъ. И такъ поплыли они къ Режскому мысу, гдѣ, во ожиданіи отправленныхъ для провѣдыванія кораблей, остановились на якорѣ.

Между тѣмъ Сиракузцы, взирая недремлющимъ окомъ на всѣ сіи пріуготовленія, старались привлечь на свою сторону всѣхъ жителей острова, изъ коихъ одна часть заступилась за нихъ, другая за Аѳинянъ, а третья осталась ни на той ни на другой сторонѣ, во ожиданіи развязки дѣла, дабы послѣ пристать къ сильнѣйшимъ. Между тѣмъ въ предохраненіе отъ угрожающей бури, сдѣланы были всѣ нужныя въ Сиракузахъ распоряженія. Аѳиняне подошедъ къ Сициліи, нанесли ей болѣе страха, нежели вреда; они ходили вокругъ сего острова, причиняя ему одинъ токмо ужасъ, безъ всякаго покушенія напасть на оный. Между симъ временемъ Алсибіадъ получилъ повелѣніе возвратиться въ Аѳины. Завидующіе славѣ его непріятели взвели на него, якобы обезобразилъ онъ истуканы боговъ и осквернилъ таинства. Аѳиняне, коимъ надлежало бы, въ такихъ обстоятельствахъ, скрыть сіи законопреступленія, и отложить до другаго времени мщеніе за оныя, позвали его для произведенія надъ нимъ суда, и послали

за нимЪ Саламинской корабль, который обыкновенно посылался за преступниками. Алсибïадъ сѣлЪ на оный; но ускользнулЪ отЪ надзиранïя стражей своихЪ, и вмѣсто чтобЪ прïѣхать вЪ Аѳины, ушелЪ кЪ Лакедемонянамъ. ЧрезЪ отбытïе его упущенЪ городЪ Мессина, которой готовЪ былЪ здатся, и весь порядокЪ дѣлЪ перемѣнился.

Никïй и ЛамахЪ, раздѣляя между собою начальство надЪ флотомЪ, обошли еще Сицилïю, и остальное лѣто провели вЪ захватываніи нѣкоторыхЪ добычЪ. ОднакожЪ кЪ концу сего времени произошло между Сиракузцами и Аѳинянами сраженïе, на которомЪ послѣднïе изЪ нихЪ одержали верьхЪ. Аѳиняне, послѣ побѣды сей, пристали зимовать вЪ Наксосѣ. ВЪ сïе время произходили у нихЪ переговоры о примиренïи; но при томЪ обѣ партïи искали себѣ союзниковЪ вЪ Италïи. Сиракузцы отправили депутатовЪ вЪ КоринѳЪ, который обѣщалЪ имЪ свою помощь; они просили также оной у Лакедемона; сей долго колебался, но напослѣдокЪ убѣжденЪ былЪ АлсибïадомЪ. И такЪ война перенесена была изЪ Грецïи вЪ Сицилïю, и сей островЪ учинился театромЪ злобы различныхЪ, участвовавшихЪ вЪ бракяхЪ сихЪ, ГреческихЪ народовЪ. Аѳиняне имѣли на своей сторонѣ жителей Лемноса, Имброса, Егины, Евбея, Хïоса, Самоса, Милета, Митилена, Тенедоса, Цитеры, Родоса, Аргоса, Мантинеи, Кандïи, Еолïи, Наксоса, Катаны, Сеи, АдрïенцовЪ, ТейенцовЪ, ЕнянЪ, ЗасинѳянЪ, КеѳалонянЪ, КорсирянЪ, МессенянЪ, ТурïйцовЪ, МетапонтïйцовЪ и ТирянЪ; союзникижЪ СиракузянЪ были жители Камаринскïе, Селинунтяне, Гамарïенцы, варварскïе Сицилïяне, Сиракузяне, Лакедемонцы, Коринѳяне, Сикïоняне, Беотïйцы, Левкадяне и Амбракïотцы. Всѣ сïи союзные народы снабдѣвали, каждый содружную сторону свою, войсками, деньгами и кораблями.

При открытïи кампанïи, вЪ теченïе осмнадцатаго года войны, Аѳинцы осадили Сиракузу. Поелику сïе произше-

ствіе есть одно изъ главнѣйшихъ случившихся въ Пелопонезскую войну, того ради предложу я нѣсколько подробнѣе о нѣкоторыхъ морскихъ походахъ. Аѳинцы въ предпріятіи своемъ на Сицилію, дѣлали ошибку за ошибкою, изъ коихъ наипаче примѣтныя суть слѣдующія: великая оплошность ихъ была, повѣря честолюбію Алсибіадову, вдаться въ такую войну, коей успѣхъ былъ весьма неизвѣстенъ; не благоразумно также поступили они, назначивъ трехъ начальниковъ надъ флотомъ ихъ; надлежало бы имъ предвидѣть, что зависть не преминетъ водворить между ими несогласіе; что, будучи противныхъ нравовъ, должны они всегда быть разнаго мнѣнія, и что отъ раздора ихъ необходимо должно было ожидать разстроенныхъ и несогласныхъ дѣйствій. Скорый отзывъ Алсибіада учиненъ былъ противъ здравой политики, и потому весьма пагубныя возъимѣлъ слѣдствія; паче всего безразсудно кажется, что исторгнули они, такъ сказать, предпріатіе Сицилійскаго похода, изъ рукъ того, кто присовѣтовалъ имъ оный, и который слѣдовательно всѣхъ болѣе помышлялъ объ успѣхѣ онаго; а препоручили исполненіе того Никію, бывшему всегда противъ сего предпріятія, и который взялся за оное принужденно. Сія послѣдняя ошибка была источникомъ всѣхъ тѣхъ худыхъ успѣховъ, каковые Аѳинцы имѣли потомъ въ семъ дѣлѣ.

Никій, сбывши съ рукъ Алсибіада, и надѣясь на смиреніе Ламахово, сдѣлался полномочнымъ повелителемъ всѣхъ морскихъ Аѳинскихъ силъ; но съ доставшеюся ему властію поступалъ весьма кротко: вмѣсто того, чтобъ напасть вдругъ на Сиракузы, бродилъ онъ около Сициліи. Таковая медлительность его дала время Сиракузцамъ взять свои предосторожности. Онъ даже навлекъ на себя презрѣніе ихъ, осадя одно весьма слабое мѣсто, отъ котораго вскорѣ потомъ отступилъ. Напослѣдокъ однакожъ, желая возстановить славу свою, приступилъ онъ къ Сиракузамъ.

Начальныя дѣйствія его предъ симъ мѣстомъ были довольно благоуспѣшны: дабы не допустить къ оному подкрѣпленія и съѣстныхъ припасовъ, облегъ онъ его сухимъ путемъ подъ прикрытіемъ нѣкоторой сугубой стѣны, и былъ полный властелинъ со стороны моря. Сиракузяне толико устрашены были симъ многіе труды преодолѣвшимъ и благоразумнымъ приступомъ, что прислали съ предложеніями о примиреніи. Когдабъ Никій былъ искуснѣе, то могъ бы воспольвоваться сими расположеніями; но онъ далъ Сиракузянамъ время укрѣпиться и получить помощь. Союзники ихъ отправили къ нимъ флотъ состоящій изъ девятнадцати судовъ, подъ предводительствомъ Гилиппа. Генералъ сей на пути своемъ, по ложнымъ слухамъ, что уже городъ сей здался, поплылъ въ Италію, для подкрѣпленія колеблющихся взятіемъ Сиракузы городовъ, и для ободренія союзниковъ; потомъ, для починки судовъ своихъ, зашелъ онъ въ Тарентъ. Никій при семъ случаѣ сдѣлалъ еще вящшую погрѣшность: ему надлежало пойти сразиться съ Гилиппомъ, не допустя его до соединенія съ Сиракузцами; но онъ удовольствовался презрѣніемъ къ сему непріятелю, котораго нужно было разбить, оправдывая упущеніе свое глупыми насмѣшками.

Гилиппъ, яко искусный Генералъ, не упустилъ воспольвоваться таковымъ пренебреженіемъ. Онъ узнавъ, что городъ Сиракузы оборонялся еще, и что можно было войти въ него, поелику оный не со всѣхъ еще сторонъ блокированъ былъ, расположился подать ему помощь, и дабы лучше учинить сіе, отправился напередъ въ союзные города, для пріумноженія флота своего судами и людьми. Когда прибылъ онъ съ подкрѣпленіемъ симъ къ городу, тогда ободренные жители онаго приготовились къ сильной оборонѣ. Со времени Гилиппова прибытія, Никій устремлялъ все вниманіе свое на море; укрѣпилъ Племмирской мысъ, составляющій немалую часть залива большой гавани,

дабы корабли его могли безопасно тамъ стоять. Не успѣли еще Гилипповы суда выйти всѣ изъ гаваней, какъ уже Никїй выслалъ двадцать пять галеръ для отрѣзанїя и взятїя оныхъ; но галеры Лакедемонскаго Генерала, коихъ было числомъ двенадцать, ушли со всѣмъ другимъ путемъ къ Сиракузу.

Помощь сїя обуздавъ осаждающихъ, ободрила осажденныхъ. Въ прочемъ же какъ одни такъ и другїе равномѣрно нуждались въ людяхъ, въ деньгахъ и судахъ, и съ обѣихъ сторонъ равно пеклись о умноженїи силъ своихъ. Сиракузцы, предполагая, что къ Никїю пошлется помощь изъ Аѳинъ, вооружили нѣсколько судовъ для нападенїя на оную, и во все зимнее время со всѣхъ сторонъ старались посылать нужныя подкрѣпленїя.

Наступившею весною Лакедемонцы и союзники ихъ заблаговременно вошли въ Аттику подъ предводительствомъ Царя Агиса, опустошили поля, расположились и укрѣпились на оныхъ, за четыре мили отъ Аѳинъ. Симъ самымъ держали они городъ сей во всегдашней противъ нихъ осторожности. Занимая такимъ образомъ Аѳинянъ, отправили они сильное подкрѣпленїе, и дабы оное могло безопасно пройти, двадцать пять Коринѳскихъ галеръ отряжены были для сопротивленїя двадцати галерамъ Аѳинскимъ, ожидавшимъ помощи сей при проходѣ. Аѳиняне съ своей стороны дѣлали также великїя прїуготовленїя. Около половины зимы, послали они десять судовъ къ Никїю, для извѣщенїя его о назначаемой къ нему помощи; а весною отправили тридцать кораблей къ союзникамъ своимъ Пелопонезцамъ, дабы они ихъ по условїю всѣмъ нужнымъ снабдили. Отправленныя же напередъ шестдесятъ пять судовъ дожидались оныхъ у Егинской пристани, гдѣ назначено было общее зборное мѣсто.

Между тѣмъ, какъ расположенїя сїи происходили въ Грецїи, Гилиппъ дѣйствовалъ въ Сицилїи, и получилъ все,

что могъ, отъ союзниковъ своихъ. Возвратясь въ Сиракузу, присовѣтовалъ онъ жителямъ онаго атаковать Никія моремъ. Ободренные Гилиппомъ Сиракузцы отважились учинить два сраженія: одно на сухомъ пути, а другое на морѣ. О морскомъ писатели различно повѣствуютъ: Плутархъ говоритъ, что въ семъ бою Аѳиняне, услыша шумъ сухопутныхъ войскъ своихъ, внезапу атакованныхъ, пришли въ робость и обратились въ бѣгство; что Сиракузцы за ними погнались, но увидя такъ близко подлѣ себя непріятельскія суда, не восхотѣли предаться беззащитному пораженію; что Аѳиняне обратясь тогда на Сиракузцовъ, стали въ строй и разбили ихъ, бывшихъ въ безпорядкѣ. Фукидидъ же иначе о семъ повѣствуетъ, и дабы уразумѣть строй, какой по мнѣнію его соблюденъ былъ въ семъ сраженіи, надлежитъ замѣтить, что въ Сиракузѣ находились двѣ гавани, большая и малая. Первая лежала къ полуденной части города, и отдѣлялась отъ другой однимъ малымъ островомъ; она имѣла больше двухъ миль въ окружности, и состояла изъ залива, коего входъ, имѣвшій не болѣе пяти сотъ шаговъ въ ширину, защищался выдававшимся въ море Племирскимъ мысомъ, и оконечностію находившагося между обѣихъ гаваней острова; а другая простиралась нѣсколько къ востоку. Въ сей послѣдней находилось Адмиралтейство, и многія суда лежали въ ней на якоряхъ.

По совѣту Гилиппову атакованы были сухимъ путемъ три крѣпостцы построенныя Никіемъ на Племирѣ; а ко флоту его, занимавшему окрестности мыса сего, и входъ въ большую гавань, въ тожъ самое время приступили тридцать пять осажденнаго города галеръ вышедшихъ изъ малой гавани, да сорокъ пять находившихся въ большой. Аѳиняне, принуждены будучи съ обѣихъ сторонъ чинить отпоръ, раздѣлились; двадцать пять галеръ употреблены были противъ тридцати пяти непріятель-

скихЪ, а тридцать пять противу сорока пяти. Сраженіе было жестокое, а особливо при входѣ вЪ большую гавань, гдѣ одни усиливались войти вЪ оную, а другіе не пропускали. Побѣда начинала оказываться на сторонѣ Сиракузцовъ, которые отразивЪ АѳинянЪ ворвались вЪ проходЪ, и нѣкоторыя галеры ихЪ вошли уже вЪ большую гавань; но какЪ хотѣли они ворваться вЪ оную всѣ вдругЪ, то произошло между ими замѣшательство; галеры ихЪ сходились однѣ сЪ другими, и сцепляясь между собою, не могли править. Аѳиняне, примѣтя безпорядокЪ сей, воспользовались онымЪ: они сомкнулись, напали стройно на сію стоптившуюся кучу неподвижныхЪ судовЪ, прогнали ихЪ, три изЪ оныхЪ со всемЪ разбили, одиннатцать потопили, и три взяли вЪ плѣнЪ; но на сухомЪ пути не имѣли они такой удачи, потерявЪ три построенныя на Племирѣ крѣпостцы, и лишась немалаго числа корабельныхЪ снастей, такожЪ и трехЪ стоявшихЪ тамЪ галерЪ.

ПослѣЪ сего сраженія Сиракузцы отрядили одиннатцать кораблей крейсеровать вЪ Италію, сЪ таковымЪ препорученіемЪ, чтобЪ захватить нѣкоторыя суда шедшія на помощь кЪ АѳинянамЪ; они атаковали ихЪ, всѣхЪ почти потопили, и имѣвшійся на нихЪ, состоявшій вЪ корабельномЪ лѣсѣ, грузЪ сожгли. Аѳиняне нѣсколько поздо уже узнавЪ о намѣреніи СиракузянЪ, послали для отвращенія онаго двадцать судовЪ, которыя поплыли кЪ Мегару, гдѣ еще застали они сіи одиннатцать непріятельскихЪ кораблей, атаковали ихЪ и одинЪ взяли, а остальныя ушли вЪ СиракузЪ.

Скоро послѣ сего малаго отправленія воспослѣдовало еще другое, также не весьма важное: Сиракузцы обнесли Адмиралтейство свое нѣкою деревянною оградою, препятствовавшею приближиться кЪ оному; они наколотили вЪ морское дно немалое количество свай, кои, подобно какЪ бы толикое число подводныхЪ камней, не допускали под-

ходить къ нему близко. Аѳиняне отправили противу сей поставленной имъ преграды одинъ большой корабль съ башнями и парапетами, посадя на него солдатъ; а за нимъ пустили плоскодонныя суда, съ великимъ числомъ стрѣльцовъ. Многія въ сіе время происходили у нихъ стычки и битвы, но безполезныя. Аѳиняне стрѣляли съ судовъ своихъ, а Сиракузцы изъ Адмиралтейства. Первые поразломали немного ограду, выдернули нѣсколько свай, и отступили; а послѣдніе паки ихъ вколотили, починили ограду свою, и тѣмъ дѣло сіе кончилось.

Между тѣмъ, какъ происходило сіе въ Сициліи, помощь Аѳинская поспѣшала итти въ передъ. Демосѳенъ, предводительствовавшій шестьюдесятью пятью кораблями, посылалъ на походѣ своемъ разные отъ себя отряды, получалъ отъ всѣхъ союзныхъ островов подкрѣпленія, потопилъ одно шедшее къ Сиракузъ транспортное непріятельское судно, и остановился у Наупакта на якорь; тутъ узналъ онъ отъ Губернатора, что двадцать пять Коринѳскихъ судовъ стоятъ въ проходахъ сихъ такъ же на якорѣ, дабы обезпечивать плаваніе идущихъ въ порты ихъ транспортовъ; и что оныя знавъ, что онъ не можетъ противупоставить имъ болѣе осмнадцати судовъ, нападали на него съ дерзостію; чего ради вызвался онъ итти атаковать ихъ, естьли дано ему будетъ довольное число судовъ. Демосѳенъ далъ ему оныхъ десять, да къ симъ присовокупилъ еще нѣсколько другихъ, и составя флотъ изъ тридцати трехъ судовъ, послалъ его атаковать Коринѳянъ, стоявшихъ въ губѣ защищаемой окружавшими ее съ обѣихъ сторонъ скалами, на коихъ поставлены были солдаты. Коринѳяне во время приближенія непріятелей, стояли спокойно, примѣчая движенія ихъ; но почитая себя не безопасными въ семъ заливѣ, вышли въ открытое море. Оба флота встрѣтясь долгое время сражались. Три Коринѳскихъ судна были потоплены, а у

противниковъ ихъ семь разбито. Послѣ сего обѣ стороны разошлись, утѣшаясь паче сохранностiю своею, нежели нанесенным непрiятелю вредомъ, и каждая изъ нихъ почитая себя одержавшею поверхность, воздвигла памятники въ честь своей побѣды.

Аѳиняне, ожидая ежедневно отправленной съ Демосѳеномъ сильной помощи, рѣшились до прибытiя оной стоять безъ дѣйствiя. Сиракузцы же напротивъ того вознамѣрились предъупредить оную и дать бой съ Демосѳеномъ. Аристонъ Коринѳскiй, превосходный мореходецъ, присовѣтовалъ имъ поснизить носы у судовъ ихъ, и укоротивъ шпироны придать имъ вящшую крѣпость, дабы прободая оными подводную часть непрiятельскихъ судовъ, удобнѣе можно было потоплять ихъ; чего не могли сдѣлать Аѳинскiя суда, у коихъ носы были высокiе, а шпироны, по причинѣ длины своей, слабые. Сиракузцы, воспользовавшись совѣтомъ симъ, начали безпокоить Аѳинянъ, дабы выманить ихъ къ бою; но сiи опасаясь неудачи уклонялись всегда отъ сраженiя. Между тѣмъ нѣкоторые Аѳинскiе офицеры, раздраженные дерзостiю непрiятеля, казавшагося имъ безсильнымъ на морѣ, бросились на нихъ даже въ большую гавань; за ними послѣдовали другiе; и такъ нечувствительно съ обѣихъ сторонъ вступили въ бой. Аѳинскiя суда были гораздо легче, и искуснѣйшими управлялись матрозами; но сражаясь въ тѣсномъ мѣстѣ, какъ видно при входѣ въ гавань, не могли они свободно поворачиваться, ниже пользоваться преимуществами своими; суда ихъ ударяясь одно о другое повреждались; весла ихъ спутывались; между тѣмъ изъ гавани бросали въ нихъ стрѣлы, и осыпали ихъ каменьями, такъ что принуждены они были обратиться въ бѣгство. Сиракузцы погнались за ними, потопили у нихъ семь судовъ, и многiя повредили. Такимъ образомъ Дiодоръ повѣствуетъ о сраженiи семъ.

Плутархъ же увѣряетъ, что бой сей не случайно произошелъ; но что къ оному приневолили Никія раздѣлявшіе съ нимъ начальство Менандръ и Ефтидемъ, которые хотѣли предъупредить сею битвою прибытіе Демосѳена, опасаясь, что оному приписана будетъ вся честь побѣды.

Ѳукидидъ описываетъ еще иначе сіе сраженіе: онъ говоритъ, что Сиракузцы, извѣстясь о приближеніи Демосѳенсвомъ, отважились дать баталію до прибытія онаго, и что напередъ сдѣлали оной расположеніе, въ которомъ искусно соблюли всѣ для себя выгоды, состоявшія во первыхъ въ числѣ, поелику противъ семидесяти пяти судовъ отправлено было восемдесятъ; вовторыхъ, для доставленія онымъ больше удобности къ бою, понизили они носы ихъ и укоротили шпироны, такожъ бока ихъ какъ съ нутри такъ и съ наружи обшили длинными досками, дабы съ бо́льшею твердостію могли онѣ сопротивлятся ударамъ непріятельскихъ судовъ.

Аѳиняне стеснены были въ гавани, которая сколько ни была велика, не имѣла однакожъ довольнаго пространства для толикаго числа судовъ; что самое великимъ служило неудобствомъ, по тому что не могли они употребить искуства своего въ морскомъ дѣлѣ. Они не смѣли подойти къ берегамъ покрытымъ вышедшими изъ города войсками, и еще меньше къ Племирскому мысу, коимъ Сиракузцы овладѣли. Въ сраженіи фрунтомъ, возвышенные шпироны ихъ ни какъ не могли прободать низкихъ носовъ, а непріятельскіе напротивъ того, будучи коротки и остроконечны, ни когда не ударяли мимо. Естьли иногда хотѣлось имъ атаковать Сиракузянъ съ боковъ, то встрѣчали тысячу трудностей въ поворотахъ, поелику въ теснотѣ не свободно было дѣйствовать веслами.

Въ первый день сраженія, обѣ стороны напрягали всѣ свои силы къ одержанію побѣды. Обѣ съ равною неутомимостію и упорствомъ сражались до самой почи; но ни

чего не воспослѣдовало рѣшительнаго, выключая, что Аѳиняне потеряли одинъ или два корабля. На другой день въ обоихъ флотахъ все было спокойно, и токмо занимались исправленіемъ и починкою своихъ судовъ. Никій, предъусматривая, что непріятели не пропустятъ снова напасть на него, приготовился къ принятію оныхъ. Всѣ мѣлкія и плоскодонныя суда его стояли въ одномъ сваями обнесенномъ заливцѣ; онъ вывелъ ихъ и поставилъ между кораблями, для удобнѣйшаго подаванія помощи поврежденнымъ въ сраженіи.

На третій день Сиракузцы выступили рано къ бою. Схватились съ такою же какъ и въ первый день жестокостію; но безъ дальняго успѣха. Одинъ Коринѳскій кормчій, искуснѣйшій во всемъ Сиракузскомъ флотѣ мореходецъ, видя, что силою дѣло не рѣшится, прибѣгнулъ къ хитрости: онъ присовѣтовалъ офицерамъ оставить непріятелей, пристать къ берегу, накормить людей, и собравшись съ силами начать опять бой съ новымъ мужествомъ; совѣту его послѣдовали. Аѳиняне думая, что непріятели ушли отъ страха, не умедлили высадить изъ судовъ всѣхъ служителей своихъ, дабы также насытить ихъ пищею. Сиракузцы, пообѣдавъ наскорѣ, съ великою поспѣшностію сѣли паки на суда свои, и вскорѣ готовы были напасть на Аѳинянъ, которые въ безпорядкѣ, и не обѣдавъ еще, едва успѣли разобраться по судамъ своимъ. Безъ сомнѣнія весьма странно, что среди самаго жестокаго между двумя флотами боя, одинъ изъ нихъ отступаетъ и высаживаетъ на берегъ людей своихъ, для насыщенія ихъ пищею; а другой, будучи во время движенія сего празденъ, тожъ самое дѣлаетъ. Поступокъ Сиракузцовъ кажется безразсуднымъ; они подвергали себя нападенію отъ непріятелей своихъ въ такое время, когда спокойно сидѣли; равно и Аѳинцы не благоразумнѣе ихъ поступили, упустя толь благопріятный для нихъ случай; но можетъ

быть отдаленность времен и различїе нравов производит в нас таковое разсужденїе.

И так Аѳиняне, видя Сиракузян обращающихся стремительно к бою, принуждены были с великою поспѣшностїю садиться паки на свои суда, и пристыженные сею хитростїю их, напали на них с лютостїю; но суда их прободались шпиронами непрїятелей, кои, пользуясь преимуществом сим, и употребляя малыя суда свои к поворачиванїю и движенїю больших, успѣли обратить побѣду на свою сторону; семь судов Аѳинских потоплены были и многїя поломаны. Ради избѣжанїя же большей еще потери, ушли они в тот огражденный заливец, которой малым судам их служил убѣжищем. Сиракузяне покушались было ворваться в сей заливец или гаванцу; но оная защищаема была свинцовыми, прикрѣпленными к реям, бабами, которыя, упадая с великой высоты, удобно могли разбивать суда их, из коих два уже и разбиты были сими машинами; что самое и понудило их отступить.

Послѣ сей то битвы прибыл Демосѳен с изукрашенным флотом своим, состоящим из семидесяти трех судов. С начала великолѣпным образом вывел он его на смотр, и показал в торжественном видѣ, при звукѣ труб и свирѣлей. Появленїе онаго обуздав храбрость осажденных, придало смѣлости осаждающим. На флотѣ сем, изобиловавшем всякими припасами и деньгами, находилось пять тысячь человѣк пѣхоты. Дїодор Сицилїйскїй полагает в нем болѣе трех сот десяти судов, считая, по видимому, в сем числѣ всѣ суда Аѳинскїя стоявшїя пред Сиракузою, и всѣ малыя суда со съѣстными припасами, с машинами, и со всякими нужными как для лагеря так и для осады снарядами. Демосѳен вознамѣрился, пользуясь смятенїем, каковое приближенїем своим произвел он в Сиракузянах, ознаменовать при-

бытїе свое нѣкїимЪ скорымЪ и незапнымЪ предпрїятїемЪ. Никїй же противуполагалЪ сему обыкновенную свою медлѣнность. ОнЪ имѣлЪ тогда причину не спѣшить: ибо узналЪ чрезЪ находившихся вЪ городѣ ЛазутчиковЪ своихЪ, что Сиракузцы, будучи истощены и угрожаемы голодомЪ, готовы здаться, и что вЪ немногїе дни доведены будутЪ до конца терпѣнїя своего; однакожЪ Аѳиняне, привыкши за всѣ худые успѣхи свои обвинять безпечность Никїеву, охотно взирали на предпрїимчивость Демосѳенову. И такЪ онЪ сЪ десятью тысячами человѣкЪ пошелЪ ночью на приступЪ кЪ Епипольской крѣпости, лѣжащей отЪ города кЪ северозападу; но лишь только хотѣлЪ онЪ овладѣть ею, какЪ городской гарнизонЪ, подоспѣвЪ на помощь кЪ оной, принудилЪ его сЪ поспѣшностїю отступить, и выгналЪ его изо всѣхЪ взятыхЪ имЪ небольшихЪ укрѣпленїй. ДемосѳенЪ, не зная положенїя земли, претерпѣлЪ при семЪ отступѣ знатный railвЪ: двѣ тысячи пять сотЪ человѣкЪ было у него убитыхЪ и много раненыхЪ. Побѣда сїя ободрила СиракузянЪ, и понудила АѳинянЪ помышлять о снятїи осады. ДемосѳенЪ, приведенный симЪ первымЪ несчастїемЪ вЪ унынїе, старался всѣми силами подтвердить мнѣнїе сїе; но Никїй возсталЪ противЪ онаго, представляя, что таковое отступленїе возгордитЪ СиракузцовЪ, и обезславитЪ АѳинянЪ; что они отнюдЪ не доведены еще до крайней необходимости и кЪ бѣгству; что по прибытїи вЪ отечество свое, раздраженный народЪ не преминетЪ осудить ихЪ на смерть, и что гораздо лучше для нихЪ погибнуть отЪ рукЪ непрїятельскихЪ, нежели отЪ рукЪ согражданЪ своихЪ. Никїева рѣчь подѣйствовала надЪ Аѳинянами; но прибывшее кЪ СиракузцамЪ сильное вЪ судахЪ и войскахЪ состоявшее подкрѣпленїе, распространивЪ по всему Аѳинскому флоту страхЪ и безпокойство, понудило ихЪ рѣшиться на отступленїе. Едва токмо приготовились они кЪ снятїю сЪ якоря, какЪ затмѣнїе

луны привело въ ужасъ робкаго и суевѣрнаго Никія; онъ не хотѣлъ отправиться въ путь, не умилостивя напередъ жертвоприношеніями боговъ, коихъ почиталъ онъ прогнѣванными; и чрезъ замедлѣніе сіе далъ время Сиракузцамъ узнать объ отшествіи Аѳинянъ, и принудить ихъ къ бою. Битва происходила слѣдующимъ порядкомъ:

Сиракузской флотъ состоялъ, по мнѣнію Ѳукидида, изъ осмидесяти двухъ, или по мнѣнію Діодора, изъ осмидесяти четырехъ судовъ. Лѣвымъ крыломъ предводительствовалъ Агаѳоклъ, правымъ Сиканъ, оба Сиракузяне; а кордебаталіею Пифъ Коринѳянинъ. Аѳинскій состоялъ изъ осмидесяти шести судовъ; правымъ крыломъ повелѣвалъ Евримедонъ, лѣвымъ Ефтидемъ, а самою срединою Менандръ. Строй ихъ весьма разтянутъ былъ; они сдѣлали сіе расположеніе, думая тщетнымъ силъ своихъ показаніемъ устрашить непріятеля; но сіе самое было причиною ихъ погибели. Евримедонъ, желая окружить лѣвое непріятельское крыло, отдѣлился отъ флота, и слѣдовательно обезсилилъ оный. Сиракузяне, пользуясь ошибкою сею, отрѣзали его, и заперли въ одномъ заливѣ, гдѣ совершенно его разбили. Онъ потерялъ семь кораблей, и самъ убитъ былъ со множествомъ солдатъ, которые, ища спасенія, попадались въ руки Гилипповымъ солдатамъ, разставленнымъ по берегу для убиванія ихъ. Извѣстіе о разбитіи и смерти Евримедоновой вскорѣ пронесшись въ оба флота, привело въ великую робость Аѳинянъ, и принудило ихъ обратиться въ бѣгство. Сиракузяне послѣдовали за ними, и многія суда ихъ загнали на мѣль. Сиканъ приказалъ наполнить лѣсомъ и другими удобовозгорающимися веществами барку, зажечь оную, и пустить по вѣтру на сіи стоящія на мѣли суда, которыя и загорѣлись. Аѳиняне употребили всѣ возможныя средства, дабы не дать пожару сему распространиться далѣе: но при всѣхъ стараніяхъ своихъ, лишились они въ семъ случаѣ осмнадцати кораблей.

Сиракузяне, учинясь чрезъ победу сію еще гораздо отважнѣйшими, вознамѣрились употребить послѣднее противъ Аѳинянъ усиліе. Дабы запереть суда ихъ, сдѣлали они при входѣ въ большую гавань, поперегъ оной, нѣкую составленную изъ судовъ преграду, расположа и утвердя оныя на якоряхъ, и соединя ихъ между собою толстыми желѣзными цѣпьми съ настланными на нихъ досками, по коимъ можно было ходить какъ по мосту. Сія работа, оконченная въ три дни, открыла Аѳинянамъ глаза: они увидѣли предстоящую имъ опасность, и почувствовавъ, что необходимо должно имъ расторгнуть сію замыкающую ихъ пловучую преграду, послали для исполненія сего сто пятнадцать судовъ съ лучшими воинами, а остальныя войски свои поставили въ строй на берегу морскомъ. Сиракузяне, видя расположенія сіи, не оставались въ праздности; они сухопутную армію свою поставили предъ городомъ также въ боевой порядокъ, и назначили для защищенія помянутой преграды восемдесятъ четыре судна, обитыя кожею, для лучшей безопасности отъ желѣзныхъ багровъ приуготовленныхъ Аѳинянами. Они посадили отборныхъ воиновъ на флотъ сей, сопровождаемый великимъ числомъ мѣлкихъ судовъ, наполненныхъ не возмужалыми еще юношами, назначенными для подаванія отцамъ и братьямъ ихъ той помощи, къ какой они по лѣтамъ своимъ способны быть могутъ. Поелику битва сія, къ которой приготовлялись, долженствовала по видимому рѣшить жребій Сиракуза, опредѣля оному рабство или свободу, того ради, объятыя страхомъ и надеждою, жены, дщери и старцы высыпали во множествѣ на городской валъ, и заступили всѣ тѣ мѣста, съ коихъ можно было видѣть сраженіе.

Никій объѣхалъ вокругъ всего флота, дабы ободрить бывшихъ наономъ. Онъ представилъ имъ, что они идутъ сражаться за честь и за славу отечества; что жизнь ихъ зависитъ отъ ихъ храбрости; что надлежитъ или

побѣдить, или умереть; что не должно имъ дать со главы своей сорвать лавры, коими они при Саламинѣ увѣнчались; но всегда помнить, что они Аѳиняне. Послѣ сей краткой рѣчи, Никій сколько возможно растянулъ флотъ свой, дабы устрашить тѣмъ Сиракузянъ. Сіи предстали предъ нихъ гордо и величаво, имѣя Сицилійскіе корабли по краямъ, а Коринѳскіе въ срединѣ. Сиракузцы не хотѣли начать сраженія, по причинѣ проречения оракуловъ ихъ, возвѣстившихъ, что они останутся побѣдителями, естьли токмо не они первые начнутъ бой.

Первыя движенія сдѣлалъ Демосѳенъ, и потянулся съ кораблями своими ко входу въ гавань; завладѣлъ обороняющими оный судами; но между тѣмъ, какъ Аѳиняне старались разорвать нѣкоторую цѣпь протянутую осажденными, Сициліяне обступили ихъ со всѣхъ сторонъ: бой начался общій и жестокій въ гавани и вокругъ оной. Аѳиняне, уступя сильному на нихъ нападенію, подались назадъ, иные къ берегу, а другіе къ городу; остальныежъ упорно стояли еще въ самой срединѣ гавани. Сперва бились частями, но когда гавань наполнилась двумя стами судовъ, тогда повсюду происходило сраженіе. Сиракузяне поощряемы были воплями родителей своихъ, женъ и дѣтей, а Аѳиняне желаніемъ сохранить вольность свою, честь и жизнь.

Смѣшеніе было странное, и бой кровопролитнѣйшій. Съ обѣихъ сторонъ дѣлали обордажъ. Суда сцѣплялись однѣ съ другими, и дрались не трогаясь съ мѣста, какъ бы на сухомъ пути. Стукъ раздробляющихся отъ взаимнаго ударенія кораблей, трескъ ломающихся веслъ, вопли раненыхъ и умирающихъ, и восклицанія стоявшихъ на городскомъ валѣ зрителей, препятствовали слышать гласъ повелительства. Множество дротиковъ и стрѣлъ, коими наполнялся воздухъ, и царствовавшій повсюду безпорядокъ, не позволяли дѣлать сигналовъ, ниже видѣть ихъ. Поглощаемыя

водою со всѣми на нихъ людьми цѣлыя суда, иныя спорящія еще о побѣдѣ, другія взятыя и въ тожъ почти время паки отнятыя назадъ, иныя разгроможденныя и наполненныя равнымъ числомъ какъ Аѳинянъ такъ и Сициліянъ поражающихъ другъ друга, представляли ужасное зрѣлище. Сухопутныя войски такожъ не меньше въ томъ участвовали. Желаніе пріобрѣсть славу, и страхъ подвергнуться стыду, переходили поочереди отъ однихъ къ другимъ: на обѣихъ сторонахъ то исчезала то паки раждалась надежда, смотря по различнымъ въ сраженіи успѣхамъ; и какъ побѣда иногда на той, а иногда на другой сторонѣ появлялась, то и солдаты, видя торжество или погибель кораблей своихъ, возсылали къ небу, либо радостные клики, либо печальные вопли. Стоявшіе на стѣнахъ или на валу, ощущали тѣжъ самыя движенія: одни, смотря на собратій своихъ поражающихъ враговъ, возклицали побѣду; другіежъ, взирая на убіеніе родителей своихъ, горесть свою страшными изъявляли гласами. Кратко сказать, всѣ ужаснаго побоища сего зрители возносили къ богамъ жалобы, молитвы и воздыханія.

По храбромъ сопротивленіи Аѳинскій флотъ побѣжденъ былъ: тѣ изъ судовъ ихъ, кои ближе находились къ городу, были первыя разбиты и обратились въ бѣгство; примѣру ихъ послѣдовали другія, и напослѣдокъ всѣ показали тылъ. Сиракузцы, не давъ имъ времени опомниться, бросились за ними въ погоню. Аѳиняне приваля къ берегу, спасались посредѣ мертвыхъ тѣлъ, плавающихъ оружій и обломковъ судовъ ихъ, коими весь берегъ былъ усланъ. Демосѳенъ хотѣлъ избавившихся отъ смерти Аѳинянъ посадить паки на суда, дабы увезть ихъ моремъ; но устрашенные кормчіе не смѣли на оныя войти.

Никій, почитая за полезнѣйшее уйти въ союзные Сицилійскіе города, велѣлъ зажечь оставшіяся отъ флота его суда, между тѣмъ, какъ армія Аѳинская отступала

сухимЪ путемЪ; но оную догнали и вЪ разныя нападенія разбили. Всѣ наголову были порублены, офицеры и солдаты, выключая нѣкотораго числа взятыхЪ вЪ плѣнЪ, между коими находились Никій и ДемосѳенЪ, которыхЪ Сиракузцы безчеловѣчно убили. ТаковЪ былЪ плачевный рокЪ отправившагося изЪ АѳинЪ сЪ толикимЪ блескомЪ и великолѣпіемЪ флота сего, и таковый несчастный воспослѣдовалЪ конецЪ предпріятой противЪ всѣхЪ правилЪ благоразумія и праводушія войны, вЪ коей Аѳиняне, по мнѣнію Ѳукидида, потеряли больше нежели вЪ какую либо другую Греческую войну.

Легко повѣрить, что Аѳины крайне обезсилѣли претерпѣнными вЪ Сициліи потерями, поелику стоили имЪ оныя наилучшихЪ жителей, союзниковЪ, богатствЪ, кораблей и самой славы. И такЪ находились они вЪ худомЪ весьма положеніи: безЪ кораблей вЪ пристаняхЪ своихЪ, безЪ годнаго кЪ строенію лѣса вЪ адмиралтействахЪ, безЪ денегЪ вЪ казнѣ, и безЪ матрозовЪ. Поелику нещастіе обыкновенно лишаетЪ насЪ друзей нажитыхЪ вЪ благополучное время, того ради союзники ихЪ, какЪ то Евбеяне, Лезбіяне, Ерифріане, жители Хіо, отставЪ отЪ нихЪ, передались кЪ непріятелямЪ ихЪ. Весьма вѣроятно, что естьли бы ЛакедемонЪ умѣлЪ воспользоваться злополучіемЪ АѳинЪ, то подвергЪ бы ихЪ своимЪ законамЪ; но Лакедемонцы употребляли время на отвлеченіе отЪ АѳинянЪ союзниковЪ ихЪ, между тѣмЪ какЪ Аѳиняне прилагали всевозможное стараніе поправить потери свои и новыми силами подкрѣпить себя.

Судя по наружности, казалось вЪ слѣдующую кампанію произойдутЪ великія дѣла; однакоже ничего чрезвычайнаго не случилось, и обѣ стороны одерживали взаимныя другЪ надЪ другомЪ преимущества. Лакедемонцы имѣли на морѣ сто судовЪ присланныхЪ кЪ нимЪ отЪ союзниковЪ ихЪ, и назначенныхЪ для всякихЪ потребующихся вЪ кампанію

экспедицій. Двадцать изЪ оныхЪ послали они кЪ Лезбосу, для поддержанія бунта острова сего, хотѣвшаго сложить сЪ себя иго АѳинянЪ; двадцать одно судно отправили кЪ Хіосу; и дабы скрыть отЪ непріятелей путь ихЪ, переволокли они ихЪ изЪ одного моря вЪ другое КоринѳскимЪ перешейкомЪ, какЪ сіе часто вЪ то время дѣлалось. Аѳиняне сЪ своей стороны многія также употребляли движенія. Не надѣясь на вѣрность ХіосскихЪ жителей, понуждали они ихЪ прислать кЪ нимЪ положенную по условію помощь; и какЪ разрывЪ ихЪ еще не былЪ явный, то для лучшаго прикрытія онаго отправили они семь кораблей вЪ Аѳины.

Аѳиняне вскорѣ провѣдали о назначеніи ЛакедемонскихЪ судовЪ, кои переволочены были чрезЪ перешѣекЪ: они послали толикоежЪ число на встрѣчу кЪ онымЪ. Когда оба флота сближились и стали одинЪ у другаго вЪ виду, тогда Аѳиняне начали держать далѣе отЪ береговЪ, показывая притворный видЪ бѣгства, дабы чрезЪ то выманить непріятелей своихЪ вЪ открытое море; которые вЪ самомЪ дѣлѣ нѣсколько времени гналися за ними; но скоро остановились, дабы не вступить вЪ бой. Аѳиняне остановились также, но не полагаясь много на Хіосскія суда, просили подкрѣпленія, и получили оное, состоявшее вЪ тридцати семи судахЪ. Коринѳяне, устрашась приближенія новой помощи сей, ушли вЪ одну пустую гавань, лежащую неподалеку отЪ Епидавра. Аѳиняне атаковали ихЪ вЪ оной моремЪ и сухимЪ путемЪ; убили у нихЪ много людей, и между прочими, главнаго начальника; разбили многія суда ихЪ, остальныя блокировали; однакожЪ сіи послѣднія спаслись.

ВЪ самое сіе время ГилиппЪ возвращался побѣдителемЪ изЪ Сициліи сЪ шестнадцатью кораблями. ОнЪ нашелЪ близЪ Левкада двадцать семь АѳинскихЪ судовЪ шедшихЪ на встрѣчу кЪ нему, для взятія его. Искусный АдмиралЪ

сей, исторгшійся при Сиракузѣ изъ самыхъ величайшихъ опасностей, умѣлъ и здѣсь поступить такъ осторожно, что прибылъ въ Коринѳъ, потерявъ не болѣе какъ одинъ токмо корабль.

Аѳиняне, почти въ тоже самое время, знатную сдѣлали ошибку, отправивъ къ Евбеи пятдесятъ судовъ подъ управленіемъ такихъ двухъ генераловъ, кои имѣли между собою ссору, и коихъ ненависть другъ къ другу обнаруживалась безпрестанными распрями. Направя путь свой къ городу Оропу, атаковали они у онаго непріятельской флотъ; но сами потеряли двадцать два судна, и едва могли спасти остальныя. Кампанія прошла въ нѣкоторыхъ сшибкахъ и небольшихъ битвахъ. Пелопонезцы старались всячески привлечь на свою сторону союзниковъ Аѳинскихъ, уже и такъ нещастіями ихъ колебавшихся. Аѳинцы напротивъ того не упускали ничего служащаго къ удержанію оныхъ въ союзѣ съ ними. Когда безполезны были переговоры, то употребляли они силу. Таковыя съ обѣихъ сторонъ домогательства подавали поводъ ко многимъ небольшимъ боямъ, повѣствованіе коихъ обременило бы излишними подробностями всеобщую исторію нашу.

Начало двадцать первой кампаніи подобно было концу предъидущей: Лакедемонцы и Аѳиняне старались взаимно отбивать одни у другихъ союзниковъ, которые, будучи въ необходимости взять чью нибудь сторону, попеременно то тѣмъ то другимъ доставались въ добычу, и такимъ образомъ становились жертвою распрей ихъ. Хіоскіе жители болѣе всѣхъ были обезпокоены. Флотъ ихъ, довольно многочисленный, сражался съ Аѳинскимъ: ночь разлучила ихъ, но битва была не рѣшительная. Всѣ сіи бои были, такъ сказать, однѣ токмо небольшія схватки; сражались частно и съ равною потерею: надлежало дать общій бой, чего и желали Сиракузане, кои

скучали, что не видятъ ничего окончательнаго; и такъ съ обѣихъ сторонъ приготовились къ оному. Пелопенезцы, будучи въ числѣ ста двадцати двухъ судовъ, предстали предъ Аѳинскій флотъ, состоявшій токмо изъ осмидесяти двухъ кораблей. Оба флота сошлись около Самоса и Микаля. Аѳинянамъ не разсудилось за благо съ толь неравными силами испытать щастія своего въ бою; по чему, не вступая въ сраженіе, стали они въ закрытомъ мѣстѣ за островомъ Самосомъ, во ожиданіи шедшаго къ нимъ изъ Геллеспонта подкрѣпленія. Пелепонезцы, желая воспользоваться преимуществомъ своимъ надъ непріятелями, вступили подъ паруса и пошли къ Самосу, для нападенія на нихъ; но узнавши, что получили они ожидаемую ими помощь, направили путь къ Милету. Аѳиняне, видя флотъ свой увеличившимся до ста осми судовъ, снялись съ якоря и пошли искать Пелопонезцовъ въ Милетѣ; но какъ сіи не хотѣли выдти изъ онаго, то Аѳиняне, не могши выманить ихъ въ открытое море, возвратились опять въ Самосъ.

Лишеніе острова Евбея, отнятаго чрезъ нѣсколько времяни у Аѳинянъ, было въ войнѣ сей наичувствительнѣйшею для нихъ потерею. Городъ Аѳины, воевавшій со всемъ Пелопонезомъ, раздираемъ былъ еще междоусобными бранями. Честолюбіе правительства приводило въ немъ все въ смятеніе, и городъ сей, котораго всѣ чужестранныя силы не могли преодолѣть, отъ собственныхъ раздоровъ своихъ приходилъ въ изнеможеніе. Пелопонезцы, дабы воспользоваться домашними несогласіями произходившими въ Аѳинахъ, послали сорокъ два судна къ Евбеи. Аѳиняне, думая, что сіе снаряженіе непріятельскаго флота угрожаетъ порту ихъ, прекратили на время несогласія свои, и соединились для обороны своей. Съ великою поспѣшностію вооружили они тридцать шесть кораблей, и посадили на нихъ попавшихся безъ разбору матрозовъ. Корабли сіи собрались въ гавани Евбейскаго города Еретріи. Едва токмо при-

были они шуда, какъ стоявшій на рейдѣ у Оропа флотъ Пелопонезскій снялся съ якоря, и пошелъ атаковать ихъ. Аѳиняне увидя приближающійся къ нимъ въ благоустройствѣ непріятельскій флотъ, побѣжали съ поспѣшностію садиться на свои суда; но многіе солдаты, разсѣясь по городу для покупки съѣстныхъ припасовъ, не успѣли попасть на оныя. Жители города, имѣя тайные переговоры съ Пелопонезцами, нарочно прятали съѣстные припасы свои, дабы тѣмъ долѣе удержать Аѳинянъ на берегу, а между тѣмъ дѣлали непріятелямъ ихъ знаки, увѣдомляющіе, что время выступить имъ къ бою. Атакованные въ гавани Аѳиняне, съ начала учинили храброе сопротивленіе; но принуждены будучи уступить силѣ, выбрались въ море и пошли на убѣгъ. За ними неукоснительно погнались, постигли ихъ, и разбили; двадцать два судна со всѣми людьми были у нихъ взяты; прочіяжъ укрылись въ нѣкоторыя принадлежавшія городу Аѳинамъ гавани. Завоеваніе Евбеи было слѣдствіемъ сей важной побѣды.

Потеря сія привела Аѳинянъ въ великое разстройство, и была для нихъ важнѣе, нежели всѣ претерпѣнныя ими въ Сициліи несчастія, поелику въ одномъ Евбеѣ находили они болѣе пособій себѣ, нежели во всей Аттикѣ. Лакедемонцы не умѣли выгодами своими воспользоваться. Естьлибъ послѣ Евбейскаго сраженія пошли они атаковать Аѳинскую гавань, то безъ всякой трудности могли бы овладѣть оною, или по крайней мѣрѣ принудили бы Аѳинскія войска, въ Геллеспонтѣ и Архипелагѣ находившіяся, обратиться на помощь къ своему отечеству, что самое доставило бы имъ легчайшіе способы къ завладѣнію всѣми оставленными отъ нихъ мѣстами. Но Лакедемонцы привыкли уже дѣлать подобныя сему погрѣшности; часто медлительностію своею упускали они такіе удачные случаи, которыми великія дѣла приводятся къ окончанію.

Өукидидъ поступку сему со всемъ иную объявляетъ причину: Пелопонезская армія состояла изъ народовъ, нравами, духомъ и свойствами со всемъ не сходныхъ: люди непроворные и неповоротливые смѣшивались съ преисполненными пылкости людьми. Одни шли на все, другіе ни на что не хотѣли отважиться. Расположеніями толь между собою противными опровергались наилучшіе замыслы, и спаслись Аөины.

Между тѣмъ дѣла Аөинянъ становились отчасу хуже; внутренніе раздоры невозвратно погубили бы ихъ, естьлибъ возвращеніе Алсибіада не прекратило оныхъ. Алсибіадъ, будучи въ Лакедемонѣ, возбуждалъ по многимъ причинамъ зависть въ Царѣ Агисѣ: приписуемая ему въ щастливыхъ успѣхахъ слава, и невѣрность супруги царской, воспламенившейся любовію къ Алсибіаду, ожесточили противъ него Государя сего; онъ поклялся погубить его, и убѣдилъ градоначальниковъ дать тайныя о умерщвленіи его повелѣнія. Но при всѣхъ мѣрахъ взятыхъ къ содержанію въ тайнѣ сего намѣренія, Алсибіадъ узналъ объ ономъ, и для безопасности своей удалился къ Тиссаферну, одному изъ генераловъ Персидскаго Царя Дарія Нота. Поссорясь такимъ образомъ съ Лакедемономъ, сталъ онъ чистосердечно помышлять о примиреніи съ отечествомъ своимъ, и о снисканіи отъ него прежняго къ себѣ уваженія, оказаніемъ какой нибудь знатной оному услуги. Поелику былъ онъ великій полководецъ и хитрый политикъ, а притомъ обходителенъ, ласкословенъ, привѣтливъ, и какъ сіи пріятныя свойства украшались еще тѣлесною благовидностію, то предуспѣлъ онъ вскорѣ въ пріобрѣтеніи Тиссаферновой къ себѣ дружбы. Онъ увѣрилъ его, что для Персіи полезно питать между Аөинянами и Лакедемономъ раздоры, и что поелику сей послѣдній начинаетъ брать поверхность надъ соперникомъ своимъ, то надлежало бы прервать денежное посылаемое къ нему отъ Персовъ пособіе, чрезъ чтобы Лакедемонъ приведенъ былъ въ безсиліе.

Онъ воспрепятствовалъ еще Персамъ отправить къ нимъ подкрѣпленіе состоявшее, по мнѣнію Плутарха, изо ста пятидесяти, а по мнѣнію Діодора, изъ трехъ сотъ Финикійскихъ судовъ. Сіе послѣднее ходатайство его спасло Аѳины, кои не могли бы никогда противустоять толикимъ соединеннымъ силамъ. Онъ оказалъ неблагодарному отечеству своему еще существеннѣйшую услугу: Аѳиняне имѣли сильный флотъ въ Самосѣ, для усмиренія возмутившихся союзниковъ своихъ, и для недопущенія до сего другихъ готовыхъ послѣдовать сему примѣру. Предводительствовавшіе онымъ, извѣстясь о существующихъ въ Аѳинахъ, касательно до правленія, распряхъ, призвали Алсибіада, наименовали его главнокоммандующимъ надъ флотомъ имъ ввѣреннымъ, и хотѣли подъ начальствомъ его идти въ Аѳины для наказанія тамъ мятежниковъ; но Алсибіадъ не допустилъ ихъ до исполненія сего намѣренія, доказывая имъ, что отбытіе ихъ подастъ случай къ совершенной погибели Іоніи, Геллеспонта и сосѣдственныхъ съ ними городовъ, и что естьли пойдутъ они возжечь въ Аѳинахъ огнь междоусобной брани, то несчастный городъ сей скоро обращенъ будетъ въ пепелъ.

Между тѣмъ, какъ Алсибіадъ оказывалъ таковыя отечеству своему услуги, прислали къ нему звать его въ оное; однакожъ онъ сумнѣваясь всегда въ ласкахъ непостояннаго народа, не иначе хотѣлъ возвратиться въ Аѳины, какъ сопровождаемый славою какого нибудь знаменитаго подвига; чего ради взявъ нѣсколько судовъ, пошелъ онъ крейсеровать около Книда и острова Коса, въ той надеждѣ, что можетъ быть какой непредвидимый случай подастъ ему
Л. М. 3595, до Р. Х. 409. способъ отличиться и войти съ торжествомъ въ Аѳины. Узнавъ, что Миндаръ, начальствующій надъ Лакедемонскимъ флотомъ, плыветъ къ Геллеспонту, и что гонится за нимъ Аѳинской флотъ, поспѣшалъ онъ съ осмнадцатью кораблями своими соединиться съ симъ послѣднимъ; но до прибытія его оба флота вступили уже въ сраженіе.

Со времени отправленія Миндарова, даже до прибытія Алкивіадова, Плутархъ объ одномъ токмо упоминаетъ боѣ; но Діодоръ Сицилійскій повѣствуетъ о двухъ, а Ксенофонтъ о трехъ. Поелику сей послѣдній наиболѣе свѣдущъ былъ, и какъ онъ послѣ Ѳукидида продолжалъ исторію, то я повѣствованіе его предпочитаю. Ѳукидидъ въ концѣ исторіи своей описываетъ первый бой слѣдующимъ образомъ: Миндаръ, начальникъ Пелопонезскаго флота, остановился на якорѣ у Милета, для ожиданія тамъ сильной помощи, состоящей въ Финикійскихъ, обѣщанныхъ Персами, судахъ; но видя надежду свою тщетною, собиралъ отовсюду суда, требовалъ ихъ отъ союзниковъ своихъ, и составилъ знатный флотъ, съ коимъ поплылъ къ Геллеспонту. Флотъ сей, состоявшій изъ шестидесяти осми судовъ, сталъ на якорь предъ Абидосомъ, и простирался даже до Дарданіи; Аѳинскій же, имѣвшій девяносто шесть судовъ, узнавъ объ отшествіи и о пути Лакедемонскаго, отправился отъ Самоса въ слѣдъ за нимъ, и легъ на якорь предъ Сестосомъ, простираясь вдоль Херсонеса. Такимъ образомъ стояли они оба одинъ у другаго въ виду, одинъ въ Азіи, а другой въ Европѣ.

Пелопонезцы, нетерпѣливо желая сразиться, первые пустились къ непріятелямъ. Миндаръ находился на лѣвомъ крылѣ, а Сиракузяне на правомъ. Бой начался поутру. Долгое время старались одни у другихъ занять выгодное мѣстопололоженіе; понеже надлежало имъ сражаться въ каналѣ, котораго теченіе весьма быстро, то каждой изъ нихъ тщился стать выше своего противника. Пелопонезцы, по нѣкоторомъ перехожденіи такимъ образомъ съ мѣста на мѣсто, вытянули на конецъ лѣвое крыло свое противъ праваго Аѳинянъ, дабы оное окружить; но сіи исторгшись изъ сего положенія, и подкрѣплены будучи нѣкоторою частію изъ своей средины, напали съ лютостію на устремлявшихся замкнуть ихъ. Лѣвое крыло Аѳинянъ подвинулось противъ Сиракузянъ даже за мысъ

называемый *Гекубина могила.* Пелопонезцы, примѣтя, что средина непрїятельскаго флота была обезсилена, вдругъ на нее бросились и смяли оную, потому что не могла она получить помощи ни отъ Тразибула, на котораго обращены были всѣ силы Сиракузскїя, ни отъ Ѳразилла, который за мысомъ не могъ видѣть ничего происходившаго. По разбитїи средины, Пелопонесцы погнались за бѣгущими. Тразибулъ, примѣтивъ оное, оставилъ бой, пустился на нихъ, и заставъ ихъ въ безпорядкѣ, разбилъ и принудилъ самихъ обратиться въ бѣгство. Сиракузцы, претерпѣвая жестокое нападенїе отъ Ѳразилла, и видя разсѣянїе лѣваго крыла своего, ушли къ Абидосу, а за ними послѣдовалъ и остальной ихъ флотъ. Въ семъ сраженїи Пелопонезцы потеряли болѣе тритцати судовъ. Побѣда сїя ободрила паки Аѳинянъ. По прошествїи четырехъ дней послѣ сей битвы, взяли они еще восемь непрїятельскихъ кораблей, шедшихъ изъ Византїи.

Ксенофонтъ говоритъ о второмъ морскомъ сраженїи, въ коемъ Лакедемонцы, подъ начальствомъ Гежезандрида, одержали верьхъ; но онъ не упоминаетъ ничего объ обстоятельствахъ онаго. Третїя битва имѣла слѣдующїй успѣхъ: Дорїя, предводительствовавшїй четырнатцатью Италїянскими кораблями, успокоивъ нѣкоторыя на островѣ Родосѣ смятенїя, поплылъ къ Геллеспонту для соединенїя съ Миндаровымъ флотомъ, который, для поправленїя потерей своихъ, просилъ новыхъ пособїй отъ всѣхъ Спартанскихъ союзниковъ. Аѳиняне, стоявшїе на якорѣ предъ Сестосомъ, увѣдомясь о приближенїи Дорїя, пустились со всѣмъ флотомъ своимъ, состоявщимъ изо ста четырехъ судовъ, на встрѣчу къ нему. Дорїя, не думая, чтобъ такъ близко находились отъ него непрїятели, ушелъ къ Дарданїи, гдѣ высадилъ нѣкоторую часть служителей на берегъ, для защищенїя судовъ своихъ. Аѳиняне употребляли всѣ свои силы къ овладѣнїю оными. Миндаръ, извѣстясь о произ-

ходившемъ при Дарданіи, пустился со всемъ флотомъ своимъ, состоявшимъ изъ девяноста шести судовъ, на помощь къ Дорію. Самъ онъ велъ правое крыло, а на лѣвомъ находились Сиракузцы. Аѳиняне стояли бодрственно и встрѣтили его съ твердостію. Тразибулъ былъ на правомъ, а Ѳразиллъ на лѣвомъ крылѣ. Сразились съ обѣихъ сторонъ мужественно; дѣлали всѣ употребительныя тогда на морѣ, тактическія движенія; каждая сторона, индѣ побѣждала, индѣ была побѣждаема. Во время радостныхъ восклицаній однихъ преодолѣвающихъ, надлежало подавать помощь другимъ преодолѣваемымъ, и побѣда пребывала сомнительною; но Алсибіадъ, прибывшій съ осмнадцатью кораблями, рѣшилъ оную. Оба флота не зная чью возметъ онъ сторону, пришли въ робость; однако онъ ободрилъ Аѳинянъ, выставя красной щитъ, служившій знакомъ, что онъ соединяется съ ними. Пелопонезцы ставъ, чрезъ полученную помощь сію, малочисленнѣе непріятелей своихъ, ушли къ берегу, подъ защиту Персидскаго Генерала Фарнабаза. Армія сія предохранила ихъ отъ совершеннаго разбитія; однакожъ въ сей битвѣ лишились они тридцати кораблей.

Гордящійся успѣхомъ симъ Алсибіадъ, желалъ явиться Тиссаферну во всей славѣ побѣдителя: онъ предсталъ предъ него во многолюдствѣ сопровождателей, и поднесъ ему великолѣпные дары; но варваръ сей, почитая взятіе Алсибіада нужнымъ къ оправданію поступка своего, задержалъ его плѣннымъ въ Сардахъ. Хитрый Алсибіадъ умѣлъ исторгнуться изъ рукъ Тиссаферновыхъ, и соединясь паки съ Аѳинскимъ флотомъ, вскорѣ доставилъ ему вторичную побѣду. Л. М. 3596, до Р. Х. 408.

Миндаръ, дабы загладить стыдъ послѣдняго сраженія, употреблялъ новыя усилія. Онъ просилъ у Пелопонезянъ и союзниковъ своихъ подкрѣпленія, которое получа поплылъ къ Мраморному морю, гдѣ, при помощи бывшихъ

подъ начальствомъ Фарнабазовымъ Персовъ, взялъ городъ Сизику. Аѳиняне, известясь о семъ, отправились отъ Сестоса со флотомъ состоявшимъ изъ осмидесяти шести судовъ, раздѣленныхъ на три эскадры: первою предводительствовалъ Алсибïадъ, вторoю Ѳераменъ, а третьею Тразибулъ. Флотъ сей, сокрывая отшествïе свое, отправился ночью. На другой день прибылъ онъ на высоту Сизика, и сталъ въ закрытïи за Преконезомъ, небольшимъ прикрывавшимъ городъ сей островомъ. Искусный въ воинскихъ хитростяхъ Алсибïадъ, условился съ двумя другими начальниками, что онъ съ эскадрою своею пойдетъ атаковать Пелопонезянъ, а они, какъ скоро увидятъ его вступившаго въ бой, поспѣшали бы на помощь къ нему, и старались окружить непрïятелей. Все сïе исполнено было съ великимъ порядкомъ. Когда Алсибïадъ показался предъ Сизикою, то съ начала усмотрѣнъ онъ былъ шестьюдесятью Пелопонесскими судами, дѣлавшими экзерцицïю предъ портомъ. Миндаръ, видя Алсибïада въ толь маломъ числѣ судовъ, и преисполненъ будучи надежды, пошелъ на встрѣчу къ нему съ осмьюдесятью кораблями. Алсибïадъ, притворнымъ и осторожнымъ бѣгствомъ отъ нихъ, заманилъ ихъ въ открытое море, и далъ знакъ къ сраженïю. Вдругъ показались Тразибулъ и Ѳераменъ, и напали на Пелопонезянъ съ тылу, дабы пресѣчь имъ ретираду. Миндаръ, противъ чаянïя своего увидя себя окруженнымъ отъ столь великаго числа судовъ, поставилъ суда свои у самаго берега на мѣль, противъ Фарнабазова лагеря, и высадилъ изъ нихъ людей, дабы соединясь съ Персами сопротивляться Аѳинянамъ, которые овладѣли всѣми Миндаровыми судами, выключая разбитыхъ и Сиракузскихъ, сожженныхъ ими самими. Аѳинскïе Генералы, послѣ столь совершенной на морѣ побѣды, рѣшились учинить еще бой на сухомъ пути, въ коемъ и одержали они весь желаемый ими верьхъ. Сраженïе было съ обѣихъ сторонъ храброе, но по совер-

шенномЪ разбитіи ПолопонезянЪ и ПерсовЪ, бѣгствомЪ ФарнабазовымЪ и смертію Миндаровою увѣнчалось торжество АѳинянЪ. АлсибіадЪ умѣлЪ воспользоваться сею побѣдою; онЪ взялЪ назадЪ Сизику, завладѣлЪ всѣмЪ моремЪ отЪ Геллеспонта даже до Византіи, и выгналЪ изЪ нихЪ ЛакедемонцовЪ и ПерсовЪ. Преизобилующій богатыми отЪ оныхЪ добычами, восхотѣлЪ онЪ со всею пышностію войти торжественно вЪ Аѳины. ОнЪ прибылЪ туда на АѳинскихЪ корабляхЪ, украшенныхЪ трофеями и обогащенныхЪ взятою у непріятеля корыстію. За сими кораблями шло еще двѣсти ПелопонезскихЪ галерЪ, изЪ коихЪ иныя были до половины изломаны, другіяжЪ нагружены флагами, знаменами и штандартами погибшихЪ на сраженіи. ВЪ АѳинахЪ приняли его яко избавителя отечества; и такЪ онЪ послѣ побѣга изЪ оныхЪ возвратился вЪ нихЪ побѣдителемЪ, среди радостныхЪ плесковЪ и всеобщихЪ восклицаній.

Спустя нѣсколько времени, АлсибіадЪ со ста судами поплылЪ кЪ Андросу, одному исЪ ЦикладскихЪ острововЪ, гдѣ одержалЪ онЪ побѣду надЪ жителями онаго, и надЪ Лакедемонцами находившимися на ономЪ. Поелику не доставало у него денегЪ, то принужденЪ онЪ былЪ идти далѣе для собиранія податей; но прежде отбытія своего хотѣлЪ удостовѣриться, не подвергается ли флотЪ его какой опасности отЪ флота Лизандра, Лакедемонскаго Генерала, находившагося вЪ Ефесѣ; чего ради потянулся со всѣми судами своими мимо гавани; но видя спокойствіе ЛакедемонянЪ, заключилЪ изЪ того, что они не расположены были дать баталію; по чему, безЪ всякаго опасенія оставилЪ флотЪ свой подЪ предводительствомЪ Антіоха, первенствующаго изЪ подчиненныхЪ своихЪ, давЪ ему строгое повелѣніе, чтобЪ онЪ ни на что не отваживался, и даже вЪ случаѣ покушенія сЪ ихЪ стороны, уклонился бы отЪ боя. АнтіохЪ, искусный кормчій, но худой на-

чальникЪ, позабывЪ Алсибіадовы приказанія, или лучше сказать, ища пріобрѣсть себѣ славное имя, пошелЪ сЪ двумя кораблями оказывать смѣлость свою и презрѣніе кЪ Лизандрову флоту, состоявшему вЪ девяностѣ судахЪ. ЛизандрЪ, дабы наказать его за таковую продерзость, выслалЪ противЪ него нѣсколько кораблей. ОтЪ сего частнаго боя вскорѣ произошелЪ всеобщій. Аѳинскія суда кинулись на помощь кЪ Антіоху. ЛизандрЪ, увидя оныя, вышелЪ изЪ гавани сЪ остальнымЪ флотомЪ своимЪ. ИзЪ незапной схватки вышло настоящее морское сраженіе, вЪ коемЪ Лакедемонцы соблюли весь должный строй, а Аѳиняне бились вЪ безпорядкѣ. ЛизандрЪ потопилЪ АнтіоховЪ корабль, который погибЪ со всѣми бывшими на немЪ людьми; прочіяжЪ суда обратилЪ вЪ бѣгство, и погнался за оными. Аѳиняне потеряли на семЪ сраженіи, по мнѣнію Ксенофонта, пятнадцать, а по мнѣнію Діодора, двадцать два судна. АлсибіадЪ, увѣдомясь о безразсудномЪ поступкѣ АнтіоховомЪ и о несчастіи со флотомЪ его, прибылЪ назадЪ, и собравЪ остатки онаго, искалЪ дать бой сЪ ЛизандромЪ, который, желая остаться при одержанной имЪ побѣдѣ, не разсудилЪ за благо вступить вЪ оный.

Л. М. 3598, до Р. Х. 406. Алсибіадовы непріятели, ища всякихЪ кЪ погубленію его случаевЪ, винили его вЪ семЪ худомЪ успѣхѣ, и старались нѣкоторыя наружныя неблагопріятствовавшія ему обстоятельства увеличить и растолковать кЪ помраченію его, и какЪ по отъѣздѣ его изЪ АѳинЪ событность дѣлЪ не соотвѣтствовала великимЪ возлагаемымЪ на него надеждамЪ, то легко увѣрились вЪ пронесшихся о немЪ слухахЪ. Аѳиняне, будучи непостоянны, и вЪ разсужденіи его переходя всегда изЪ одной чрезвычайности вЪ другую, постановили на мѣсто его Конона. АлсибіадЪ принялЪ сЪ твердымЪ духомЪ новое нещастіе сіе; сдалЪ сЪ послушностію начальство свое преемнику своему, и

въ добровольномъ заточеніи переносилъ великодушно превратность жребія и неблагодарность отечества своего.

Аѳиняне сдѣлали весьма неблагоразумно, опредѣливъ Конона на мѣсто Алсибіада; равно какъ и Лакедемонцы, отнявъ начальство надъ флотомъ ихъ у Лизандра, и препоруча оное Калликратиду. Сіи два генерала, кои перешли всѣ знатнѣйшіе въ республикахъ ихъ чины, и кои показали вездѣ отличнѣйшіе знаки благоразумія ихъ и храбрости, тщились сдѣлать честь выбору Спарты и Аѳинъ, и отличить начало новаго достоинства своего какимъ нибудь славнымъ дѣяніемъ. Калликратидъ, по опустошеніи нѣсколькихъ земель союзниковъ Аѳинскихъ, расположилъ осаду предъ Митиленомъ, гдѣ велъ онъ нѣкоторыя тайныя переписки. Кононъ поплылъ съ семьюдесятью судами къ острову Лезбосу, въ намѣреніи подать помощь оному; но узнавъ, что онъ уже взятъ былъ, отступилъ къ Митилену. Онъ увидѣлъ Калликратидовъ флотъ, состоявшій изо ста сорока судовъ, который показался ему такъ многочисленъ, что онъ не отважился атаковать его; но дабы отнять у него нѣсколько судовъ, употребилъ хитрость: онъ показалъ видъ, будто спѣшитъ уйти къ Митилену, въ той надеждѣ, что непріятели, желая нетерпѣливо сразиться, не преминутъ погнаться за нимъ, и что такимъ образомъ можетъ онъ отхватить у нихъ нѣсколько судовъ. Предвидѣнное имъ сбылося. Нѣкоторое число легкихъ непріятельскихъ судовъ пустилось за нимъ на всѣхъ парусахъ и на греблѣ; Кононъ усмотря, что оныя отдалились отъ флота ихъ, обратился вдругъ и напалъ на нихъ.

Пелопонезцы стали въ безпорядкѣ отступать, и многія суда ихъ были разбиты. Благоразумнѣйшіе изъ нихъ, или лучше сказать щастливѣйшіе, оборонялись отступая, и нечувствительно вовлекли нѣсколько Аѳинскихъ судовъ въ тотъ же самый обманъ, въ который сами вдались.

Аѳинянамъ надлежало бы погоню свою заблаговременно прекратить; но влекомы будучи жаромъ сраженія, подошли они весьма близко къ непріятельскому флоту, который пресѣкъ имъ путь къ возвращенію вспять. По чему, видя себя въ невозможности соединиться паки со флотомъ своимъ, привалили они къ берегу, и спаслись сухимъ путемъ, оставя тридцать кораблей во власть Лакедемонцамъ.

Кононъ поступилъ благоразумнѣе: онъ удовольствовался побѣдою своею, и когда увидѣлъ Пелопонезской флотъ, что съ сорокью судами вошелъ въ Митиленскую гавань; но предъусматривая, что можетъ въ оной быть блокированъ, заградилъ входы въ нее составленнымъ изъ судовъ оплотомъ, изъ коихъ нѣкоторыя загрузя баластомъ, поставилъ на мѣляхъ, а другія утвердя на якоряхъ, и снабдя бросающими каменья машинами, расположилъ на глубокихъ мѣстахъ. Калликратидъ старался всѣми силами прорвать сей оплотъ, но Кононъ всѣ нападенія его выдержалъ съ такою неустрашимостію, которая не однократно поколебала Пелопонезянъ.

Калликратидъ, дабы не изнурить войскъ своихъ, приказалъ ударить отступъ, и давъ имъ нѣсколько отдохнуть, началъ паки бой жесточайшій прежняго. Наконецъ Калликратидъ проломя оплотъ, завладѣлъ большою гаванью; Кононъ ушелъ въ малую, лежащую въ самой окружности города, откуда, видя себя со всѣхъ сторонъ запертымъ, для истребованія самоскорѣйшей помощи послалъ тайно въ Аѳины два корабля, изъ коихъ одинъ былъ взятъ непріятелями, а другой прибылъ благополучно.

Аѳиняне узнавъ о состояніи осажденнаго флота своего, послали немедлѣнно другой, состоявшій изо ста десяти судовъ, кромѣ сорока еще, доставленныхъ имъ отъ Самосцовъ и отъ другихъ союзниковъ ихъ. Калликратидъ, извѣ-

стясь о приближенїи флота сего, оставилъ пятдесятъ судовъ для стереженїя блокированныхъ въ гавани Аѳинянъ, а съ остальными ста двадцатью кораблями пошелъ въ море на встрѣчу Аѳинскому флоту. На разсвѣтѣ Аѳиняне, устроенные въ боевомъ порядкѣ, сошлись съ нимъ. Лѣвымъ крыломъ ихъ предводительствовали Аристократъ и Дїомедонъ, имѣя каждый въ распоряженїи своемъ пятнадцать судовъ подкрѣпляемыхъ Перикловымъ сыномъ и Ерезинидомъ. Тридцать преисправно вооруженныхъ галеръ, между коими находилось десять Самосскихъ, и три Аѳинскихъ Флагмановъ, составляли вытянутую въ линїю средину флота. Правое крыло, подъ начальствомъ Протомаха и Ѳразилла, состояло изъ толикагожъ числа судовъ, такимъ же образомъ построенныхъ и подкрѣпляемыхъ Лизїемъ и Аристогеномъ, изъ коихъ каждый составляя вторую линїю, имѣлъ у себя также пятнадцать судовъ. Аргинузы, три небольшїе близкїе къ Лезбосу острова, лежали въ рядъ съ ихъ кораблями. Симъ расположенїемъ знатно растянули они строй свой, дабы не быть окруженнымъ; линїижъ ихъ были весьма сомкнуты для того, чтобъ непрїятельскїя суда, будучи гораздо легче, не могли прорываться между тяжелыми ихъ кораблями. Пелопонезцы построились всѣ на той же самой линеѣ, какъ для сопротивленїя строю Аѳинянъ, такъ и для удобнѣйшаго прорыванїя сквозь суда ихъ. Калликратидъ повелѣвалъ правымъ крыломъ, и всѣ его суда были поворотливы и легки въ ходу. Никогда не видали еще на морѣ толикое число вооруженныхъ другъ противъ друга Грековъ. Зрѣлище сїе поколебало Калликратидова кормчева. Гермонъ (такъ назывался оный) устрашась многочислїя Аѳинскаго и безсилїя Пелопонезскаго флотовъ, сталъ совѣтовать Генералу своему предпочесть нещастному бою благоразумный отступъ. Калликратидъ отвѣчалъ съ Спартанскою гордостїю: *логибель моя ничто для моего отечества,*

а бѣгство мое безславно для меня. Тщеславіе души гордой, но неподдержанное твердостію другихъ. Между тѣмъ съ равнымъ жаромъ вступили въ бой; первый началъ Калликратидъ. Гадатели его предсказали ему, что онъ будетъ убитъ на сраженіи; чего ради вознамѣрился онъ жизнь свою дорого продать. Онъ съ великимъ стремленіемъ направлялъ корабль свой въ непріятельскія суда, многія изъ нихъ потопилъ, нѣкоторыя разбилъ, и поломалъ весла всѣхъ приближавшихся къ нему. Казалось, что онъ одинъ хотѣлъ атаковать весь Аѳинской флотъ. Онъ набѣжавъ быстро на Перикловъ корабль, ударилъ въ него съ такою силою, что глубоко его пронзилъ; но по нещастію трезубецъ или шпиронъ его въ отверстіи семъ увязъ: тогда Периклъ сцѣпился съ нимъ дрегами, и многіе Аѳинскіе корабли окруживъ абордировали его. Кровопролитіе на семъ кораблѣ было ужасное. Калликратидъ сражался на немъ съ геройскою неустрашимостію; но наконецъ, множествомъ преодолѣнный, палъ безъ дыханія на груду мертвыхъ тѣлъ.

Смертію Генерала сего рѣшилось сраженіе; правое крыло начало уступать; лѣвое потомъ сломлено, и побѣда оказалась на сторонѣ Аѳинянъ, кои въ бою семъ потеряли двадцать пять судовъ со всѣми людьми, а Лакедемонцы семдесятъ семь; остатки Пелопонезскаго флота ушли въ Хіосъ и Кумы; Аѳиняне жъ пошли освободить Конона. Етеонисъ, державшій его въ блокадѣ предъ Митиленомъ, узнавъ о разбитіи Калликратидовомъ, сталъ помышлять, какъ бы ему отъ подобнаго съ нимъ приключенія спастись заблаговременнымъ уходомъ, и дабы отступить съ лучшею безопасностію, учредилъ онъ великія пиршества, какъ будто бы флотъ Аѳинскій разбитъ былъ. Между тѣмъ какъ Кононъ, внимая шуму сему, искалъ способовъ вырваться изъ опаснаго положенія своего, Етеонисъ удалился сухимъ путемъ въ Метимнъ, а суда свои

отправилЪ вЪ Хїо. КононЪ освободясь такимЪ образомЪ, соединился сЪ побѣдительнымЪ флотомЪ, и поплылЪ сЪ онымЪ кЪ Самосу.

Сїя столь славная для АѳинЪ побѣда учинилась однакожЪ для нихЪ пагубною, и послужила нѣкоторымЪ поводомЪ кЪ паденїю ихЪ. По возвращенїи вЪ нихЪ начальниковЪ флота, неблагодарные республиканцы сїи осудили ихЪ на смерть за непогребенїе тѣлЪ убитыхЪ на послѣднемЪ сраженїи людей, коими покрытЪ былЪ весь берегЪ.

Извѣстно, до какого степени простиралось благоговѣнїе ГрековЪ кЪ мертвымЪ: при всемЪ томЪ кажется нужнѣе было здѣсь освобожденїе Конона, нежели погребенїе онызЪ; но Аѳинскїе Генералы не могли сдѣлать ни того ни другаго, по тому что жестокая буря принудила ихЪ зайти кЪ АргинузамЪ, гдѣ они воздвигли памятникЪ побѣды.

Аѳиняне, будучи столькожЪ скоры кЪ раскаянїю вЪ несправедливостяхЪ своихЪ, сколько и кЪ учиненїю оныхЪ, тщетно соболѣзновали о добрыхЪ гражданахЪ, бывшихЪ имЪ весьма нужными, и принужденными нашлись препоручить морское ополченїе свое Конону, коему дали они вЪ сотоварищество двухЪ другихЪ ГенераловЪ. Они собрали при Самосѣ сто семдесятЪ три судна, и оставя нѣсколько изЪ оныхЪ для охраненїя острова сего, сЪ остальными поплыли кЪ Геллеспонту.

Лакедемонцы сЪ своей стороны дѣлали также великїя прїуготовленїя. Собравшїеся вЪ Ефесѣ союзники ихЪ послали вЪ Спарту требовать Лизандра вЪ Адмиралы, сЪ которымЪ лучше думали они ужиться, нежели сЪ КалликратидомЪ. Сей былЪ мужЪ справедливый, непреклонный, вЪ добродѣтели строгїй, и свыше всякой лести, страха и соблазна; ЛизандрЪ же напротивЪ того былЪ человѣкЪ услужливый, мягконравный, вЪ добродѣтеляхЪ не

съ лишкомъ строгій, и къ лакомству падкій. Лакедемонцы согласясь на желаніе союзниковъ своихъ, послали къ нимъ Лизандра; но какъ нѣкоторымъ закономъ ихъ запрещалось препоручать главное начальство два раза одному человѣку, то избрали они въ Адмиралы Арака, а Лизандра опредѣлили вторымъ по немъ, съ таковымъ однакожъ условіемъ, чтобъ первому носить токмо званіе Адмирала, а послѣднему имѣть всю власть онаго.

Лизандръ, въ началѣ кампаніи, собралъ при Ефесѣ всѣ какъ свои суда такъ и союзныя Спартанскія. Нѣкоторыя изъ нихъ требовавшія починки велѣлъ онъ исправить, а другія вновь построилъ. Съ сими судами пошелъ онъ крейсеровать; взялъ мимоходомъ нѣсколько бывшихъ въ союзѣ съ Аѳинами городовъ, и направилъ путь свой къ Геллеспонту, гдѣ покорилъ городъ Лампсакъ. Аѳиняне погнались за нимъ со сто осмьюдесятью судами, и заставъ его на якорѣ предъ симъ городомъ, гдѣ Геллеспонтъ весьма узокъ, построились на другой день въ боевой строй. Лизандръ учинилъ тожъ самое, однакожъ умѣлъ онъ избѣгнуть отъ неравнаго боя. Аѳиняне приняли поступокъ сей за знакъ безсилія его, и съ презрѣніемъ, яко къ слабому непріятелю, цѣлыхъ четыре дни вызывали его на брань, но не могли ни мало подвигнуть его къ оной.

Алсибіадъ, находившійся тогда во Ѳракійскомъ Херсонесѣ, питая всегда любовь къ неблагодарному отечеству своему, явился къ Аѳинскимъ начальникамъ, и показалъ имъ ошибки ихъ: онъ представилъ имъ, что они недовольно осторожны противъ непріятеля весьма предусмотрительнаго; что они стоятъ въ худомъ мѣстѣ, и при такомъ берегѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ укрытій; и что данная служителямъ свобода сходить всегда на берегъ, можетъ послужить имъ въ пагубу; онъ даже предлагалъ имъ свою и друзей своихъ помощь. Начальники Аѳинскаго флота, по одной токмо безумной зависти, вообразивъ себѣ, что

естьли примутъ они предложенія его, то весь худой оборотъ дѣлъ упадетъ на нихъ, а всѣ добрые успѣхи ему одному принесутъ славу, отвѣчали ему грубо, и прослали его отъ себя. На пятый день Аѳиняне сдѣлали тожъ самое движеніе, и возвращались назадъ съ великою безпечностію. Лизандръ послалъ для надзиранія за ними нѣсколько судовъ, которыя примѣтя, что служители ихъ большою частію вышли на берегъ, поворотились назадъ, и когда были посрединѣ пролива, то подняли на пикѣ мѣдный щитъ, который служилъ условнымъ между ими сигналомъ, означавшимъ, что надлежитъ сниматься съ якоря. Лизандръ со всѣми судами своими вступилъ тотчасъ подъ паруса и пошелъ на Аѳинянъ, ни мало его не ожидавшихъ. Кононъ первый увидѣлъ ихъ: онъ велѣлъ немедлѣнно бить тревогу, дабы собрать салдатъ своихъ, изъ коихъ нѣкоторые разошлись для покупки съѣстныхъ припасовъ, иные упражнялись въ забавахъ, а другіе спали; но между тѣмъ видя приближеніе къ себѣ непріятелей, ушелъ онъ съ осмью судами къ острову Кипру. Лизандръ напалъ съ великою яростію на флотъ Аѳинскій: онъ взялъ всѣ остававшіяся безъ людей суда; изъ тѣхъ же, кои защищались, часть разбилъ или потопилъ, а прочими овладѣлъ, такъ что изо всего флота спаслось только восемь Кононовыхъ галеръ, да одинъ священный корабль, называемый *Паралосъ*. Надлежитъ думать, что на вооруженіе флота сего Аѳиняне истощили послѣднія силы свои, поелику въ числѣ судовъ онаго находится такой корабль, который употребляемъ былъ для однихъ токмо священныхъ обрядовъ.

Лизандръ со флотомъ своимъ, послѣ сей побѣды, поплылъ къ Лампсаку, при звукѣ трубъ и другихъ орудій. По морю и по берегамъ раздавались радостныя восклицанія: каждый корабль влекъ съ торжествомъ за собою плѣнную галеру; весь флотъ обремененъ былъ полученною

отъ Аѳинянъ богатою добычею и тремя тысячами плѣнныхъ. Лизандръ, взявъ обратно Византію и Калхидонію, и возвратясь чрезъ Геллеспонтъ, поплылъ съ двумя стами судовъ къ Лезбосу, покорилъ всѣ бывшіе на семъ островѣ города, и отправилъ Етеониса съ десятью кораблями для овладѣнія Ѳракійскими городами, оставленными отъ Аѳинянъ.

Покоривши всѣхъ почти Аѳинскихъ союзниковъ, почиталъ онъ себя въ силахъ овладѣть Аѳинами въ первомъ ихъ отъ быстрыхъ успѣховъ его обуяніи. Городъ сей съ одной стороны блокированъ уже былъ Децелійскою крѣпостцою, но вскорѣ потомъ по всѣмъ правиламъ искуства осажденъ былъ сухимъ путемъ и моремъ. Агисъ и Павзаній вышли изъ Лакедемона съ собранною ими многочисленною арміею, и расположились лагеремъ въ предмѣстіяхъ Аѳинскихъ. Лизандръ окружилъ оный съ моря флотомъ съ лишкомъ изъ двухъ сотъ судовъ состоявшимъ, и заградилъ всѣ проходы въ гавань. Лакедемонцы съ начала сильно приступали къ оному; но подумавъ, что опасно храбрыхъ людей доводить до отчаянія, смягчили нѣсколько блокаду свою, довольствуясь токмо недопущеніемъ къ нимъ съѣстныхъ припасовъ. Легко представить себѣ можно, какое было тогда положеніе Аѳинянъ. Народъ сей, столь долгое время владычествовавшій моремъ и Греціею, увидѣлъ наконецъ непріятелей своихъ торжествующими, междоусобіе возгарающееся въ нѣдрахъ онаго, самыхъ союзниковъ своихъ возставшихъ противъ него, корабли свои отнятыми, магазейны безъ всякихъ припасовъ, гавани безъ судовъ, городъ безъ войска, безъ помощи и безъ всякихъ къ спасенію своему средствъ. И такъ не надѣясь болѣе на оборону свою, послали они къ Агису предложить о примиреніи съ Лакедемономъ на такихъ условіяхъ, какія угодно будетъ имъ предписать, съ тѣмъ токмо однимъ, чтобъ оставить въ цѣлости городъ и гавань. Агисъ отправилъ депутатовъ

въ Спарту. Едва объявили они препорученное имъ дѣло предъ Ефорами, какъ отослали ихъ назадъ безъ всякаго рѣшенія. Послѣ осады нѣсколько мѣсяцовъ продолжавшейся, въ теченіе коихъ Аѳиняне претерпѣли много отъ голода и отъ раздоровъ своихъ, миръ съ ними сдѣланъ на такихъ договорахъ, чтобъ разорить имъ Пирейскія укрѣпленія, не имѣть болѣе двѣнадцати кораблей, уступить всѣ покоренныя ими мѣста, признать Лакедемонянъ за повелителей своихъ, и заключить съ ними какъ наступательной такъ и оборонительной союзъ. Л. М. 3600, до Р. Х. 404.

По установленіи и принятіи договоровъ сихъ, Лизандръ, при трубномъ звукѣ, вошелъ въ Аѳинскую гавань, и приказалъ срыть укрѣпленія, и сжечь оставшіяся у нихъ суда.

Такимъ образомъ кончилась славная Пелопонезская война. Лизандръ, утвердивъ завоеванія свои, давъ побѣжденнымъ законы, покоривъ сопротивлявшихся еще, установивъ владычество Лакедемонянъ на всѣхъ моряхъ, и наградивъ сотрудниковъ своихъ, распустилъ морскія войска свои, и возвратился въ Спарту съ богатою добычею. Киръ, сынъ Дарія Нота, Царя Персидскаго, въ знакъ почтенія своего, подарилъ ему составленную изъ злата и слоновой кости галеру, дву локтей въ длину; но знаменитѣйшимъ для него памятникомъ служитъ безъ сумнѣнія то, что благоразуміемъ своимъ и храбростію прекратилъ онъ разорительную войну, въ продолженіе которой проливалась благороднѣйшая кровь Греческая.

Паденіе Аѳинъ кажется толикожъ удивительно, колико незапно и скоро; но паче надлежитъ удивляться, что оное не скоряе случилось. Продолжавшееся столь долгое время господствованіе ихъ въ Греціи, должно паче приписывать счастію, нежели благоустройству ихъ правленія. Полибій, зная ихъ совершенно, описываетъ ихъ народомъ продерзкимъ, непостояннымъ, перемѣнчивымъ, счастливымъ токмо отъ способностей генераловъ своихъ, неблагодарнымъ,

завистливымъ къ благосостоянію сограждан своихъ, и явнымъ гонителемъ достоинствъ. Весьма бы чудно было, чтобъ съ таковыми расположеніями не содѣлался онъ самъ причиною своего разрушенія.

Гордость и во зло употребляемое благоденствіе, приуготовивъ паденіе Аѳинамъ, скоро подвергнули такомужъ жребію и неукротимаго соперника ихъ; паденіе же сихъ двухъ городовъ перемѣнило видъ всей Греціи.

Возгордѣвшіеся успѣхами своими Лакедемонцы, вмѣсто того, чтобъ стараться утвердить владѣніе свое, помышляли токмо о распространеніи онаго, думая, что по усмиреніи Аѳинянъ, не осталось уже такой силы, которая бы въ состояніи была имъ противиться. Ослѣпленные надеждою сею, объявили они войну Царю Персидскому, во упованіи завоевать

Л. М. 3610, до Р. Х. 394.

часть Азіи. Царствовавшій тогда Артаксерксъ Мнемонъ, или Памятливый, собралъ сухопутную и морскую армію. Онъ препоручилъ начальство надъ морскими силами Конону, соединя чрезъ то пользу свою съ выгодами сего Аѳинскаго Генерала, явнаго непріятеля Лакедемонцамъ. Флотъ Кононовъ, состоявшій болѣе нежели изъ девяноста судовъ, легъ на якорь у Карійскаго полуострова въ малой Азіи; Лакедемонскій же, составленный изъ осмидесяти пяти судовъ, стоялъ у приморскаго города Книда. Лизандръ, предводительствовавшій онымъ, пылая желаніемъ отличить себя, снялся съ якоря, построился въ боевой строй, и пошелъ прямо на Аѳинянъ, недалеко отъ него находившихся. Кононъ усмотря Лакедемонскій флотъ, отдалился отъ береговъ, и выступилъ на встрѣчу къ оному. Оба они сближались къ бою съ равномѣрною горделивостію; первый наступъ съ обѣихъ сторонъ былъ жестокій, но не выдержанный Лакедемонцами: они въ робости оставили генерала своего, и ушли подъ берегъ. Лизандръ, не могши при всѣхъ усиліяхъ своихъ вызвать ихъ и побудить ко вступленію паки въ бой, рѣшился умереть достойнымъ имени Лакедемонца: онъ одинъ бросился

на Персовъ, и побилъ ихъ великое число; но принужденъ будучи уступить множеству, палъ мертвъ на груду пораженныхъ рукою его непрїятелей. Кононъ, погнался за бѣгущими, взялъ у нихъ пять сотъ человѣкъ въ плѣнъ, и пятдесятъ судовъ, съ коихъ служители спаслись въ плавь. Остальной Лакедемонской флотъ ушелъ къ Книду.

Кононъ, не терявшїй ничего въ сей войнѣ, поелику производилъ оную на щетъ Персовъ, предположилъ воспользоваться симъ первымъ выигрышемъ, дабы отмстить за отечество свое и показать оному услугу. Чего ради поплылъ онъ со флотомъ своимъ по морямъ, и возмутилъ большую часть Лакедемонскихъ союзниковъ; онъ даже покорилъ силою и обратилъ на сторону Аѳинъ многїе города малой Азїи, такожъ нѣкоторую часть острововъ Архипелагскихъ, Цикладовъ, Цитеру и многїе другїе; потомъ направилъ онъ путь свой въ Аѳины, выгналъ изъ оныхъ оставленный тамъ Лакедемонскїй гарнизонъ, возвратилъ жителямъ свободу, и воздвигъ паки городскїя стѣны и гавань. Такимъ образомъ паденїемъ Спарты возстановились Аѳины, и Лакедемоняне принуждены были заключить съ Персидскимъ Царемъ постыдный миръ.

Артаксерксъ, по окончанїи войны сей, обратилъ оружїя свои на островъ Кипръ. Евагоръ, сдѣлавшись на немъ Царемъ Саламинскимъ, покорилъ подъ власть свою большую часть онаго; тѣжъ, коихъ не могъ онъ привесть въ повиновенїе, прибѣгли подъ покровительство Царя Персидскаго. Артаксерксъ, почитая островъ Кипръ прїятнымъ и способнымъ для судовъ своихъ пристанищемъ, послалъ къ Кипрянамъ требуемую ими помощь. Онъ отправилъ къ сему острову триста судовъ, съ тридцатью тысячами сухопутныхъ войскъ.

Евагоръ съ своей стороны заключилъ также многїе союзы, и сдѣлалъ великїя къ оборонѣ своей прїуготовленїя. Онъ съ начала выслалъ въ море восемдесятъ судовъ, къ

которымЪ присовокупились потомЪ двадцать ФиникїйскихЪ, пятдесятЪ отЪ Царя Египетскаго, и еще шестдесятЪ присланныхЪ кЪ нему отЪ другихЪ его союзниковЪ. Поелику между сими двумя стами десятью судами находилось много легкихЪ судовЪ, то сїи послѣднїя, будучи отправлены вЪ крейсерство противЪ ПерсовЪ, не допускали кЪ нимЪ съѣстныхЪ припасовЪ, отбивали транспорты, и кЪ великому раззоренїю ихЪ брали у нихЪ множество призовЪ. ВЪ продолженїе сихЪ небольшихЪ экспедицїй, дѣлалЪ онЪ со флотомЪ своимЪ разныя экзерцицїи. ВЪ одинЪ день увидя флотЪ Персидскїй, вЪ худомЪ устройствѣ приближающїйся кЪ острову, напалЪ онЪ на него вдругЪ вЪ боевомЪ порядкѣ, взялЪ и потопилЪ многїя непрїятельскїя суда, а остальныя разсѣялЪ. АдмиралЪ Персидскїй, опамятовавшись отЪ изумленїя, вЪ которое приведенЪ былЪ незапною атакою сею, собралЪ паки флотЪ свой, построилЪ оный вЪ ордерЪ баталїи, сразился храбро сЪ ЕвагоромЪ, и вскорѣ принудилЪ его обратиться вЪ бѣгство. Персы, по взятїи великаго множества непрїятельскихЪ судовЪ, осадили СаламинЪ сухимЪ путемЪ и моремЪ; но самЪ Царь избѣгнулЪ отЪ рукЪ ихЪ и удалился сЪ десятью кораблями вЪ ЕгипетЪ, гдѣ, видя себя весьма безсильнымЪ кЪ продолженїю войны, заключилЪ примиренїе сЪ ПерсидскимЪ ЦаремЪ, который, оставя ему царствованїе надЪ СаламиномЪ, отнялЪ у него всю власть надЪ прочими городами сего острова.

ВЪ продолженїе сей Кипрской войны, Аѳиняне и Лакедемонцы безпрестанно другЪ друга задирали, имѣли частыя на морѣ сшибки, и не могши болѣе снаряжать великихЪ флотовЪ, дѣлали небольшїя вооруженїя. Аѳиняне, забывЪ скоро обязанность свою кЪ ПерсамЪ, отправили десять кораблей на помощь кЪ Евагору. Таковый поступокЪ долженствовалЪ покровителей ихЪ содѣлать ихЪ непрїятелями: Лакедемонскїй флотЪ, состоящїй изЪ двадцати

семи судовЪ, сошедшись сЪ сими десятью Аѳинскими кораблями, овладѣлЪ оными. Лакедемонцы вЪ семЪ случаѣ поступили также противЪ собственной пользы своей, и противЪ здравой политики, поелику надлежало бы имЪ способствовать помощи подкрѣплявшей Персидскаго непрiятеля.

Послѣ Кипрской войны наступила Лакедемонская противЪ КоринѳянЪ и ѲивянЪ. Аѳиняне взяли сторону послѣднихЪ; а сiе самое возбудило паки прежнiя, едва токмо утихшiя, Аѳинскiя и Лакедемонскiя брани. Раздраженные союзомЪ симЪ Лакедемонцы предпрiяли произвесть голодЪ вЪ городѣ АѳинахЪ. Для исполненiя сего намѣренiя, отправили они Адмирала своего Поллиса со флотомЪ крейсеровать кЪ островамЪ Егину и Андросу, предписавЪ ему брать вЪ призЪ всѣ идущiя кЪ нимЪ сЪ хлѣбомЪ корабли. Аѳиняне отрядили также нѣсколько судовЪ для конвоированiя сихЪ послѣднихЪ, и для отраженiя обезпокоившаго ихЪ непрiятеля. Они послали Хабрiя сЪ восемьюдесятью тремя судами. Сей Аѳинскiй ГенералЪ поплылЪ кЪ Наксосу вЪ томЪ намѣренiи, чтобЪ, или вызвать непрiятеля своего на брань, или взять столичный острова сего городЪ: онЪ осадилЪ его и машинами своими ударялЪ вЪ него сильно. Ожидаемое имЪ сбылося: ПоллисЪ пришелЪ на помощь кЪ городу сему со флотомЪ, состоявшимЪ изЪ шестидесяти пяти судовЪ. Оба Генерала устроились вЪ бой. Лакедемонскiй, предводительствовавшiй правымЪ крыломЪ своимЪ, напалЪ сЪ лютостiю на лѣвое крыло АѳинянЪ, и острожелѣзнымЪ шпирономЪ своимЪ пронзивЪ судно командовавшаго крыломЪ симЪ Генерала, убилЪ его собственною своею рукою; потомЪ потопилЪ еще нѣкоторыя суда, а иныя обратилЪ вЪ бѣгство. Хабрiй, усмотря, что лѣвое крыло его было разбито, отрядилЪ нѣсколько кораблей для подкрѣпленiя онаго, а самЪ сЪ правымЪ, гдѣ находилися самыя лучшiя изЪ всего флота суда, сломивЪ лѣвое непрiя-

тельское крыло, рѣшилъ сраженіе въ свою пользу. Лакедемонцы потеряли на семъ бою тридцать два судна, изъ коихъ восемь взяты были со всѣми на нихъ людьми; Аѳиняне жъ лишились токмо осмнадцати судовъ. Естлибъ Хабрій погнался за бѣгущими, то бы ни одно судно не ушло отъ него; но онъ опасался того, чтобъ въ далекой за ними погонѣ не захватила его буря, и чтобъ, не имѣя возможности сдѣлать погребенія мертвымъ, не быть самому осуждену на смерть, какъ уже были тому примѣры. Чего ради приказалъ онъ собирать плавающіе трупы Аѳинянъ, для положенія оныхъ во гробы; что самое спасло жизнь многихъ, боровшихся еще съ волнами. Потомъ со многою добычею возвратился онъ въ Аѳины, гдѣ приняли его съ такими радостными восклицаніями, каковыя должествовала произвесть первая одержанная послѣ Пелопонезской войны надъ Лакедемономъ побѣда.

Тимофей, принявшій по немъ начальство на морѣ, сдѣлалъ много счастливыхъ походовъ; онъ ходилъ со флотомъ, состоявшимъ изъ шестидесяти судовъ, въ Пелопонезъ и опустошилъ оный. Онъ удержалъ чрезъ то Лакедемонянъ въ ихъ землѣ, и не допустилъ ихъ возпрепятствовать успѣхамъ Ѳивянъ. По томъ направилъ онъ путь свой въ Корсиръ, нынѣ Корфу, овладѣлъ онымъ, и поступалъ съ жителями такъ человѣколюбно, что лиша ихъ вольности, приобрѣлъ отъ нихъ почтеніе къ себѣ и любовь. Лакедемонцы не могли терпѣливо сносить подданство Корсира; они отправили противъ Тимофея пятдесятъ пять судовъ подъ начальствомъ Николоха. Генералъ сей, болѣе предпріимчивый нежели храбрый, долженствовалъ присоединить ко флоту своему шесть кораблей, идущихъ къ нему изъ Амбракіи, города сѣверной Албаніи, лежащаго въ Ларстскомъ заливѣ; но онъ прежде прибытія сихъ кораблей, атаковалъ флотъ Тимофеевъ, состоявшій изъ шестидесяти судовъ. Аѳинскій Генералъ

разбилъ его, и побѣда была на сторонѣ превосходнѣйшаго числа. Николохъ, по прибытіи къ нему шести кораблей сихъ, обратился паки на Тимоѳея, зашедшаго для починки судовъ своихъ въ ближнюю гавань, гдѣ онъ будучи безсиленъ выступить въ море, укрѣпился сколько было возможно. Гордый Лакедемонецъ, не могши вызвать его къ бою и одержать надъ нимъ подлинной побѣды, выдумалъ мечтательное торжество, и превознося̀сь тѣмъ токмо, что держалъ непріятеля въ блокадѣ, воздвигнулъ побѣдительные знаки. Аѳинскій Адмиралъ, исправя между тѣмъ флотъ свой, вышелъ изъ гавани, и присовокупя къ оному еще десять кораблей, присланныхъ къ нему изъ Корсира, вскорѣ сдѣлался обладателемъ всего моря.

Островъ Корсиръ, будучи обѣимъ сторонамъ весьма нуженъ, не могъ оставаться безъ подаванія причины къ состязанію о немъ: Лакедемонцы вознамѣрясь обратно взять оный, отправили къ нему Мназиппа со флотомъ, состоявшимъ изъ шестидесяти судовъ. Новый Генералъ сей, вмѣсто того, чтобъ приобрѣсть къ себѣ любовь отъ Корсирскихъ жителей, какъ то сдѣлалъ Тимоѳей, огорчилъ ихъ грубыми поступками своими; онъ опустошилъ поля ихъ, вездѣ все раззорилъ, и всѣхъ, подпавшихъ подъ власть его, учинилъ невольниками. Раздраженные нападками сими Корсиряне, просили помощи у Аѳинянъ, которые прислали къ нимъ шестдесятъ худыхъ судовъ подъ начальствомъ Тимоѳеевымъ. Благоразумный Аѳинянинъ сей пошелъ сперва по всѣмъ союзнымъ островамъ, для приведенія судовъ своихъ въ исправность; но Аѳиняне, не потерпя сей толико нужной медлѣнности, смѣнили его, и препоручили флотъ свой Ификрату. Новый Адмиралъ сей, во угожденіе отечеству своему, поступилъ со всемъ иначе нежели какъ его предшественникъ: онъ какъ возможно скоряе вооружилъ флотъ свой, собравъ всѣ суда, каковыя могъ токмо найти на Аттическихъ рейдахъ, и присово-

купя къ нимъ двѣ священныя галеры, съ семьюдесятью судами поплылъ къ Корсиру. Между тѣмъ Мназиппъ приступалъ къ столицѣ острова, но онъ убитъ былъ во время учиненной Корсирянами выласки. Гиперменъ, намѣстникъ его, увѣдомясь объ Аѳинской помощи, снялъ осаду, оставилъ лагерь свой, и посадилъ паки на суда войска свои, со взятыми имъ на островѣ невольниками. Ификратъ же не зная о произходившемъ въ Корсирѣ, продолжалъ путь свой; и какъ онъ имѣлъ намѣреніе, по прибытіи своемъ, дать бой, то и старался флотъ свой къ тому приуготовить: онъ не хотѣлъ употребить парусовъ своихъ, хотя и благополучный дулъ вѣтръ, но шелъ одною греблею, дабы пріобучить матрозовъ своихъ къ труду. Когда служители, по тогдашнему обыкновенію, выходили на берегъ обѣдать, то принуждалъ онъ ихъ оставляя пищу садиться паки на суда, по первому трубному гласу, и тѣ, кои отставали, были наказываемы; когдаже случалось имъ полдничать въ непріятельской землѣ, то въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ ставилъ онъ отводную стражу, и держалъ на верьху мачтъ часовыхъ. Иногда приходилось ему становиться лагеремъ въ ночное время, тогда отнюдь не позволялъ онъ имѣть въ станѣ своемъ огней, а приказывалъ разводить оные далеко отъ себя, дабы не открыть положенія своего. Естьли плылъ онъ ночью, то матрозы его одни работали, а другіе по очереди отдыхали; естьлижъ днемъ, то учреждалъ онъ флотъ свой въ ордеръ баталіи, и дѣлалъ разныя эволюціи, какъ бы находился уже предъ непріятелемъ; чрезъ то самое не опасался онъ нечаяннаго на себя нападенія, и всегда готовъ былъ самъ нападать внезапу на другихъ. Мимоходомъ завладѣлъ онъ Кеѳалоніею, и по прибытіи на высоту Корсира взялъ десять Сицилійскихъ судовъ, шедшихъ на помощь къ Лакедемонцамъ. Потомъ пошелъ снова утвердить союзъ съ нѣкоторыми отпадшими островами, и усилилъ Корсир-

скими кораблями флотъ свой, простиравшійся тогда до девяноста судовъ. По приведеніи такимъ образомъ всего въ порядокъ, наложилъ онъ контрибуцію на островъ Кефалонію, и направилъ путь свой къ Пелопонезу. Прошелъ пограничные Лакедемонскіе города, и нѣкоторые изъ нихъ страхомъ, а другіе силою, обратилъ на сторону Аѳинъ.

Аѳинскія и Лакедемонскія несогласія, казавшіяся вѣчно непрекратимыми, нечаянно однакожъ престали. Два состязающіеся народа подружились и заключили миръ, частію отъ того, что оба уже не въ состояніи были продолжать войну. Миръ сей весьма славенъ былъ для Аѳинъ, поелику Спартанскіе послы, въ полномъ собраніи Сената, признали Аѳинянъ обладателями моря, какъ по выгоднѣйшему положенію земли ихъ, по множеству и удобности ихъ гаваней, по превосходнѣйшему числу судовъ ихъ, по свѣденію въ мореходствѣ и въ корабельной архитектурѣ, такъ наконецъ и по опытности морскихъ служителей ихъ, и по одержаннымъ ими на морѣ побѣдамъ.

По заключеніи мира сего, Аѳиняне вступили въ новую войну, которая названа *союзническою*, и коей слѣдующая была причина: острова Хіо, Родосъ, Косъ и городъ Византія, заключили союзъ съ Аѳинами, и нѣкоторымъ образомъ зависѣли отъ оныхъ; но наскучивъ сею зависимостію, отшатнулись отъ нихъ, сдѣлали между собою союзъ, и выслали въ море флотъ, состоявшій изо ста судовъ. Аѳиняне жъ имѣли у себя шесдесятъ кораблей подъ управленіемъ Хареса, да толикоежъ число подъ предводительствомъ Иѳикрата и Тимоѳея. Съ обѣихъ сторонъ начались непріятельскія дѣйствія съ бодростію; Аѳиняне пошли осаждать Хіо; Хабрій, будучи на флотѣ семъ частнымъ человѣкомъ, не имѣвшимъ ни какого начальства и порученія, вознамѣрился поощрять примѣромъ храбрости своей тѣхъ, коихъ не могъ онъ понуждать властію. Онъ открылъ себѣ путь въ гавань, и первый

вошелъ въ оную, думая, что постыдятся не пойти за нимъ; но обманулся въ надеждѣ своей; ни кто не послѣдовалъ ему, и онъ окруженъ былъ множествомъ напавшихъ на него со всѣхъ сторонъ непрiятелей. Онъ оборонялся съ великимъ мужествомъ; но корабль его, будучи пробитъ шпирономъ одного изъ непрiятельскихъ судовъ, пошелъ ко дну; всѣ служители спаслись вплавь; одинъ токмо Хабрiй вмѣстѣ съ кораблемъ своимъ погибъ; онъ бы могъ избѣгнуть отъ смерти, пустясь, подобно прочимъ, плыть на стоявшiй при входѣ въ гавань флотъ свой; но онъ рѣшился лучше погибнуть, говоритъ историкъ, нежели положить оружiе, и оставить корабль свой (а).

Отпадшiе отъ союза народы производили въ другой странѣ войну съ великою горячностiю, и не могши перенесть оную къ Аѳинянамъ, обратили оружiя свои противъ союзниковъ ихъ: они пошли опустошать Имбросъ, Лемносъ, и прочiе подвластные Аѳинамъ острова; пограбили столько, что имѣли чѣмъ воевать. Потомъ пустились они осаждать Самосъ. Когда же Ификратъ и Тимоѳей соединились съ Харесомъ, тогда флотъ осадилъ Византiю. Конфедераты, бросивъ Самосскую осаду, полетѣли на помощь къ сему мѣсту. Оба флота непрiятельскiе сошлись

(а) Г. Ролленъ въ древней Исторiи своей, стр. 442, томъ 3, изданiя въ четверку, пишетъ, что при осадѣ Хiо, Хабрiй былъ Главнокоммандующимъ на Аѳинскомъ флотѣ, и на полѣ приводитъ въ свидѣтельство Дiодора Сицилiйскаго и Корнелiя Непота. Первый изъ писателей сихъ не говоритъ, чтобъ Хабрiй имѣлъ какое начальство; а другой со всѣмъ противное утверждаетъ: Erat in classe Chabrias privatus (Хабрiй былъ во флотѣ частнымъ человѣкомъ). Дiодоръ правду повѣствуетъ, что Хабрiй и Харесъ выбраны были начальниками осаждавшей Хiосъ армiи; что Харесъ атаковалъ сухимъ путемъ, а Хабрiй вошелъ въ гавань, и началъ морское сраженiе; но положительно не утверждаетъ, чтобъ сей послѣднiй начальствовалъ надъ флотомъ; а Корнелiй Непотъ торжественно отвергаетъ оное; изъ чего слѣдуетъ заключить, что, или сiи два писателя противорѣчатъ другъ другу, или Г. Ролленъ не согласуется съ ними.

въ Геллеспонтѣ, и рѣшились учинить бой; но между тѣмъ, какъ съ обѣихъ сторонъ располагались къ оному, поднялась жестокая буря, коею всѣ сіи пріуготовленія уничтожились. Харесъ, стремясь противуборствовать самымъ величайшимъ препятствіямъ, не столько по храбрости, сколько по буйству, не смотря ни на крѣпкой вѣтръ, ни на воздымавшіяся волны, хотѣлъ итти къ непріятелямъ; но Ификратъ и Тимофей, которые толикимъ числомъ славныхъ дѣлъ своихъ поставили себя превыше всякаго сомнѣнія о ихъ неустрашимости, не согласились пойти борошся купно съ бурею и съ непріятелями. Харесъ, завидуя симъ двумъ великимъ мужамъ, писалъ на нихъ въ Аѳины, обвиняя ихъ, якобы они воспрепятствовали ему разбить совершенно непріятелей, чемубъ, по мнѣнію его, неминуемо быть надлежало, естьлибъ токмо не отреклись они въ томъ ему способствовать. Поелику таковъ былъ несчастный жребій Аѳинянъ, чтобъ всегда худо поступать съ людми украшенными заслугами, то отозвали они Ификрата и Тимофея, и осудили ихъ на денежную пеню.

Харесъ, оставшись одинъ главнокомандующимъ надъ флотомъ, для угожденія Аѳинянамъ сталъ искать способовъ какъбы ему, безъ заимствованія отъ нихъ, самому собою продовольствовать флотъ свой, и нашелъ сіе чрезъ Артабаза. Сей былъ Персидскій подданный, возставшій противъ Царя своего. Государь сей, для усмиренія его отправилъ войска. Артабазъ прибѣгнулъ къ помощи Хареса, и великими обѣщаніями привлекъ его къ принятію въ семъ дѣлѣ участія. Харесъ ссудилъ силами своими Артабаза, который разбилъ армію Царя Персидскаго, и Артабазъ, изъ благодарности, доставилъ ему всѣ къ продовольствованію флота его припасы. Поступокъ Харесовъ сперва понравился Аѳинянамъ, прельщеннымъ мнимою отъ того корыстію; но когда узнали они, что Персидскій

Ф

Царь приготовлялся отмстить имъ за нанесенную ему Генераломъ ихъ обиду, и что намѣревался отпадшимъ отъ нихъ союзникамъ ихъ дать триста судовъ, то помышляя, какъ бы предъупредить такую войну, которая могла для нихъ быть пагубною, заключили они съ отпадшими отъ нихъ миръ на такихъ договорахъ, чтобъ симъ послѣднимъ быть свободнымъ и не зависѣть отъ Аѳинской власти. Такимъ образомъ кончилась, продолжавшаяся три года, союзническая война.

Ификрата, Хабрїя и Тимофея можно почесть послѣдними изъ славныхъ Аѳинскихъ мужей, словно какъ бы Аѳины на произведенїе оныхъ весь остатокъ силъ своихъ изтощили, и Греческая, столь щедрая въ похвалахъ, исторїя не упоминаетъ больше ни объ одномъ такомъ военачальникѣ, котораго бы память достойна была сохраненїя (a).

Грецїя послѣ того въ иной со всемъ видъ преобразилась: все щастїе Аѳинъ и Лакедемона перешло въ Ѳивы; которыя, процвѣтавъ нѣсколько времени, томужъ подвергнулись паденїю, оставя Грецїю во обладанїе Македонянамъ.

Филипъ Македонскїй, коего области заключались между Егейскимъ моремъ, Мезїйскими горами, Епиромъ и Ѳессалїею, видя себя въ толь тесныхъ предѣлахъ, возхотѣлъ распространиться и возвеличиться на развалинахъ Грецїи; но онъ не столько силою оружїя, сколько хитростями своими и подкупленїемъ, привелъ народы свои въ порабощенїе. Демосфенъ однакожъ говоритъ, что Филипъ имѣлъ попеченїе не токмо о морскихъ силахъ своихъ, но даже хотѣлъ быть и властителемъ моря. Дабы успѣть въ намѣренїи

(a) Hoec ertrema fuit etas Imperatorum Athenieusium, Iphicratis, Chabria, Timothai.

семЪ, вооружилЪ онЪ флотЪ, подЪ предлогомЪ, якобы дѣлаетЪ сїе для освобожденїя морей отЪ разЪѣзжавшихЪ по онымЪ морскихЪ разбойниковЪ, и приказалЪ построить Адмиралтействы, гдѣ обучались матрозскому дѣлу и искуству кораблеправленїя; но какЪ онЪ опасался АѲинянЪ, имѣвшихЪ знатныя морскїя силы, то предложилЪ имЪ соединить суда свои сЪ его судами, для прогнанїя возмутившихЪ свободу мореплаванїя пиратовЪ. АѲинянамЪ открыли глаза и растолковали, что ФилипЪ хочетЪ воспользоваться ими противЪ нихЪ же самихЪ; что подЪ видомЪ соединенїя сего будетЪ онЪ имѣть сообщенїе сЪ ихЪ союзниками, прельститЪ ихЪ деньгами и обѣщанїями, и пойдетЪ по островамЪ ихЪ вЪ томЪ намѣренїи, чтобЪ завладѣть оными.

ФилипЪ видя, что замыслы его открылись, простерЪ завоеванїя свои сухимЪ путемЪ. ВзялЪ городЪ ОлинфЪ, невзирая на присланную кЪ нему изЪ АѲинЪ помощь, состоявшую вЪ тритцати судахЪ. Между тѣмЪ, какЪ Греческїе города спорили о верховномЪ державїи, онЪ покорилЪ ихЪ подЪ власть свою; примѣчая всѣ движенїя ихЪ, подкрѣплялЪ онЪ слабыхЪ для превозможенїя сильныхЪ, и наконецЪ поработилЪ тѣхЪ и другихЪ. При всемЪ томЪ не выпускалЪ онЪ однакожЪ изЪ мыслей своихЪ мореходства, и ища способнѣйшихЪ для заведенїя онаго мѣстЪ, устремилЪ вниманїе свое на ПеринфЪ, называемый вЪ древности *Ираклїею*, и на Византїю, бывшую вЪ союзѣ сЪ АѲинами. Находя положенїе сихЪ двухЪ городовЪ весьма удобнымЪ для умышляемыхЪ имЪ морскихЪ предпрїятїй, онЪ осадилЪ оные; но АѲиняне отправили кЪ ВизантїйцамЪ помощь, состоявшую во сто двадцати судахЪ, которыя подкрѣпляемы еще были кораблями Хїосскими, Родосскими и другихЪ острововЪ. ФлотЪ сей устрашилЪ Филипа: онЪ снялЪ осаду, и сЪ потерею нѣкоторой части судовЪ своихЪ отступилЪ прочЪ.

Л. М. 3664, до Р. Х. 340.

Осада сихъ двухъ городовъ необычайно много стоила Филипу; доходы его истощены были; для поправленія оныхъ, принялся онъ за разбойническое ремесло; пустился съ кораблями своими по морямъ, и отнялъ сто семдесятъ судовъ съ товарами, коихъ добыча послужила ему великимъ пособіемъ къ продолженію войны; но внезапная смерть прекратила всѣ его намѣренія и замыслы: онъ убитъ былъ въ то время, когда подъ пышнымъ званіемъ

А. М. 3668, до Р. Х. 366.

верховнаго вождя Греціи готовился итти сражаться съ Персами и почиталъ уже себя завоевателемъ Азіи, среди игръ, зрѣлищъ и великолѣпнаго торжества отправляемаго при бракосочетаніи дочери его Клеопатры съ Царемъ Епирскимъ. Отъ рожденія было ему сорокъ семь лѣтъ.

Возпріявшій по немъ правительство сынъ его Александръ, толико же наслѣдникъ славолюбія его, колико и областей, вошелъ во всѣ намѣренія отца своего, и гораздо обширнѣйшіе еще возъимѣлъ замыслы; но не мое дѣло описывать здѣсь всѣ завоеванія его и предпріятія. Я представлю его со стороны морскихъ его подвиговъ, то есть, со стороны наименѣе блистательной.

Александръ, слѣдуя отцу своему въ желаніи уничижить Персовъ, отправился для сего изъ Македоніи съ небольшимъ числомъ судовъ, кои ввелъ онъ во впадающую въ Архипелагъ рѣку Стримонъ, и въ устьѣ оной собралъ и составилъ флотъ свой, простиравшійся по мнѣнію Діодора до шестидесяти, по мнѣнію Арріеня до ста шестидесяти, а по мнѣнію Юстина до осмидесяти двухъ судовъ. Сіи корабли частію присланы были отъ союзниковъ его. Аѳиняне дали оныхъ токмо двадцать: они по чрезмѣрному славолюбію сего юнаго Монарха опасались ему повѣрить много. Александръ, собравъ войска свои, шелъ съ оными по берегу до Сестоса, между тѣмъ какъ суда его плыли подлѣ берега; потомъ переправился онъ съ войсками своими чрезъ Геллеспонтъ, и правилъ самъ

кораблемъ своимъ. Въ переходѣ семъ, для умилостивленія морскихъ боговъ, принесъ онъ имъ жертву, и бросилъ въ море тотъ золотой сосудъ, изъ коего дѣлалъ возливанія; достигнувъ же до береговъ Азіи, кинулъ въ землю копье свое, словно какъ бы возобладалъ уже страною сею, и въ полномъ вооруженіи выскочилъ на берегъ.

Персы, далеко отставшіе тогда отъ храбрости предковъ своихъ, имѣли Царемъ Дарія, сына Арсанесова. Князь сей, будучи бодръ и отваженъ, оказалъ при Артаксерксѣ многіе мужества своего славные опыты. Онъ презиралъ юность Александрову, и узнавъ что сей отправлялся изъ Македоніи для сраженія съ нимъ, далъ генераламъ своимъ приказаніе схватить сего бѣшенаго отрока, обругать его и высѣчь лозами, въ наказаніе за его продерзость; но когда услышалъ, что юный побѣдитель сей, преодолѣвъ уже сосѣдей его, шествуетъ къ нему увѣнчанный лаврами, тогда взялъ онъ основательнѣйшія мѣры, и пріуготовился къ принятію его.

Первая встрѣча Александра съ Персами была на Адрастовыхъ поляхъ, орошаемыхъ весьма быстрою рѣкою Граникою. Александръ перебрался чрезъ оную съ удивительнымъ высокомѣріемъ, и при переходѣ семъ одержалъ первую надъ Персами побѣду. Продолжая потомъ путь свой къ малой Азіи, хотѣлъ онъ прокопать лежащій въ Смирнскомъ заливѣ между Теосомъ и Клазоменомъ перешеекъ; но успѣхъ не соотвѣтствовалъ надѣянію его, и сіе токмо единственное было предпріятіе, въ которомъ не имѣлъ онъ удачи. По проиграніи баталіи при Граникѣ, Мемнонъ, Персидской Генералъ, отступилъ къ славному городу Милету, лежащему между Ефесомъ и Галикарнассомъ. Александръ осадилъ оный моремъ и сухимъ путемъ. Персы, имѣя у себя около четырехъ сотъ судовъ, могли оборонять оный; но вмѣсто того, чтобъ подать оному помощь, остановились они на якорѣ при Микальскомъ

мысѣ. Александрѣ, умѣвшій искусно пользоваться ошибками непріятелей своихѣ, со флотомѣ состоявшимѣ токмо изо ста шестидесяти судовѣ, овладѣлѣ однимѣ небольшимѣ лежащимѣ выше Милета островомѣ, и вошелѣ потомѣ вѣ гавань города сего, для пресѣченія всѣхѣ доставляемыхѣ вѣ него пособій, и чрезѣ то самое взялѣ оный безѣ труда.

Между тѣмѣ находившіеся на морѣ Персы безпрепятственно разъѣзжали по оному, и безпрестанно вызывали Македонянѣ кѣ бою, кои, чувствуя себя гораздо безсильнѣйшими, не осмѣливались положиться на судьбу сраженія. Александрѣ, не могши атаковать Персовѣ на морѣ, предпринялѣ обезпокоивать флотѣ ихѣ сѣ берега; ибо оный, какѣ выше сказано было, стоялѣ на якорѣ предѣ Микальскимѣ мысомѣ. Александрѣ растянулѣ армію свою по берегу, дабы не давать имѣ доставать ни дровѣ ни воды; вѣ чемѣ ему и удалось. Персы видя себя какѣ бы осажденными на морѣ отѣ сухопутныхѣ войскѣ, пошли запастись водою кѣ Самосу, и потомѣ вскорѣ возвратясь назадѣ расположились вѣ боевомѣ порядкѣ предѣ Милетскою гаванью. Пять кораблей Персидскихѣ, примѣтя что Македонскій флотѣ стоитѣ на якорѣ, а нѣкоторыя изѣ онаго суда находятся вѣ одной неподалеку отстоявшей отѣ нихѣ гавани, поплыли кѣ нимѣ на всѣхѣ парусахѣ, думая взять ихѣ, вѣ томѣ предположеніи, что служители сѣ нихѣ сошли на берегѣ. Александрѣ посадя немедлѣнно нѣсколько войска на десять галерѣ, велѣлѣ имѣ напасть на Персовѣ, кои воображая, что и весь остальной флотѣ идетѣ за ними, обратились вѣ бѣгство, и при семѣ отступленіи своемѣ потеряли одинѣ корабль.

Александрѣ, зная превосходство Персовѣ на морѣ и безполезность флота своего, вознамѣрился отослать оный назадѣ. Парменіонѣ крѣпко тому противился, и хотѣлѣ отважиться дать морское сраженіе. Естьли Македоняне побѣдятѣ, говорилѣ онѣ, то Персы погибнутѣ; естьли же

напротивъ того побѣждены будутъ, то и тогда положенїе ихъ будетъ таковое же, въ какое приведутся они чрезъ отосланїе судовъ. Онъ даже вызывался самъ предводительствовать флотомъ и дать баталїю. Александръ не безъ основанїя также утверждалъ противное тому. По мнѣнїю его безрассудно было противупоставлять морскимъ Персидскимъ силамъ толь слабый флотъ, каковъ былъ его, и людямъ искуснымъ на морѣ, людей толь мало къ сей стихїи прїобыкшихъ, каковы были Македоняне. Меня непремѣнно разобьютъ, примолвилъ онъ, чрезъ что лишусь я всей моей славы, а непрїятели мои ободрятся; оставимъ Персовъ на водахъ; они не причинятъ намъ никакого вреда, не встрѣчая насъ на оныхъ; чемъ болѣе будутъ они имѣть силъ на морѣ, тѣмъ безсильнѣе будутъ на сухомъ пути. Нѣкоторые Авторы приписываютъ Александру сокровеннѣйшїя сихъ намѣренїя: они утверждаютъ, якобы онъ услышавъ о приближенїи Дарїя, идущаго съ сильною армїею оборонять области свои, хотѣлъ принудить Македонянъ къ отчаянному сраженїю, отнявъ у нихъ способы спасаться моремъ. По крайней мѣрѣ Дїодоръ Сицилискїй замѣчаетъ, что онъ по переходѣ своемъ чрезъ Граникъ, имѣлъ сїе намѣренїе; ибо построилъ войска свои такимъ образомъ, что рѣка сїя оставалась у нихъ позади; по чему лишились они всей надежды на побѣгъ, и видѣли себя въ необходимости побѣдить или умереть. Какъ бы то ни было, онъ отослалъ флотъ свой, оставя при себѣ токмо нѣсколько судовъ для перевоза воинскихъ машинъ.

Александръ съ великою быстротою простеръ потомъ завоеванїя свои вдоль по приморскимъ берегамъ Азїи; но когда проходилъ онъ по берегу Памфильскаго моря, то случилось съ нимъ нѣкое необыкновенное приключенїе, о коемъ разно повѣствуютъ, приписуя весьма различныя тому причины: отправясь отъ города Фазела, лежащаго между Ликїею и Памфилїею, и извѣстнаго нынѣ подъ име-

Л. М. 3671. до Р. Х. 333.

немЪ Фїонды, нашелЪ онЪ на гору КлимаксЪ, которая одна могла бы остановить войско предводительствуемое не таковымЪ предпрїимчивымЪ, каковЪ онЪ, полководцемЪ; но какЪ онЪ умѣлЪ преодолѣвать самыя величайшїя затрудненїя, и какЪ пылкость его препятствїями умножалась, то прошелЪ онЪ сЪ нѣкоторою частїю войскЪ своихЪ сквозь ущелины горЪ, а остальнымЪ велѣлЪ итти вдоль берега между горою и моремЪ, весьма узкою тропинкою. Одни говорятЪ, что бывшїй тогда южный вѣтрЪ наводнилЪ проходЪ сей, и что когда АлександрЪ приближался кЪ оному, тогда сѣверный вѣтрЪ паки его осушилЪ, какЪ будто бы стихїи согласились со щастїемЪ благопрїятствовать всѣмЪ его намѣренїямЪ; другїе толкуютЪ, что онЪ воспользовался морскимЪ отливомЪ, и что пустился переходить чрезЪ проливЪ сей тогда, когда море начинало убывать такЪ, что воды было вЪ немЪ токмо по поясЪ солдатамЪ. ПрибавляютЪ еще кЪ сему, что будто во время перехода сего, вѣтрЪ подулЪ паки вЪ море, гналЪ воду и задержалЪ немало приливЪ, а тѣмЪ самымЪ далЪ время перейти всей армїи. ИныежЪ изЪ писателей находя вЪ семЪ мѣстѣ жизни Александровой много чудеснаго, заключили, что вЪ ономЪ явное было покровительство боговЪ; а всего удивительнѣе, что ЇосифЪ, который Александра уподобляетЪ Моисею, и переходЪ чрезЪ Памфильское море переходу чрезЪ море Чермное, не полагаетЪ никакого различїя между оными, и оба почитаетЪ, или чудесными, или совершенно естественными.

АлександрЪ по отосланїи флота своего вскорѣ почувствовалЪ, что оный необходимо нуженЪ. ОнЪ возвратилЪ паки суда свои изЪ Грецїи, дабы послать ихЪ противу ДарїевыхЪ судовЪ, отправленныхЪ подЪ управленїемЪ Аристомена, для обратнаго покоренїя всего Геллеспонтскаго берега. ГенералЪ сей атакованЪ былЪ и разбитЪ Македонянами, которые потопили всѣ суда его. АлександрЪ еще

большую почувствовалъ необходимость во флотѣ, когда осадилъ Тиръ. Сей славный городъ отдѣлялся отъ матерой земли однимъ шириною въ четыре стадіи проливомъ, который подверженъ былъ бурнымъ вѣтрамъ и жестокимъ непогодамъ. Море, весьма въ семъ мѣстѣ глубокое, окружало городъ и защищало оный. Александръ хотѣлъ наказать дерзкихъ Тирянъ и осадить мѣсто сіе, но видя невозможность за недостаткомъ судовъ взять оное, отправилъ депутатовъ въ Тиръ, съ предложеніемъ о примиреніи. Тиряне, гордясь покровительствомъ владычествовавшаго тогда на морѣ Карѳагена, убили Александровыхъ депутатовъ, не выслушавъ предложеній ихъ. Оскорбленный обидою сею Александръ, рѣшась отмстить за сіе, осадилъ городъ ихъ; и какъ Тиръ выстроенъ былъ на островѣ, то Александръ предпріялъ отъ матерой земли до самаго города сдѣлать валъ, по которому бы войска его могли идти пѣшкомъ. Для совершенія столь великой работы, велѣлъ онъ бутить въ море взятые изъ развалинъ древняго Тира каменья, и нарубленныя на горѣ Ливанѣ деревья съ листьями и сучьями. Предпріятіе сіе казалось сперва Тирянамъ невозможнымъ, и они смѣялись тому; но когда валъ начиналъ становиться въ ровень съ поверхностію воды, тогда удивясь исполненію паче нежели намѣренію, стали они ужасаться такого Царя, который могъ обуздать море. Между тѣмъ старались они обезпокоивать работниковъ, посылая къ нимъ лодки съ солдатами для нападенія на нихъ. Александръ, дабы удержать Тирянъ, велѣлъ построить предъ валомъ двѣ деревянныхъ башни, и прикрыть работниковъ кожами и парусами; но какъ сопротивленіе Тирянъ наносило гордости его досаду, то, дабы не показать, что одинъ городъ могъ удерживать храбрость его, пошелъ онъ съ частію легкихъ войскъ своихъ въ Аравію, предоставя продолженіе осады Пердиккѣ и Кратеру. Въ время отсуд-

Л. М. 3672. до Р. Х. 332.

ствія его, осажденные сдѣлали изъ самаго большаго корабля своего родъ брандера, котораго корму нагрузили пескомъ и каменьями, дабы приподнять носъ; и начинивъ оный сѣрою и смолою, привели къ переднему концу вала и зажгли. Отъ объятаго пламенемъ судна сего загорѣлись башни; между тѣмъ Тиряне въ тожъ самое время съ лодокъ своихъ кидали горящіе факелы и раскаленныя копьи. Въ семъ случаѣ много утонуло и сгорѣло Македонянъ. Огонь не единственная была стихія снѣдавшая сіе зданіе, воздухъ и вода вкупѣ съ нимъ раззоряли оное: пресильный вѣтръ поднявъ великія волны, ударялъ ими по валу, какъ бы доверщая разрушеніе начатое пожаромъ.

Александръ по возвращеніи своемъ нашелъ всю работу свою уничтоженною; однакожъ сіе приключеніе не отняло у него бодрствованія, и мужество его, привыкшее упорствовать препятствіямъ, при сихъ нещастіяхъ лишь паче воспламенилось. Онъ велѣлъ валъ сей вести въ другомъ мѣстѣ, и для предохраненія его отъ таковыхъ слѣдствій, каковыя произошли съ первымъ валомъ, подставлявшимъ бокъ свой силѣ вѣтра, приказалъ устроить оный такимъ образомъ, чтобъ волненіе объ него разбивалось и машины были безопасны. Тиряне по успѣхамъ перваго вала, страшась дѣйствій сего втораго, употребляли всѣ свои силы къ разрушиванію онаго. Они имѣли такихъ искусныхъ водолазовъ, кои погружаясь въ воду вытаскивали крючьями деревья, и симъ образомъ низпровергали всю работу. Александръ, наскучивъ наконецъ толь великимъ трудомъ, приготовлялся оставить осаду; но въ то самое время подоспѣлъ къ нему флотъ изъ Кипра, и подвезены новыя войски моремъ. И такъ видя морскія силы, состоящія во стѣ осмидесяти судахъ, расположилъ онъ ихъ полумѣсяцомъ: самъ съ галерою о пяти ярусахъ веслъ сталъ при концѣ праваго крыла, а лѣвое препоручилъ Царю Кипрскому. У Тирянъ было восемдесятъ вооружен-

ныхъ галеръ; однакожъ они не отважились вступить въ бой, а расположили триремы свои (трехъ-ярусныя галеры) вокругъ стѣнъ, дабы содѣлать изъ нихъ родъ ограды. Александръ напалъ на оныя, и три изъ нихъ потопилъ.

На завтре весь флотъ свой поставилъ онъ на якорѣ подлѣ стѣнъ, и разбивалъ оныя со всѣхъ сторонъ. Валъ тогда уже окончанъ, и Тиряне побѣждены были на сухомъ пути и на морѣ. Александръ соединилъ по двѣ четырехъ-ярусныя галеры, сведя ихъ кормами вмѣстѣ, такъ чтобъ можно было съ одной на другую положить нѣсколько райнъ съ настланными поперегъ ихъ досками, дабы стоящїе на семъ помостѣ солдаты могли стрѣлять, будучи съ носовъ закрыты поставленными на оныхъ щитами; но и сїе укрѣпленїе не уцѣлѣло такожъ отъ силы волнъ: ночью поднялась буря, которая, ударяя сильно галеры сїи одну о другую, нѣкоторыя изъ нихъ разбила; а прочїя, будучи поломаны, пригребли къ берегу. Тиряне, стараясь воспользоваться всѣми сими обезсиливавшими непрїятелей ихъ произшествїями, поставили нѣсколько чрезвычайной величины столбовъ, съ утвержденными поперегъ ихъ брусьями, съ концовъ коихъ спускали на непрїятельскїя суда большїя бревна вооруженныя желѣзными головами, крючьями, косами и мѣдными щитами, съ горячимъ пескомъ. Сїи бревна раздробляли Александровы суда, подавляли солдатъ, и осыпая ихъ проницавшимъ даже до костей пескомъ, вездѣ производили опустошенїе. Столь упорное сопротивленїе ожесточило Александра, и онъ, будучи уже совсѣмъ готовъ къ отступленїю, рѣшился еще испытать одно послѣднее усилїе.

Собравъ всѣ суда, сколько могъ, и посадя на оныя самыя лучшїя войска свои, подвелъ онъ ихъ къ гавани, лежавшей къ сторонѣ Египта, оставя тридцать малыхъ судовъ предъ другою, находившеюся насупротивъ Сидона. Тиряне взяли два изъ оныхъ; прочїя пришли въ

такой отъ того ужасъ, что подняли превеликой вопль. Александръ обратился со флотомъ своимъ туда, отколѣ шумъ происходилъ. Царская пятиярусная галера подошла первая къ Тирянамъ, и была атакована двумя галерами, изъ коихъ она съ одною сцѣпилась, а другая претерпѣла сильное нападеніе отъ одной Македонской галеры; прочіяжъ Александровы суда, и самъ Александръ, тянулись по порядку къ тому мѣсту, гдѣ происходилъ бой; Тиряне тудажъ подоспѣли, и освободя съ великимъ трудомъ сцѣпившуюся галеру, отступили со всѣмъ флотомъ своимъ къ городу. Александръ погнался за ними; но не могши войти въ гавань, взялъ или потопилъ большую часть судовъ ихъ. Спустя два дни, придвинулъ онъ паки флотъ свой и машины къ стѣнамъ, дабы всѣми силами учинить приступъ. Флотъ его ворвался въ гавань, и самъ онъ удивительную оказалъ храбрость; наконецъ послѣ седмимѣсячной осады, завладѣлъ онъ симъ городомъ, коего никогда бы не могъ взять безъ морскихъ силъ, которыхъ съ начала не почиталъ онъ нужными; но побѣду свою обезславилъ онъ жестокостію своею, приказавъ зажечь домы, порубить на голову всѣхъ неуспѣвшихъ уйти въ храмы, и распять на крестѣ двѣ тысячи жителей. Таковъ былъ плачевный рокъ сего великолѣпнаго города, славившагося богатствами своими, комерціею и селеніями, и господствовавшаго надъ всѣми тѣми морями, куда токмо корабли его ходили.

Взятіе Тира не токмо не утолило славолюбія Александрова; но послужило еще къ утвержденію намѣренія его, чтобъ завладѣть всею вселенною. Онъ распространилъ завоеванія свои въ Азіи, подобно быстрой водотечи, увлекающей съ собою все, что противустоитъ ей. Покорилъ всю Персію, и пробрался въ Индію, желая достигнуть
Л. М. 3676. до Р. Х. 328. даже до Океана, почитаемаго имъ за край свѣта. Онъ оставилъ тридцать галеръ при Полемонѣ, для охраненія

устьевъ Ниловыхъ; отправилъ флотъ въ Кандію, для вспомоществованія осажденнымъ Персами городамъ острова сего и для очищенія моря отъ заражавшихъ оное Корсеровъ; а въ произходившую, во время отсудствія его между Греками и Македонянами войну, выслалъ онъ нѣсколько судовъ изъ Кипра и Финикіи къ Пелепонезу.

Александръ, по прибытіи въ Индію, любопытствуя видѣть Океанъ, велѣлъ построить нѣсколько судовъ на той рѣкѣ, по коей надлежало плыть къ оному. Сѣвъ съ войсками своими на нихъ, достигъ онъ при помощи взятыхъ имъ проводниковъ до острова, о имени котораго Квинтъ-Курцій не упоминаетъ, отъ Аріена же названъ онъ Силлутою. На семъ островѣ прожилъ онъ нѣсколько времени; но какъ проводники его ушли отъ него, и онъ не могъ найти другихъ; то поплылъ онъ съ войсками своими на удачу по неизвѣстной рѣкѣ, которая была Индусъ, и чрезъ нѣсколько времени, странствуя по оной, прибылъ случайно къ морю. Кормчіе, по обоняемому ими воздуху, обьявили, что Океанъ не далеко. Александръ, преисполнясь великою отъ сего извѣстія радостію, поощрялъ матрозовъ, дабы они гребли всѣми силами, и говорилъ солдатамъ, что приближается конецъ трудамъ ихъ; что уже не остается ничего, что бы могло противустоять ихъ мужеству, или умножить ихъ славу; что безъ всякаго впредь сраженія и пролитія крови, нарекутся они обладателями вселенной; что быстрое пареніе и подвиги ихъ могъ остановить одинъ токмо конецъ природы; и что скоро узрятъ они то, чего никто кромѣ безсмертныхъ боговъ не знаетъ. Онъ высадилъ нѣсколько солдатъ на берегъ, дабы ознакомиться съ природными земли той жителями, но никого не было найдено, выключая нѣкотораго числа спрятавшихся въ шалашахъ своихъ дикихъ людей. Когда спросили у нихъ, далеко ли до моря? то отвѣтствовали они, что не слыхивали ни о какомъ морѣ;

Л. М. 3677. до Р. Х. 327.

но что есть въ разстоянiи около трехъ дней хода отъ нихъ, горькая вода. Изъ сихъ словъ ихъ заключали, что они разумѣютъ чрезъ то Океанъ, не знавъ онаго. Матрозы погребли далѣе, и на третiй день нашли, что морская вода начинала смѣшиваться съ рѣчною; и какъ спускаясь въ низъ по рѣкѣ почувствовали они, что имъ становится труднѣе гребсти, по причинѣ начинавшагося тогда прилива; то пристали они къ другому острову, лежавшему также посрединѣ рѣки и разошлись искать себѣ съѣстныхъ припасовъ, отнюдь не воображая того, что съ ними долженствовало случиться. Чрезъ три часа приливъ сперва остановилъ токмо теченiе рѣки; но потомъ погналъ воды ея вспять съ быстротою стремительнѣйшею, чѣмъ водопадъ текущiй по крутизнѣ горы. Солдаты, не имѣя никакого понятiя о приливѣ и отливѣ Океана, видя его вдругъ такимъ образомъ воздымающимся и наводняющимъ поля, сочли сiе знакомъ гнѣва боговъ, возхотѣвшихъ наказать ихъ за дерзость. Между тѣмъ, какъ приливомъ подняло суда и разнесло флотъ, сошедшiе на берегъ люди, поражены будучи таковымъ нечаяннымъ приключенiемъ, бросились къ кораблямъ своимъ. Иные старались пристать, зацѣпляясь кручьями, другiежъ, побросавшись съ страха на суда, не дождавшись кормчихъ матрозовъ, не могли безъ нихъ управлять оными, и галеры, на кои взбѣгали они толпою, такъ были полны, что за тѣснотою не возможно было ничего на нихъ дѣлать. Одни кричали, чтобъ дождаться оставшихся на берегу людей; другiе поскоряе велѣли отваливать: въ такихъ разногласiяхъ не знали кого слушать. Самые кормчiе были тогда безполезны; ибо за шумомъ нельзя было слышать приказанiй ихъ, а за смятенiемъ исполнять оныхъ. Суда однѣ съ другими сходились и крѣпко ударялись: весла смѣшаны были и поломаны: казалось, будто два непрiятельскихъ флота жестокiй между собою имѣли бой.

Кормы, сталкиваясь съ носами, проламывались. Вода выступила уже изъ береговъ рѣки, и разлившись на поля покрыла оныя, такъ что видны были токмо нѣкоторыя высокія мѣста на подобіе малыхъ острововъ, куда многіе спасались, пускаясь вплавь съ судовъ своихъ, изъ коихъ иныя носило по водѣ, а другія стояли на мѣли, смотря по неравности затопленныхъ наводненіемъ мѣстъ; но они еще больше ужаснулись, когда сдѣлался отливъ морской, и они увидѣли, что вода съ таковою же скоростію, съ какою прибывала, стала убывать, оставляя сухими тѣ мѣста, кои недавно покрывала. Суда повалились, иныя на носъ, иныя на бокъ; а поля усыпаны были разными вещами, обломками веселъ и досокъ, какъ бы послѣ настоящаго кораблекрушенія. Солдаты, опасаясь какого-либо новаго приключенія, не смѣли сойти на берегъ, и боялись остаться на суднѣ. Таковое сугубое на сухомъ пути и на водѣ, въ безъизвѣстной имъ рѣкѣ, кораблекрушеніе было для нихъ непостижимымъ чудомъ; они злу сему не ожидали еще конца: ибо не зная, что вскорѣ приливъ паки сдѣлается и суда ихъ подниметъ, готовились умереть съ голода, или дойти до самой крайности; къ совершенномужъ еще ужасу своему видѣли они множество ползающихъ вокругъ ихъ морскихъ гадинъ, кои по слитіи водъ остались на пескѣ. Между тѣмъ наступала ночь, и Александръ, также какъ и прочіе, не вѣдая, что съ нимъ воспослѣдуетъ, находился въ великомъ безпокойствѣ; но какъ ничто не могло привести его въ уныніе, то во всю ночь, повелѣвая пробылъ онъ на верхней палубѣ; онъ послалъ нѣсколько человѣкъ верьхами до устья рѣки, для предъувѣдомленія его о приливѣ морскомъ, когда оный вновь покажется; такожъ велѣлъ починить суда свои, а повалившіеся на бокъ поднять, и приказалъ всѣмъ, чтобъ каждый къ возвращенію прилива былъ въ готовности.

Во всю ночь ходили дозоромъ и ободряли войска. Посланные на коняхъ всадники прискакали во весь опоръ назадъ, и море текло за ними. Сперва приливъ былъ нечувствителенъ и по немногу приподнималъ суда; но вскорѣ потомъ сдѣлались онѣ на вольной водѣ. Тогда повсюду раздались солдатъ и матрозовъ радостныя восклицанія. Съ великимъ удивленіемъ вопрошали они, откуду возвращалось вдругъ толь великое количество воды, куда уходила она въ прошедшій день, и какое было свойство сей вкупѣ толико безпорядочной, и въ перемѣнахъ своихъ толико постоянной стихіи? Александръ заключая изъ предъидущаго, что послѣдующему приливу надлежитъ быть послѣ восхожденія солнечнаго, и того ради желая предупредить оный, въ самую полночь съ малымъ числомъ судовъ направилъ путь свой къ устью рѣки, и отплывъ около четырехъ сотъ стадій, принесъ жертву морскимъ богамъ, и возвратился паки ко флоту своему. Я взялъ необычайное описаніе сіе точно изъ Квинта Курція, не входя въ подробность всѣхъ обстоятельствъ, изъ коихъ нѣкоторыя могутъ мореплавателямъ показаться сомнительными.

Александръ, поднявшись въ верьхъ рѣки, отдалъ самыя лучшія суда свои Неарху и Онезикриту, а негодныя велѣлъ сжечь. Сіи два начальника получа отъ него приказаніе слѣдовать въ Океанъ, и осмотрѣть море сіе и берега онаго, дабы потомъ объ открытіяхъ своихъ учинить ему подробное донесеніе, плавали нѣсколько времени по Океану, и обойдя всѣ берега, отъ устья Инда до Персидскаго залива, возвратились къ Александру и раскавали ему, съ нѣкоторою можетъ быть прикрасою, обо всемъ видѣнномъ ими. Донесеніе сіе еще умножило любопытство Александрово. Онъ приказалъ имъ сѣсть паки на суда, идти около берега до самаго устья Евфрата, подняться въ верьхъ рѣки сей, и соединиться съ нимъ въ Вавилонѣ.

Извѣстно, что Александръ имѣлъ великїя намѣренїя, касающїяся до мореплаванїя. Онъ основалъ Александрїю на весьма удобномъ мѣстѣ для отправленїя многоприбыточной торговли съ Индїею и Еѳїопїею чрезъ Чермное море и Нилъ, а съ Европою и Африкою чрезъ Средиземное море. Онъ построилъ ее между Тиромъ и Карѳагеномъ, дабы обратить къ ней купечество сихъ двухъ городовъ. Увѣряютъ, что онъ намѣренъ былъ отправиться на судахъ къ берегамъ Сирїйскимъ, для порабощенїя Карѳагена и покоренїя Нумидїи и Мавританїи; потомъ вышедъ изъ Кадикскаго пролива, обойти всю Гишпанїю и завладѣть оною; а наконецъ пробраться въ Италїю, для уничиженїя величества Римлянъ, коихъ начиналъ онъ опасаться, и потомъ возвратиться въ Грецїю. Другїежъ объявляютъ, что онъ хотѣлъ, прошедъ мысъ Доброй Надежды, обойти вокругъ Африку и чрезъ Ираклїевы столпы войти паки въ Средиземное море. Дабы исполнить великїя намѣренїя сїи, повелѣлъ онъ на горѣ Ливанской рубить лѣсъ для построенїя седмїярусныхъ галеръ, и приказалъ Царямъ Кипрскимъ, чтобъ они доставили ему потребное число штироновъ, парусовъ и канатовъ. Онъ хотѣлъ также войти въ Понтъ Евксинскїй, и пройти до Азовскаго моря. Въ Гирканскихъ лѣсахъ велѣлъ онъ заготовлять разные припасы для вооруженїя флота, съ которымъ намѣренъ былъ идти въ Каспїйское море; но смерть постигла его среди всѣхъ сихъ великихъ замысловъ на тридцать четвертомъ году жизни его, по сказанїю Юстина, или на тридцать третьемъ, по мнѣнїю болѣе общему.

КНИГА ПЯТАЯ.

О МОРЕПЛАВАНІИ АЛЕКСАНДРОВЫХЪ ПОТОМКОВЪ.

Смерть Александрова произвела въ Греціи и въ природныхъ подданныхъ его различныя чувства: народы почитавшіе его безсмертнымъ, потому что онъ казался имъ непобѣдимымъ, почтили его слезами своими и сожалѣніемъ. Македонянежъ, напротивъ того, радовались, что избавились отъ такого властителя, котораго строгости они страшились, и котораго храбрость не оставляла ихъ ни на минуту въ покоѣ. Главноначальствующіе въ войскахъ его неоспоримо были самые великіе въ тогдашнее время полководцы. Филипъ научилъ ихъ воевать; Александръ, сынъ его, одерживалъ съ ними побѣду за побѣдою, и какъ ихъ такъ и своей храбрости обязанъ былъ за покореніе толикихъ государствъ, коими они весьма способны были управлять. Достоинство почти равное всѣхъ сихъ великихъ мужей, содѣлалось пагубною несогласія ихъ виною. Соперники сіи, алчущіе владѣть новою, основанною Александромъ, Монархіею, принуждены были раздѣлить оную. Раздѣленіе сіе произвело между ими вражду и было источникомъ всѣхъ тѣхъ браней, кои столь долгое время терзали Македонію, Грецію и Малую Азію.

Прежде баталіи при Ипсусѣ во Фригіи, за коею послѣдовало основательное постановленіе о раздѣленіи Александровыхъ областей, происходилъ споръ о новой Греческои Монархіи между завоевавшими оную полководцами, кои наполнивъ ее кровопролитіемъ, раздробили на части, и исторгали одинъ у другаго удѣлы сіи, захваченные ими силою или ухищреніемъ. При первомъ раздѣлѣ, которой

учиненъ былъ разными областями сея Имперіи, или начальниками войскъ, какъ о томъ пишетъ Квинтъ Курцій, или самимъ Александромъ, какъ то явствуетъ изъ Священнаго писанія, Греція досталась Антипатору. Греки, наскуча быть подъ Македонскимъ игомъ, сдѣлавшимся для нихъ несноснымъ, и желая свергнуть оное, собрали войско, имѣя главою своею Аѳинянъ. Антипаторъ пошелъ противъ нихъ съ войсками, плывшими вдоль береговъ, на флотѣ состоявшемъ изо ста десяти триремовъ или трехъярусныхъ судовъ. Онъ былъ разбитъ и отступилъ къ Ламіи, Ѳессалійскому городу, что самое и подало причину къ названію сей войны *Ламическою*. Онъ находился тутъ нѣсколько времени въ осадѣ, и принужденъ былъ здаться на договоръ. Македоняне щастливѣе были на морѣ; они имѣли тогда, подъ предводительствомъ Клитовымъ, двѣсти двадцать судовъ; Аѳинскій же флотъ, подъ начальствомъ Актіоновымъ, состоялъ токмо изо ста семидесяти судовъ. Оба флота сіи сошлись на высотѣ Ешинадскихъ острововъ, нынѣ называемыхъ Курсолерскими, гдѣ имѣли бой. Клитъ вышелъ побѣдителемъ изъ двухъ сраженій, на коихъ непріятели его лишились многихъ кораблей. Сія Ламическая война кончилась покореніемъ Аѳинъ. Антипаторъ, завладѣвъ оными, предписалъ имъ весьма строгіе законы, и вскорѣ послѣ того умеръ.

Но при самомъ концѣ своемъ, лишаясь Македонскаго Царства купно съ жизнію своею, помышлялъ онъ о избраніи по себѣ наслѣдника, способнаго къ понесенію бремени правительства. Хотя Кассандръ, сынъ его, былъ по признанію всѣхъ человѣкъ достойный, однакожъ онъ предпочелъ ему Полисперхона, старѣйшаго изъ полководцевъ Александровыхъ, пріобща сына своего токмо въ сотоварищество къ нему. Сіе политикою внушенное постановленіе показалось Кассандру несправедливымъ; вскорѣ сдѣлался онъ непріятелемъ сотоварищу своему, и ополчился про- Л. М. 3685. до Р. Х. 319.

тивъ него, согласясь съ Птоломеемъ и Антигономъ; сей послѣднїй, имѣвшїй начальство въ Малой Азїи, доставилъ ему тридцать пять военныхъ кораблей и шесть тысячь солдатъ, съ коими атаковалъ онъ Пирей, и овладѣлъ онымъ и Аѳинами.

Полисперхонъ отправилъ Клита, Адмирала своего, со флотомъ крейсеровать къ Геллеспонту, дабы не дать пройти непрїятельскимъ войскамъ изъ Европы въ Азїю. Кассандръ выслалъ съ своей стороны изъ Аѳинской гавани Никанора. Флотоначальникъ сей, со ста судами, или нѣсколько болѣе, атаковалъ Клита близъ Византїи. Сраженїе было упорное и неуступчивое; однакожъ Клитъ
л. М. 3686. до Р. Х. 318. одержалъ верьхъ, потопивъ семнадцать непрїятельскихъ кораблей, и взявъ болѣе сорока со всѣмъ ихъ грузомъ. Спасшїеся отъ побѣдителя, ушли въ Калхидонскую гавань. Послѣ столь совершенной побѣды, Клитъ думалъ, что непрїятели его уже не въ состоянїи появиться паки, и въ семъ чаянїи пребывалъ спокоенъ. Но Антигонъ, снабдившїй Кассандра кораблями, и сражавшїйся во флотѣ его, приказалъ слѣдующею ночью вооружить всѣ находившїеся въ Византїи грузовыя суда, на которыя посадилъ онъ войска, и обвелъ оныя съ другой стороны моря: корабли Клитовы лежали на якорѣ, и служители сошли съ нихъ безъ всякаго опасенїя на берегъ. Антигоновы войска напали на нихъ внезапно, и они принуждены были въ великомъ безпорядкѣ бросаться на свои суда. Въ наступившую ночь, Антигонъ, присоединя къ Византїйскимъ судамъ нѣсколько военныхъ кораблей, посадилъ на оные самыхъ лучшихъ солдатъ своихъ. Никаноръ, предводительствовавшїй ими, напалъ при разсвѣтѣ дня на Клитовъ флотъ ни мало его не ожидавшїй, и совершенно разбилъ оный; нѣкоторую часть непрїятельскихъ судовъ проболъ онъ носами своихъ галеръ, у иныхъ поломалъ весла, многїя же добровольно отдавшїяся взялъ въ плѣнъ. Весь Клитовъ

флотъ погибъ, кромѣ одного токмо его корабля, на которомъ онъ спасся; однакожъ, когда сошелъ съ него и отправился сухимъ путемъ въ Македонїю, то на дорогѣ убитъ былъ.

Соединившїеся противъ Полиспергона Антигонъ и Кассандръ поссорились. Антигонъ, учинившись сильнымъ, подалъ подозрѣнїе соперникамъ своимъ. Дабы остановить преуспѣванїе его въ могуществѣ, Селевкъ, Птоломей, Лизимахъ и Кассандръ ополчились противъ него. Антигонъ снискалъ также союзниковъ себѣ, и какъ не было у него кораблей, коими прочїе сильны были на морѣ, то началъ онъ тотчасъ помышлять о составленїи флота. Сего ради вознамѣрился онъ овладѣть всѣми находившимися въ Сирїйской и Финикїйской гаваняхъ судами, въ чемъ безъ сумнѣнїя и успѣлъ бы, естьлибъ Птоломей не предъупредилъ его, приказавъ всѣ оныя увесть въ Египетъ. Видя намѣренїе сїе тщетнымъ, велѣлъ онъ срубить самые величайшїе и прекраснѣйшїе Ливанскїе кедры; тысячу лошадей употребилъ онъ на перевозку оныхъ, и восемь тысячъ человѣкъ приставилъ къ работѣ; завелъ Адмиралтейства въ Триполѣ, въ Библосѣ, въ Сидонѣ, въ Сицилїи и на островѣ Родосѣ; повсюду велѣлъ строить суда. Для успѣшнѣйшаго отправленїя работы сей, раскинулъ онъ палатки на берегу моря. Селевкъ, встревоженный прїуготовленїями сими, предпринялъ уничтожить оныя; и дабы отвратить отъ него союзниковъ его, или по крайней мѣрѣ устрашить ихъ, показался онъ предъ берегами со флотомъ состоявшимъ изо ста исправно вооруженныхъ судовъ. Антигоновы солдаты увидя сїи морскїя силы, пришли въ робость; но онъ ободрилъ ихъ обѣщанїемъ, что прежде еще окончанїя лѣта, будетъ онъ имѣть пять сотъ судовъ, съ которыми безъ сомнѣнїя овладѣетъ моремъ. Между тѣмъ взялъ онъ три города: Газу, Їоппїю и Тиръ. Предъ симъ послѣднимъ простоялъ онъ годъ и три мѣсяца, и не могъ иначе взять онаго, какъ помощїю выпи-

санныхъ имъ изъ Родоса судовъ, которыми не допускалъ онъ къ нему съестныхъ припасовъ.

Успѣхъ Антигоновъ послужилъ токмо къ наивящшему воспламененію зависти ополчившихся противъ него Князей. Они собрались на островѣ Кипрѣ, для разсужденія о распорядкѣ воинскихъ дѣйствій въ будущую кампанію. Птоломей отправилъ противъ него сто кораблей, куда и Селевкъ со флотомъ своимъ пошелъ; пятдесятъ кораблей послали они въ Пелопонезъ, а прочіе распредѣлили по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ почитали за нужное имѣть ихъ. Антигонъ, примѣчая всѣ сіи движенія, приуготовился дать вездѣ отпоръ. Съ острова прислали къ нему сто двадцать судовъ, кои присоединилъ онъ ко сту двадцати другимъ, составлявшимъ флотъ его, и между коими нѣкоторыя были о четырехъ, о пяти, о девяти и о десяти ярусахъ веслъ; онъ имѣлъ еще сто тридцать безпалубныхъ судовъ. Всѣ оныя раздѣлилъ онъ, смотря по надобностямъ своимъ. Пятдесятъ послалъ въ Пелопонезъ, а остальныя препоручилъ во управленіе племяннику своему Діоскориду, которому далъ повелѣніе идти въ море, какъ для вспомоществованія союзникамъ своимъ, такъ и для привлеченія на свою сторону островов, не державшихъ еще ни чьей стороны.

Между тѣмъ, какъ Антигонъ силѣ противупоставлялъ силу, непріятели его, ища нанести ему незапный ударъ, прибѣгнули къ хитростямъ. Поликлитъ, одинъ изъ Селевковыхъ генераловъ, отправившись изъ Кипра, остановился на якорѣ у Санхреи, Коринѳскаго мыса. Не нашедъ тутъ непріятелей, съ коими искалъ сразиться, продолжалъ онъ путь свой къ Памфиліи, провинціи Малой Азіи; оттуда поплылъ къ Афродизу, Натолійскому городу, гдѣ узналъ, что Ѳеодотъ, предводительствовавшій Антигоновымъ флотомъ, состоявшимъ изъ Родійскихъ судовъ, снялся съ якоря отъ Патара, что въ Ликіи, и переходилъ отъ берега

до берега, послѣдуя за сухопутными войсками, для купнаго съ ними содѣйствованія. Поликлитъ, будучи увѣренъ, что конечно въ сихъ мѣстахъ не чаютъ его быть, поставилъ войска въ засадѣ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ проходить непріятель, а суда свои скрылъ за мысомъ. Антигонова пѣхота не остереглась отъ поставленной ей сѣти и наголову была порублена; начальствовавшій надъ оною генералъ взятъ былъ въ плѣнъ. По разбитіи сухопутныхъ войскъ, Поликлиту не трудно было овладѣть флотомъ. Послѣ сей побѣды, съ малою потерею пріобрѣтенной, поплылъ онъ къ Кипру, а потомъ направилъ путь свой къ городу Пелузѣ, лежащему при устьѣ Нила, гдѣ получилъ отъ Птоломея достойныя по заслугамъ своимъ награды.

Союзные Государи употребляли всѣ свои силы на отнятіе у Антигона острова Лемноса: они отправили туда Аристота съ двадцатью кораблями, прибавя къ онымъ еще Селевковъ флотъ; но ни обѣщанія ни угрозы не могли поколебать жителей твердо преданныхъ Антигону. Раздраженный упорствомъ ихъ Аристотъ, опустошилъ островъ, и осадилъ городъ ихъ. Діоскоридъ, Антигоновъ генералъ, вступилъ немедлѣнно подъ паруса и полетѣлъ на помощь къ Лемносу, напалъ внезапу на Аристота, разбилъ его, и отнялъ у него большую часть кораблей. Другой Антигоновъ генералъ, по имени Медій, спустя нѣсколько времени, овладѣлъ тридцатью шестью судами города Пидны, нынѣ Шитро.

Непріятельскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ продолжались, и отъ времени до времени происходили сраженія на морѣ, гдѣ щастіе равно какъ однимъ такъ и другимъ благопріятствовало. Кассандръ съ тридцатью кораблями осадилъ Орео, Евбейскій городъ, на который сильно наступалъ, и уже готовъ былъ взять оный приступомъ; но Телесфоръ и Медій, Антигоновы генералы, подоспѣли на

Л. М. 3691. до Р. Х. 313.

помощь къ оному, первый изъ Пелепонеза съ двадцатью, а другой изъ Азїи со ста судами. Они сожгли четыре корабля изъ Кассандрова флота находившагося въ гаванѣ, а остальные повредили. Между тѣмъ Кассандръ, получа помощь изъ Аѳинъ, напалъ на стоявшихъ безъ всякой осторожности непрїятелей своихъ, и одинъ корабль у нихъ потопилъ, а три взялъ въ плѣнъ. Я умалчиваю о множествѣ тѣхъ небольшихъ морскихъ походовъ, коихъ маловажная подробность затмила бы сїю часть исторїи моей, поелику творившїе брань были иногда союзники между собою, иногда непрїятели; они съ такою же легкостїю приставали къ одной которой нибудь сторонѣ, съ какою отставали отъ оной, и какъ союзы ихъ, такъ и разрывы были однѣ токмо вѣроломныя побужденїя, коихъ долговременность располагалась по единому корыстолюбїю.

л. м. 3698, до Р. Х. 306. Антигонъ однакожъ не могъ взирать спокойнымъ окомъ на Грецїю рабствующую подъ недостойнымъ игомъ, каковымъ угнѣтали ее Птоломей и Кассандръ. Онъ рѣшился расторгнуть узы ея, и возвратить ей прежнюю свободу. Въ семъ намѣренїи Димитрїй, сынъ его, отправился изъ Ефеса съ снабдѣннымъ исправно флотомъ, состоявшимъ изъ двухъ сотъ пятидесяти судовъ. Благополучный вѣтръ принесъ его къ Аѳинамъ. Съ сего нещастнаго города хотѣлъ онъ начать освобожденїе Грековъ. Онъ появился на Аѳинской рейдѣ, прежде нежели пронесся слухъ о выходѣ его въ море; вошелъ безъ всякаго препятствїя въ гавань, поелику флотъ его приняли за флотъ Птоломеевъ; однакожъ наконецъ былъ онъ познанъ; но дабы обнадѣжить Аѳинянъ, велѣлъ онъ сказать имъ съ галеры своей, что онъ пришелъ освободить ихъ. Онъ овладѣлъ Пиресою и крѣпостью. Выгналъ изъ города непрїятельскїй гарнизонъ, и толикую прїобрѣлъ отъ жителей любовь, учиня ихъ свободными, что они какъ отцу такъ и сыну воздвигли золотыя статуи, установили въ честь имъ игры и жертво-

приношенія, и назвали ихъ Царями и богами спасителями своими.

Между тѣмъ какъ Димитрій приготовлялся съ прочими Греческими городами тожъ самое сдѣлать, что съ Аѳинами, получилъ онъ отъ Антигона повелѣніе итти къ Кипру и стараться всѣми силами отнять островъ сей у Птоломея. Чего ради пошелъ онъ въ Киликію, и усиливъ себя новыми войсками и кораблями, поплылъ къ Кипру, гдѣ по прибытіи разбилъ Менелая, брата Птоломеева, и прогналъ его до самаго Саламина, на восточномъ берегу острова лежащаго. Димитрій осадилъ сей городъ, и новоизобрѣтенными машинами крайне притѣснялъ оный. Птоломей, извѣстясь о разбитіи брата своего, и о Саламинской опасности, пошелъ самъ на помощь къ нему со флотомъ, состоявшимъ, по мнѣнію Плутарха, изо ста пятидесяти, а по мнѣнію *Діодора Сицилійскаго*, изо ста сорока военныхъ о четырехъ и о пяти ярусахъ кораблей, за которыми шло еще двѣсти плоскодонныхъ судовъ, на коихъ посажено было двенадцать тысячъ человѣкъ.

Димитрій, увѣдомясь о приближеніи Птоломея, приготовился къ принятію его: нѣкоторую часть войскъ своихъ оставилъ онъ при осадѣ, а самыхъ лучшихъ солдатъ своихъ посадилъ на суда, забравъ на оныя военныя всякихъ родовъ орудія, и все нужное какъ для нападенія такъ и для обороны. Расположа такимъ образомъ флотъ свой остановился въ безопасномъ разстояніи на якорѣ при входѣ въ гавань, дабы не дать находившимся въ оной судамъ соединиться съ Птоломеевыми, гдѣ и простоялъ всю ночь. На разсвѣтѣ построилъ онъ въ ордеръ баталіи флотъ свой, состоявшій изо ста осмнадцати судовъ большою частію о пяти, а прочія о семи ярусахъ веслъ. На лѣвомъ крылѣ, подъ начальствомъ Медія, поставилъ онъ семь Финикійскихъ семиярусныхъ и тридцать Аѳинскихъ четырехъ-ярусныхъ галеръ.

Поелику на семъ крылѣ долженствовалъ онъ самъ сражаться, того ради усилилъ оное еще десятью шестиярусными, и другими десятью пятиярусными галерами. На правомъ крылѣ помѣстилъ онъ Гежезиппа Галикарнасскаго, и Плекстія, родомъ изъ острова Коса, а въ срединѣ всѣ малыя суда. При входѣ въ гавань, оставилъ онъ десять судовъ, почитая сіе число достаточнымъ для блокированія находившихся въ оной. Нѣкоторую часть конницы своей разставилъ онъ по берегу, и нѣсколько солдатъ по мысамъ и по выдавшимся въ море каменьямъ, для захватыванія тѣхъ, кои принуждены будутъ пускаться вплавь.

Птоломей при разсвѣтаніи дня подошелъ къ Димитрію, и видя флотъ его въ добромъ порядкѣ, устроилъ и свой такимъ же образомъ; плоскодонныя суда свои оставилъ онъ позади, а самъ съ большими кораблями своими сталъ на лѣвомъ крылѣ. Димитрій, находясь не далѣе трехъ стадій отъ непріятеля, то есть около двухъ сотъ шаговъ, велѣлъ выставить щитъ, что значило сигналъ вступить въ бой. Птоломей учинилъ тожъ самое. Гласъ трубъ и крикъ войскъ раздался тотчасъ, какъ скоро суда другъ противъ друга двинулись. Оба флота мгновенно осыпаны были градомъ камней и стрѣлъ. Вскорѣ потомъ суда стали сходиться между собою, и тогда съ обѣихъ сторонъ старались ломать непріятельскія весла, дабы отнять способы къ спасенію бѣгствомъ. Храбрость была равная въ сей брани, въ коей всѣми различными на морѣ употребительными средствами сраженіе производилось: нападеніе дѣлали прямо съ носу, съ боковъ, съ кормы; кидались съ одного судна на другое, и при бывшемъ тогда волненіи многіе солдаты падали въ море, гдѣ убиваемы были пиками. Побѣда поперемѣнно, то на той, то на другой сторонѣ являлась, что часто случается въ морскихъ сраженіяхъ, въ коихъ вѣтръ, теченіе и волны перемѣняютъ щастіе.

Димитрїй, сражавшїйся на кормѣ семиярусной галеры, оказалъ удивительную храбрость. Онъ окруженъ будучи множествомъ непрїятельскихъ судовъ, осыпа́вшихъ его тучею стрѣлъ, искусно отъ нихъ уклонялся или отражалъ ихъ щитомъ своимъ, поражая въ тожъ самое время и самъ отдаленныхъ отъ него копїемъ, а приближавшихся къ нему мечемъ своимъ, и удары его всегда были смертоносны. Съ нимъ соратовали и защищали его три храбрыхъ воина, изъ коихъ одинъ убитъ былъ, а два другїе ранены. Отъ мужества его и неустрашимости весьма потрясалась твердость непрїятелей: онъ проломилъ правое крыло ихъ, и обратилъ оное въ бѣгство. Птоломей, предводительствовавшїй большими кораблями и отборнымъ воинствомъ, опрокидывалъ безъ трудности все противоборствовавшее ему, взялъ нѣсколько кораблей, иные потопилъ, а другїе обратилъ въ бѣгство. Но Димитрїй превосходнѣйшими подвигами своими уменьшилъ въ немъ радость и принудивъ его отступить, погнался за нимъ, и велѣлъ взятыя у него суда вести буксиромъ, на виду войскъ своихъ, въ гавань, въ которой находился онъ прежде сраженїя. Во время боя, Менелай приказалъ выдти изъ Саламинской гавани тѣмъ шестидесяти судамъ, кои въ оной заперты были Димитрїевыми кораблями. Они силою отверзли себѣ выходъ, и прогнавъ Димитрїевы суда къ берегу, подъ защиту сухопутной армїи, вышли въ море, дабы соединиться съ Птоломеемъ; но узнавъ о разбитїи его, возвратились паки въ гавань, на прежнее свое мѣсто.

Димитрїй одержалъ полную побѣду. Онъ взялъ, по словамъ Дїодора, болѣе ста транспортныхъ судовъ съ солдатами, и сорокъ военныхъ кораблей; да болѣе осмидесяти разбилъ, а изъ его судовъ повреждено было токмо двадцать, которыя велѣлъ онъ исправить починкою. Плутархъ повѣствуетъ нѣсколько иначе о слѣдствїяхъ сей битвы: онъ говоритъ, что Птоломей съ осмью караб-

лями ушелЪ вЪ ЕгипетЪ, потерявЪ всѣ прочїе, и что Димитрїй взялЪ оныхЪ семдесятЪ, сЪ находившимися на нихЪ солдатами, и со всемЪ богатымЪ ихЪ грузомЪ. Вскорѣ за побѣдою сею послѣдовало взятїе Саламина. Менелай отдалЪ городЪ сей Димитрїю, сЪ гаванью и со всѣми находившимися вЪ ней кораблями. По успѣхамЪ сей експедицїи названЪ онЪ *Царемъ*, которое имя дано было отцу его; а по примѣру ихЪ приняли оное и другїе главные Александровы полководцы.

Л. М. 3699. до Р. Х. 305. Завоеванїе острова Кипра толико льстило любочестїю Антигонову, что онЪ вознамѣрился завоевать также и ЕгипетЪ. Чего ради сильно ополчился онЪ моремЪ и сухимЪ путемЪ. СамЪ предводительствовалЪ сухопутными войсками, а Димитрїй сопровождая оные, плылЪ со многочисленнымЪ флотомЪ подлѣ береговЪ; однакожЪ сїе послѣднее предпрїятїе его не было такЪ удачно; непреоборимыя повстрѣчались ему препятствїя; а флотЪ сына его разбитЪ былЪ погубившею у него множество кораблей бурею.

Л. М. 3700. до Р. Х. 304. Послѣ неудачнаго похода своего вЪ ЕгипетЪ, обратилЪ онЪ оружїе свое на островЪ РодосЪ. Преданные Птоломею Родосскїе жители отказали ему вЪ помощи во время Кипрской експедицїи. АнтигонЪ, злобствуя на нихЪ за сїе, и умѣя токмо скрывать досаду свою, а не потушать оную, принялЪ намѣренїе наказать сихЪ островитянЪ и отнять РодосЪ у Птоломея. И такЪ побуждаемый совокупно любостяжанїемЪ и мщенїемЪ, вооружился онЪ сильно противЪ РодосцовЪ. Димитрїй, которому препоручилЪ онЪ сїю важную експедицїю, вывелЪ вЪ море флотЪ состоявшїй изЪ двухЪ сотЪ разной величины кораблей, да изо ста семидесяти транспортныхЪ судовЪ, на коихЪ посажено было сорокЪ тысячЪ человѣкЪ войска. Морскїя силы его увеличились еще отЪ присоединенїя кЪ нему КорсирскихЪ кораблей и болѣе тысячи малыхЪ послѣдовавшихЪ за нимЪ судовЪ. СЪ симЪ ужаснымЪ ополченїемЪ Димитрїй

заняль пространство моря заключающееся между островомъ и матерою землею. Многочисленный и въ благоустройствѣ приближающїйся флотъ его, всѣ суда исправно вооруженныя, распущенные флаги, возвѣваемые вѣтромъ вымпелы, сїяющїя отъ солнечныхъ лучей солдатскїя оружїя, представляли ужасное зрѣлище для Родосцовъ, кои со всѣхъ мѣстъ выстроеннаго амфитеатромъ города своего смотрѣли на воинское великолѣпїе сїе; однакожъ воззрѣнїе на приближающуюся опасность служило токмо къ умноженїю въ нихъ духа бодрости. Димитрїй высадилъ войско, поставилъ лагерь свой, и отрядилъ находившихся при немъ морскихъ разбойниковъ, для опустошенїя всей земли, моремъ и сухимъ путемъ. Будучи толикожъ искусный инженеръ, какъ и великїй флотоводецъ, здѣлалъ онъ преизрядныя распоряженїя къ осадѣ Родоса. По приказанїю его построены были двѣ высокїя башни, изъ коихъ каждая, стоя на двухъ корабляхъ, могла плавать и двигаться по водѣ осаждающихъ; онъ велѣлъ также соорудить нѣкїе бревенчатые срубы для укрытїя судовъ своихъ за оные, и для воспрепятствованїя вооруженнымъ машинами непрїятельскимъ кораблямъ къ нимъ приближиться; и приказалъ на сцѣпленныхъ вмѣстѣ и укрѣпленныхъ досками шлюпкахъ поставить катапульты, сирѣчь снаряды для бросанїя копїй и киданїя камней.

Въ продолженїе сихъ работъ также и Родосцы съ своей стороны не были праздны; они выслали изъ гавани три легкихъ корабля, которые перехватали знатное число малыхъ непрїятельскихъ судовъ возившихъ съѣстные припасы, и сожгли множество изъ стоявшихъ на рейдахъ. Они на нѣкоей высотѣ поставили двѣ машины, и еще три другїя на грузовыхъ судахъ, при вратахъ гавани, для недопущенїя въ нее непрїятелей, и для свободнаго входа въ оную жителямъ. Осада сїя столько же сдѣлала чести осажденнымъ, сколько и осаждающимъ. Противу машинъ

воздвигали машины, стараясь съ обѣихъ сторонъ уничтожить дѣйствія оныхъ; одни у другихъ взаимно пожгли нѣсколько кораблей; на обѣихъ сторонахъ одержанныя преимущества замѣнялись претерпѣнными уронами; на концѣ, послѣ продолжавшейся цѣлый годъ осады, заключенъ былъ миръ на такомъ условіи, чтобъ Родосцамъ пользоваться, такъ какъ и прежде, всею свободою, но въ нужныхъ случаяхъ оказывать благопріятство свое и помогать Антигону, съ коимъ вступаютъ они въ союзъ; однако съ тѣмъ, чтобъ не имѣть оному войны съ Птоломеемъ, котораго они защищали по причинѣ производимой ими въ Египтѣ торговли.

Послѣ Родосской войны осажденные Кассандромъ Аѳиняне просили о покровительствѣ Димитрія, который пошелъ на помощь къ нимъ съ триста тритцатью судами, выгналъ Кассандра изъ Аттики, разбилъ его, овладѣлъ многими мѣстами и возвратилъ Аѳинамъ свободу. Все преклонялось предъ оружіемъ Антигонова сына; казалось, что онъ полновластвовалъ надъ побѣдою, почему и проименовалъ себя *градопокорителемъ*. Толикое щастіе учинило его дерзкимъ, и сія дерзость была причиною его

А. М. 3703. до Р. Х. 301. погибели. Птоломей, Кассандръ и Лизимахъ, коимъ давалъ онъ презрительныя имена, ополчась противъ него и противъ Антигона, собрали страшную армію, и дали имъ баталію близъ города Ипса во Фригіи. Димитрій сломилъ сперва непріятелей; но завлеченъ будучи мужествомъ своимъ, или паче обольщенъ мнимою на сторонѣ своей побѣдою, погнался за обратившимися въ бѣгство съ излишнею горячностію: онъ окруженъ былъ, и не могъ соединиться паки съ войсками своими. Неосторожностію сею рѣшилось сраженіе: онъ проигралъ баталію, на коей отецъ его, съ великою храбростію сражавшійся, убитъ, а самъ онъ принужденъ былъ удалиться въ Ефесъ, съ весьма малымъ числомъ войскъ избавившихся отъ плѣна.

Побѣда сія преобразила Александровы области. Три Царя побѣдители, раздѣлили между собою Антигоновъ участокъ и паденіемъ его возвысились. Такимъ образомъ Монархія Греческая раздѣлилась на четыре державы, по пророчеству Даніилову, ознаменовавшему великое произшествіе сіе четырмя рогами, простиравшимися по четыремъ вѣтрамъ небеснымъ (*). Птоломей, сынъ Лаговъ, основалъ Царство Египетское; Селевкъ Никаноръ Сирійское; Кассандръ воцарился въ Македоніи; Лизимахъ во Ѳракіи и въ близлежащихъ земляхъ. Такимъ образомъ четыре Государя сіи присвоили себѣ наслѣдіе Александра Великаго.

Димитрій зная, что городъ Ефесъ не есть безопасное для него убѣжище, отправился изъ онаго съ остатками кораблей своихъ въ Аѳины, надѣясь сыскать себѣ друзей въ оныхъ; но какъ несчастные не находятъ ихъ, то Аѳиняне, опасаясь поссориться съ побѣдителями, не впустили его въ городъ, и отослали къ нему обратно суда его, между коими находилась галера его о шестнадцати ярусахъ веслъ. Съ новою подмогою сею поплылъ онъ къ Херсонесу, гдѣ принужденъ былъ грабить Лизимаховы земли, для прокормленія небольшой арміи своей. Чувствуя всегда претерпѣнную имъ отъ Аѳинянъ обиду, нашелъ онъ напослѣдокъ случай отмстить за оную. Провѣдавъ, что городъ Аѳины раздираемъ былъ междоусобными раздорами, поспѣшалъ онъ къ нему со многочисленнымъ флотомъ, въ чаяніи воспользоваться несогласіемъ симъ. Въ плаваніи, проходя уже берега Аттики, постигла его буря, отъ которой многіе корабли его погибли; однакожъ нещастіе сіе не остановило его намѣреній; онъ осадилъ Аѳины, и сильно къ нимъ приступалъ. Птоломей послалъ на помощь къ нимъ сто пятдесятъ судовъ, которыя, какъ скоро примѣтили, что Димитрій флотъ свой исправилъ, и что

(*) Книга Пророка Даніила, глава 8.

оный простирается до трехъ сотъ судовъ, то возвратились вспять. Димитрій, не имѣя ни какихъ болѣе отъ внѣ препятствій, овладѣлъ городомъ.

Л. М. 3728, до Р. Х. 281. Дабы то, что остается намъ еще сказать объ Александровыхъ послѣдователяхъ, не было темно, намѣренъ я предложить здѣсь о четырехъ, составившихся послѣ баталіи при Ипсусѣ, Царствахъ.

Царство Ѳракійское весьма не долго простояло; оно погибло съ Лизимахомъ, который двадцать лѣтъ обладалъ онымъ. Государь сей, обагрившій руки свои кровію сына своего, навлекъ на себя безчеловѣчнымъ дѣяніемъ симъ множество нещастій, лишившихъ его престола и жизни. Онъ побѣжденъ и убитъ былъ на брани съ Селевкомъ, Царемъ Сирскимъ, овладѣвшимъ Государствомъ его. Царство Македонское простояло нѣсколько долѣе. Кассандръ, получа оное, умеръ отъ водяной болѣзни, три года спустя послѣ битвы при Ипсусѣ. Поступившій по немъ сынъ его Филиппъ царствовалъ токмо одинъ годъ, и оставленною короною своею возродилъ зависть въ Антипаторѣ и Александрѣ, двухъ братіяхъ своихъ, кои, споряcь за оную, были убиты. По смерти ихъ овладѣлъ оною Димитрій, который самыми величайшими злодѣяніями отверзъ себѣ путь къ Македонскому престолу; но Государь сей не умѣлъ сохранить сіи новыя благопріятствованія щастія; онъ суровыми и высокомѣрными поступками своими лишился любви и довѣренности отъ Македонянъ, а на конецъ и нѣкоторой части Македоніи, отнятой у него Пиромъ, Царемъ Епирскимъ.

Вскорѣ однакожъ пріобрѣлъ онъ назадъ все потерянное имъ; но какъ для честолюбія его тесны были Македонскіе предѣлы, то захотѣлъ онъ вступить паки во всѣ области отца своего. И такъ сдѣлалъ приготовленія соразмѣрныя сему важному намѣренію: собралъ сто тысячъ пѣхоты и двенадцать тысячь конницы; вывелъ въ море

флотъ состоявшій изъ пяти сотъ судовъ, сооруженныхъ въ Пирейскомъ портѣ, въ Коринѳѣ въ Халсисѣ, и въ окрестностяхъ Пеллы. Во время строенія ихъ ходилъ онъ по верфямъ и мастерскимъ избамъ, поощряя работниковъ къ труду, и самъ дѣлалъ чертежи для мастеровъ. Всѣ сіи суда, строимыя подъ собственнымъ его руководствомъ, оказались весьма хорошими, каковыхъ дотолѣ еще не бывало, по тому что большая часть изъ нихъ была о пятнадцати и шеснадцати ярусахъ веслъ, чему не было еще примѣра. Сіе страшное ополченіе, величайшее всѣхъ бывшихъ послѣ Александра, произвело въ сосѣдственныхъ народахъ великое безпокойство. Птоломей, Селевкъ и Лизимахъ совокупными силами приготовились противустать оному, и преклонили въ союзъ свой Пирра. Сіи Князи соединясь напали на Димитрія съ разныхъ сторонъ. Птоломей поплылъ въ Грецію съ сильнымъ флотомъ, и возмутилъ противъ него Грековъ. Прочіе союзные Князи каждый съ своей стороны возмущали Македонію. Македонцы, предавшись Димитріевымъ непріятелямъ, способствовали всѣмъ ихъ намѣреніямъ; и Царь сей вскорѣ увидѣлъ честолюбивыя предположенія свои уничтожившимися. Онъ желая похитить Царства другихъ, лишился собственнаго своего, и удалился въ Кассандрію, гдѣ Фила, жена его, не могши перенести бѣдствій нещастнаго супруга своего, прекратила дни свои ядомъ.

Димитрій, потерявъ области свои, питалъ однакожъ надежду. Онъ покусился поправить нещастія свои, собралъ войска около двенадцати тысячь человѣкъ, и посадилъ оное на оставшіяся у него суда. Съ сими небольшими силами поплылъ онъ въ Азію. Съ начала имѣлъ онъ нѣкоторый успѣхъ; но голодъ и моровое повѣтріе принудили его прибѣгнуть къ помощи Селевка, и предаться въ совершенную его волю. Селевкъ, зная достоинства его, почиталъ за нужное для безопасности своей задержать его плѣн- л. М. 3720. до Р. Х. 284.

нымъ. Три года находился онъ въ семъ плѣну, стараясь услаждать оный забавами, въ которыя вдался съ такою неумѣренностїю, что отъ невоздержанїя своего легъ во гробъ.

Л. М. 7720, до Р. Х. 284. Антигонъ, сынъ его, желая праху отца своего воздать достойную честь, пошелъ со флотомъ для отъисканїя онаго. Онъ положилъ его въ золотой сосудъ, который поставилъ на кормѣ своей галеры, и распростеръ надъ мѣстомъ симъ багряницу. Въ верьху сосуда, украшеннаго цвѣтами, лежала дїадима; юноши окружали оную, и превосходный на свирѣли пѣснопѣвецъ испускалъ томные гласы, кои согласуясь съ шумомъ ударяющихся объ воду веслъ, составляли нѣкїй родъ надгробнаго пѣнїя. Такимъ образомъ прибылъ Антигонъ въ Коринѳъ, гдѣ народъ бросалъ на Димитрїевъ прахъ вѣнцы изъ цвѣтовъ, и напослѣдокъ велѣлъ погребсти оный въ Димитрїадѣ.

Послѣ Димитрїевой смерти, въ Македонїи правительствовали разные Цари, о морскихъ подвигахъ коихъ предложу я въ другомъ мѣстѣ. Самый послѣднїй былъ Персей, побѣжденный Павломъ Емилїемъ. Напослѣдокъ Македонїя обращена была въ провинцїю.

Л. М. 3724. до Р. Х. 280. Селевкъ, прозванный Никаноромъ, сирѣчь побѣдительнымъ, по причинѣ одержанной имъ надъ Лизимахомъ побѣды, основалъ Царство Сирїйское. Онъ прилагалъ великое о мореходствѣ попеченїе. Море покрыто было судами его въ браняхъ творимыхъ имъ противъ Антигона. Онъ учинилъ новыя открытїя на Индїйскомъ морѣ. Онъ предпринималъ, для удобности торговли и мореплаванїя, соединить Азовское море съ Каспїйскимъ; но въ самое то время, когда онъ наиприлѣжнѣйше о семъ старался, убитъ былъ Птоломеемъ Сераупомъ. Селевкъ сей былъ первымъ родоначальникомъ поколѣнїя царствовавшихъ послѣ него въ Сирїи Селевкидовъ. Отъ него произошло также Селевкидское толь достопамятное въ Исторїи время.

Послѣ двадцатилѣтняго царствованія, Антигонъ Сотеръ, сынъ его, поступилъ по немъ, и царствовалъ девятнадцать лѣтъ. Сей наслѣдникомъ своимъ имѣлъ Антіоха II, коего Милезяне назвали Богомъ, потому что умертвилъ онъ тиранна ихъ Тимарка. Онъ пробылъ пятнадцать лѣтъ на престолѣ Сирійскомъ. Селевкъ Каллиникъ, сынъ его, двадцать лѣтъ управлялъ Сиріею, оставя послѣ себя наслѣдникомъ Селевка Серанка, царствовавшаго токмо три года. По немъ поступилъ братъ его Антіохъ III, котораго царствованіе продолжалось тридцать семь лѣтъ; подвиги его подали причину къ прозванію его Великимъ, каковымъ и въ самомъ дѣлѣ былъ онъ, какъ по нещастіямъ, такъ и по благоденствіямъ своимъ. Онъ велъ войну съ Царями Египетскими; но Римляне отняли у него владычество надъ моремъ, и нѣкоторую часть областей его, какъ то видно будетъ въ Исторіи о мореходствѣ Римлянъ. Старшій сынъ его Селевкъ Филопаторъ былъ наслѣдникъ токмо царства его, но не качествъ его великихъ: онъ былъ слабый и празднолюбивый Государь, который въ двенадцать почти лѣтъ ничего достопамятнаго не сдѣлалъ. По немъ послѣдовалъ братъ его Антіохъ Епифанъ, насильно завладѣвшій его престоломъ.

Антіохъ Епифанъ, сирѣчь знаменитый, былъ нечестивый Государь и гонитель народа Божія; онъ разграбилъ Іерусалимскій храмъ, осквернилъ святилище, и по одиннадцатилѣтнемъ царствованіи умеръ пораженный рукою самого Бога. Антіохъ Евпаторъ, сынъ его, учинился по немъ наслѣдникомъ Царства Сирійскаго и ненависти его къ Іудеямъ. По двухъ-лѣтнемъ обладаніи свергнутъ онъ былъ съ престола Димитріемъ, двоюроднымъ братомъ своимъ, царствовавшимъ около двенадцати лѣтъ. Я не стану далѣе продолжать исчисленіе Сирійскихъ Государей, которое оканчивается Антіохомъ Азіатическимъ.

Помпей лишилъ его Царства, которое обратилъ онъ въ провинцію Римской Имперіи. Въ походахъ Царей Египетскихъ можно будетъ усмотрѣть, какое Цари Сирійскіе брали участіе въ бывшихъ во времена ихъ дѣлахъ морскихъ.

Я сказалъ, что Птоломей Лагъ основалъ Царство Египетское. Онъ названъ былъ Сотеромъ, то есть спасителемъ, по тому что спасъ Родосцовъ отъ Антигоновой и Димитріевой лютости. Онъ былъ изъ числа Александровыхъ Генераловъ, и одинъ изъ тѣхъ первыхъ, кои получили Царское имя по смерти дѣтей онаго. Царствованіе его въ Египтѣ продолжалось двадцать лѣтъ. Всѣ наслѣдники его, изъ уваженія къ нему, назвались по имени его Птоломеями, и различались токмо прозваніями. Онъ былъ самый старшій въ родѣ Лагидовъ, и еще при жизни своей возложилъ вѣнецъ на Птоломея II, сына своего, прозваннаго въ насмѣшку Филадельфомъ, по тому, что умертвилъ онъ братьевъ своихъ.

Птоломей Филадельфъ превзошелъ всѣхъ прочихъ Царей великолѣпіемъ своимъ и пышностію. По предсказанію Даніила, былъ онъ могущественнѣе отца своего. Онъ имѣлъ въ принадлежащихъ областямъ его портахъ, по мнѣнію Аѳенея, болѣе трехъ тысячъ судовъ, между которыми щиталось двѣ галеры о тридцати, двѣ о двенадцати, четырнадцать объ одиннадцати, тридцать о девяти, тридцать семь о семи, пять о шести, семнадцать о пяти ярусахъ веслъ. Св. Іеремія щитаетъ токмо полторы тысячи судовъ долгихъ, кои называетъ онъ Либурнскими, и тысячу грузовыхъ. Государь сей весьма прилѣпленъ былъ къ мореходству, и съ самаго начала царствованія своего, приказалъ построить Фаросъ (маякъ) при Александрійскомъ портѣ, для свѣщенія подходящимъ въ ночное время къ оному кораблямъ. Онъ открылъ путь отъ Александріи даже до Индіи, расположа выгодныя для вы-

грузки товаровъ мѣста по Ниловымъ рукавамъ, и даже до Чермнаго моря, на коемъ устроилъ порты, откол҄ѣ корабли его отправлялись въ Индїю. Для опознанія обширной страны сей, послалъ онъ туда искуснаго математика, называемаго Денисомъ, съ однимъ ученымъ мужемъ, по имени Мегасфеномъ, который составилъ описанія, кои послѣ того у путешествовател҄ей въ великомъ были употребленіи. Онъ имѣлъ также и на Средиземномъ морѣ корабли; оные служили ему для перевоза къ западу Индійскихъ товаровъ, и для охраненія принадлежавшихъ ему приморскихъ мѣстъ, также Киликїи, Памфилїи, Ликїи, Карїи и Цикладовъ, коими онъ завладѣлъ.

Филадельфъ имѣлъ у себя Адмираломъ Патрокла, превосходнаго мореплавателя, и въ толь великой славѣ находившагося, что именемъ его назвали одинъ недалеко отстоящій отъ Аѳинъ островъ, на которомъ по приказанію его построены были нѣкоторыя укрѣпленія. Въ то время, когда приходилъ онъ на помощь къ сему городу, осажденному Антигономъ, Димитрїевымъ сыномъ, по прозванію Гонатомъ, по тому что воспитывался онъ въ городѣ Гонахъ въ Ѳессалїи. Филадельфъ, будучи тогда союзникомъ Аѳинянъ, послалъ къ нимъ знатный флотъ, подъ начальствомъ Патрокла. Искусный Генералъ сей хотѣлъ побудить повелѣвавшаго союзными войсками Генерала атаковать осаждающихъ городъ непрїятелей сухимъ путемъ, между тѣмъ временемъ, какъ онъ нападетъ на нихъ со стороны моря; но какъ Арей, которому подавалъ онъ сей совѣтъ, ни на что не захотѣлъ покуситься, то Патроклъ, будучи не въ состоянїи дѣйствовать одинъ, принужденъ былъ ничего не сдѣлавъ отступить.

По смерти Птоломея Филадельфа, сынъ его Птоломей Евергетъ, то есть благотворитель, поступилъ по немъ. Л. М. 3758, до Р. Х. 246.
Онъ велъ войну съ Селевкомъ Каллиникомъ, или Побѣдительнымъ, Царемъ Сирїйскимъ. Селевкъ первые дни царство-

ванія своего обагрилЪ кровію умерщвленной имЪ Вереницы, мачихи своей, сестры Птоломеевой. Подвластные ему Азійскіе города, гнушаясь матереубійствомЪ симЪ, отложились отЪ него. Птоломей, чтобЪ отмстить за убійство сестры своей, собралЪ великую армію, взялЪ у него многіе города, и отнялЪ бы всѣ его области, естьлибЪ не принужденЪ былЪ возвратиться вЪ ЕгипетЪ, для успокоенія вЪ ономЪ произшедшихЪ вЪ отсудствіе его смятеній. СелевкЪ, не имѣя болѣе противЪ себя Птоломея, сдѣлалЪ знатное вооруженіе, сЪ которымЪ пошелЪ покорять бунтующіе города. Но страшная буря сокрушила всѣ корабли его такЪ, что онЪ почти одинЪ токмо, и со всѣмЪ нагЪ, избавился отЪ погибели. Нещастіе Селевково послужило однакожЪ ему вЪ пользу; ибо тѣ самые, коихЪ онЪ жестокостію своею озлобилЪ, будучи бѣдствіемЪ его тронуты, возвратили ему прежнія его области. Возгордясь таковымЪ неожидаемымЪ счастіемЪ, обьявилЪ онЪ войну Птоломею, который его разбилЪ. Государь сей званЪ былЪ КаллиникомЪ, то есть ПобѣдительнымЪ, вЪ насмѣшку, поелику всегда былЪ игралищемЪ фортуны и весьма нещастливЪ на войнѣ.

Л. М. 3783, до Р. Х. 221. Птоломей ЕвергетЪ убитЪ былЪ сыномЪ своимЪ, возшедшимЪ по немЪ на престолЪ, и который по случаю отцеубійства сего званЪ противусмысленно ФилопаторомЪ. ОнЪ былЪ подлый и жестокосердый Государь; каковыя качества обыкновенно бываютЪ нераздѣльны. УмертвивЪ отца своего, мать и брата, предался онЪ забавамЪ распустной и сладострастной жизни; толь предосудительное поведеніе привело его вЪ ненависть у всѣхЪ его подданныхЪ. АнтіохЪ Великій, Царь Сирійской, помышляя о томЪ, какЪ бы отнятыя ЕвергетомЪ у предшественниковЪ его мѣста получить обратно, почелЪ случай сей благопріятнымЪ для исполненія своихЪ намѣреній. И такЪ ополчась сильно противЪ Филопатора, пошелЪ на него

войною, и положилъ открыть кампанїю осадою Селевкїи, чего ради и отправилъ Дїогнета, Адмирала своего, блокировать мѣсто сїе со стороны моря, а самъ пошелъ для нападенїя на оное сухимъ путемъ. Городъ сей лежалъ на берегу моря, между Финикїею и Киликїею, противъ острова Кипра, и близъ устья рѣки Оронта. Съ матерой земли защищаемъ онъ былъ крѣпостями, а съ моря гаванью и крѣпкими стѣнами. Съ сей только одной стороны можно было его атаковать. Антїохъ, почитая гораздо легчайшимъ купить мѣсто сїе, нежели брать оное приступомъ, попытался обольстить первостатейныхъ жителей онаго деньгами, и ему удалось подкупить нѣкоторыхъ изъ нихъ, кои способствовали учиненной съ моря подлинной атакѣ, по тому что три другїя производимыя тогдажъ съ сухаго пути, дѣланы были токмо для одного раздѣленїя непрїятельскихъ силъ. Предводительствовавшїй первою Дїогнетъ оказалъ удивительную храбрость, и овладѣлъ предмѣстїемъ, что самое и понудило городъ здаться.

Л. М. 3784. до Р. Х. 220.

Ѳеодотъ, Птоломеевъ Губернаторъ Нижней Сирїи, наскуча служить толь недостойному владѣтелю, и видя успѣхи Антїоховы, здалъ ему города Тиръ и Птоломенду. Антїохъ нашелъ въ сихъ двухъ городахъ сорокъ палубныхъ судовъ, между коими находилось нѣсколько весьма исправно вооруженныхъ галеръ о многихъ ярусахъ веслъ, которыя препоручилъ онъ подъ начальство Дїогнету. Адміралъ сей, съ сими морскими силами, присоединенными къ сухопутнымъ, овладѣлъ многими городами. Приближенїе сильнаго и побѣдоноснаго непрїятеля возбудило Филопатора: онъ приготовился къ оборонѣ; ополчился на сухомъ пути и на морѣ, и даже выступилъ на встрѣчу къ Антїоху. Флотъ его, ввѣренный Перигену, состоялъ изъ тридцати палубныхъ судовъ, и сорока грузовыхъ. Обѣ непрїятельскїя армїи шли по берегу въ близи флотовъ своихъ. Дїогнетъ и Перигенъ, предводительствовавшїе двумя

враждующими флотами, подвинули суда свои сколько возможно ближе къ берегамъ, дабы сражаться въ одно время какъ на морѣ такъ и на сухомъ пути. Поелику оба флота почти равны были числомъ и силою, то побѣда колебалась, и слава обѣихъ сторонъ въ томъ состояла, что ни кто не былъ побѣжденъ; но на сухомъ пути происходило сїе иначе.

Предводительствовавшїй Филопаторовою армїею Николай, будучи разбитъ, принужденъ былъ уйти въ Сидонъ со флотомъ, бывшимъ подъ начальствомъ Перигена. Антїохъ погнался за нимъ съ обоюдными силами своими, то есть морскими и сухопутными; но видя, что не можетъ атаковать его безъ собственной своей опасности, отступилъ назадъ и послалъ Дїогнета съ кораблями въ Тиръ. Въ послѣдовавшїй годъ началъ онъ паки непрїятельскїя дѣйствїя свои, и разбитъ былъ на баталїи при Рафїи. Естьлибъ трудолюбїе Филопаторово равно было щастїю его, то бы онъ свергнулъ съ престола непрїятеля своего; но завоеванїе Сирїи весьма много стоило бы нѣгѣ его: и такъ удовольствовался онъ полученїемъ назадъ отпадшихъ отъ него городовъ, и, дабы предаться по прежнему забавамъ, заключилъ скорѣе миръ. Одержанная имъ надъ Антїохомъ побѣда возстановила нѣсколько славу его, хотя побѣда сїя прїобрѣтена была не столько мужествомъ его, сколько бодростїю Арсинои, сестры его, которая, растрепавъ власы и проливая слезы, бѣгала изъ ряда въ рядъ, увѣщевая солдатъ, чтобъ они за свободу свою храбро сражались.

Птоломей Епифанъ, Филопаторовъ сынъ, взошелъ по немъ на престолъ на пятомъ году возраста своего. При началѣ едва было не сдѣлался онъ жертвою честолюбїя любимцовъ отца своего; но Египтяне спасли его, и отдали подъ покровительство Римлянамъ. Избавясь отъ лютости тайныхъ враговъ своихъ, имѣлъ онъ явнаго у себя непрїя-

шеля, не меньше опаснаго: оный былЪ АнтїохЪ Великїй, почитавшїй случай сей удобнымЪ кЪ отобранїю назадЪ Сирїйскихъ, завоеванныхЪ Египетскими Царями, городовЪ. По пронесшемуся о смерти Епифановой слуху, выступилЪ онЪ со флотомЪ вЪ море, и направилЪ путь кЪ Египту, почитая уже оный вѣрно своимЪ. ОбошедЪ Азїйской берегЪ, приближался онЪ кЪ Ликїи; но по прибытїи вЪ ПатарЪ вся надежда его изчезла: ибо онЪ узналЪ тутЪ, что Птоломей не умерЪ.

По неудачномЪ начинанїи семЪ, обратилЪ онЪ намѣренїя свои на островЪ КипрЪ, кЪ которому и направилЪ путь свой. МиновавЪ мысЪ ХелидонїумЪ, задержанЪ онЪ былЪ нѣсколько дней вЪ Памфилїи возмущенїемЪ каторжныхЪ на галерахЪ. По выходѣ паки вЪ море претерпѣлЪ онЪ ужасную бурю, которая потопила всѣ почти суда его, изЪ коихЪ нѣкоторыя разбились у берега, а иныя со всѣми людьми поглощены были. Самые лучшїе офицеры его погибли вЪ семЪ кораблекрушенїи. Уклонившись потомЪ кЪ Селевкїи, приказалЪ онЪ суда свои вытащить на берегЪ для починки; и какЪ приближалась уже зима, то, для препровожденїя оной, отправился онЪ вЪ Антїохїю.

Птоломей ЕпифанЪ, по двадцати трехЪ-лѣтнемЪ царствованїи, умерЪ. На престолЪ по немЪ взошелЪ Птоломей, сынЪ его, котораго вЪ насмѣшку назвали ФилометоромЪ, по тому что ненавидѣлЪ онЪ мать свою, желавшую, чтобЪ вѣнецЪ царскїй достался младшему брату его. Поелику ФилометорЪ былЪ еще малолѣтенЪ, того ради Евлай и Лемей приняли правленїе Государства. Для отличенїя владычества своего вознамѣрились они принудить Антїоха отдать Целесирїю воспитаннику ихЪ; но вмѣсто защищенїя сей провинцїи, увидѣли его идущаго войною на ЕгипетЪ. АнтїохЪ, по предположенїю отца своего, имѣвшаго намѣренїе овладѣть ЕгиптомЪ, почелЪ время сїе бла-

Л. М. 3800. до Р. Х. 204.

гопріятнымЪ кЪ исполненію онаго, и поднялЪ оружіе. Поелику онЪ былЪ дядя ПтоломеевЪ, то присвоивалЪ себѣ право быть его попечителемЪ, и хотѣлЪ вЪ качествѣ семЪ управлять ЕгиптомЪ. ТакимЪ образомЪ, для подтвержденія правЪ своихЪ, вывелЪ онЪ вЪ море флотЪ, сЪ коимЪ ходилЪ даже до Тира и Іоппіи, для примѣчанія всего происходившаго вЪ Египтѣ. ПотомЪ возвратился паки вЪ Финикію, гдѣ время проводилЪ не праздно. ОнЪ вооружился сильно противЪ Птоломея, и направилЪ путь свой кЪ Египту сЪ колесницами, слонами, конницею и сЪ великимЪ числомЪ судовЪ, какЪ повѣствуетЪ о семЪ писатель книги Маккавѣевъ. Птоломееву армію встрѣтилЪ онЪ между горами КазіусомЪ и Пелузою, и совершенно разбилЪ оную. ВЪ слѣдующій годЪ ходилЪ онЪ паки вЪ ЕгипетЪ, атаковалЪ Птоломея моремЪ и сухимЪ путемЪ, и одержавЪ вторичную побѣду, ворвался вЪ самую внутренность Государства сего.

Выгнанный изЪ областей своихЪ ФилометорЪ удалился вЪ Александрію кЪ Птоломею Евергету, брату своему, гдѣ согласились они раздѣлить Царство. АнтіохЪ, для расторженія союза между двухЪ братьевЪ, и для отнятія у нихЪ Египта, пошелЪ со всѣми силами своими кЪ Александріи. ФлотЪ свой отправилЪ онЪ кЪ Кипру, а сухопутныя войска свои повелЪ кЪ Египту. По прибытіи кЪ устью Нила, принялЪ онЪ пословЪ отЪ Филометора, который предлагая ему союзЪ, а не вражду, просилЪ усильно, чтобЪ онЪ флотЪ свой и войски отпустилЪ назадЪ. АнтіохЪ, чувствуя себя сильнѣйшимЪ, требовалЪ отЪ него острова Кипра и всей земли занимаемой Ниловыми устьями; и какЪ вЪ семЪ столь несправедливомЪ требованіи не былЪ онЪ удовлетворенЪ, то велѣлЪ флоту своему идти даже до Пелузы. ОнЪ вошелЪ вЪ ЕгипетЪ, гдѣ все покорилось ему, и приближился кЪ Александріи, для осажденія оной. Во время пріуготовленія его кЪ сему походу, Попилій

лена, посланный Римлянами для успокоенія происходившихъ въ Египтѣ смятеній, прибылъ въ станъ Антіоха, и однимъ отважнымъ своимъ, свойственнымъ высокомѣрію Римскому, поступкомъ обезоружилъ его, примирилъ съ Филометоромъ, и отправился къ Кипру, дабы выслать оттуда флотъ Царя Сирійскаго, что и исполнено было. Антіоха отослалъ онъ въ области его, со флотомъ, побѣдившимъ флотъ Египетскій.

По смерти Антіоховой, Филометоръ имѣлъ таковыя же покушенія на Сирію, каковыя Антіохъ на Египетъ. Александръ Валлесъ, или Валласъ, взошедшій нечаяннымъ образомъ на Сирійскій престолъ, вдался въ самое безчестнѣйшее распутство. Поведеніемъ своимъ привелъ онъ себя у всѣхъ въ ненависть. Димитрій Никаторъ, штитая, что легко можно побѣдить предавшагося забавамъ Царя, ополчился противъ него. Филометоръ, выдавшій дочь свою въ замужство за Александра, собралъ знатныя сухопутныя и морскія силы, подъ видомъ, яко бы для вспоможенія зятю своему, но въ самомъ дѣлѣ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ отнять у него области его и присоединить оныя къ своимъ. Онъ вошелъ въ Сирію, гдѣ все покорилось оружію его. Александръ, удостовѣрясь, что тесть его идетъ къ нему для того, чтобъ свергнуть его съ престола, предпринялъ бѣгство. Филометоръ соединился съ Димитріемъ. Александръ, опомнясь отъ страха, собралъ войска свои. Ополчившіеся противъ него два Царя, вступили съ нимъ въ сраженіе, на которомъ Александръ и Филометоръ были убиты. Сей послѣдній царствовалъ тридцать четыре года.

Птоломей Фисконъ, то есть Пузатый, или распустный, поступилъ по Филометорѣ, братѣ своемъ. Царствованіе его извѣстно токмо по его жестокостямъ. Онъ умеръ спустя двадцать девять лѣтъ послѣ принятія престола: владычество весьма долговременное для Царя безчеловѣчнаго.

Сынъ его Птоломей Латиръ, или Латуръ, въ теченіе тридцати шести лѣтъ царствованія своего въ Египтѣ, претерпѣлъ многія коловратности щастія: онъ царствовалъ вмѣстѣ съ матерью своею, царствовалъ одинъ, выгнанъ былъ изъ областей своихъ, и потомъ паки призванъ; братъ его Александръ сидѣлъ на его престолѣ. Мореходство не имѣло никакого участія во всѣхъ сихъ перемѣнахъ. Іосифъ упоминаетъ токмо, что Клеопатра, мать его, тревожась полученными имъ во Іудеѣ успѣхами, и опасаясь, чтобъ по завоеваніи оной, не обратилъ онъ побѣдоноснаго оружія своего на Египетъ, отправила противъ него морскія и сухопутныя силы. Въ тожъ самое время, подъ начальствомъ Александра, сына своего, послала она флотъ въ Финикію, для усмиренія возмутившихся тамъ народовъ.

Птоломей Александръ II былъ токмо девятнадцать дней Царемъ Египетскимъ; а братъ его Птоломей Александръ III, семнадцать лѣтъ. Птоломей Авлетъ, или Игратель на цевницѣ, царствовалъ шестнадцать лѣтъ. По немъ послѣдовали Птоломей Денисъ и Клеопатра, сестра его. Сія толь славная похожденіями своими Клеопатра, царствовала потомъ одна и была послѣдняя Египетская Царица. Мы будемъ имѣть случай говорить о ней при описаніи мореходства Римлянъ.

Таковъ былъ конецъ Монархіи Александровой! Наслѣдники знаменитаго побѣдителя сего другъ друга привели въ разореніе. Честолюбіе и зависть вооружили ихъ однихъ противъ другихъ. Слабѣйшіе изъ нихъ достались въ добычу сильнѣйшимъ; а сильнѣйшіе учинились сами корыстію Римлянъ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

О МОРЕХОДСТВѢ КАРѲАГЕНЯНЪ.

Изо всѣхъ основанныхъ Финикїянами городовъ, Карѳагенъ былъ самый знаменитѣйшїй. Поелику наиболѣе славился онъ мореплаванїями своими, того ради опишу я колико возможно подробнѣе морскїя дѣйствїя его, не входя во всеобщую о Карѳагенянахъ Исторїю (а).

Карѳагенъ уступалъ въ чести слыть первымъ въ свѣтѣ городомъ единому токмо Риму, славу же втораго по немъ раздѣлялъ онъ съ Александрїею. Мѣстоположенїе его было наивыгоднѣйшее для мореплаванїя: стоя посрединѣ береговъ Средиземнаго моря, въ равномъ отъ краевъ онаго разстоянїи, и недалеко отъ проливовъ Гибральтарскаго и Галлипольскаго, купечествовалъ онъ со всѣмъ извѣстнымъ тогда свѣтомъ. Африка, въ коей онъ находился, довольствовала его хлѣбомъ. Жители онаго, будучи отъ природы трудолюбивы и притомъ наставлены отъ Тирянъ, какъ въ торговлѣ такъ и въ морскомъ искуствѣ, превосходствовали въ знанїи мореходства, которымъ прїобрѣли они толикую славу, что многїе Священнаго писанїя толкователи, подъ именемъ Фарсїйскихъ кораблей, коимъ въ Священныхъ книгахъ означаются всякїя вообще суда, разумѣютъ одни токмо Карѳагенскїе корабли, что самое показываетъ могущество города сего, и пространство морской его торговли. Въ Карѳагенѣ было семь сотъ тысячь жителей. Въ Африкѣ имѣлъ онъ триста подвластныхъ ему городовъ. Владѣнїе его распространялось въ Сар-

---

(а) Извѣстно, что Карѳагенъ основанъ Финикїянами. Въ память начала сего, городъ сей ежегодно посылалъ въ Тиръ дары на священномъ кораблѣ.

Urbs antica fuit, Tirii tenuere coloni Carthago. Æneid. L. I.

то есть

Градъ древнїй былъ, Тирскаго поселенїя, Карѳагенъ.

динїи и на Балеарскихъ островахъ, нынѣ Маїорка и Минорка. Портъ-Магонъ (Магонова пристань) получилъ названїе свое отъ одного изъ его Генераловъ.

Карѳагенская гавань, которую, по мнѣнїю Виргилїя, велѣла выкопать Дидона, защищалась одною цитаделью, называемою Бирзою (6).

Карѳагенцы научась отъ Финикїянъ, основателей своихъ, плавать по морямъ, и дѣлать новыя открытїя, ходили такъ далеко, какъ токмо возможно было до употребленїя компаса. Ганнону порученъ былъ отъ Сената знатный флотъ, съ коимъ велѣно ему обойти вокругъ Африку. Онъ прошелъ чрезъ Ираклові столпы, вступилъ въ Океанъ, плылъ вдоль западнаго берега Африки, коей осмотрѣлъ нѣкоторыя земли, и гораздо бы далѣе простеръ плаванїе свое, естьлибъ не сдѣлалось у него недостатка въ съѣстныхъ припасахъ. Плинїй утверждаетъ, что онъ обошелъ сїю часть свѣта и достигъ самой Аравїи, но многїе ученые люди опровергаютъ сїе мнѣнїе. Саумезъ говоритъ, что онъ не проходилъ Горгадскихъ острововъ, называемыхъ нынѣ островами Зеленаго мыса; а Боссїусъ полагаетъ, что плаванїе его кончилось при островѣ Святой Анны. Гамильконъ въ тожъ самое время получилъ повелѣнїе обойти западный берегъ Европы. Въ *Книгѣ чудесъ*, приписуемой Аристоту, упоминается, что многїя Карѳагенскїя семейства поселились за Ираклoвыми стол-

(6) Названїе Бирзы дано ей было по тому, что Дидона, убѣжавши послѣ смерти Сихея мужа своего въ Африку, выпросила отъ жителей страны сея пространство земли на одну бычачью кожу, которую приказала она разрѣзать на весьма тонкїе ремешки, и отдѣлила оными окружность той крѣпости, каковую велѣла потомъ выстроить. Бошаръ несправедливо толкуетъ о прозводствѣ сего слова, замѣчая, что ни Финикїяне ни Африканцы не могли дать Греческаго названїя Карѳагенской цитадели, поелику не знали они еще Грековъ. По его мнѣнїю имя Бирза происходитъ отъ Борза, которое по Финикїйски и Еврейски значитъ укрѣплять.

пами, на одномЪ весьма великомЪ и плодоносномЪ острове, и утверждаютЪ, что АздрубалЪ построилЪ КарѳагенЪ вЪ Гишпанiи. Вотъ все, что известно обЪ открытiяхЪ КарѳагенянЪ. ПриступимЪ теперь кЪ морскимЪ ихЪ подвигамЪ.

Карѳагенцы столь сильны были на море, что самые храбрые и войнолюбивые народы искали союза сЪ ними. КсерксЪ, вознамерившись покорить Грецiю, безЪ помощи ихЪ не могЪ приступить кЪ исполненiю честолюбивыхЪ замысловЪ своихЪ. Сколь ни было страшно могущество его, однакожЪ онЪ безЪ нихЪ почиталЪ оное недостаточнымЪ, и разсудилЪ за нужное вступить сЪ ними вЪ союзЪ. И такЪ заключилЪ онЪ сЪ ними договорЪ, по которому обязались они производить войну сЪ поселившимися вЪ Сицилiи и вЪ Италiи Греками, между темЪ какЪ онЪ нападать будетЪ на ПелопонезЪ. Карѳагенцы, для исполненiя обязательства своего, сделали величайшiя прiуготовленiя. Сухопутная армiя ихЪ простиралась до трехЪ сотЪ тысячЪ ратниковЪ, а флотЪ состоялЪ изЪ двухЪ тысячЪ гребныхЪ судовЪ, и более трехЪ тысячЪ грузовыхЪ, на коихЪ везлися съестные припасы и багажЪ. Все сiе ополченiе поручено было Амилкару, славному военачальнику. ГенералЪ сей, при переходе своемЪ, претерпелЪ великiя нападенiя отЪ ветровЪ и бурь: многiя небольшiя плоскодонныя суда, сЪ бывшими на нихЪ лошадьми и колесницами, потонули. Л. М. 3520, до Р. Х. 484.

После сего перваго нещастiя, предвещавшаго, по видимому, гораздо большiя еще злоключенiя, зашелЪ онЪ вЪ Палермскую гавань, где простоялЪ три дни, для отдохновенiя войскЪ своихЪ и исправленiя случившихся поврежденiй. ПотомЪ направилЪ путь свой кЪ городу Гимеру, плывучи всегда на флоте своемЪ вдоль береговЪ. По прибытiи кЪ оному, назначилЪ онЪ два стана, одинЪ для сухопутныхЪ войскЪ своихЪ, а другой для галерЪ, которыя

велѣлъ вытащить на берегъ. Оба стана сіи приказалъ онъ оградить тыномъ и рвами; велѣлъ вывалить на берегъ всѣ съѣстные припасы, и послалъ тѣже самыя суда, на коихъ оные везены были, за другими въ Лидію и Сардинію. Ѳеронъ, Царь Агригента, нынѣ *Гергента*, видя городъ Гимеръ въ опасности, поспѣшилъ войти въ него для защиты онаго. Онъ призвалъ еще на помощь къ мѣсту сему Гелона, тирана Сиракузскаго, который прибылъ къ нему съ арміею состоявшею изъ пятидесяти тысячь человѣкъ пѣхоты и пяти тысячь конницы. Гелонъ, поставя лагерь свой на весьма выгодномъ мѣстѣ, предпринялъ сжечь непріятельскія суда, что ему и удалось. Амилькаръ, занявшись внутри окружающей суда его ограды, приносимымъ отъ него Нептуну великолѣпнымъ жертвоприношеніемъ, ожидалъ въ тотъ же самый день конницы отъ Селинунтянъ. Посланные Гелономъ для осмотра всадники привели къ нему гонца съ писмомъ, въ которомъ Селинунтскіе жители увѣдомляли Карѳагенскаго Генерала объ отправленіи къ нему сей конницы. Гелонъ, на мѣсто ожидаемыхъ Амилкаромъ конныхъ воиновъ, послалъ къ нему своихъ, которые, по прибытіи ихъ въ станъ, приняты будучи за союзниковъ, беспрепятственно вошли въ то самое мѣсто, гдѣ Амилкаръ учреждалъ жертвоприношеніе; они убили его, и зажгли всѣ его корабли. Гелонъ, усмотря происходившій отъ судовъ пламень и дымъ, и увѣрясь изъ того въ успѣхѣ предпріятія, приближился съ арміею своею. Онъ кинулся стремительно на Карѳагенянъ, обуянныхъ потерею Генерала ихъ и погибелію судовъ, и при первомъ нападеніи побилъ изъ нихъ пятдесятъ тысячь человѣкъ; остальныя войска ихъ частію погибли съ голоду, частію достались въ руки Сиракузянъ; многіе ища спасенія, бросались на оставленныя Амилькаромъ при берегѣ двадцать галеръ, которыя толико загрузили, что при возставшемъ вдругъ бурномъ вѣтрѣ всѣ потонули.

разбитіе Кароагенянъ въ Сициліи произвело такой страхъ въ Кароагенѣ, что Гелонъ могъ бы легко завладѣть имъ, естьлибъ послѣ побѣды своей немедленно подступилъ подъ оный. Городъ сей всѣми потерями своими въ толикое приведенъ былъ изнеможеніе, что не могъ ничего предпринять во всю продолжительную Аѳинянъ съ Сиракузцами войну; однакожъ, укрѣпясь между тѣмъ временемъ, скоро нашелъ случай блеснуть паки силами своими, и возстановить славу свою. Сегестскіе жители, поссорясь съ Селинунтскими, отправили въ него пословъ съ прошеніемъ о помощи, и дабы склонить Кароагенянъ къ принятію ихъ подъ свое покровительство, обязались отдать имъ городъ свой. Сенатъ, не теряя никогда изъ виду Сициліи, и желая нетерпѣливо завоевать оную, принялъ предложеніе сіе, и послалъ на островъ нѣсколько вспомогательныхъ войскъ, съ которыми Сегестскіе жители стали сильнѣе непріятелей своихъ; но какъ Сиракузяне заступились за сихъ послѣднихъ, то Кароагенцы, для подкрѣпленія союзниковъ своихъ, препроводили къ нимъ еще сильнѣйшую помощь, подъ начальствомъ Аннибаловымъ. Сей Генералъ, пылая желаніемъ отмстить за смерть Амилкара, предка своего, взялся съ великимъ рвеніемъ за представлявшійся ему случай. Онъ вооружилъ шестдесятъ галеръ и тысячу пять сотъ круглыхъ судовъ, и нагрузивъ оныя военными снарядами и съѣстными припасами, поплылъ къ Сициліи, и остановился на якорѣ при Лилибейскомъ мысѣ, гдѣ высадя изъ судовъ войска свои, осадилъ Селинунтъ. Сражавшіеся за жизнь и за свободу свою жители города сего учинили твердое сопротивленіе; но наконецъ всѣ на голову были порублены. Аннибалъ поступилъ съ побѣжденными по Кароагенски, то есть, совершенно по варварски: онъ раззорилъ до основанія городъ, не оставя въ немъ ничего, кромѣ слѣдовъ лютости своей. Тожъ самое сдѣлалъ онъ съ городомъ Гиме-

Л. М. 3592. до Р. Х. 412.

ромѣ, по взятїи онаго приступомѣ: всѣхѣ на голову порубилѣ, срылѣ крѣпости и домы, осквернилѣ храмы, и заклалѣ три тысячи плѣнныхѣ вѣ память Амилкару. Послѣ сихѣ кровопролитныхѣ походовѣ возвратился онѣ паки вѣ Карѳагенѣ, сѣ богатою добычею.

Надмѣнные успѣхами сими Карѳагеняне положили завоеванїя свои простирать далѣе. Сицилїя прельщала ихѣ. Они вознамѣрились завладѣть сею, и отправили туда Аннибала; но какѣ онѣ уже весьма старѣ былѣ, то дали ему вѣ сотоварищество Гимилькона, родственника его. Для сего новаго предпрїятїя навербовано было во всѣхѣ союзныхѣ или зависящихѣ отѣ республики областяхѣ, удивительное множество людей, и выслано вѣ море болѣе тысячи судовѣ. Карѳагенцы, полагаясь на несумнѣнный успѣхѣ, отправили напередѣ сорокѣ галерѣ. Сїя оплошность дорого имѣ стоила; ибо Сиракузяне, усмотря галеры сїи безѣ всякаго подкрѣпленїя, атаковали оныя равномѣрнымѣ же числомѣ своихѣ. Пятнадцать Карѳагенскихѣ галерѣ претерпѣли великое поврежденїе; остальныяжѣ принуждены были искать спасенїя своего вѣ бѣгствѣ.

Извѣстїе о семѣ разбитїи скоро пришло вѣ Карѳагенѣ. Аннибалѣ, не хотя дать Сиракузянамѣ долгое время утѣшаться одержаннымѣ ими преимуществомѣ, немедлѣнно вступилѣ подѣ паруса. Онѣ сѣ осмью галерами отдѣлился и шелѣ вѣ переди, словно какѣ бы предвѣстникомѣ идущихѣ за нимѣ остальныхѣ силѣ, и атаковалѣ Агригентѣ; но какѣ при самомѣ начатїи осады постигла его смерть, то Гимильконѣ сталѣ располагать оною, и наступилѣ сильно. Вѣ лагерѣ его поселился голодѣ, но вѣ тожѣ самое время узналѣ онѣ, что Сиракузяне отправляютѣ вѣ Агригентѣ хлѣбѣ моремѣ безѣ всякаго провожанїя, по тому что не имѣли они никакого опасенїя отѣ флота Карѳагенскаго, стоявшаго тогда вѣ отдаленности и спокойно вѣ гаваняхѣ своихѣ; чего

ради тайно выслалъ онъ изъ Палермы и Мотїи, нынѣ *Модики*, сорокъ судовъ, кои отбили всю сїю провизїю и доставили въ лагерь изобильное продовольствїе. Чрезъ сїе самое завладѣлъ онъ городомъ, въ коемъ нашелъ безчисленныя богатства, и собралъ множество драгоцѣнныхъ рѣдкостей, и прекраснѣйшихъ произведенїй живописнаго и ваятельнаго искуствъ. Потомъ овладѣлъ онъ Гелою. Война сїя кончилась тѣмъ, что заключилъ онъ съ Дїонисїемъ, Сиракузскимъ тиранномъ, договоръ, по которому Карѳагенцы остались обладателями всего того, чемъ владѣли они въ Сицилїи, и всего завоеваннаго ими на противолежащемъ берегу Африки.

Дїонисїй, которому тягостный миръ сей казался несноснымъ, видя себя утвердившимся на похищенномъ имъ престолѣ, помышлялъ токмо о томъ, какъ бы ему свергнуть съ себя иго Карѳагенянъ, и рѣшился идти противъ нихъ войною, желая лучше имѣть ихъ непрїятелями своими, нежели сосѣдями. Въ семъ намѣренїи сдѣлалъ онъ великїя на сухомъ пути и на морѣ прїуготовленїя; собралъ самыхъ искуснѣйшихъ въ кораблестроенїи людей, коихъ поощрялъ награжденїями и разными отличїями къ неусыпному труду. Привезенный изъ Италїи лѣсъ, и срубленныя на горѣ Етнѣ деревья употреблены были на построенїе галеръ о четырехъ и о пяти ярусахъ веслъ. До сего времени не видно ни гдѣ, чтобъ оныя имѣли болѣе трехъ ярусовъ. Дїонисїй построилъ двѣсти новыхъ галеръ, и сто пятдесятъ исправилъ починкою. При Сиракузской пристани воздвигнулъ онъ огромныя амбары, въ коихъ подъ крышкою могли помѣщаться сто шестдесятъ галеръ, по двѣ въ каждомъ амбарѣ. Отовсюду призвалъ онъ къ себѣ матрозовъ и корабельщиковъ, наиболѣе славившихся. Сухопутное ополченїе не уступало также морскому. По окончанїи всѣхъ сихъ прїуготовленїй, Дїонисїй приступилъ къ непрїятельскимъ дѣйствїямъ про-

тивъ Кареагенянъ, бывшихъ тогда въ разсѣянiи по областямъ своимъ. Онъ велѣлъ ограбить всѣ купеческiя суда ихъ находившiяся въ Сиракузской гавани. Таковой обиды довольно уже было къ объявленiю войны; однакожъ Дiонисiй захотѣлъ открыть оную обыкновеннымъ порядкомъ, чрезъ посланное отъ него въ Сенатъ письмо.

Послѣ сего поступка, тиранъ Сиракузскiй осадилъ Мотiю. Сухопутная армiя его простиралась за восемдесятъ тысячъ ратниковъ, а флотъ его состоялъ изъ двухъ сотъ судовъ гребныхъ и пяти сотъ грузовыхъ. Городъ Мотiй лежалъ возлѣ Лилибейскаго мыса, на островѣ недалеко отстоявшемъ отъ матерой земли, и соединенъ былъ съ оною плотиною. Жители рѣшась непремѣнно обороняться, срыли сiю плотину, дабы не такъ легко было приближиться къ городу. Дiонисiй приказалъ опять поправить оную. Галеры свои велѣлъ онъ втащить на берегъ при входѣ въ гавань, и занять всю рейду круглыми судами своими. Сенатъ Кареагенской съ своей стороны дѣлалъ также знатное вооруженiе подъ управленiемъ Гимилькона. Генералъ сей, дабы въ продолженiе сихъ приуготовленiй не быть безъ дѣйствiя, отправилъ десять галеръ для нечаяннаго нападенiя на Сиракузскую пристань; начальствовавшiй надъ оными прибылъ туда ночью, зажегъ безъ всякаго препятствiя всѣ находившiяся въ гавани и строившiяся на верфи суда, и возвратился паки въ Кареагенъ. Сей первый успѣхъ возвысилъ сердце Гимильконово. Онъ отправился со ста судами, приплылъ внезапу къ Мотiи, и всѣ стоявшiя тамъ на якоряхъ суда, безъ всякаго сопротивленiя, или сжегъ или разбилъ. Потомъ вошелъ въ гавань, въ томъ намѣренiи, чтобъ вытащенныя на берегъ галеры также зажечь; но Дiонисiй силою рукъ людскихъ спустилъ ихъ на воду, на ту сторону, гдѣ не было ни одного Кареагенскаго корабля. Гимильконъ вышелъ изъ гавани, для нападенiя на сiи галеры; но какъ

оныя стояли вдоль берега подъ защитою великаго множества бывшихъ наономъ Діонисіевыхъ солдатъ, то и спаслись. Гимильконъ, не могши ни чего предпринять сухимъ путемъ, отступилъ въ Африку; а Діонисій, воспользовавшись отступленіемъ его, овладѣлъ городомъ Мотіемъ.

Діонисій открылъ слѣдующую кампанію набѣгами на Карѳагенскія села и деревни. Между тѣмъ Гимильконъ собравъ тридцать тысячь человѣкъ пѣхоты и четыре тысячи конницы, выступилъ въ море съ четырмя стами галеръ и почти съ шестью стами грузовыхъ судовъ. Всѣмъ офицерамъ даны были запечатанныя повелѣнія съ тѣмъ, чтобъ не прежде открыть оныя, какъ достигнувъ до извѣстной высоты. Главноначальствующій взялъ благоразумныя мѣры сіи для того, чтобъ скрыть походъ свой отъ шпіоновъ, могущихъ находиться въ его войскахъ. Діонисій приказалъ круглыя флота сего суда атаковать съ боку тридцатью галерами, которыя шпиронами своими пробили и потопили оныхъ пятдесятъ. Гимильконъ съ остальными прибылъ въ Палерму: онъ высадилъ тутъ войска свои, и направилъ путь къ Ерису, коимъ овладѣлъ посредствомъ тайныхъ переговоровъ съ переметчиками бывшими въ семъ городѣ. Потомъ пошелъ онъ осаждать городъ Мотій, располагая всегда, для взаимной помощи, движеніе флота своего съ движеніемъ сухопутныхъ войскъ. Вскорѣ городъ сей достался паки во владѣніе Карѳагенянамъ. Гимильконъ по завоеваніи онаго обратилъ побѣдоносныя оружія свои на Мессину. Городъ сей имѣлъ обширнѣйшую и удобнѣйшую къ помѣщенію всего флота его гавань, и тѣмъ болѣе обращалъ на себя его вниманіе, что по завладѣніи онымъ непріятели его лишались всякой ожидаемой ими изъ Италіи помощи. Онъ поплылъ сперва къ мысу Пелорѣ. По прибытіи его къ оному, Мессинскіе жители, въ намѣреніи не допустить его высадить дессантъ, вышли толпою изъ города, и расположились лагеремъ

около сего мыса. Гимильконъ видя столько народа на берегу, и заключая, что никого не осталось въ городѣ, послалъ двѣсти судовъ съ войсками къ Мессинской гаванѣ, въ которую вошли онѣ безъ всякой трудности, и войска овладѣли городомъ прежде, нежели жители успѣли возвратиться въ него для защиты онаго. Гимильконъ, дабы не обезсилить армїи своей оставленїемъ въ немъ сильнаго гарнизона, велѣлъ разрушить стѣны его, срыть всѣ крѣпости, разломать домы, и оставить однѣ токмо развалины.

По разоренїи Мессины, направилъ онъ путь свой вдоль по берегу, для нападенїя на Сиракузы. Флотъ его слѣдовалъ за нимъ; но по прибытїи въ Наксосскую область, не могъ онъ продолжать пути своего по берегу моря, по причинѣ великаго множества изрыгнутаго горою Етною пепла, и принужденъ былъ отдалиться отъ берега, потерять изъ виду флотъ свой, и предпринять путь гораздо длиннѣйшїй. Онъ въ тожъ время приказалъ Магону, начальствовавшему надъ флотомъ симъ, дожидаться его въ Катанѣ. Дїонисїй, наблюдая прилѣжно выгодные для себя случаи, и желая воспользоваться симъ непрїятельскаго флота съ сухопутными войсками разлученїемъ, отправилъ предводительствовавшаго кораблями его Лептина на встрѣчу къ Карѳагенскому флоту, давъ повелѣнїе сразиться съ онымъ, въ томъ предположенїи, что непрїятельской флотъ въ отсутствїе Гимилькона, и при томъ не подкрѣпляемый сухопутными войсками, не въ состоянїи будетъ учинить сильнаго сопротивленїя. Сїе разсужденїе побудило его пренебречь неравенство силъ своихъ, кои были малочисленнѣе Карѳагенскихъ, состоявшихъ изъ пяти сотъ вооруженныхъ желѣзными и мѣдными шпиронами галеръ, и изъ великаго множества круглыхъ судовъ. Лептинъ, по безразсудной пылкости своей, пустился въ передъ съ тридцатью токмо кораблями. Магонъ, увидя оные, крайне

удивился смѣлости сей передовой части флота, идущей атаковать его съ толикою на сторонѣ своей безвыгодою. Онъ хотѣлъ съ начала расположиться вдоль берега; но примѣтя на ономъ великое множество Діонисіевыхъ войскъ, отдалился отъ онаго, дабы имѣть сраженіе съ однимъ токмо флотомъ. Онъ устроился въ боевой порядокъ, и въ семъ положеніи ожидалъ шедшихъ къ нему кораблей. Сицилійскій Генералъ началъ бой болѣе отважно, нежели благоразумно: въ первомъ жару своемъ потопилъ онъ многія Кароагенскія галеры; но Магонъ, опамятовавшись отъ первоначальнаго изумленія своего, мало по малу окружилъ его, и заключилъ въ средину силъ своихъ. Сициліянцы, приближаясь къ ихъ кораблямъ, сцѣплялись съ ними, и сражались какъ бы на твердомъ и ровномъ полѣ; но видя, что непріятельскія суда отовсюду наступаютъ на нихъ, старались разцѣпляться и выбраться далѣе въ море; прочіяжъ Сицилійскія суда подоспѣли въ весьма дурномъ строѣ атаковать Кароагенянъ; бѣгство передовой части не позволило имъ сохранить должный порядокъ, по чему и были всѣ онѣ совершенно разбиты. Кароагенцы учиня погоню за бѣгущими, большую часть оныхъ взяли или потопили; и тѣ изъ людей ихъ, кои спасались вплавь, порублены были Кароагенцами, бывшими на транспортныхъ судахъ ихъ вдоль берега разставленныхъ. Сициліянцы лишились въ семъ сраженіи болѣе ста галеръ и двадцати тысячъ человѣкъ. Кароагенцы, подведя къ берегу всѣ, взятыя ими, галеры, зажгли оныя.

Гимильконъ, соединясь паки съ торжествующимъ флотомъ своимъ въ Катанѣ, прожилъ тамъ нѣсколько времени, для отдохновенія войскъ, и потомъ отправился въ Сиракузы. Первый прибылъ флотъ, и составилъ великолѣпное и ужасное зрѣлище: всѣ корабли украшены были богатою Сицилійскою добычею: двѣсти восемь гребныхъ судовъ и болѣе двухъ тысячъ грузовыхъ вошли въ гавань.

Сухопутная армія, простиравшаяся до тридцати тысячъ человѣкъ пѣхоты и трехъ тысячъ конницы, расположилась лагеремъ около города. Діонисій, получа изъ Пелопонеза и Италіи состоявшую въ тридцати корабляхъ подмогу, помышлялъ о доставленіи съѣстныхъ припасовъ въ Сиракузу, и примѣтя одинъ непріятельскій корабль съ хлѣбомъ, послалъ пять галеръ для взятія онаго. Сорокъ Карѳагенскихъ судовъ подоспѣло къ сему кораблю на помощь; остальныя Сицилійскія силы пошли немедлѣнно на подкрѣпленіе къ своимъ, и сраженіе сдѣлалось общее. Съ обѣихъ сторонъ бились храбро; однакожъ щастіе оказалось благопріятствующимъ Діонисію. Корабли его взяли главную Карѳагенскую галеру, и еще двадцать другихъ; четыре потопили, а за прочими гнались до самаго Карѳагенскаго флота, лежавшаго на якорѣ, котораго съ презрѣніемъ вызывали въ бой. Карѳагенцы не рѣшились вступить въ сраженіе, а Сиракузцы, не чувствуя себя довольно сильными, вошли съ полоненными кораблями въ городъ.

Къ совершеннѣйшемужъ несчастію, моровое повѣтріе поселилось въ Гимилконовой арміи, и произвело въ ней ужаснѣйшія опустошенія. Діонисій, пользуясь бѣдствіемъ симъ, атаковалъ ее сухимъ путемъ. Обезсиленные моромъ Карѳагеняне, въ безпорядкѣ стали обороняться; но сопротивленіе ихъ не долго продолжалось, и почти всѣ они на голову были побиты. Діонисій въ тожъ самое время велѣлъ осмидесяти судамъ своимъ, состоявшимъ подъ начальствомъ Лептина и Фарасида, напасть на флотъ ихъ. При подхожденіи оныхъ, Карѳагенцы, сошедшіе на берегъ для подкрѣпленія лагеря своего, бросились паки на суда свои. Сиракузяне, пользуясь безпорядкомъ ихъ, прободали шпиронами галеръ своихъ самыя лучшія суда ихъ, нѣкоторыя изъ нихъ повредили, а иныя потопили, на прочія же крѣпкія, которыхъ не могли скоро сокрушить,

взбѣгали толпами, и всѣхъ бывшихъ на нихъ людей острїю меча предавали. Дїонисїй, бывшїй на берегу, приказалъ пятдесятъ уклонившихся къ берегу судовъ, и всѣ тѣ, кои стояли на якоряхъ, зажечь. Находившїеся на нихъ служители, иные сгорѣли, а другїе отъ огня бросившись въ воду, утонули.

Сиракузяне разбитїе Карѳагенянъ и злополучїе Гимильконово приписывали низпосланному на него наказанїю за оскорбленїе святости; ибо онъ обезчестилъ тѣни усопшихъ и священныя убѣжища, осквернилъ храмъ Юпитеровъ, сдѣлавъ изъ него ночлегъ свой, также разграбилъ храмы Церерин и Прозерпининъ; но истинная причина язвы, опустошившей Карѳагенскую армїю, была слѣдующая: Они стояли въ весьма тѣсномъ, окруженномъ болотами, мѣстѣ, откуда солнце поднимало заразительные пары; притомъ же мутныя и гнїючїя воды, при чрезвычайномъ бывшемъ тогда знοѣ, заражали жаркїй воздухъ, коимъ они дышали. Сего конечно довольно было для произведенїя заразы.

Гимильконъ, въ сей крайности, предлагалъ Дїонисїю триста талантовъ за дарованїе ему свободы возвратиться въ Карѳагенъ съ остатками войскъ своихъ. Дїонисїй могъ бы погубить его со всѣми оставшимися у него людьми; но собственная польза его требовала, чтобъ сохранить такого непрїятеля, которой бы Сиракузянамъ былъ страшенъ, дабы чрезъ то имѣя всегда нужду въ немъ самомъ, не находили они времени помышлять о сверженїи съ себя тиранскаго ига его. Чего ради принялъ онъ триста талантовъ, и позволилъ Гимилькону возвратиться домой, но токмо съ одними природными Карѳагенянами. И такъ Гимильконъ съ сорокью галерами, посадя на нихъ войска свои, отправился въ Карѳагенъ; но прежде прибытїя своего въ оный, претерпѣлъ еще новое нещастїе: заключенный съ Дїонисїемъ договоръ учиненъ былъ тайно,

и потому Греки, пришедшіе на помощь къ Сиракузѣ, сочли возвращеніе его бѣгствомъ. Они приступали къ Діонисію, чтобъ велѣлъ гнаться за нимъ, и не вытерпя отлагательствъ его, пустились сами, напали на Карѳагенскую арріергардію, и нанесли ей немалый вредъ. Гимильконъ, отправившійся изъ Карѳагена съ толикою довѣренностію, возвратился въ оный съ безславіемъ, и велъ въ немъ печальную и нещастную жизнь, которую вскорѣ отъ стыда и отчаянія сократилъ, предавъ самого себя смерти. Юстинъ говоритъ, что по прибытіи въ Карѳагенъ, сошелъ онъ съ корабля своего въ простомъ, изъявлявшемъ печаль его, одѣяніи; что видя уныніе согражданъ своихъ, отъ сильной горести проливалъ онъ слезы, и обвинялъ въ злощастіи своемъ боговъ; что во утѣшеніе Карѳагенцамъ говорилъ онъ имъ, что непріятели ихъ могутъ веселиться нещастіями ихъ, но не могутъ славиться оными, поелику мертвые не ими убиты, и возвратившіеся не ими прогнаны; что полученная ими въ станѣ добыча была оставлена имъ, а не отнята ими; и что Карѳагенцы, побѣждавшіе всегда Сициліянъ, остались побѣжденными единственно по случаю мороваго токмо повѣтрія. По окончаніи столь долгой рѣчи, которую говорилъ онъ съ печальнымъ и унылымъ духомъ, возвратившись въ домъ свой, самъ себя убилъ.

Хотя претерпѣнныя Карѳагенцами въ Сициліи потери много ихъ уничижили, однакожъ не со всѣмъ привели въ уныніе. Они нѣсколько разъ возвращались къ ней съ новыми силами, подъ предводительствомъ Магоновымъ, и попеременно, то худые, то хорошіе получали успѣхи. Между тѣмъ городъ Карѳагенъ разоряемъ былъ безпрестанно угнѣтавшими его бѣдствіями: моровое повѣтріе произвело въ немъ великія опустошенія: бунтъ Либійской поселилъ въ самомъ нѣдрѣ его ужасъ, и Адмиралтейство его обращено было въ пепелъ. При толикихъ нещастіяхъ Карѳа-

генцовъ возпрянуло честолюбіе въ тиранѣ Сиракузскомъ, который, находя случай сей благопріятнымъ къ отнятію у нихъ всего того, чемъ владѣли они въ Сициліи, собралъ тридцать три тысячи человѣкъ войска, и триста судовъ выслалъ въ море. Съ сими силами овладѣлъ онъ Селинунтомъ, и другими нѣкоторыми мѣстами; сто тридцать судовъ оставилъ онъ въ Ерисской гаванѣ, а остальныя отослалъ обратно въ Сиракузу. Примѣчавшіе за всѣми поступками его Кареагеняне, нашли и сами случай напасть на него внезапу: они вооружили тихимъ образомъ девяносто галеръ, и окружа бывшія въ Ерисской гаванѣ Сиракузскія суда, большую часть оныхъ взяли. Потомъ заключили они съ тиранномъ Сиракузскимъ перемиріе, послѣ котораго онъ вскорѣ умеръ.

Діонисій младшій, сынъ его, поступилъ по немъ; но не имѣлъ его разума. Онъ пришелъ въ ненависть у народовъ, кои возмутясь, вооружились противъ него на морѣ и на сухомъ пути. Филистъ, Адмиралъ его, со флотомъ, состоявшимъ изъ шестидесяти галеръ, далъ баталію Сиракузцамъ, имѣвшимъ у себя таковое же число судовъ. Сперва одержалъ онъ верхъ; но будучи потомъ окруженъ непріятелями, самъ себя убилъ, дабы не попасть въ руки ихъ, и не подвергнуться смерти, или постыднѣйшей или жесточайшей. Діонисій былъ еще разбитъ на морѣ при осадѣ Сиракузской крѣпости. Л. М. 3656. до Р. Х. 348.

Всѣ сіи междуусобныя брани разоряли Сиракузу. Городъ сей, стонающій подъ бременемъ тиранскаго правленія, раздираемый внутренними смятеніями, и повергающійся въ жертву честолюбія Кареагенянъ, прибѣгъ къ покровительству Кориноа. Тронутые бѣдствіемъ его Коринояне, послали на помощь къ нему Тимолеона, искуснаго военачальника, оказавшаго знамениты опыты храбрости своей, и пожертвовавшаго роднымъ братомъ своимъ за свободу своего отечества. Тимолеонъ отправился въ Кориноъ

съ семью кораблями, да на пути взялъ три, и съ сею малою эскадрою прибылъ благополучно къ берегамъ Италіи.

Кареагенцы видя, что Сицилія становится театромъ войны, отправили къ ней, подъ предводительствомъ Гаиноновымъ, сто пятдесятъ галеръ, пятдесятъ тысячъ человѣкъ пѣхоты, и всѣ нужные для знатнаго предпріятія снаряды. Кареагенскій Генералъ, высадивъ дессантъ на сей островъ, опустошилъ оный, и овладѣлъ Сиракузскою гаванью, послѣ того, какъ Исетъ покорилъ уже городъ. Кареагенцы узнавъ, что Тимолеонъ остановился на якорѣ при Режіо, отправили къ нему двадцать галеръ, давъ повелѣніе начальствовавшимъ надъ ними офицерамъ, чтобъ они или побудили его возвратиться паки въ Коринеъ, или бы удержали его отъ похода въ Сицилію. Режскіе жители, благопріятствуя въ тайнѣ Тимолеону, притворились будто хотятъ примирить его съ Кареагенцами. Они велѣли Ораторамъ своимъ взойти на каеедру, для проповѣдыванія о семъ примиреніи. Народъ валилъ толпами слушать ихъ рѣчи; пріемлющія особливое въ томъ участіе двѣ противныя стороны тудажъ собрались: не имѣвшіе никакого подозрѣнія Кареагенцы слушали съ великимъ вниманіемъ; тѣжъ напротивъ, кои были съ Тимолеоновой стороны, употребляли одно токмо притворство, между тѣмъ какъ уже по приказанію его десять кораблей подняли паруса, а послѣ того и самъ онъ для лучшаго намѣреній своихъ сокрытія, показавшись на краткое время въ собраніи, тайно вышелъ изъ онаго, сѣлъ съ поспѣшностію на ожидавшій его корабль, и безъ всякаго препятствія прибылъ въ Сицилію. Кареагенцы, примѣтя вскорѣ, что они обмануты, бросились къ гаванѣ, и вышли въ море; но Тимолеонъ былъ уже далеко, и наступившая ночь сокрыла его отъ ихъ погони.

Тимолеонъ оказалъ въ Сициліи удивительные успѣхи, и быстрыми завоеваніями своими привелъ въ разногласіе

Карѳагенянъ. Встревоженный подвигами его Карѳагенъ отнесъ сїе къ малодушїю Генераловъ своихъ, смѣнилъ оныхъ, и на мѣста ихъ послалъ другихъ съ новыми силами. Онъ вооружилъ двѣсти галеръ, и болѣе тысячи транспортныхъ судовъ. По прибытїи помощи сей въ Сицилїю, Карѳагенская армїя простерлась до семидесяти тысячь человѣкъ пѣхоты, не считая кавалерїи и повозокъ. Сїе ужасное ополченїе, несравненно превосходнѣйшее Тимолеонова, послужило токмо къ умноженїю храбрости его. Онъ при способной бурной погодѣ съ неустрашимостїю напалъ на непрїятелей, одержалъ надъ ними знаменитую побѣду, и прiобрѣлъ богатую добычу и великую славу. Карѳагенъ, устрашенный толь скорымъ и нечаяннымъ пораженїемъ, предложилъ Тимолеону о мирѣ. Генералъ сей, будучи доволенъ покорностїю столь гордаго и славнаго по воинскимъ подвигамъ народа, сочинилъ самъ договорныя статьи, кои весьма были уничижительны для Карѳагенцовъ.

Послѣ смерти Тимолеоновой, городъ Карѳагенъ нашелъ въ Агатоклѣ, тиранѣ Сиракузскомъ, новаго непрїятеля, которой едва не довелъ его до погибели. Агатокловъ отецъ былъ изгнанный изъ отечества своего горшечникъ, давшїй сыну своему столь же низкое воспитанїе, какъ и самое его ремесло. Агатоклъ будучи пригожъ и статенъ, долгое время жилъ плодами студодѣянїй своихъ; послѣ чего, презираемый всѣми, оставя распутную жизнь свою принялся за разбой; а потомъ, соскучивъ скитаться по свѣту, содѣлался Сиракузскимъ гражданиномъ, и записался въ солдаты; въ семъ послѣднемъ состоянїи обнаружилъ онъ въ себѣ великїя къ войнѣ способности. Одаренъ будучи смѣлымъ, обольщающимъ народъ, краснорѣчїемъ, достигъ онъ до высокихъ воинскихъ достоинствъ; но скоро возсталъ на служившїй ему убѣжищемъ городъ, и осадилъ оный. Сиракузяне стали просить помощи у

Амилькара, начальника Кареагенянъ, который, забывъ Сиракузскія и Кареагенскія распри, послалъ имъ оную. И такъ непріятель защитилъ ихъ съ благостію гражданина тогда, когда гражданинъ нападалъ на нихъ съ лютостію непріятельскою.

Агатоклъ, опасаясь быть побѣжденнымъ отъ Кареагенянъ, заключилъ съ ними союзъ, и они помогли ему возстановить паки власть его въ Сиракузѣ, коей учинился онъ тираномъ; но та же самая политика, чрезъ которую они подружились, снова ихъ поссорила. Агатоклъ улуча благопріятный случай къ расторженію сего союза, пошелъ на нихъ войною; но не имѣя счастливаго въ двухъ данныхъ имъ отъ него баталіяхъ успѣха, былъ разбитъ, и побѣдители осадили Сиракузу. Агатоклъ видя, что они сильно приступаютъ къ городу, и отчаяваясь въ возможности помочь ему, вздумалъ, для раздѣленія силъ ихъ, внести войну въ Африку. Будучи весьма слабъ къ защищенію Сиракузы, онъ почиталъ себя довольно сильнымъ къ нападенію на Кареагенъ, и пошелъ къ оному со флотомъ, запасясь всѣмъ нужнымъ къ исполненію своего намѣренія. Сошедши на берега Африки, сожегъ онъ всѣ суда свои, дабы довести войска свои до необходимости, или побѣдить, или умереть; способъ отважный; но счастливый, и въ которомъ часто удавалось! По разбитіи Кареагенцовъ довелъ онъ городъ ихъ Кареагенъ до самой крайности; между тѣмъ однакожъ видя, что при всѣхъ одержанныхъ имъ въ Африкѣ преимуществахъ осада Сиракузъ тщательно продолжается, оставилъ онъ армію свою подъ управленіемъ сына своего, а самъ возвратился въ Сицилію, гдѣ всѣ города привелъ въ повиновеніе свое. Потомъ отправился паки въ Африку, но тамъ за безразсудную предпріимчивость свою дорого заплатилъ; ибо, будучи разбитъ, принужденъ былъ убраться назадъ въ Сицилію. Спустя нѣсколько времени, заключилъ онъ миръ съ Кареагенцами,

имѣвшими потомъ съ Римлянами тѣ славныя войны, кои названы Пуническими (а).

Не входя въ подробное толкованіе о извѣстныхъ первой Пунической войны причинахъ, предложу я токмо о сокровенныхъ, побудившихъ Римлянъ начать оную. Карѳагенская область въ силѣ равнялась Греческой, а въ богатствѣ Персидской. Карѳагенцы, обладая великою частію Африки, многими въ Гишпаніи провинціями, островами Корсикою, Сардиніею, частію береговъ Тосканскихъ, и всею почти Сициліею, раждали въ Римлянахъ зависть. Когда осаждали они Мессину, отдѣленную однимъ токмо узкимъ каналомъ отъ Италіи, и когда взятіемъ города сего долженствовалъ рѣшиться жребій всей Сициліи, тогда Римляне, опасаясь приближенія толь сильнаго и войнолюбиваго народа, дабы ограничить честолюбіе онаго, послали въ Сицилію Консула Аппія Клавдія. Римъ ни когда не выносилъ еще оружія своего за предѣлы Италіи, л. М. 3738. и не зналъ мореходства: два великія къ полученію успѣха до Р. Х. 266. въ предпріятіи его препятствія! однакожъ Римскій Консулъ не устрашился ихъ и преодолѣлъ оныя. Карѳагенцы протянули флотъ свой вдоль мыса Пелоры, простирающагося къ Италіи. Естьлибъ тщательно охраняли они проливъ, то не дали бы Римлянамъ войти въ оный; но Аппій обманулъ ихъ бдѣніе. Онъ показалъ имъ притворный видъ, будто возвращается назадъ въ Римъ. Когдажъ увидѣлъ, что Карѳагенцы, понадѣясь на сей отступъ его, престали прилѣжно охранять сей важный проходъ, то поворотилъ паки къ нему, и ночью вошелъ въ городъ Мессину.

Аппій былъ первый Римлянинъ, отважившійся вдаться опасностямъ морскимъ; но какимъ образомъ перебрался

(а) Карѳагенцы назывались по Латински Пуници или Пени, именемъ Финикіанъ, основателей ихъ.

онъ чрезъ отдѣляющій Сицилію отъ Италіи проливъ, о томъ есть нѣкоторый между авторами споръ: Г. Аббатъ Вертотъ утверждаетъ, что онъ перевезъ войска свои на плотахъ, и что потому са́мому дано ему прозваніе Каудексъ, которое слово значитъ собраніе сплоченныхъ вмѣстѣ бревенъ и досокъ, обыкновенно называемое плотомъ. Г. Кавалеръ Фоларъ находитъ страннымъ, что Историкъ сей приписалъ арміи такую опасную переправу, на судахъ неудобныхъ противустоять силѣ волнъ, и въ случаѣ встрѣчи и разбитія отъ непріятельскаго флота, весьма къ отступленію не скорыхъ. Онъ присовокупляетъ еще, что прозваніе Каудексъ, (то есть пень или колода) дано было Римскому Консулу въ означеніе грубости его и неповоротливости; наконецъ ссылается онъ на Полибія, сказующаго, что Римляне переправились въ Сицилію на галерахъ, заимствованныхъ ими у Тарентинцовъ, Локренцовъ, Елеотовъ и Неаполитанцовъ. Мнѣ кажется, что въ обѣихъ мнѣніяхъ сихъ должно быть нѣчто поправлено. Аппій названъ Каудексомъ точно отъ судовъ употребленныхъ имъ для переправы войскъ своихъ въ Сицилію: Г. Фоларъ напрасно презрилъ достовѣрное о томъ свидѣтельство Сенекино. Преданіе Писателя сего, жившаго не въ такое отдаленное время отъ повѣствуемаго нами произшествія, въ какое мы живемъ, достойно уваженія, и не иначе можетъ быть опровергаемо, какъ свидѣтельствомъ толико же имовѣрнымъ. Таковое же почтеніе должны мы имѣть ко мнѣнію Полибія, и вѣрить, что Римляне переправились на такомъ родѣ судовъ, какія онъ означаетъ; но сіе не мѣшаетъ сказать, что Аппій получилъ отъ сихъ самыхъ судовъ названіе Каудекса, ибо оное не есть простая токмо догадка, поелику Сенека говоритъ, что въ его время грузовыя суда, плавающія по Тибру, назывались *Naves Caudicariæ.* Въ уложеніи Ѳеодосіевомъ

и въ собранныхъ Грутеромъ надписяхъ, по замѣчанїю Г. Дюканжа, бурлаки или водоплаватели именовались Caudicarii...... Такимъ же образомъ слова Ratis и Rates, знаменовавшїя собранїе бревенъ, то есть плотъ и плоты, взяты были напослѣдокъ для означенїя судовъ. Я счелъ, что краткое отступленїе сїе, не неприличествующее сему сочиненїю, не долженствовало уйти отъ моего вниманїя.

Римляне оказали въ Сицилїи удивительные знаки храбрости; но одержанныхъ побѣдъ и взятыхъ городовъ не довольно было для ихъ славы. Карѳагенскїя суда не переставали опустошать Италїянскихъ береговъ; Римлянежъ по неимѣнїю у себя мореходныхъ судовъ не могли равновреднымъ образомъ поступать съ ними въ Африкѣ; чего ради предприняли они соорудить флотъ, дабы равно съ Карѳагенцами владычествовать на морѣ, или еще отнять у нихъ власть надъ онымъ. Но какимъ образомъ могли они до того достигнуть, не знавъ ни мало науки строенїя кораблей, и не имѣя ни кормщиковъ, ни матрозовъ? Между тѣмъ какъ Римляне все свое вниманїе на то устремляли, попался имъ при проходѣ въ Сицилїю одинъ Карѳагенской корабль, который служилъ имъ образцомъ къ сооруженїю судовъ ихъ. Они примѣнялись къ его конструкцїи, и въ шесдесятъ дней построили сто шесдесятъ судовъ. Работа сїя производилась съ такою поспѣшностїю, что можно было о ней словами Флоруса сказать, что деревья, какъ бы по новому Овидїеву превращенїю, казалось не обработывались руками человѣческими, но вдругъ становились кораблями. Во время строенїя сихъ судовъ люди, долженствовавшїе служить на нихъ, весьма странно обучаемы были: сидя на поставленныхъ на песку гребецкихъ банкахъ, двигали они веслами; одинъ офицеръ командовалъ, а они соотвѣтственно голосу его, гребли по песку, словно какъ бы находясь на морѣ.

Легко представить себѣ можно, что построенные столь неискусно корабли, и обученные таковымъ образомъ матрозы, не могли составить добраго флота; но какъ мужествомъ и остроумiемъ Римлянъ награждались всякiя недостатки, то въ самомъ вооруженiи семъ и содержалось начало паденiя Кареагена. По окончанiи работъ начальствовавшiй новопостроеннымъ флотомъ симъ Кн. Корнелiй, отдѣля отъ онаго семнадцать кораблей, пошелъ немедлѣнно съ отрядомъ симъ къ Мессинѣ. По прибытiи къ оной, почелъ онъ за удобное напасть внезапу на городъ Липарянъ. Аннибалъ, военачальникъ Кареагенскiй, узнавъ о томъ, отправилъ состоявшую изъ двадцати кораблей эскадру, дабы его самого захватить. Въ самомъ дѣлѣ онъ окруженъ и взятъ былъ со всѣми его судами; остальной же флотъ Римской плылъ между тѣмъ къ Сицилiи. Аннибалъ пустился съ пятьюдесятью кораблями, для обозрѣнiя онаго; но прошедъ далеко едва не подвергнулся такомужъ бѣдствiю, какое претерпѣлъ Корнелiй. Находившiеся въ боевомъ устройствѣ Римляне атаковали его, взяли у него нѣсколько кораблей, и самъ онъ по великому щастiю на силу спасся.

Флотъ Римскiй, лишенный предводителя своего, по приближенiи къ Сицилiи послалъ искать К. Дюиллiя, для порученiя ему начальства. Онъ былъ Консуломъ вмѣстѣ съ Кн. Корнелiемъ Азиною, и предводительствовалъ сухопутными войсками. Дюиллiй, разсуждая, что тяжелыя и худо сооруженныя суда его не могутъ противостоять Кареагенскимъ, гораздо въ поворотахъ легчайшимъ, замѣнилъ неудобство сiе изобрѣтенiемъ нѣкоторой машины, называемой corvus, то есть воронъ. Сiя машина, имѣвшаяся на каждомъ кораблѣ, устроена была наподобiе крана или глаголя, служившаго для сцѣпки съ непрiятельскимъ судномъ. Полибiй дѣлаетъ ей описанiе, а Г. Фолардъ, въ замѣчанiяхъ своихъ на Автора сего, даетъ о ней

весьма полное и ясное понятіе, такъ какъ и о другихъ воронахъ употребляемыхъ у древнихъ. Такимъ образомъ Дюиллій, подкрѣпя безсиліе свое хитростію, приближился, къ Милу, гдѣ находились Кароагеняне. Аннибалъ, имѣя у себя сто тридцать судовъ, и видя Римлянъ показавшихся въ боевомъ строю, подошелъ къ нимъ съ гордостію: онъ почиталъ ихъ за людей со всѣмъ новыхъ въ дѣлѣ мореходства, и потому столько презиралъ ихъ, что не удостоивъ употребить никакихъ воинскихъ строгостей и предварительныхъ движеній, пошелъ прямо на нихъ, какъ на вѣрную добычу. Авангардъ его началъ атаку съ чрезвычайною силою; но когда непріятели, посредствомъ машинъ своихъ, сцѣпились съ галерами его, тогда всѣ морскія хитрости остались безполезными. Римляне приваля къ нимъ съ великою неустрашимостію, сражались то на своихъ, то на ихъ палубахъ, словно какъ бы на сухомъ пути. Въ сей первой атакѣ Кароагенцы потеряли тридцать судовъ, и почти всѣ бывшіе на нихъ люди на голову порублены. Аннибалова седмиярусная галера, принадлежавшая Пирру, взята была. Сей Генералъ, одинакаго имени, но не тотъ, которой послѣ причинилъ столько вреда Римлянамъ, принужденъ былъ спасаться на шлюпкѣ. Онъ обезсилилъ войска свои тѣмъ, что раздѣлилъ ихъ, и съ нѣкоторою токмо частію судовъ своихъ вступилъ въ бой. Находившіеся внѣ сраженія напали было на Римлянъ; но увидя разбитіе предшественниковъ своихъ, оробѣли: дѣйствіе неизвѣстной имъ машины устрашило ихъ, и понудило держаться одаль. Они однакожъ хотѣли сражаться, и пользуясь легкостію галеръ своихъ, объѣзжали около Римскихъ судовъ, ища случая нападать на нихъ; но страшные вороны со всѣхъ сторонъ давали имъ отпоръ, такъ что лишась пятидесяти кораблей, принуждены они были отступить. Число сіе кажется нѣсколько двусмысленнымъ въ Полибіѣ: Историкъ сей упоминаетъ о двухъ

сраженїяхЪ: при окончанїи перваго, говоритЪ онЪ, Карѳагенцы потеряли тридцать кораблей; а при концѣ втораго, пятдесятЪ; но неизвѣстно, надлежитЪ ли сїи пятдесятЪ кораблей сложить сЪ тридцатью первыми, или всѣхЪ погибшихЪ вЪ семЪ дѣлѣ КарѳагенскихЪ судовЪ было токмо пятдесятЪ. Послѣ потерянїя тридцати кораблей, не видно, чтобЪ Карѳагенцы лишились еще другихЪ, поелику не происходило общаго бою, а токмо были однѣ покушенїя кЪ оному; другїежЪ Авторы щитаютЪ, что взято у КарѳагенцовЪ тридцать одна галера, да четырнадцать потоплено.

Побѣда сїя привела КарѳагенянЪ вЪ великое унынїе. Они со вредомЪ своимЪ узнали, что нѣтЪ такого соперника, котораго бы не надлежало опасаться; что являемое кЪ непрїятелю презрѣнїе ободряетЪ его и часто придаетЪ ему силы; что не должно ни чего пренебрегать вЪ бояхЪ, и что слѣпое на самаго себя упованїе не рѣдко бываетЪ предвѣстникомЪ совершеннаго разбитїя. Сїя была первая побѣда, одержанная Римлянами на морѣ. Они оказали Дюиллїю всѣ торжественныя почести: воздвигнули ему украшенный корабельнымЪ носомЪ столпЪ. КусокЪ онаго вырытЪ былЪ изЪ земли вЪ Римѣ, вЪ концѣ шеснадцатаго вѣка; на немЪ имѣлась надпись, которую ученые старались разобрать, и на которую ПетрЪ Чаконїй сдѣлалЪ напечатанное вЪ Римѣ вЪ 1608 году толкованїе. Признательность РимлянЪ не удовольствовалась воздвигнутїемЪ ему сего памятника: оказываемы еще были не токмо ему, но и потомкамЪ его, особенныя отличности. Всякой разЪ, когда онЪ ужинывалЪ у прїятелей своихЪ, провожали его домой со флейтами и факелами. По разбитїи морскихЪ КарѳагенскихЪ силЪ, АмилькарЪ, предводительствовавшїй сухопутными войсками, отвелЪ остатки флота вЪ КарѳагенЪ, а оттуда прошелЪ вЪ Сардинїю. Римляне, приближась кЪ острову сему, который думали они завоевать, напали на него вЪ одной гаванѣ онаго, гдѣ онЪ потерялЪ много кораблей.

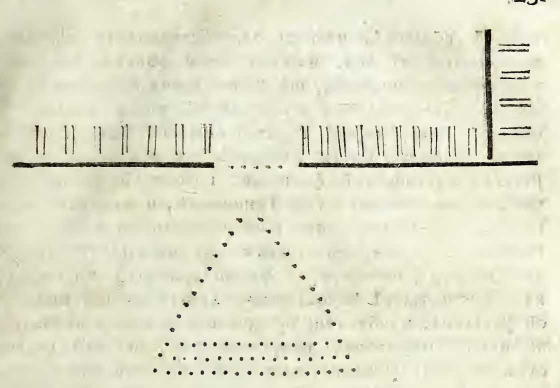
Консулы Атилій Регулъ и К. Сулпицій, пробравшись въ Сицилію, отняли тамъ многія мѣста; но не довольствуясь одержанными на земли преимуществами, обратили намѣренія свои на море. Регулъ, отправившись со флотомъ, и приставъ къ Тиндаридскому мысу, увидѣлъ Карѳагенскій флотъ, безпорядочно плывущій. Надмѣнъ будучи успѣхами въ первомъ бою, пошелъ онъ атаковать его съ десятью кораблями, приказавъ остальнымъ слѣдовать за собою, коихъ и не дождался. Карѳагенцы, видя Флотъ Римской раздѣленнымъ, и авангардію его далеко въ передъ ушедшую, окружили оную и всю потопили, выключая Консулову галеру, спасшуюся на греблѣ. Остальной Римскій флотъ, пришедъ на мѣсто сраженія, напалъ сильно на Карѳагенянъ, взялъ у нихъ десять кораблей, и восемь потопилъ, а остальные ушли къ острову Липари. Взаимныя преимущества сіи льстили тщеславію обоихъ соперниковъ: каждый, благодаря боговъ, приписывалъ себѣ побѣду, и съ обѣихъ сторонъ тщились умножать морскія силы, дабы владычествовать на морѣ.

Слѣдующая кампанія началась ужаснымъ приуготовленіемъ къ войнѣ. Римское морское ополченіе состояло изъ трехъ сотъ тридцати судовъ, на коихъ было сто сорокъ тысячъ служителей, то есть на каждомъ суднѣ по три ста гребцовъ, и по сту двадцати солдатъ. Карѳагенской флотъ былъ многочисленнѣе Римскаго двадцатью кораблями и десятью тысячами человѣкъ служителей. Римляне, собравшись при Мессинѣ, гдѣ было сборное ихъ мѣсто, поплыли оттуда, и обошедъ мысъ Пахинусъ, остановились на якорѣ у Екроніи. Карѳагенцы же приставъ у Лилибейскаго берегу подвинулись потомъ къ Ираклíи, и проникнувъ намѣреніе хотѣвшихъ ворваться въ Африку Римлянъ, употребили чрезвычайныя усилія къ опроверженію сего предпріятія ихъ, клонящагося къ разрушенію Карѳагена. Оба флота, находясь одинъ у другаго въ виду, располо-

жились къ бою. Римской раздѣленъ былъ на четыре дивизіи, изъ коихъ каждая названа была флотомъ. Два шестиярусныя судна, на коихъ находились Консулы Регулъ и Манлій, стоя рядомъ одно противъ другаго, составляли передовыя суда перваго и втораго флотовъ, устроенныхъ на двухъ линіяхъ, которыя смыкаясь въ вершинѣ разширялись къ основанію, такъ что между задними ихъ судами соумѣщалась линія третьяго флота, и такимъ образомъ боевой строй получалъ видъ треугольника, коего основаніе, или третій флотъ, подкрѣпляемъ былъ разположенною паралельно къ нему длиннѣйшею его линіею грузовыхъ судовъ; а сія линія защищаема была четвертымъ также длиннѣйшимъ ее и паралельно протянутымъ къ ней флотомъ. Таковое расположеніе, кажущееся страннымъ, дѣлало строй сей твердымъ и не удобьпоколебимымъ. Предосторожность сія нужна была противъ непріятельскихъ судовъ, коихъ преимущество состояло въ легкости.

Амилькаръ, начальникъ Кареагенянъ, видя расположеніе сіе, раздѣлилъ флотъ свой на три корпуса. Правое крыло, хотя и отдѣлено было отъ другихъ, однакожъ составляло съ срединою и лѣвымъ крыломъ одну линію. Остальная часть, устроясь на линеѣ примыкающей подъ прямымъ угломъ къ концу сей большой линіи, дѣлала съ ней родъ наугольника. Полибій называетъ его клещами. Оба флота расположены были слѣдующимъ образомъ:

Амилькаръ, видя, что трудно разрушить устройство Римлянъ, и не надѣясь успѣть въ томъ силою, употребилъ хитрость. Когда передовыя Консульскія суда атаковали средину его, то онъ велѣлъ ей нарочно отступить, будучи увѣренъ, что Римляне, погнавшись за нею, разстроятся и пришедъ въ безпорядокъ слабѣе будутъ, что дѣйствительно и случилось. Первая и вторая дивизіи Римскія, учиня погоню за отступающими галерами, отдалились чрезъ то отъ третьей своей дивизіи. Ожидавшій ошибки сей Амилькаръ сдѣлалъ сигналъ, по которому весь флотъ Карѳагенскій ударилъ стремительно на отставшія непріятельскія части, и съ начала, по легкости судовъ своихъ и по искусному управленію оными, возторжествовалъ было; но Римляне, посредствомъ машинъ своихъ, сотворили чудныя дѣла. Ганнонъ, предводительствовавшій правымъ крыломъ Карѳагенскимъ, напалъ на четвертую дивизію Римлянъ и привелъ оную въ безпорядокъ, а суда составлявшія наугольникъ атаковали третію дивизію

шакимъ образомъ, что въ одномъ сраженіи происходило три особливыхъ боя. Поелику силы обѣихъ сторонъ почти были равномѣрны, то долгое время бились съ равною неуступчивостію; но напослѣдокъ, когда предводительствуемый Амилькаромъ корпусъ сломленъ былъ и обратился въ бѣгство, тогда побѣгомъ его рѣшилось сраженіе. Регулъ, со вторымъ флотомъ, подоспѣлъ на помощь къ четвертому, бившемуся съ Ганнономъ, и начинавшему уже колебаться. Атакованные и окруженные со всѣхъ сторонъ Кареагенцы принуждены были обращаться въ бѣгство. Манлій, усмотря, что третій флотъ прижатъ къ берегу, и какъ бы осажденъ Кареагенцами лѣваго крыла, соединился съ Регуломъ, и оба они, бросясь освобождать оный, взяли въ плѣнъ пятдесятъ непріятельскихъ судовъ со всѣми служителями. Римляне, одержавшіе въ семъ бою совершенную побѣду, потеряли токмо двадцать четыре, или, по мнѣнію Евтропія, двадцать два корабля. Не безтрудно разобрать въ Полибіѣ число потерянныхъ Кареагенцами судовъ: сперва въ четвертой главѣ первой книги говоритъ онъ, что отнято у нихъ пятдесятъ кораблей; а потомъ въ концѣ той же самой главы упоминаетъ, что лишились они шестидесяти-четырехъ. Естьли соединить сіи два числа, то потеря ихъ простиралась до ста четырнатцати судовъ; но кажется не превосходила она шестидесяти-четырехъ, поелику Евтропій и Орозъ болѣе сего не считаютъ.

После сей побѣды, Римляне, починя собственныя суда свои, и вооружа плѣнныя, поплыли къ Африкѣ. Они довели городъ Кареагенъ до послѣдней крайности, и тогда же могли бы совершенно разорить оный, естьлибъ Сенатъ не отозвалъ безразсудно въ Римъ Манлія съ самою большою частію войска и кораблей, оставя Регула въ Африкѣ съ сорокью токмо кораблями и съ пятнадцатью или шестнадцатью тысячами человѣкъ. Римляне сдѣлали еще другую ошибку, спасшую Кареагенъ: они выслали въ море, подъ

начальствомъ Консуловъ М. Емилїя и Сервїя Фульвїя, триста пятдесятъ, или по мнѣнїю нѣкоторыхъ писателей, триста шесдесятъ кораблей. Евтропїй и Орозъ полагаютъ оныхъ только триста. Флотъ сей, плывши въ Африку, сошелся съ Карѳагенскимъ столь же сильнымъ флотомъ, хотя нѣкоторые писатели составляютъ его токмо изъ двухъ сотъ судовъ. Сїи два флота на высотѣ Сицилїи вступили въ сраженїе, которое было одно изъ кровопролитнѣйшихъ. Историки различно упоминаютъ о потерѣ тѣхъ и другихъ. У Карѳагенянъ потоплено было сто четыре судна, да тритцать со всѣми людьми взято въ плѣнъ, и пятнадцать тысячь человѣкъ убито. Одержавшїе верьхъ Римляне лишились весьма немногихъ кораблей, и тысячи ста человѣкъ; но они не умѣли воспользоваться такою побѣдою, которой слѣдствїемъ долженствовало быть завоеванїе Африки.

Послѣ сей экспедицїи, Римскїй флотъ направилъ путь къ Сицилїи; но приближаясь уже къ оной, претерпѣлъ ужасную бурю: часть кораблей его разбилась о каменныя скалы, или рифы; а другая поглощена была волнами, такъ что изъ четырехъ сотъ шестидесяти четырехъ судовъ, изъ коихъ со времени послѣдняго морскаго сраженїя флотъ сей состоялъ, осталось только восемьдесятъ цѣлыхъ. Всѣ близколежащїе берега покрыты были мертвыми тѣлами и корабельными обломками. Полибїй и Евтропїй утверждаютъ, что не видано было ни когда подобнаго кораблекрушенїя. Въ прочемъ бѣдствїе сїе, приключившееся Римлянамъ, произошло отъ собственной ихъ безразсудности: кормчїе не хотѣли идти мимо Сицилїйскихъ береговъ, противулежащихъ Африкѣ, потому что плаванїе тамъ весьма опасное; но Генералы, будучи напыщенны сею отважностїю, или симъ высокомѣрїемъ Римскимъ, мнившимъ такъ повелѣвать стихїями, какъ людьми, не послушали представленїй ихъ, и были за дерзость свою

наказаны. Кареагенцы, ободрясь злоключеніями неприятелей своихъ, выслали въ море двѣсти судовъ, подъ управленіемъ Аздрубаловымъ; Римляне съ своей стороны, не уныв ни мало отъ случившагося съ ними нещастія, въ три мѣсяца соорудили и отправили въ море двѣсти двадцать судовъ, кои подъ предводительствомъ Консуловъ А. Атилія и К. Корнелія прошли въ Сицилію. Однакожъ при сихъ Консулахъ не произошло на морѣ ни чего достопамятнаго; но поступившіе по нихъ К. Сервилій и К. Семпроній пошли со флотомъ симъ крейсеровать въ Африку, гдѣ нападали на нѣкоторые берега, на коихъ не сдѣлали большихъ успѣховъ, а между тѣмъ походъ сей дорого имъ стоилъ; ибо они сѣли на мѣль, и хотя приливомъ морскимъ сняты были съ оной, однакожъ принуждены будучи возвратиться паки къ Сициліи, и проходя проливъ, на пути къ Риму, претерпѣли бурю, лишившую ихъ ста пятидесяти судовъ. Сіи часто повторяемыя потери, отвратили на нѣсколько времени Римлянъ отъ мореходства. Сенатъ сдѣлалъ опредѣленіе, чтобъ, по причинѣ малыхъ получаемыхъ доселѣ на морѣ успѣховъ, напредки морскихъ сраженій не давать и содержать токмо шестьдесятъ кораблей для защищенія Италіи; но вскорѣ перемѣнилъ мысли, и при Консулахъ К. Атиліѣ и Л. Манліѣ велѣно было паки соорудить пятдесятъ судовъ.

И такъ Римляне, возгордясь одержанными надъ Кареагенянами преимуществами, вывели паки въ море двѣсти судовъ, кои поплыли къ Сициліи. Соединивъ морскія силы сіи съ сухопутными осадили они Лилибею, въ томъ намѣреніи, чтобъ по взятіи города сего понесть войну въ Африку. На помощь осаждаемому сильно мѣсту сему выслано было изъ Кареагена пятдесятъ кораблей. Аннибалъ, Амилькаровъ сынъ, умѣвъ воспользоваться нѣкоторымъ постояннымъ вѣтромъ, приплылъ на всѣхъ парусахъ на видъ гавани. Поелику трудно было войти въ оную, то

пустилЪ онЪ суда свои одно за другимЪ, и высадилЪ всѣхЪ людей своихЪ на берегЪ безЪ всякаго препятствія. Ни мало не ожидавшіе подкрѣпленія сего Римляне, удивлялись отважности Карѳагенской, но не вЪ состояніи были воспрепятствовать оной, потому что имѣя противный вѣтрЪ, не могли они заградить прохода несомому вѣтромЪ флоту. АннибалЪ, по снабдѣніи города съѣстными припасами и войсками, не взирая на всю осторожность РимлянЪ, успѣлЪ ночью уйти вЪ ДрепанЪ, приморской недалеко отстоящій отЪ Лилибеи городЪ.

ДрепанЪ, нынѣ Трапани, былЪ серповидный городЪ, получившій, какЪ замѣчаетЪ Овидій, (а) названіе сіе отЪ образа своего. ОнЪ украшался преизрядною гаванью и отстоялЪ около шести миль отЪ Лилибеи; что самое и дѣлало его весьма нужнымЪ для КарѳагенянЪ. АдгербалЪ, начальникЪ ихЪ, находился тамЪ сЪ кораблями своими. КонсулЪ Публій Клавдій почитая, что напавЪ нечаянно на Генерала сего легко можно взять онаго, выступилЪ ночью вЪ море сЪ двумя стами судовЪ. Авангардія его на разсвѣтѣ дня появилась предЪ Дрепаном. АдгербалЪ, удивленный толь нечаяннымЪ приближеніемЪ непріятелей, употребилЪ немедлѣнно все то, что искуство и опытность ему внушили. Вѣдая, что не безопасно было ожидать Консула вЪ гаванѣ, вышелЪ онЪ изЪ ней сЪ кораблями своими, и построился вЪ боевой порядокЪ между каменными скалами, окружавшими ближній берегЪ. Римляне вошли туда сЪ противной стороны, и заняли уже часть гавани; но КонсулЪ, увидя КарѳагенянЪ вЪ добромЪ устройствѣ и защищаемыхЪ каменными скалами, поворотилЪ суда свои назадЪ, что

(а) Quique locus curvæ nomina falcis habet. l. 4. Fast.

то есть:

и мѣсто сіе искривленнаго серпа названіе носитЪ.

произвело великое замѣшательство между неразумѣвшими движенія сего мореходцами; ибо суда, находившіяся уже въ гаванѣ, поспѣшая выпти изъ оной въ открыто море, сталкивались съ тѣми, которыя входили въ оную, и ударяясь сильно другъ о друга либо разбивались сами, либо ломали одно у другаго веслы. Между тѣмъ однакожъ, по мѣрѣ какъ оныя расцѣплялись, офицеры строили ихъ вдоль берега, обращая носами къ Карѳагенянамъ. Консулъ, находившійся позади судовъ сихъ, пошелъ къ выходу въ море, дабы соединиться съ бывшимъ тамо лѣвымъ крыломъ своимъ. Адгербалъ, видя правое крыло Римлянъ въ замѣшательствѣ при входѣ въ гавань, а лѣвое устроенное близь берега и немогущее получить скорой помощи отъ выходящихъ изъ гавани судовъ, отправился изъ за каменьевъ, или шхеръ своихъ, съ пятью большими кораблями, для нападенія на сіе лѣвое крыло, обезсиленное удаленіемъ отъ него прочихъ судовъ, и весь остальной флотъ его за нимъ послѣдовалъ. Онъ построился къ бою въ виду Римлянъ. По сдѣланіи съ обѣихъ сторонъ сигнала началось сраженіе. Побѣда нѣсколько времени была колеблющеюся, но наконецъ искуство Карѳагенянъ и легкость судовъ ихъ рѣшили оную. Сохраняя всегда порядокъ выбрались они на просторное мѣсто, и тамъ, имѣя у себя искусныхъ гребцовъ и весьма легкія и ко всякимъ поворотамъ удобныя суда, умѣли во время нападать, или уклоняться отъ бою. Естьли которая изъ галеръ ихъ находилась въ тѣсномъ положеніи, то оная уходила такъ, что не можно было ее догнать, или получала скорую помощь, и всѣ суда ихъ съ непостижимымъ проворствомъ разъѣжжали около машинъ непріятельскихъ. Римлянежъ не имѣли ни одного изъ сихъ преимуществъ: чрезмѣрно тяжелыя суда ихъ не могли скоро оборачиваться, дабы улонятся отъ сильнаго, или напасть на слабаго противника. Будучи построены возлѣ берега, при сильномъ на нихъ нападеніи

ни куда не могли они укрываться и должны были непремѣнно, или садиться на мѣль у берега, или разбиваться о камни. Неопытность гребцовъ ихъ, худо разумѣвшихъ дѣло свое, усугубляла еще ихъ замѣшательство: они не умѣли ни прорываться между кораблей, ниже отрѣзывать отставшихъ заднихъ. Всѣ сїи неудобства были причиною разбитїя ихъ. Девяносто три судна ихъ со всѣми людьми достались въ руки Карѳагенянамъ. Клавдїй едва могъ спастись съ тридцатью кораблями, въ коихъ состоялъ остальной флотъ его.

Разбитїе сїе не токмо не привело Римлянъ въ унынїе, но послужило еще къ возбужденїю въ нихъ желанїя продолжать войну. Они отправили Консула Л. Їунїя съ шестьюдесятью кораблями для отводу конвоя къ осаждавшей Лилибею армїи. Проходя Мессину прїумножилъ онъ еще флотъ свой взятыми тамъ въ силу данныхъ ему повелѣнїй судами, такъ что напослѣдокъ состоялъ оный изо ста двадцати кораблей долгихъ и осьми сотъ грузовыхъ. Онъ остановился на якорѣ при Сиракузѣ, для ожиданїя нѣкоторыхъ судовъ своихъ и съѣстныхъ припасовъ, доставляемыхъ къ нему сухимъ путемъ.

Адгербалъ бодрствовалъ также недремленно. По отосланїи въ Карѳагенъ полученной отъ Римлянъ добычи, и по соединенїи тридцати кораблей своихъ съ семьюдесятью приведенными къ нему Карѳалономъ, флотъ его состоялъ изо ста судовъ. Онъ далъ повелѣнїе сему офицеру, итти зажечь Римской флотъ, лежавшїй на якорѣ предъ Лилибеею. Карѳалонъ исполнилъ щастливо сїе порученное ему дѣло: онъ напалъ вдругъ на стоявшихъ спокойно непрїятелей, полагавшихся на свою храбрость и не имѣвшихъ даже ни какой отводной на морѣ стражи, или лучше сказать со всѣмъ о томъ не помышлявшихъ: онъ сожегъ большую часть Римскихъ кораблей, нѣкоторые изъ нихъ взялъ въ плѣнъ, остальные разсыпалъ, и пошелъ потомъ

на встрѣчу къ Iунiеву флоту, приближавшемуся для примѣчанiя за нимъ. Часть сего флота шла въ переди, и провѣдавъ, что недалеко находились Кареагеняне, остановилась въ прикрытомъ мѣстѣ между каменьями на якорь. Кареалонъ хотѣлъ атаковать оную; но не видя надежды къ полученiю успѣха, отступилъ прочъ, съ нѣсколькими взятыми имъ грузовыми судами. Потомъ пошелъ онъ на встрѣчу къ идущему изъ Сиракузы Консулу, который примѣтя его, и не смѣя ни сражаться ни бѣжать, остановился на якорѣ въ каменистыхъ и неприступныхъ почти мѣстахъ. Кареалонъ, не могши ни чего предпринять, сталъ на якорѣ между сими двумя флотами, въ намѣренiи непремѣнно напасть на тотъ изъ нихъ, который напередъ выступитъ; но предъувѣдомленъ будучи отъ кормчихъ своихъ о возстающей бурѣ, обошелъ съ поспѣшностiю мысъ Пахинусъ, и поставилъ суда свои въ закрытомъ мѣстѣ. Римляне, не искусившiеся еще въ предъусматриванiи приключенiй морскихъ, и въ избѣганiи отъ оныхъ, стоя на якорѣ въ открытыхъ мѣстахъ, захвачены были штормомъ почти всѣхъ ихъ погубившимъ, и не оставившимъ, какъ говоритъ Полибiй, ни единой цѣльной доски.

Римляне, озлобленные всѣми потерями сими, цѣлыхъ пять лѣтъ не радѣли о мореходствѣ; но почувствовавъ необходимость въ возобновленiи паки онаго, рѣшились вывесть въ море новый флотъ. Дѣло состояло въ томъ, отколѣ взять казну на построенiе онаго; ибо государственные доходы были истощены; однакожъ не недоставало у нихъ обыкновеннаго пособiя: зажиточные и усердные граждане построили и вооружили на свой щетъ нѣкоторое число галеръ. Двѣсти изъ оныхъ, о пяти ярусахъ веселъ, построены были по образу одной взятой предъ Лилибеею Родосской галеры превосходнѣйшаго строенiя. Консулъ Люктацiй, принявъ начальство надъ флотомъ симъ, поплылъ къ Дрепану, для осажденiя онаго: во ожиданiи

сраженія обучалъ онъ ежедневно служителей своихъ кораблеправленію и морской эволюціи. Кароагенцы, которымъ отвращеніе Римлянъ отъ мореплаванія доставляло во все сіе время безпрепятственное на водахъ господствованіе, удивилися, увидя ихъ паки на такой стихіи, которая по видимому имъ неблагопріятствовала, и въ скорости выслали флотъ подъ начальствомъ Ганноновымъ. Консулъ, услыша о приближеніи онаго, посадилъ лучшія войска свои на суда, и поплылъ къ острову Егюзу, лежащему насупротивъ Лилибейскаго мыса. Онъ сошелся въ семъ мѣстѣ съ Ганнономъ, бывшимъ у него на вѣтрѣ. Не зная что предпринять, по долгомъ размышленіи почелъ онъ на конецъ за лучшее атаковать вдругъ Кароагенскія корабли, доколѣ они еще отягощены грузомъ своимъ, нежели дожидаться, когда они выгрузятъ съѣстные и воинскіе ихъ припасы. Ему казалось, что опаснѣе сражаться съ судами, возпріявшими паки легкость свою, доставляющую имъ толико преимуществъ, нежели имѣть противный вѣтръ. Рѣшившись тако, построилъ онъ весь свой флотъ въ линію, косами къ непріятелю.

Бой начался съ жаромъ; но то были не тѣ уже Римляне, и не тѣ Кароагенцы, которые сражались при Дрепанѣ. Первые, научась уже толь многими претерпѣнными на морѣ бѣдствіями, воспользовывались всѣми ошибками послѣднихъ; матрозы ихъ стали искуснѣе; суда ихъ построены были лучше, и притомъ находились на нихъ отборныя войски. Кароагенцы же, напротивъ того, избалованные щастіемъ, флотъ свой съ крайнимъ нерачeніемъ вооружили: суда ихъ построены были наскоро, нагружены тяжело, войски на нихъ посажены были чужеземныя и неопытныя, гребцы не обученные: изъ сего расположенія видно, что нетрудно было первымъ одержать совершенной побѣды, которая и была таковою; ибо взяли они семдесятъ судовъ со всѣми бывшими на нихъ людьми, пятдесятъ потопили, а остальныя съ помощію попутнаго вѣтра ушли отъ непріятеля.

По разбитіи Ганнона, Римляне сдѣлались обладателями моря, и вскорѣ Кароагенъ возтрепеталъ о стѣнахъ своихъ.

Л. М. 3762, до Р. Х. 242.

Немедлѣнно отправленъ былъ въ Сицилію Амилькаръ Барка, отецъ великаго Аннибала, для ободренія колеблющихся войскъ; но Генералъ сей, по безполезномъ истощеніи всѣхъ средствъ воинскаго знанія, почелъ на конецъ должнымъ уступить времени, и для прекращенія разорительной войны сдѣлалъ Римлянамъ предложенія о мирѣ; сіи, имѣя въ ономъ такуюжъ нужду, какъ и Кароагенцы, приняли оныя. Такимъ образомъ кончилась первая Пуническая война, продолжавшаяся двадцать четыре года, изобильная великими произшествіями, и въ которой, какъ бы въ нѣкоемъ училищѣ, Римляне научились какимъ образомъ содѣлаться имъ обладателями всего свѣта.

Заключенный между Римлянами и Кароагенцами миръ, будучи съ обѣихъ сторонъ равно принужденный, не могъ быть продолжителенъ. Сіи враждующіе народы, положивъ оружія, не потушили въ себѣ заматерѣлой другъ къ другу ненависти, ниже взаимной зависти, и зложеланіе ихъ, единственно временемъ и необходимостію погашенное, ожидало къ возгорѣнію своему единаго токмо случая, которой вскорѣ и открылся. Амилькаръ, для того лишъ заключившій съ Римлянами безвыгодный договоръ, чтобъ согласоваться съ обстоятельствами, искалъ всякими способами расторгнуть оный, и заплатить дорого Римлянамъ за претерпѣнныя имъ уничиженія. Сіи послѣдніе раздули еще тлившійся огонь сей тѣмъ, что принудили Кароагенянъ оставить островъ Сардинію, и надбавили еще тысячу двести талантовъ къ платимой уже ими дани. Амилькаръ, озлобленный и разъяренный, обратилъ все вниманіе свое на Гишпанію, льстясь получить отъ оной сильную помощь въ подъятіи затѣваемой имъ съ давняго времени противъ Римлянъ войны; и какъ бы опасаясь того, чтобъ смерть не остановила мстительныхъ его

намѣренїй, и чтобъ оставить оныя по себѣ, вдохнулъ жестокосердїе свое въ младаго Аннибала, сдѣлалъ его преемникомъ ненависти своей противъ Римлянъ, и принудилъ его поклясться предъ олтарями, что никогда не будетъ онъ ихъ другомъ.

Сїя, по мнѣнїю Полибїя, есть истинная причина второй Пунической толико достопамятной войны, въ которую всѣ воинскїя доблести въ самомъ величайшемъ блистанїи своемъ являлись, и въ которую съ обѣихъ сторонъ истощаемо было все тактическое знанїе. Въ ней видимъ мы самыя отважнѣйшїя намѣренїя, съ величайшею ревностїю предпрїемлемыя, и увѣнчавшїяся невѣроятными успѣхами: съ одной стороны Аннибалъ съ полками своими протекаетъ обширныя области и быстрыя рѣки, на берегахъ коихъ обитаютъ страшные непрїятели; перебирается чрезъ крутыя и покрытыя снѣгомъ горы; пролетаетъ по непроходимымъ почти болотамъ; прорывается сквозь опасныя ущелїя, и превозмогши такъ сказать климаты, погоды и стихїи, достигаетъ до самой Италїи и шествуетъ къ Риму, по попраннымъ легїонамъ Римскимъ, и противоборствовавшимъ проходу его городамъ. Съ другой стороны Римъ, встревоженный приближенїемъ побѣдоноснаго непрїятеля, находитъ удивительные къ спасенїю своему способы въ приверженности своихъ гражданъ; въ Римлянахъ примѣчается непонятная смѣсь силы и безсилїя, величествъ и уничиженїй, грубыхъ погрѣшностей, великими дѣлами и чрезвычайною храбростїю паки исправленныхъ: на конецъ представляются всѣ воинскїя вымыслы и хитрости, употребленныя Аннибаломъ, и уничтоженныя Римлянами; но мореходство мало имѣетъ участїя во всѣхъ сихъ великихъ произшествїяхъ, и потому сїя часть Исторїи, столь блистающая и богатая, совсѣмъ для насъ безплодна.

Я объяснилъ причины второй Пунической войны; взятїе Л. М. 3786, до Р. Х. 218.

Сагонта въ Гишпанїи Аннибаломъ и нарушенїе договора, по коему обязывались Карѳагенцы не переходить чрезъ рѣку Ебро, были первыми предначинанїями оной. По объявленїи войны между обоими народами, Аннибалъ, будучи молодъ, пылокъ, и притомъ дышащїй вдохновенною отъ отца своего ненавистїю къ Римлянамъ, для утоленїя гнѣва своего вознамѣрился внесть войну въ нѣдро Италїи. И такъ сей великїй полководецъ, пореваемый смѣлостїю, могущею единымъ токмо успѣхомъ быть оправданною, выходитъ изъ Гишпанїи съ армїею, состоявшею изъ пяти тысячъ человѣкъ пѣхоты и девяти тысячь конницы, перебирается чрезъ Пиринейскїя горы, протекаетъ часть Галлїи и Альпїйской земли, и наподобїе быстрой водотечи низвергаетъ все противоборствующее шествїю его, Побѣдами отверзаетъ себѣ путь въ самую внутренность Италїи; не взирая на Римлянъ, поселяется въ оной, и самый Римъ, безъ благоразумнаго Фабїева поступка былъ бы добычею побѣдителя. Но между тѣмъ какъ Карѳагеняне разсѣявали трепетъ по всей Италїи, щастїе не столь благопрїятствовало имъ въ Гишпанїи. Аннибалъ, оставя въ оной, подъ управленїемъ брата своего Аздрубала, пятдесятъ судовъ о пяти, два о четырехъ, и пять о трехъ ярусахъ веслъ, соединилъ съ морскими силами сими сухопутныя войска. Аздрубалъ принялъ намѣренїе идти со флотомъ симъ по рѣкѣ Ебро. Онъ отправилъ сорокъ судовъ, присланныхъ изъ новаго Карѳагена, подъ предводительствомъ Амилькара, и приказалъ оному держать ближе къ тому берегу, по которому шелъ онъ самъ съ сухопутною армїею своею. Кн. Сципїонъ, увѣдомясь о походѣ Карѳагенянъ, рѣшился было напасть на сухопутное войско ихъ; но находя оное весьма многолюднымъ, разсудилъ за лучшее сдѣлать покушенїе сїе со стороны моря. Онъ вооружилъ тридцать пять кораблей, и посадя на оные отборнѣйшїя войска, отправился изъ Таррагоны,

и по двухдневномъ плаванiи прибылъ въ окрестности Ебра. Тутъ узналъ онъ отъ двухъ Марсельскихъ фрегатовъ, что непрiятельскiй флотъ стоитъ въ устьѣ рѣки сей: онъ немедлѣнно поставилъ паруса и пошелъ для нападенiя на него въ проливѣ.

Въ Гишпанiи находилось тогда множество возвышенныхъ башенъ, служившихъ вмѣстѣ и дозорными бутками, для усмотра морскихъ разбойниковъ, и крѣпостцами, для недопущенiя ихъ выходить на берегъ. Аздрубалъ поставилъ на одной изъ оныхъ часоваго, который, увидя Римской флотъ, сдѣлалъ тотчасъ сигналъ. Карѳагенцы, пребывавшiе спокойно на берегу, извѣстясь о приближенiи непрiятеля бросились въ великомъ смятенiи и торопливости къ кораблямъ своимъ; матрозы и солдаты столпясь вмѣстѣ мѣшали другъ другу: одни, ища оружiй своихъ, препятствовали дѣйствовать снастями; а другiе, выкидывая весла для гребли, тѣснили тѣхъ, коимъ надлежало сражаться. Между тѣмъ какъ Карѳагеняне, будучи въ нерѣшимости, не смѣли ни на якорь стать, ни далѣе идти, флотъ ихъ приближился къ берегу, гдѣ уже становилось мѣлко. Естлибъ Амилькаръ вытянулъ оный, то бы всѣмъ судамъ доставилъ свободу дѣйствовать; но какъ онъ оставался возлѣ берега въ тѣсномъ мѣстѣ, то великое множество судовъ его служило токмо къ вящшему ихъ замѣшательству. Сципiонъ, воспользовавшись погрѣшностiю сею, всѣми силами своими ударилъ на Карѳагенянъ, и такъ удачно, что безъ дальней трудности разбилъ ихъ. Съ начала взялъ онъ у нихъ два корабля и четыре потопилъ. Потомъ Римляне прижали остальной флотъ ихъ къ берегу такъ, что оный неминуемо долженъ былъ сѣсть на мѣль. Большая часть солдатъ выскочили на берегъ, и тѣ, кои оставались еще на флотѣ, вмѣсто того, чтобъ ободрять морскихъ служителей, побуждали ихъ бросить суда свои, и искать надежнѣйшаго убѣжища въ ихъ полкахъ. На

конецъ Карѳагенцы, болѣе собственнымъ безпорядкомъ своимъ обезсиленные, нежели непрїятельскими ударами, паче уступили имъ побѣду, нежели побѣждены отъ нихъ были, и изъ тридцати кораблей своихъ потеряли двадцать пять. Сципїонъ, послѣ сей побѣды, пошелъ осаждать Карѳагенъ и водворилъ въ него страхъ и ужасъ. Предавъ огню находившїеся близъ воротъ и стѣнъ городскихъ домы, и опустоша всѣ поля, возвратился онъ съ богатою добычею въ Гишпанїю, гдѣ безъ всякихъ препятствїй простиралъ завоеванїя свои, потому что Аздрубалъ, по разбитїи своемъ, удалился въ извѣстную нынѣ подъ именемъ Португаллїи землю.

Произшествїя сїи умѣрили нѣсколько радость Карѳагена, учинившагося высокомѣрнымъ отъ Аннибаловыхъ успѣховъ. Сенатъ опредѣлилъ въ самомъ скоромъ времени вооружить семдесятъ судовъ, кои поплыли къ Сардинїи и Италїи. Сервилїй пошелъ на встрѣчу къ онымъ со стадвадцатью долгими судами о пяти ярусахъ веселъ, и принудилъ ихъ поворотить назадъ. Онъ даже погнался за ними, но не могъ ихъ догнать. Римляне, умѣвъ пользоваться сею одержанною ими побѣдою, для постановленїя въ Гишпанїи власти своей на мѣсто низверженной власти Карѳагенской, отправили туда двадцать кораблей подъ предводительствомъ Публїя Сципїона, давъ повелѣнїе оному дѣйствовать согласно съ Кнеемъ Сципїономъ. По соединенїи такимъ образомъ силъ двухъ братьевъ сихъ, Римляне въ первой разъ еще перешли чрезъ рѣку Эбру, служившую до того предѣломъ честолюбїя ихъ. Оба Сципїона, отличившись на перерывъ безпредѣльнымъ множествомъ славныхъ дѣянїй, и одержавъ знаменитыя побѣды, убиты были среди торжествъ своихъ, и, такъ сказать, погребены подъ развалинами Карѳагенскими.

П. Корнелїй Сципїонъ, сынъ Публїя, первый прозванный Африканскимъ, потому что покорилъ онъ Африку

Римлянамъ, пошелъ въ Гишпанїю, чтобъ отмстить тамъ за смерть отца своего и дяди. Онъ имѣлъ тогда двадцать четыре года отъ рожденїя, и въ сихъ лѣтахъ колико былъ благоразуменъ, толико же храбръ и сладкорѣчивъ. Онъ завоевалъ вновь всю Гишпанїю, и простеръ владычество Римлянъ отъ Пиринейскихъ горъ до столповъ Геркулесовыхъ и до самаго океана. Магонъ, остававшiйся въ крѣпостяхъ Кадикса съ Кароагенскимъ флотомъ, видя всю Гишпанїю покоренною Римлянами, разсудилъ лучше возвратиться въ Африку, нежели пребывать безполезно на берегахъ отпадающей отъ Кароагенянъ области; но при самомъ уже отправленїи своемъ получилъ онъ отъ Кароагенскаго Сената повелѣнїе идти въ Италїю, и присоединиться съ войсками своими къ Аннибалу, котораго щастїе начинало уже оставлять. Магонъ взявъ съ Гишпанцовъ непомѣрныя подати, хотѣлъ отъѣздъ свой прославить знаменитымъ подвигомъ, и напасть внезапу на новый Кароагенъ, находившiйся во власти Римлянъ. Онъ высадилъ ночью на берегъ солдатъ своихъ и матрозовъ, которые покусились атаковать его съ той же стороны, съ которой Римляне взяли оной: сїи послѣднїе, будучи во всей осторожности, потому что днемъ еще примѣтили они непрїятельскїй флотъ, учинили на Кароагенянъ сильную вылазку. Осаждающїе, не чая сего, обратились въ бѣгство; Римляне за ними погнались, и ни одинъ бы не ушелъ изъ нихъ, естьли бы корабли ихъ лежавшїе на якоряхъ не были прїуготовлены къ принятїю бѣгущихъ. Остававшїеся на судахъ, опасаясь того, чтобъ въ такомъ смятенїи вмѣстѣ съ своими не ворвались на суда непрїятели, отняли доски, подняли якори и отрубили веревки, коими корабли ихъ привязаны были къ берегу; отъ чего многїе Кароагеняне, принуждены будучи бросаться вплавь, погибли. Магонъ возвратился опять въ Кадиксъ, для поправленїя войскъ своихъ; но тамъ при-

нятЪ былЪ весьма худо, и даже сЪ поруганїемЪ отЪ жителей, которые положили уже пристать кЪ сильнѣйшей сторонѣ, и покориться РимлянамЪ, вЪ случаѣ одержанїя оными поверхности. Поелику МагонЪ претерпѣвалЪ сїи разныя оскорбленїя вЪ исходѣ осени, того ради паче всего помышлялЪ онЪ о сысканїи такого убѣжища, гдѣ бы флотЪ его безопаснѣе перезимовать могЪ. ВЪ семЪ намѣренїи переправился онЪ чрезЪ проливЪ, и поплылЪ кЪ Маїоркѣ, одному изЪ БолеарскихЪ острововЪ; жители, усмотря корабли его, встрѣтили ихЪ градомЪ камней, кои весьма искусно метали они изЪ пращей. Почему МагонЪ принужденЪ былЪ направить путь свой кЪ Минорке, гдѣ, принятЪ будучи ласково, остался проводить зиму.

СципїонЪ, по завоеванїи всей Гишпанїи, полѣтѣлЪ на помощь кЪ отечеству своему, почти уже совсѣмЪ разоренному АннибаломЪ. По прибытїи его вЪ РимЪ тотчасЪ провозглашенЪ онЪ былЪ КонсуломЪ вмѣстѣ сЪ П. ЛицинїемЪ КрассомЪ. Сострадая о нещастїяхЪ республики, началЪ онЪ искать способовЪ кЪ освобожденїю оной отЪ такого непрїятеля, который сЪ давнаго времени былЪ бичемЪ ея, и не находилЪ лучшаго средства, какЪ идти осадить КарѳагенЪ, предполагая, что АннибалЪ, переворотомЪ симЪ, приневоленЪ будетЪ оставить Италїю и поспѣшать на помощь кЪ отечеству своему. СколЪ ни былЪ благоразуменЪ вымыселЪ сей, однакожЪ нашлись противЪ него возразители; но благопрїятствовавшее Сципїону щастїе преодолѣло противоборствовавшїя намѣренїямЪ его препятствїя. Назначено было ему отправиться вЪ Сицилїю, сЪ позволенїемЪ идти вЪ Африку, естьли разсудитЪ онЪ походЪ сей нужнымЪ для государственнаго блага. СципїонЪ, углубленный вЪ великїя намѣренїя сїи, сЪ толикою поспѣшностїю производилЪ вооруженїе свое, что употребилЪ токмо сорокЪ пять дней на вырубку нужнаго лѣсу, на построенїе двадцати пяти-ярусныхЪ, и десяти четырехЪ-

ярусныхъ судовъ, и на выведеніе флота сего въ море. Всѣ Италіянскіе народы, желая участвовать въ славѣ предпріятія сего, наперерывъ одни предъ другими снабжали его людьми, оружіемъ, деньгами и съѣстными припасами. По окончаніи пріуготовленія сего, отправился онъ въ Сицилію съ тридцатью долгими кораблями.

Между тѣмъ, какъ Сципіонъ располагался ворваться въ Африку, дабы обратить къ оной Аннибала, Магонъ, сынъ Амилькаровъ, перешелъ въ Италію, въ намѣреніи привлечь туда Сципіона. Карѳагенскій Генералъ сей, перезимовавъ на островѣ Минорке, отправился оттуда, имѣя съ собою тридцать вооруженныхъ шпиронами кораблей, и многія грузовыя суда. Онъ посадя на флотъ сей двѣнадцать тысячь человѣкъ молодыхъ пѣхотныхъ воиновъ и двѣ тысячи конныхъ, поплылъ къ Италіи, и напалъ на главный Лигурійскій городъ, нынѣ Генуа; заставъ оный безъ обороны, овладѣлъ имъ; потомъ обошедъ всѣ берега Лигуріи, въ чаяніи взбунтовать жителей оной противъ Римлянъ, выгрузилъ всю добычу свою въ Савонѣ, и оставя тамъ десять долгихъ кораблей для охраненія оной, остальной флотъ свой отослалъ обратно въ Карѳагенъ, коему Сципіонъ угрожалъ осадою. Римъ безпокоился десантомъ Магоновымъ въ Италію; но ободренъ былъ нѣсколько удачными поисками Кн. Октавія на моряхъ Сардинскихъ, на коихъ взялъ онъ восемьдесятъ судовъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, съ хлѣбомъ и амунициею, везомою для Аннибаловой арміи; а по мнѣнію другихъ, съ богатою добычею, пріобрѣтенною Магономъ на Лигурійскихъ и Етрурійскихъ берегахъ, и посланною на сихъ судахъ въ Карѳагенъ.

Сципіонъ, по прибытіи своемъ въ Сицилію, взялъ самыя надежнѣйшія мѣры къ предъуспѣянію въ предпріятіяхъ своихъ. Онъ отправилъ К. Лелія въ Африку, приказавъ ему опустошить въ оной всю землю. Лелій прибывъ

ночью въ Гиппонъ, сошелъ съ помощію темноты на берегъ, и на разсвѣтѣ дня началъ производить сіе опустошеніе. Кареагенъ, увидя Римлянъ при вратахъ своихъ, пришелъ въ великой страхъ и замѣшательство. Римъ начиналъ паки одерживать верьхъ въ Италіи; слава Аннибалова и силы его со дня на день уменьшались; Магонъ не могъ соединиться съ нимъ; Кареагенъ лишался на конецъ Гишпаніи, союзники оставляли его, и недоставало у него войскъ; притомъ же думали въ немъ, что Сципіонъ предводительствовалъ Римскимъ флотомъ, что еще болѣе умножало его смятеніе. Сенатъ, для отвращенія сей бури, заключилъ новые союзы съ сосѣдними народами, и отправилъ двадцать пять кораблей съ свѣжими войсками къ Магону. Лелій, нагрузивъ суда свои богатою добычею возвратился въ Сицилію и присовѣтовалъ Сципіону итти поспѣшно со всѣми силами въ Африку, дабы воспользоваться господствовавшимъ въ Кареагенѣ ужасомъ.

Сципіонъ велѣлъ вооружить всѣ находившіеся въ Сициліи корабли и собралъ паки войска свои, назнача зборнымъ мѣстомъ Лилибею; но городъ сей и гавань его тѣсны были для помѣщенія всѣхъ стекшихся въ него войскъ и кораблей. Дабы во время сажанія на суда людей избѣгнуть безпорядка и замѣшательства, приказалъ онъ садиться напередъ морскимъ служителямъ, потомъ велѣлъ грузить аммуницію и на сорокъ дней съѣстныхъ припасовъ, а потомъ и войски его перебрались съ удивительнымъ порядкомъ. Ни когда не было еще столь великолѣпнаго воинскаго зрѣлища: вся Сицилія стеклась въ Лилибею, смотрѣть съ почтеніемъ на Сципіоновъ отъѣздъ. Военачальникъ сей, изготовясь уже со всѣмъ ко вступленію подъ паруса, приказалъ всѣмъ умолкнуть, и по принесеніи молитвъ морскимъ и земнымъ богамъ возложилъ на олтарь тѣльца, бросилъ утробу онаго въ море, и повелѣлъ сниматься съ якоря.

Весь флотъ вступилъ подъ паруса; онъ состоялъ изъ пятидесяти военныхъ и четырехъ сотъ грузовыхъ судовъ. Сципіонъ занималъ правое крыло, заключавшее въ себѣ половину военныхъ кораблей, а лѣвымъ управлялъ Лелій; транспорты же съ великимъ множествомъ другихъ легкихъ судовъ и шлюпокъ находились подъ закрытіемъ сихъ двухъ крылъ. Адмиральскій корабль отличался тремя фонарями, грузовыя суда двумя, а корабли со шпиронами однимъ. Флотъ отправился съ свѣжимъ вѣтромъ, и на другой день былъ въ виду Африки, но густой туманъ возпрепятствовалъ Римлянамъ увидѣть оную. По наступленіи ночи, изъ опасенія, чтобъ не стать на мѣль, легли на якорь. При разсвѣтѣ дня открылись Африканскіе берега. Сципіонъ вступилъ подъ паруса и пришедъ къ мысу называемому *прекраснымъ*, остановился паки на якорь, гдѣ и высадилъ войска свои.

Онъ началъ производить непріятельскія дѣйствія свои въ окрестностяхъ Карѳагена, кои опустошивъ, отправилъ флотъ свой къ Утикѣ, нынѣ *Бизерта*. Потомъ прибылъ самъ къ сему мѣсту, желая осадить оное моремъ и сухимъ путемъ. Онъ приказалъ поставить башню на двухъ пятиярусныхъ судахъ, крѣпко вмѣстѣ соединенныхъ, для разбиванія стѣнъ города съ моря, и тогдажъ при помощи многихъ машинъ велѣлъ атаковать его съ сухаго пути; однакожъ не взялъ онаго: наступившая уже зима, войски Аздрубала и Сифакса, Царя Нумидскаго, окружавшія оный, и приближеніе Карѳагенскаго флота, понудили его снять осаду. Онъ разсудилъ, что лучше истребить непріятелей обороняющихъ сіе не могущее никогда избѣгнуть отъ рукъ его мѣсто, нежели упорно стоять предъ онымъ: и въ самомъ дѣлѣ напалъ внезапу на Аздрубала и Сифакса, разбилъ ихъ, обратилъ въ бѣгство, и сожегъ ихъ лагерь. Оба Африканскіе Генералы собрали паки нѣсколько войскъ, выступили съ новою арміею; но Сципіонъ вторично опрокинулъ ихъ и разсѣялъ.

Потомъ, дабы лишить Кареагенъ всякихъ, получаемыхъ имъ отъ соседнихъ мѣстъ, пособій, и тѣмъ удобнѣе взять оный, подошелъ онъ къ Тунису, откуда увидѣлъ, что Кареагенскій флотъ, состоящій изо ста судовъ, подъ предводительствомъ Амилькара, идетъ атаковать его. Поелику не имѣлъ онъ у себя болѣе двадцати военныхъ кораблей, то превосходство Кареагенянъ много безпокоило Римлянъ. Между тѣмъ однакожъ разставлено было сто шесдесятъ судовъ въ самыхъ опаснѣйшихъ мѣстахъ; сорокъ обороняли Сардинскіе берега, таковоежъ число крейсеровало у Сицильскихъ, а остальныя у Италіянскихъ береговъ. Сципіонъ, будучи стольможъ искусенъ въ морской, сколько и въ сухопутной тактикѣ, расположился наилучшимъ образомъ къ принятію непріятельскаго флота: онъ во первыхъ противупоставилъ оному преграду изъ четырехъ рядовъ грузовыхъ кораблей, поставленныхъ одни позади другихъ, и твердо вмѣстѣ соединенныхъ; велѣлъ съ одного корабля на другой накидать мачтъ и реевъ; и сіи суда, утвержденныя и связанныя между собою толстыми канатами, держали на себѣ сдѣланныя изъ досокъ палубы, что составляло между двумя судами родъ моста, подъ коимъ удобно могли проходить легкія суда; позадижъ всѣхъ оныхъ со стороны берега поставлены были суда со шпиронами. Такимъ образомъ сіи расположенные въ четыре ряда корабли, на которыхъ посажены были лучшія войска, составляли какъ бы твердую землю, удобную остановить быстрое непріятельское стремленіе. Легкія суда, проходя свободно подъ мостами, могли безпрестанно обезпокоивать непріятеля, а стоявшіе одаль отъ рядовъ военные корабли въ состояніи были нападать съ боку на Кареагенскія суда сражающіяся носами.

Поелику Сципіонъ долженъ былъ употребить не малое время на построеніе сего ордера, то, естьлибъ Кареагеняне вдругъ на него напали, они бы привели его въ

великое замѣшательство; но они тогда вздумали атаковать его, когда уже онъ готовъ былъ къ принятїю ихъ. Сперва съ жестокостїю устремились они на грузовыя суда; но множество стрѣлъ пущенныхъ на нихъ, какъ съ берега, такъ и съ плавающихъ крѣпостей, принудило ихъ поспѣшно и съ потерею отступить, поелику легкїя Римскїя суда догоняли ихъ и били; а когда Кареагенцы обращались на нихъ, то уходили онѣ въ промежутки бывшїя между большими судами. Симъ образомъ весьма обезпокоивали онѣ Кареагенянъ, и отняли у нихъ одинъ корабль.

Кареагенцы на другой день по утру желая поправить случившуюся наканунѣ того дня съ ними неудачу, старались вызвать Римлянъ на брань; но видя ихъ неподвижность, напали на первый противупоставленный имъ рядъ. Поелику грузовыя суда, изъ коихъ онъ состоялъ, были съ высокими бортами и гораздо выше долгихъ Кареагенскихъ кораблей, то сїи последнїе, стрѣляя съ низу въ верьхъ, не столько имѣли выгоды, сколько Римляне, стрѣлявшїе съ верьху въ низъ, коихъ удары слѣдовательно были дѣйствительнѣе. Побѣда казалась однакожъ клонящеюся на сторону Кареагенянъ: выходившїя изъ подъ мостовъ для нападанїя на нихъ Римскїя суда легкїя, подавляемы были тяжелыми ихъ судами, и не одно сїе нещастїе повстрѣчалось съ Римлянами: такъ какъ сїи суда ихъ безпрестанно смѣшивались съ кораблями Кареагенскими, то почти не смѣли они метать стрѣлъ своихъ, опасаясь того, чтобъ оныя не падали равно какъ на непрїятелей, такъ и на своихъ. Кареагенцы, пользуясь сею выгодою, бросали привязанные къ крѣпкимъ цепямъ дреги на грузовыя суда, дабы притягивать оныя и разрывать. Римляне, не могши перервать цѣпей, принуждены были отрубить канаты, на коихъ суда ихъ утверждены были, опасаясь того, чтобъ Кареагеняне весь рядъ не утащили дрегами своими. Такимъ образомъ сей плавающїй оплотъ сокрушенъ былъ;

но Сципіонъ подоспѣлъ скоро на помощь къ первому весьма поврежденному уже ряду, и тогда Карѳагеняне отступили съ десятью доставшимися имъ въ руки грузовыми судами, которыя отвели они въ Карѳагенъ. Сей малой успѣхъ произвелъ въ городѣ великую радость, и воскресилъ надежду жителей.

Сципіонъ не далъ имъ долго торжествовать. Войска его разбили Сифакса и взяли въ плѣнъ. Гордый Сенатъ Карѳагенскій, доведенъ будучи такимъ образомъ до войны оборонительной, принужденъ былъ послать за Аннибаломъ. Сей знаменитый мужъ, оставя съ великимъ сожалѣніемъ Италію, пошелъ на помощь къ отечеству своему. По приближеніи его съ войсками къ Сципіоновой арміи, просилъ онъ его о свиданіи съ нимъ, что и было ему позволено. Въ славномъ переговорѣ семъ наглость Карѳагенская и гордость Римская долго боролись между собою, и какъ ни которая изъ нихъ не хотѣла уступить другой, то и надлежало распрю сію рѣшить боемъ. Римляне одержали верхъ, и побѣжденный Аннибалъ уклонился въ Карѳагенъ. Сенатъ въ страхѣ и смятеніи, видя непріятеля при вратахъ своихъ, сталъ просить о мирѣ, на которой Римляне хотя и согласились, однакожъ на самыхъ строгихъ условіяхъ. Я предложу здѣсь о тѣхъ токмо, кои касаются до мореходства: положено было, чтобъ Карѳагенцы отдали Римлянамъ всѣ корабли свои, кромѣ десяти, и чтобъ возвратили имъ всѣ взятыя у нихъ суда. Коль уничижительное было для Карѳагена позорище, когда Сципіонъ въ виду онаго велѣлъ сжечь болѣе пяти сотъ разной величины судовъ! Такимъ образомъ кончилась вторая Пуническая война, продолжавшаяся семнадцать лѣтъ. Сципіонъ съ богатою добычею и съ великою славою поплылъ въ Сицилію, а оттуда въ Римъ, гдѣ оказаны ему были всѣ торжественныя почести.

Третїя Пуническая война, возгорѣвшаяся и потухшая чрезъ пять лѣтъ, не столь изобильна была великими приключенїями; самое достопамятнѣйшее изъ оныхъ было разоренїе Карѳагена. Въ пятидесятилѣтнее продолженїе мира, взаимная злоба сихъ двухъ состязающихся между собою народовъ не могла погаснуть; съ обѣихъ сторонъ опасались другъ друга; всегда одинъ другаго подозрѣвали; и довольно было одного токмо слабаго дуновенїя къ воспламененїю тлѣвшаго внутри огня. Война объявленная Карѳагеномъ Массиниссѣ, союзнику Римлянъ, подала случай, коимъ они возпользовались. Въ Римѣ разсуждали, начать ли войну съ Карѳагенцами? Катонъ былъ въ числѣ присудителей, и мнѣнїе его одержало перевѣсъ. Поклялись разорить Карѳагенъ, и сїе насильственное опредѣленїе Сената подтверждено было депутатами изъ Утики. Мѣсто сїе, лежащее въ трехъ миляхъ отъ Карѳагена, было самое знатнѣйшее во всей Африкѣ. Жители онаго, увѣдомясь о возстающей въ Римѣ грозной бурѣ, и опасаясь, чтобъ оная подобно и надъ ними, какъ надъ Карѳагеномъ, не грянула, покорились добровольно Римскому народу, и предложили оному городъ свой и гавань. Столь выгодное въ таковыхъ обстоятельствахъ предложенїе съ великимъ удовольствїемъ принято было отъ Сената. И такъ отправили въ Африку Консуловъ М. Манлїя и Л. Мартїя Цензорина со флотомъ состоявшимъ изъ пятидесяти кораблей о пяти ярусахъ веслъ, изо ста каравеллъ и изъ многихъ другихъ малыхъ транспортныхъ судовъ.

Карѳагенъ возтрепеталъ при появленїи непрїятеля сколько сильнаго, толико же и хитраго. Сенатъ послалъ къ Консуламъ депутатовъ, кои тщетно старались ихъ умилостивить; они упросили ихъ токмо показаться со флотомъ ихъ предъ городомъ, дабы народъ не обвинилъ ихъ за худой въ переговорѣ успѣхъ. Цензоринъ, согласясь на сїе, подошелъ къ Карѳагену съ двадцатью судами о

пяти ярусахъ веслъ. Появленіе непріятеля и донесеніе отъ депутатовъ, умножили страхъ жителей; но когда унынїе обратилось въ отчаянїе, то пріуготовились они къ оборонѣ, рѣшась непремѣнно остаться погребенными подъ развалинами отечества своего. Они не имѣли ни кораблей, ни слоновъ, ни оружїй; но нужда, мать ухищренія, была всему оному замѣномъ. Карѳагеняне, замѣтя, что вѣтръ дуетъ на непріятельскія суда, приготовили великое число брандеровъ, зажгли оные, и пустили по вѣтру, съ такимъ успѣхомъ, что почти весь флотъ Римскій истребили огнемъ. Консулы, по долгомъ времени, окружили Карѳагенъ. Я не буду описывать всего, что происходило при сей осадѣ; скажу токмо, что Римляне въ продолженїе оной великія дѣлали ошибки: все тянулось весьма медлѣнно, и безъ младаго Сципіона, внука побѣдителя Аннибалова, Карѳагенцы принудили бы Римлянъ постыднымъ образомъ оставить осаду.

Сципіонъ, по прибытїи въ Африку въ качествѣ Консула, поддержалъ со славою въ оной всю имени своего громкость. Мансинъ, заключившїйся неосторожно въ Карѳагенскія стѣны, долженъ былъ или умереть тамъ съ голоду, или пасть подъ множествомъ. Сципіонъ, прибывшїй въ Утику, узнавъ о его опасности, отправился немедлѣнно съ кораблями своими, и отчасти мужествомъ своимъ, отчасти же хитростїю, освободилъ его изъ худаго положенїя сего: но то былъ единый токмо опытъ воинскихъ Сципіоновыхъ способностей. Онъ велъ осаду со всею свойственною великому Генералу доблестїю. Отрѣзавъ привозимые сухимъ путемъ къ осажденнымъ съѣстные припасы, и видя, что они получаютъ еще оные моремъ, лишилъ онъ ихъ и сего способа, заградивъ гавань крѣпкою плотиною, стоившею многотрудной работы, надъ которою сначала въ Карѳагенѣ смѣялись, почитая совершенїе оной за невозможное дѣло. Карѳагенцы, стѣсненные и заклю-

ченные въ городѣ своемъ, извлекли изъ нещастія сего новое для себя преимущество. Они въ другомъ мѣстѣ открыли себѣ гавань, и чтобъ утаить работу свою отъ непріятелей, начали производить оную внутри города. Римляне, слыша происходившій отъ работниковъ стукъ, тогда токмо проникнули намѣреніе ихъ, когда оное почти уже со всѣмъ исполнено было.

Отверзя себѣ проходъ, Карѳагенцы вышли съ пятьюдесятью судами о трехъ ярусахъ веслъ, и со многими вооруженными бригантинами. Всѣ сіи суда построили они наскоро изъ стараго лѣсу, и какъ у нихъ недоставало веревокъ, то жены для сдѣланія оныхъ не пощадили даже волосъ своихъ. Римляне, отнюдь не ожидая увидѣть паки флотъ въ Карѳагенѣ, приведены были въ чрезвычайное удивленіе; и многіе писатели утверждаютъ, что собственныя суда ихъ достались бы во власть Карѳагенцамъ, естьлибъ сіи послѣдніе вмѣсто того, чтобъ нѣсколько дней заниматься тщетнымъ сего новаго вооруженія показомъ, тотчасъ на нихъ напали; но они появились токмо предъ ними и вошли опять въ гавань свою, будучи довольны тѣмъ, что погрозили Римлянамъ, коихъ въ первые часы удивленія и обуянія ихъ могли они совершенно разбить. Напослѣдокъ давъ уже имъ довольно времени къ пріуготовленію, выступили они на брань. Бой начался съ равною съ обѣихъ сторонъ жестокостію. Карѳагенскія суда, будучи гораздо меньше и легче въ ходу, удобно подкрадывались подъ большіе корабли Римскіе, разбивали у нихъ кормы, ломали весла и повреждали рули; но побѣда осталась нерѣшимою, и къ ночи отступили они, въ намѣреніи наутріе снова начать бой. Легчайшія суда прибыли напередъ въ новую гавань, которая была весьма тѣсна, заградили оную и заперли входъ въ нее. Большіе корабли, не могши пройти, построились вдоль земляной площадки, на которую выгружались товары, и

которая защищаема была небольшимъ валомъ, гдѣ слѣдственно подвергались они покушенїямъ непрїятельскимъ, и обратясь къ нему носами, не имѣли иной защиты, кромѣ солдатъ своихъ, и нѣкотораго числа разсѣянныхъ по площадкѣ и по валу войскъ.

Римляне съ великою стремительностїю напали на сїи суда; но какъ по истощенїи всѣхъ стрѣлъ своихъ и копїй принуждены они были отступить, и долгїе корабли ихъ не скоро могли поворачиваться, то въ семъ движенїи столько претерпѣли они вреда, сколько сами онаго причинили. Для отвращенїя сего неудобства, пять кораблей Сципїоновыхъ союзниковъ легли въ нѣкоторомъ отдаленїи на якорь, и отдаваясь по канату приближались къ Кареагенскимъ судамъ, и бросивъ на нихъ стрѣлы свои, притягивались кормою паки къ прежнему мѣсту своему, не подвергаясь опасности поворота, и такимъ же образомъ приступали опять. Прочїе корабли флота, видя преимущество сего движенїя, тожъ самое стали дѣлать, и Кареагенцы великой отъ того вредъ претерпѣли; однакожъ ночью всѣ суда ихъ вошли въ гавань.

На утрїе Сципїонъ овладѣлъ площадкою и велѣлъ валъ атаковать таранами и другими машинами. Кареагеняне, вѣдая, что вся безопасность гавани ихъ состоитъ въ сохраненїи сего вала, и не могши на оборону онаго употребить кораблей своихъ, потому что въ семъ мѣстѣ мало было воды, бросились ночью нагїе въ море, и съ безпримѣрною неустрашимостїю пустились зажигать машины Римлянъ. Послѣднїй сей, оказанный предъ Кареагеномъ, морской подвигъ былъ какъ бы предзнаменованїемъ разоренїя онаго; ибо Сципїонъ соскуча долговременною осадою, и умножа усилїе свое, повергнулъ его подъ власть Римлянъ. Ни что не можетъ сравниться съ тѣми ужасами, каковые претерпѣлъ Кареагенъ при окончанїи осады сей, самой знаменитѣйшей изъ всѣхъ упоминаемыхъ въ исторїи.

Естьлибъ расположенїе сочиненїя моего позволяло мнѣ, то описалъ бы я несчастнаго града сего опустошенїе; изобразилъ бы, какъ самое знатное юношество онаго похищено, и такъ сказать, изъ рукъ помертвѣвшихъ матерей исторгнуто было; увидѣлибъ мы съ какимъ пышнымъ и печальнымъ для жителей великолѣпїемъ неслось оружїе ихъ въ Римской лагерь, и колико гордость Карѳагенская претерпѣла уничиженїй, коими раздраженный побѣдитель имѣетъ право наказывать за высокомѣрное сопротивленїе.

Таковъ былъ рокъ сего могущественнаго и обладавшаго всесвѣтною торговлею города, наслаждавшагося 700 лѣтъ владычествомъ моря, покорившаго подъ владѣнїе свое всѣ извѣстные острова, приведшаго въ трепетъ Римъ, завоевавшаго Италїю, и доведшаго Римлянъ до края погибели ихъ!

Полибїй показываетъ намъ естественныя причины превосходства Римлянъ надъ Карѳагенцами. Сїи послѣднїе были безъ сумнѣнїя искуснѣйшїе мореходцы, они отличались въ знанїи мореплаванїя, потому что отъ самыхъ мягкихъ ногтей обучались оному; но Римляне имѣли другїя надъ ними преимущества: они были крѣпкаго сложенїя и съ младенчества привыкали къ воинскимъ трудамъ. Природная храбрость ихъ подкрѣплялась еще славою отечества, которому они во всякое время готовы были жертвовать собою; они сражались всегда сами, и союзниковъ имѣли надежныхъ и вѣрныхъ; Карѳагенцыжъ, будучи воспитаны въ неумѣренныхъ жарахъ Африки, были слабѣйшаго сложенїя, они набирали войски свои изъ наемныхъ солдатъ, и къ славѣ влекомы были не столь побудительными какъ Римляне причинами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О МОРЕХОДСТВѢ РИМЛЯНЪ.

При началѣ Римской Имперіи мало упражнялись въ мореходствѣ; даже и чрезъ нѣсколько вѣковъ не было еще оное тамъ извѣстно, какъ нѣкоторые писатели думаютъ; и Полибій не прежде полагаетъ начало онаго, какъ въ первую Пуническую войну. Однако нельзя сказать, чтобъ до самаго сего времени неизвѣстно оно было Римлянамъ, какъ я то показать намѣренъ. Правда, оно тогда не весьма славилось, равно какъ и до временъ Іулія Кесаря и Помпея. Война съ Карѳагеномъ понудила Римлянъ приняться за мореходство, но народъ сей, на сухомъ пути непобѣдимый, съ начала слабъ былъ на морѣ, и не иначе побѣждалъ на ономъ, какъ токмо храбростію своею и безпримѣрною твердостію. Римляне, по неискуству своему въ корабельномъ строеніи, имѣли у себя тяжелыя и неповоротливыя суда, или лучше сказать, огромные и столькожъ безобразные, сколько неудобные къ движенію коробы. По чему и выигрывали они однимъ токмо абордажемъ. Кормчіе ихъ не знали ни главныхъ частей мореплаванія, ни гидрографіи; отъ чего и приключались частыя кораблекрушенія, въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ другіе могли бы избавляться отъ оныхъ. Во время Лилибейской осады одно небольшое Родосское судно вышедъ изъ гавани въ глазахъ Римлянъ, прошло среди флота ихъ, и съ такою легкостію разъѣзжало вокругъ онаго, что привело ихъ въ нѣкоторое смущеніе. Сіе суднишко, употребляя искусно паруса свои и весла, насмѣхалось надъ большими непріятельскими почти неподвижными громадами, кои не могли ни остановить его, ни воспрепятствовать ему возвратиться паки къ Африканскому берегу. Въ прочемъ, хотя мореходство Римлянъ съ

начала весьма несовершенно было; однакожъ, посредствомъ онаго, распространили они завоеванія свои, и побѣдоносньмъ оружіемъ своимъ отверзли себѣ путь въ Сицилію, Сардинію, Корсику, Гишпанію, Африку и Азію.

Первый Римлянинъ, устремившій особенное вниманіе свое на мореходство, былъ Анкъ Марцій, внукъ Нумы, и четвертый Царь Римскій. Онъ построилъ городъ и портъ Остію при устьѣ Тибра, надѣясь, по предположенію своему о будущемъ величіи Римскомъ, что оный будетъ нѣкогда хранилищемъ собранныхъ отъ всего свѣта сокровищъ. Писатели Римской Исторіи не упоминаютъ ни объ одномъ морскомъ походѣ во все время царствованія Царей; однакожъ извѣстно, что мореплаваніе въ первый вѣкъ республики употребляемо было у Римлянъ: сіе доказывается первымъ между Римомъ и Карѳагеномъ договоромъ, заключеннымъ при первыхъ Консулахъ, не много времени спустя послѣ изгнанія Царей. Обѣ державы договорились, чтобъ Римлянамъ и союзникамъ ихъ не простирать плаванія своего за мысъ называемый *Прекраснымъ*, который закрывалъ Карѳагенъ отъ сѣвера, какъ токмо, когда занесетъ ихъ туда бурею, или загнаны будутъ отъ непріятеля. Изъ сего договора видно еще, что Римляне посылали уже суда свои въ Сардинію, въ Сицилію и Африку, не для одной торговли, но также и для военныхъ експедицій; и на сіе то самое, какъ замѣчаетъ Полибій, употреблены были долгіе корабли, о коихъ упоминается въ семъ договорѣ.

При Консулствѣ Г. Геганія и П. Минуція, по успокоеніи внутреннихъ смятеній и по окончаніи внѣшней войны, Годъ 262.
Римъ опустошенъ былъ еще ужаснѣйшимъ зломъ, нежели то, которое онъ прекратилъ. Римляне, вдавшись по тогдашнимъ обстоятельствамъ въ праздность, и пренебрегши земледѣліе, скоро почувствовали голодъ. Консулы, для отвращенія всеобщаго бѣдствія сего, отправили за хлѣбомъ

суда въ Кюмесѣ, въ Неаполь, въ Етрурїю и въ Сицилїю. Шедшїя въ Кюмесъ захвачены были и конфискованы, подъ предлогомъ удовлетворенїя оными Тарквинцовъ за потерю именїя ихъ.

Спустя около пятидесяти лѣтъ послѣ перваго учиненнаго въ Карѳагенѣ договора, при Консулахъ Сп. Тарпеѣ и А. Етернїѣ, Квесторы снарядили великолѣпныя галеры, для отвоза съ честїю въ Грецїю трехъ Депутатовъ, коимъ препоручено было собрать въ оной законы и мудрыя

Годъ 405. правила, коими земля сїя управлялась. Въ 405мъ году, при Консулахъ М. Валерїѣ Корвѣ и Пупилїѣ Ленѣ, Римъ заключилъ съ Карѳагенцами вторый договоръ, по которому позволяли они ему гораздо далѣе простирать плаванїе свое, и изъ котораго явствуетъ, что Римляне имѣли гавани, производили грабительства, и уже столько сильны были на морѣ, что могли завести селенїя въ Африкѣ.

При Консулахъ Л. Фурїѣ Камиллѣ и К. Менїѣ Непосѣ, Римляне разорили гавань Антїума, столичнаго Волсковъ города, и овладѣли флотомъ ихъ, буде, какъ замѣчаетъ нѣкоторый дѣеписатель, можно назвать флотомъ шесть кораблей, кои составляли всѣ силы Антїатовъ. Прочїежъ авторы утверждаютъ, что флотъ сей состоялъ изъ двадцати двухъ галеръ, между коими находилось шесть вооруженныхъ шпиронами, можетъ быть тѣ самыя, о коихъ говоритъ Флоръ. Консулъ Менїй украсилъ шпиронами сими каѳедру, на коей говорятъ рѣчи, сжегъ всѣ тѣ суда, съ которыхъ оныя сняты были, а прочїя велѣлъ отвести въ Римъ и поставить въ томъ мѣстѣ, гдѣ хранятся и строятся корабли. При Кунсулствѣ К. Їунїя Брута и Емилїя Барбулы Трибунъ Децїй Мусъ приохотилъ, нѣкоторымъ образомъ, Римлянъ къ мореходству, побудя ихъ учредить двухъ чиновниковъ названныхъ Дуумвирами, кои должны были пещись о вооруженїи флота и о всемъ касающемся до мореплаванїя. При Консулствѣ К: Фабїя

Рулліана и К. Марція Рутилла, флотЪ Римской высадя войски на берега Кампаніи, и опустошая Самнитскую землю, претерпѣлЪ немалое бѣдствіе. Войска его, разсѣясь по берегамЪ, захвачены были и окружены воинами сей земли, кои произвели надЪ ними великое кровопролитіе.

ВЪ 471 мЪ году, при КонсулахЪ К. Фабриціѣ Лузеініусѣ и К. Емиліѣ Папѣ, на эскадру Римскую, состоявшую изЪ десяти кораблей подЪ предводительствомЪ одного изЪ ДуумвировЪ, напали Тарентинцы при входѣ ея вЪ гавань ихЪ. ТарентЪ былЪ знатный городЪ, основанный Лакедемонянами при входѣ вЪ Адріатической заливЪ; гавань его украшена была театромЪ, сЪ котораго можно было видѣть все идущее по морю. Тарентинцы, при отправленіи на театрѣ семЪ народныхЪ игрЪ, усмотрѣли Римскую эскадру, плывшую кЪ берегамЪ ихЪ. Они подумали, что она идетЪ для незапнаго на нихЪ нападенія, и безЪ дальнѣйшаго изслѣдованія о намѣреніяхЪ РимлянЪ, искавшихЪ токмо продовольствія вЪ Тарентѣ, какЪ вЪ союзномЪ городѣ, сЪ стремительностію на суда сіи напали, четыре изЪ нихЪ потопили, одно взяли и поступили весьма жестоко сЪ бывшими на оныхЪ людьми. ОтЪ безразсудной и нещастной сей скоропостижности возгорѣлась война между сими двумя народами, которая весьма дорого стоила ТарентинцамЪ.

Послѣдовавшія потомЪ Пуническія войны понудили РимлянЪ сЪ вящшимЪ еще раченіемЪ стараться о мореходствѣ, которое до того не имѣло ни какого основательнаго положенія.

Между тѣмЪ, какЪ РимЪ и КарѳагенЪ спорили о владычествѣ надЪ моремЪ, Римляне имѣли у себя другихЪ, хотя не столь страшныхЪ, однакоже не меньше безпокойныхЪ непріятелей: Иллиряне, распространившіеся вдоль по восточному Адріатическаго залива берегу, и состоявшіе

тогда подъ управленїемъ женщины, производили явное на морѣ разбойничество. Римляне, коихъ торговля разорялась отъ сего грабительства, отправили къ нимъ пословъ, для истребованїя правосудїя въ нѣкоторыхъ наглостяхъ. Иллирїйская Царица приказала пословъ сихъ изрубить топоромъ и сжечь кормщиковъ корабельныхъ. Безчеловѣчїе сїе не осталось безъ наказанїя. Римляне, раздраженные безчестїемъ симъ, тѣмъ наипаче обиднымъ, что оное произошло отъ женщины, отправили въ Иллирїю нѣсколько судовъ подъ начальствомъ Кнея Фулвїя Центимана, которой покоривъ лютый народъ сей, приказалъ у знатныхъ вельможъ ихъ срубить топоромъ головы, въ возмездїе за учиненный ими съ послами республики поступокъ, и довелъ Тевту, Царицу ихъ, до такой крайности, что она принуждена была оставить Иллирїю. Уничиженная бѣдствїемъ симъ, попросила она мира, который хотя и заключенъ былъ съ нею, однакожъ на самыхъ строгихъ условїяхъ. Она согласилась удержать за собою нѣкоторыя токмо на берегу мѣста, не высылать въ море болѣе двухъ невооруженныхъ бригантиновъ, и не простирать плаванїя своего далѣе города Лиссы, лежащаго неподалеку отъ Диррахїума, на границѣ Македонской. Иллиряне, не стерпя сего возложеннаго на нихъ Римлянами ига, въ скоромъ времени оное съ себя свергли. Пятдесятъ вооруженныхъ военною рукою бригантиновъ, подъ начальствомъ Димитрїя Фарїянскаго, перешедъ за предписанные имъ предѣлы, ходили до самыхъ Цикладовъ; но не безъ наказанїя нарушили они вѣрность договора: Консулъ Емилїй выступилъ въ море для обузданїя Димитрїевой дерзости, сразился съ нимъ, и разбивъ выгналъ изъ Иллирїи.

Римляне, въ продолженїе Пуническихъ браней имѣли другихъ еще непрїятелей, изъ коихъ знаменитѣйшїй былъ Филиппъ Македонскїй, сынъ Димитрїевъ. Государь сей,

по обычаю всѣхъ обладателей, смотря на Римскія и Карѳагенскія распри, ожидалъ окончанія оныхъ, дабы взять свои мѣры. Сперва не преклоняяся онъ ни на которую сторону; но узнавъ, что Аннибалъ перешелъ чрезъ Алпискіе горы и одержалъ уже три побѣды въ Италіи, объявилъ себя съ стороны Карѳагенянъ, по тому наиболѣе, что успѣхи Аннибаловы благопріятствовали его намѣреніямъ. Онъ не имѣлъ причины сожалѣть о уничиженіи Римлянъ, коихъ области отдѣлялись отъ его областей однимъ токмо Іоническимъ моремъ. Филипъ рѣшась такимъ образомъ, отправилъ пословъ къ Карѳагенскому Военачальнику, для заключенія съ нимъ союза. Послы сіи, убѣгая отъ Римлянъ, коикъ корабли охраняли берега, попали прямо въ ихъ лагерь. Когда Преторъ вопросилъ ихъ о причинѣ ихъ путешествія, тогда предводительствовавшій посольствомъ Ксенофанъ, не потерявъ ни мало присудствія духа, отвѣтствовалъ, что онъ отъ Государя своего посланъ въ Римъ, для трактованія о союзѣ съ народомъ Римскимъ. Ему повѣрили, и приставили къ нему для почести провожатыхъ; но когда подошелъ онъ близко къ Аннибалову стану, тогда тайно ушелъ къ нему, и заключилъ съ нимъ договоръ, по которому Филиппъ обязался прислать Аннибалу нѣсколько войскъ и двѣсти судовъ, дабы вспомоществовать ему въ завоеваніи Рима и Италіи; Аннибалъ же, по пріобрѣтеніи оныхъ обѣщался побѣдоносныя войски свои ввесть въ Грецію, для покоренія оной Филипу.

Условясь такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ, Македонскіе Послы отправились на кораблѣ въ путь. Когда находились они въ открытомъ морѣ, то корабль ихъ усмотрѣнъ былъ Римскимъ флотомъ, состоявшимъ изъ двадцати пяти кораблей, крейсеровавшихъ при берегахъ Калабріи. Посланныя за нимъ легкія суда овладѣли имъ, хотя и старался онъ уйти на всѣхъ парусахъ и на

гребль. Ксенофанъ, отдѣлавшись уже однажды удачливою ложью, хотѣлъ въ другой разъ употребить тотъ же обманъ; но предводительствовашій флотомъ М: Валерій проникнулъ хитрость его. Кареагенцы, которыхъ Аннибалъ послалъ къ Филиппу, познаны были по ихъ одеждѣ, и письма его отъ нихъ отобраны. Все сіе отослано было въ Римъ на пяти корабляхъ. Когда корабли сіи находились на высотѣ Кюмеса, тогда находившійся въономъ со флотомъ Консулъ, примѣтя ихъ, послалъ нѣсколько судовъ для опознанія оныхъ. Начальствовавшій надъ кораблями сими, увѣдомясь, что Консулъ находится въ Кюмесѣ, присталъ туда и вручилъ ему Аннибаловы письма къ Филиппу. Консулъ прочитавъ оныя, послалъ ихъ сухимъ путемъ въ Сенатъ, а Македонянъ и Кареагенянъ отправилъ въ Римъ моремъ. Сенатъ, приведенный въ изумленіе быстрыми Аннибаловыми въ Италіи успѣхами, весьма потревожился, увидя новаго противъ себя непріятеля; однакожъ взялъ благоразумныя мѣры къ отвращенію угрожавшей Римлянамъ бури. Фулвій Флакъ имѣлъ подъ начальствомъ своимъ двадцать пять кораблей; къ нему отправили еще двадцать судовъ, кромѣ тѣхъ пяти, на коихъ приплыли въ Римъ Филипповы Послы, назначивъ симъ крейсеровать около Италіянскихъ и Македонскихъ береговъ для примѣчанія за Филипповыми движеніями.

Государь сей, узнавъ о несчастіи пословъ своихъ, отправилъ другихъ, коихъ путешествіе было удачливѣе первыхъ. Онъ почувствовалъ, что по открытіи замысла, скромность уже не у мѣста. Чего ради вывелъ въ море сто двадцать легкихъ судовъ о двухъ ярусахъ веслъ, и съ оными пошелъ осаждать Орикумъ, такожъ Епирскіе, Апполонійскіе и Македонскіе берега, состоявшіе подъ покровительствомъ Римскаго народа. Орикскіе жители послали депутатовъ къ Лерину, предводительствовавшему

назначенными къ охраненїю Калабрскихъ береговъ кораблями. Преторъ сей отправился немедлѣнно со флотомъ, состоявшимъ изъ каравелей и круглыхъ судовъ, на кои посажено было нѣсколько войска, и по прибытїи на другой день въ Орикумъ, безъ дальныхъ препятствїй вошелъ въ оный. Стесняемые Филиппомъ Апполонїйскїе жители требовали также помощи у Претора, который послалъ къ нимъ на долгихъ корабляхъ тысячу отборныхъ солдатъ. Войска сїи вошли ночью въ городъ, и составя изъ себя небольшой корпусъ, подъ покровомъ темноты ворвались въ станъ оплошавшихъ Македонянъ, гдѣ все пожгли и порубили такъ, что Филиппъ, едва не нагїй, насилу успѣлъ спастись. Преторъ явился тотчасъ предъ Аполлонїею, дабы овладѣть кораблями Царя Македонскаго; но Государь сей, предупредя его, велѣлъ зажечь оныя, а самъ сухимъ путемъ ушелъ въ области свои.

Раздоръ поселившїйся отъ вѣроломства Филиппова между имъ и Римлянами, умножился еще болѣе отъ заключеннаго Этолїйцами съ Римомъ союза, весьма льстившаго тщеславїю онаго, поелику то были первые заморскїе народы искавшїе дружбы его, и тѣмъ для него прїятнѣйшаго, что оные вели войну съ Филиппомъ. Договоръ заключенъ былъ въ Римѣ депутатами ихъ; Римляне обязались дать имъ противъ Царя Македонскаго флотъ состоящїй по крайней мѣрѣ изъ двадцати судовъ о пяти ярусахъ веслъ. Союзъ сей весьма выгоденъ былъ для Римлянъ, по елику чрезъ то удерживали они Филиппа въ собственныхъ его областяхъ, не допуская соединиться съ Аннибаломъ въ Италїи. Преторъ Левинъ, во исполненїе условїй сего союза, отправился изъ Корсира съ порученными ему кораблями, обошелъ Левкатской мысъ, проплылъ вдоль Навпактскаго берега и осадилъ съ моря Антисиръ, союзный Филиппу городъ, между тѣмъ какъ Етолїйцы атаковали оный съ сухаго пути. Римляне

жестоко разбили его машинами своими, въ нѣсколько дней взяли, и отдали Етолійцамъ.

Когда Левинъ провозглашенъ былъ Консуломъ, тогда П: Сулпицій принялъ начальство надъ флотомъ, состоявшимъ изъ дватцати пяти судовъ о пяти ярусахъ веслъ, съ которымъ соединенъ былъ еще флотъ Аттала Царя Пергамскаго, состоявшій изъ тритцати пяти кораблей. Оба соединенные флота сіи поплыли къ Лемносу, и разсѣявъ тревогу по всѣмъ державшимся стороны Филипповой островамъ, осадили Орей, Евбейской городъ, который, будучи разбиваемъ Римлянами съ моря, между тѣмъ какъ Атталъ налегалъ на него сухимъ путемъ, по продолжавшейся нѣсколько дней осадѣ взятъ былъ. Надменный успѣхомъ симъ Сулпицій пошелъ съ побѣдительнымъ флотомъ своимъ къ Халкису, столицѣ острова, льстясь въ скорости взять оную; но онъ обманулся въ надѣяніи своемъ; ибо когда флотъ его вошелъ въ Еврипъ, гдѣ корабли подвержены бываютъ опасности, то не могши устоять въ семъ мѣстѣ принужденъ былъ отъ онаго удалиться. Филиппъ, страшась послѣдствія войны, коей начала не обѣщали ему щастливаго окончанія, заключилъ миръ съ Етолійцами и предъупредилъ тѣмъ многія злоключенія; ибо поступившему по Сулпиціѣ Проконсулу Семпронію назначено уже было атаковать его съ тритцатью пятью судами, которыя вооружены были тиронами, и на которыхъ находилось десять тысячь человѣкъ пѣхоты и тысяча конницы. Вскорѣ потомъ Государь сей примирился также и съ Римлянами; но миръ сей, съ обѣихъ сторонъ не чистосердечный, не долго продолжился, Римляне, по окончаніи тогда второй Пунической войны, чувствовали себя столь сильными, что восхотѣли мстить Филиппу. Въ Сенатѣ опредѣлено было идти на него войною; сему опредѣленію споспѣшествовали еще болѣе Аѳинскіе депутаты, прибывшіе въ Римъ для испрошенія

помощи противъ угрожавшаго области ихъ и городу Македонскаго Царя. И такъ, по объявленїи войны Филиппу, Консулъ Сулпицїй отправился со флотомъ къ Македонїи. Осажденные Аѳиняне, узнавъ о прибытїи его, послали къ нему просить о немедлѣнной помощи. Консулъ отрядилъ К. Клавдїя Ценша съ двадцатью долгими кораблями и съ войсками, которыя скоро защитили Аѳины отъ Македонскихъ предпрїятїй. Клавдїй провѣдавъ тогда же, что городъ Халсисъ оставленъ безъ довольной обороны, приближился къ оному, для незапнаго на него нападенїя. Онъ приступилъ къ нему ночью; бывшїй въ немъ гарнизонъ весь изрубилъ и городъ взялъ; по исполненїи чего возвратился паки въ Аѳины. Филипъ узнавъ о походѣ Римлянъ въ Халсисъ, пошелъ тотчасъ, дабы захватить ихъ тамъ; но какъ они не могли городъ сей удержать за собою и его оставили, то онъ, не нашедъ уже ихъ въ немъ, видѣлъ токмо опустошенїе онаго. Возхотѣвъ подобнымъ же покушенїемъ отмстить имъ за союзниковъ своихъ, пробирался онъ безшумно къ Аѳинамъ, льстясь нечаянно взять оныя, и произвести въ нихъ такое же раззоренїе, какое учинено Римлянами въ Халсисѣ; въ чемъ онъ безъ сумнѣнїя и успѣлъ бы, естьлибъ предъувѣдомленные о походѣ его Аѳиняне не были во всей осторожности, ожидая его съ твердостїю. Филиппъ, дышущїй мщенїемъ, наступалъ на Аѳины; но Римскїя войска и Атталовы солдаты вышедъ изъ судовъ своихъ на берегъ, для вспомоществованїя городу, принудили его отступить; и такъ не могши во гнѣвѣ своемъ поразить людей, обратилъ онъ ярость свою на Боговъ: велѣлъ срыть храмы ихъ и сокрушить гробницы. Римляне соединили флотъ свой съ Атталовымъ, и получили еще двадцать военныхъ кораблей отъ жителей Родоса. Соединенный флотъ сей, обойдя и опустоша всѣ державшїеся стороны Филипповой Греческїе острова, принудилъ Царя сего вступить

въ морское сраженіе, бывшее близъ Хіоса, и которое описано въ одномъ изъ отрывковъ оставшихся отъ Полибія. Филиппъ осадилъ одно мѣсто моремъ и сухимъ путемъ, но узнавъ что Атталъ приближается со флотомъ, и опасаясь чтобъ не быть окружену, снялъ осаду и удалился отъ берега. По томъ видя, что настоитъ неизбѣжное съ непріятелемъ сраженіе, устроилъ онъ корабли свои въ бой, а самъ съ нѣкоторымъ числомъ судовъ уклонился къ одному близъ-лежащему острову, во ожиданіи произшествія битвы.

Флотъ его состоялъ изъ пятидесяти трехъ вооруженныхъ воинскимъ образомъ кораблей, и ста пятидесяти малыхъ судовъ, между коими находились *присты*, то есть такія суда, которыя имѣли подобіе морскихъ звѣрей, или на носу коихъ было изображеніе оныхъ. Непріятельской флотъ составляли шестьдесятъ пять военныхъ кораблей, девять галеръ о двухъ, и три о трехъ ярусахъ веслъ, не считая судовъ Византійскихъ. Атталъ, влекомый мужествомъ своимъ, пустился на всей греблѣ на флотъ Филипповъ, дабы вдругъ напасть на оный. Онъ поспѣшалъ сойтися съ нимъ даже въ нѣкоторомъ безпорядкѣ, думая, что Государь сей, будучи занятъ осадою, отнюдь не ожидаетъ морскаго сраженія. Въ скоромъ времяни съ обѣихъ сторонъ вступили въ бой: Атталъ атаковалъ правое крыло, на которомъ находился непріятельскій Генералъ, а Феофилискъ лѣвое. Царь Пергамскій абордировалъ одну осмиярусную галеру, которую проломивъ въ подводной части шпирономъ судна своего, потопилъ. Адмиральская Филиппова десятиярусная галера такомужъ подвергнулась жребію: одна бирема, ударившая ее въ бокъ, увязила въ ней шпиронъ свой; двѣ другія пятиярусныя галеры въ тожъ самое время съ яростію наскочили еще на сію Адмиральскую галеру, проломили ее, и со всѣми людьми пустили ко дну: на ней находился Демократъ, Генералъ Филиппова флота.

Діонизодоръ и Динократъ, Атталовы Генералы, родные братья, атаковали, первый осмиярусную галеру, а другой семиярусную. Когда Динократъ и Македонская галера сцѣпились, то бившіеся съ удивительною горячностію Македонцы едва не взяли Динократа, тщетно силившагося отцѣпиться; но Атталъ, подоспѣвъ на помощь къ нему, освободилъ его. Симъ способомъ овладѣли они сею семиярусную галерою, и всѣ находившіеся на ней люди побиты были съ оружіемъ въ рукахъ. Діонизодоръ же съ своей стороны, не могши овладѣть галерою, съ которою онъ сцѣпился, увидѣлъ себя вдругъ окруженна многими непріятельскими кораблями; съ начала веслы его съ правой стороны всѣ были поломаны, и какъ подпоры башенъ его не въ состояніи были сопротивляться усиліямъ Македонянъ, то корабль его со всѣми людьми погибъ, а самъ онъ съ двумя человѣками спасся вплавь, попавъ на одну, шедшую на помощь къ нему, двуярусную галеру. Побѣда до сего времени оставалась еще нерѣшимою, и по началу боя не льзя было предвидѣть конца онаго. Филиппъ всегда имѣлъ еще превосходнѣйшее число безпалубныхъ, а у Аттала было больше палубныхъ судовъ: и такъ ни кто изъ нихъ не могъ ласкаться преимуществомъ; однакожъ Атталъ, будучи сильнѣе числомъ военныхъ кораблей, могъ болѣе надѣятся на оные.

Родосцы, не вступавшіе еще въ бой, соединясь съ Феофилискомъ, ударили на Филиппову аррїергардію, и легко преодолѣли бы Македонянъ, естьлибъ сіи не вздумали употребить воинской хитрости, поставивъ кругомъ военныхъ кораблей своихъ великое множество малыхъ судовъ, которыя, препятствуя Родосцамъ свободно поворачиваться, въ великое приводили ихъ замѣшательство; ибо нѣкоторыя изъ нихъ прицѣплялись къ весламъ, иныя къ носу, а другія къ рулю; получаемые ими удары вредили токмо надводную часть оныхъ, и слѣдственно

не были такъ пагубны; на противъ того отъ нихъ наносимые пронзали и разсѣкали непрїятельскїя суда подъ водою, коимъ весьма трудно было гребсти или сражаться; чего ради многїя изъ нихъ крѣпко были разбиты, а три пятиярусныя галеры, между коими находилась флагманская, едва не погибли. Одно изъ сихъ трехъ судовъ, подъ командою Автолика, устремясь съ великимъ жаромъ на одинъ непрїятельскїй корабль, и проломивъ его шпиронъмъ своимъ, потопило со всѣми бывшими на немъ людьми. И такъ Автоликъ былъ вмѣстѣ и побѣдителемъ и побѣжденнымъ; ибо на корабль его, имѣвшїй въ носу течь, сильно наступали. Капитанъ сей, будучи раненъ, и видя судно свое опускающимся ко дну, бросился во всемъ вооруженїи за бортъ; а оставшїеся на кораблѣ служители его, обороняясь съ великимъ мужествомъ, были всѣ побиты. Ѳеофилискъ подоспѣлъ было съ тремя триремами на помощь къ сей галорѣ; но какъ оная наполнилась уже водою, то и не могъ ее спасти; онъ отмстилъ за нее двумъ непрїятельскимъ галерамъ, разбивъ ихъ; но полученное имъ отъ преимущества сего удовольствїе вскорѣ обратилось въ печаль; ибо вдругъ окруженъ онъ былъ многими малыми Филипповыми судами, и даже военными кораблями. Онъ лишился въ семъ случаѣ храбрѣйшихъ солдатъ своихъ, получилъ самъ три тяжелыя раны, и не могъ бы спасти корабля своего безъ помощи Филострата, коммандовавшаго одною изъ трехъ упомянутыхъ мною трехъ-ярусныхъ галеръ. Избѣгнувъ отъ сей опасности, присоединился онъ паки къ кораблямъ своимъ, и хотя былъ израненъ, однако сражался съ такою храбростїю, какъ будто бы изнеможенїе тѣла его придавало ему новыя силы мужества. Спустя нѣсколько времени умеръ онъ отъ ранъ своихъ, со славою превосходнаго солдата и великаго полководца.

Между шѣмъ флошъ Филипповъ весь былъ разсѣянъ: правое крыло его будучи разбишо, приближилось къ берегамъ Азїашскимъ; помогавшее Аррїергардїи и сражавшееся съ Родосцами лѣвое крыло находилось недалеко отъ Хїоса. Атталъ, по прогнанїи праваго крыла, обрашился къ шѣмъ островамъ, куда скрылся Царь Македонскїй; подходя къ онымъ и увидя одну изъ пяшиярусныхъ галеръ своихъ, находившуюся въ опасности быть потопленною отъ одного нападшаго на нее непрїяшельскаго корабля, пустился на него съ двумя чешырехъ-арусными судами и прогналъ его до самаго берега. Филиппъ, видя Атшала отдалившимся отъ флоша своего, пошелъ отрѣзывать его съ двумя пашиярусными и шремя двухъ-ярусными галерами, и со всѣми, сколько могъ собрать, малыми судами. Атталъ, отдѣленный отъ флота своего, и немогшїй уже соединиться съ онымъ, дабы не попасть въ руки наступающаго на него Филиппа, присталъ къ берегу, оставилъ у онаго суда свои, а самъ спасся уходомъ въ городъ Криѳрей, славный рожденїемъ въ немъ называвшейся по имени онаго Сивиллы; и чтобъ не догнали его пѣшешествующаго, употребилъ онъ съ успѣхомъ слѣдующую хитрость: велѣлъ выставить на судне своемъ богатые сосуды, багряныя одѣжды, рѣдкїя утвари, однимъ словомъ все, что было у него драгоцѣннѣйшаго, дабы удержать чрезъ то любостяжательныхъ Македонянъ.

Филипъ, не поймавъ самого Аттала, хотѣлъ по крайней мѣрѣ воспользоваться остатками отъ онаго. Онъ повелъ два корабля его въ великомъ торжествѣ, собралъ паки разсѣянный флотъ свой, ободрилъ солдатъ своихъ, и учинилъ ихъ готовыми снова итти на брань, представляя имъ смерть Атталову вѣрнѣйшимъ залогомъ побѣды. Дїонизодоръ, подозрѣвая о случившемся съ Государемъ его, собралъ всѣ корабли свои, и уклонился въ одну Азїятскую гавань. Родосцы съ другой стороны, для починокъ и от-

дохновенія, вошли также въ Хіосское пристанище. И такъ во всю сію битву наносимыя и претерпѣваемыя пораженія на обѣихъ сторонахъ были равны. Филиппъ въ сраженіи съ Атталомъ потерялъ нѣсколько судовъ о десяти, девяти, семи и о шести ярусахъ веселъ; десять палубныхъ кораблей, три биремы и двадцать пять малыхъ судовъ. Родосцы съ другой стороны истребили у него десять кораблей военныхъ, и сорокъ малыхъ судовъ, да отняли еще двѣ о четырехъ ярусахъ галеры, и семь малыхъ же судовъ. Непріятели остались также не безъ потери: Атталъ лишился одной биремы, двухъ пятиярусныхъ галеръ, и корабля, на коемъ самъ находился. Родосцамъ сраженіе сіе стоило токмо двухъ пятиярусныхъ и одной трехъ-ярусной галеры. Потеря въ людяхъ была еще болѣе не равною: у Родосцовъ убито только шесдесятъ, а у Аттала семдесятъ человѣкъ; у Филиппа же было девять тысячь убитыхъ и двѣ тысячи семь сотъ въ плѣнъ взятыхъ. При всемъ томъ однакожъ почиталъ онъ себя побѣдителемъ, какъ потому, что принудилъ Аттала уйти и овладѣлъ его кораблемъ, такъ и потому, что остался на мѣстѣ битвы. Занимаясь мнимымъ преимуществомъ симъ, хотѣлъ онъ чтобъ Македоняне и союзники его праздновали оное; однако они, видя море покрытое обломками кораблей своихъ, и плавающіе соотечественниковъ своихъ трупы, не могли радоваться такой побѣдѣ, которая стоила имъ несравненно дороже чѣмъ побѣжденнымъ.

Между тѣмъ какъ Филиппъ услаждался симъ мечтательнымъ торжествомъ, Діонизодоръ съ присоединившимися къ нему Родосцами пришелъ вызывать его на брань; но поелику Филиппъ не захотѣлъ вступить въ бой, то флотъ сей отправился въ Хіосъ. Я не стану продолжать болѣе о Филиппѣ, по тому что мореходство не имѣло ни какого участія въ послѣдствіяхъ сей войны, имѣв-

шей по временамъ то добрые то худые успѣхи. Извѣстно, что Государь сей, двукратно побѣжденный и обращенный въ бѣгство, отбивавшими въ оба сїи раза лагерь его, Римлянами, принужденъ былъ на постыдныхъ условїяхъ заключить миръ; ибо обязался: 1 е. Отдать имъ всѣ палубныя суда свои, между коими находилось одно о шестинатцати ярусахъ веслъ, безполезное по величинѣ своей, но которое въ послѣдствїи употреблено было для отвоза въ Римъ Консула Павла Емилїя, по разбитїи имъ Персея, сына Филиппова; 2 е. Возвратить назадъ Царю Пергамскому и Родосцамъ, союзникамъ Римлянъ, всѣ взятыя имъ у нихъ города.

Самая можетъ величайшая выгода, каковую Римляне получили отъ сей войны, состояла въ томъ, что въ Грецїи и въ малой Азїи распространилась слава о мореходствѣ ихъ; ибо корабли ихъ въ первый еще разъ показались на Їонїйскомъ морѣ.

Антїохъ, по прозванїю Великїй, Царь Сирїйской, былъ наслѣдникомъ Филипповой противъ Римлянъ злобы. Пораженїе одного непрїятеля обращало на нихъ всегда почти другаго; но таково было щастїе Рима, что завидующїя благостоянїю его державы, обыкновенно не прежде возставали на него, какъ однѣ послѣ другихъ. Несогласїя Филипповы съ Республикою Римскою учинились уже важными по заключенїи съ Карѳагеномъ мира, и Антїохъ тогда уже началъ войну, толико озаботившую Римлянъ, когда Македоняне положили оружїе.

Ѳоасъ, Царь Етолїйскїй, былъ тотъ, которой побудилъ Антїоха объявить войну Римлянамъ, дабы наказать ихъ за малыя выгоды, каковыя, по сказанїю онаго, Царство его получило отъ союза съ ними. Аннибалъ вспомоществовалъ ему въ томъ. Сей великїй человѣкъ, за оказанныя имъ отечеству своему услуги изгнанный изъ онаго, носилъ повсюду съ собою неукротимую нена-

висть къ Римлянамъ, и вооружалъ на нихъ непрїятелей. Съ таковыми расположенїями, находясь при дворѣ Антїоховомъ, умѣлъ онъ раздражить его противъ Римлянъ, такъ что Государь сей, преклоняемый Етолїйцами, уступилъ внушенїю тайной зависти, каковую благоденствїе Рима въ немъ воспаляло. Когда въ Римѣ узнали о намѣренїи Антїоховомъ, то прїуготовились къ войнѣ съ онымъ. Аппїй отвелъ въ Сицилїю флотъ состоявшїй изъ тритцати кораблей; а Преторъ Фулвїй получилъ повелѣнїе построить въ скорости пятдесятъ о пяти ярусахъ галеръ. Антїохъ вошелъ въ Грецїю со флотомъ, состоявшимъ изъ сорока палубныхъ, изъ шестидесяти другаго рода, да изъ двухъ сотъ грузовыхъ судовъ, съ соразмѣрнымъ числомъ дессантныхъ войскъ. Онъ приставая къ нѣкоторымъ Греческимъ островамъ, началъ производить непрїятельскїя дѣйствїя. Одинъ изъ Генераловъ его велѣлъ находившихся тогда на островѣ Делосѣ Римлянъ отъ части побить, а остальныхъ заключить въ оковы. Антїохъ, послѣ сего перваго покушенїя, въ короткое время покорилъ весь Евбейской островъ. Слухъ распространившїйся о семъ походѣ, мысль о могуществѣ его въ Азїи, и страшное прїуготовленїе, съ каковымъ появился онъ въ Европѣ, понудили многихъ островскихъ жителей предаться на его сторону. Но Царь сей, обольщенный первыми сими успѣхами, возвратился вскорѣ къ обыкновенной своей нѣгѣ, и во время зимованїя своего въ Халсисѣ, вдался паки во всякїя невоздержности. Онъ женился на молодой прекрасной Гречанкѣ, и во время бывшихъ при семъ случаѣ пировъ, утопая въ утѣхахъ, забылъ о всѣхъ завоеванїхъ, какїя, будучи въ Азїи, располагалъ произвести въ дѣйство. Войски послѣдовали примѣру Царя своего, и предавшись таковымъ же веселїямъ, предъуготовили Римлянамъ безтрудныя побѣды.

Въ самомъ дѣлѣ сіи послѣдніе, подъ предводительствомъ Консула Акилія Глабрія, пришедъ къ Термопильскому проходу, разбили совершенно армію Антіохову, коей остальная часть ушла въ Халсисъ. Во время сей происходившей на сухомъ пути битвы, Аттилій, Адмиралъ Римскаго флота, перехватилъ весь Антіоховъ конвой близъ Андроса, и отвелъ въ Аѳинскую гавань всѣ взятые имъ съ хлѣбомъ корабли. Консулъ погнался за Антіохомъ до самаго Халсиса, гдѣ Государь сей съ поспѣшностію сѣвъ на корабль удалился въ Ефесъ. Онъ чаялъ быть тамъ въ совершенной безопасности; но Аннибалъ растолковалъ ему, что гораздо легче Римлянамъ пройти изъ Греціи въ малую Азію, нежели изъ Италіи въ Грецію. Устрашенный Антіохъ выслалъ въ море новый флотъ подъ начальствомъ Поликсенида.

Уже большая часть предавшихся прежде Антіоху народовъ, ужаснувшись разбитія его, начинала отъ него отпадать. Преторъ Ливій, новый начальникъ Римскаго флота, отправился съ пятьюдесятью палубными кораблями: сіе число на пути увеличилось еще присланными къ нему отъ Карѳагенянъ, Регіонцовъ и Локровъ судами. Онъ, прошелъ въ Сицилію, а оттуда въ Корсиръ, гдѣ развѣдалъ о состояніи Греціи; потомъ направилъ путь свой къ Пелопонезу, обошелъ Малейской мысъ, и остановился на якорѣ у Пиреи. Аттилій, котораго онъ смѣнилъ, сдалъ ему еще двадцать пять палубныхъ кораблей, бывшихъ подъ его начальствомъ. Ливій, выступя въ море со флотомъ, состоявшимъ изъ осмидесяти военныхъ кораблей, нѣсколькихъ бригантинъ и прочихъ легкихъ судовъ, поплылъ къ острову Делосу. Поликсенидъ, узнавъ, что Римской флотъ лежитъ у онаго на якорѣ, возвратился въ Ефесъ, и всячески убѣждалъ Антіоха послать всѣ морскія силы свои противъ Римлянъ, прежде нежели они подкрѣплены будутъ Евменовымъ и Родосскимъ фло-

тами. Онъ увѣрилъ его не только въ томъ, что корабли его и матрозы гораздо изящнее Римскихъ; но еще и въ томъ, что Римляне, упражняясь не давно въ мореходствѣ, имѣютъ толь малое познаніе о вѣтрахъ, что при малѣйшей худой погодѣ приходятъ въ великое недоумѣніе. Антіохъ, въ семъ упованіи, выслалъ въ море, подъ начальствомъ Поликсенида, двести судовъ, и сей флотъ его легъ на якорѣ при Ерифрейской гавани, не далеко отъ острова Хіоса.

Римляне, коихъ сѣверный вѣтръ удерживалъ нѣсколько времени въ Делосѣ, отправились оттолѣ, какъ скоро оный перемѣнился, и прибыли къ Хіоской пристани, откуда, снабдивъ себя съѣстными припасами, пошли къ Фокеѣ. Евменъ, Царь Пергамскій, присоединился къ нимъ съ пятьюдесятью своими кораблями. И такъ флотъ ихъ простиравшійся до двухъ сотъ судовъ пошелъ искать Антіохова флота. Поликсенидъ услышалъ съ радостію о приближеніи непріятелей, и устроился въ бой для принятія оныхъ. Онъ самъ присудствовалъ на лѣвомъ крылѣ, которое протянулъ въ море, поставя правое крыло на той же линіи къ берегу. Ливій, увидя непріятеля въ такомъ благоустройствѣ стоящаго, велѣлъ убавить парусовъ, для ожиданія слѣдовавшихъ за нимъ кораблей, и сдѣлалъ всѣ нужныя къ бою расположенія. Подошедшія къ нему тритцать судовъ противупоставилъ онъ лѣвому непріятельскому крылу, и по мѣрѣ приближенія прочихъ учреждалъ ихъ въ боевой порядокъ противъ праваго Поликсенидова крыла. По сближеніи обоихъ флотовъ, на два Карѳагенскіе корабля, предшествовавшіе линіямъ Римлянъ, напали три Антіоховыхъ корабля, изъ коихъ два сцепились съ однимъ изъ помянутыхъ Карѳагенскихъ, поломали у него весла и овладѣли имъ; однако, по мнѣнію Аппіена, служители спаслись вплавь. Послѣ чего три Сирійскихъ корабля стремительно бросились на другое

оставшееся судно, которое ушло въ средину Римскаго флота. Ливій, раздраженъ будучи симъ въ виду обоихъ флотовъ нанесеннымъ ему оскорбленіемъ, выступилъ съ кораблемъ своимъ изъ линіи, и въ тожъ время, по желанію своему, былъ атакованъ двумя вышепомянутыми одержавшими побѣду кораблями, приготовлявшимися уже къ новому торжествованію. Ливій велѣлъ гребцамъ своимъ опустить всѣ весла въ воду, не дѣлая никакого движенія. Когда же два Сирійскія судна приближились къ нему, то онъ сцепился съ ними, сразился храбро, и съ такою же скоростію овладѣлъ оными, какъ онѣ Карѳагенскимъ кораблемъ. Отъ сихъ частныхъ схватокъ произошла общая битва. Корабли обѣихъ сторонъ, одни другихъ выручая, вступили въ сраженіе. Евменъ, двинувшійся послѣ всѣхъ, видя, что Ливій сбилъ лѣвое непріятельское крыло, устремился на правое и преклонилъ побѣду. Лѣвое крыло, на коемъ находился Поликсенидъ, уступя, обратилось въ бѣгство, а за нимъ вскорѣ послѣдовало и правое. Ливій и Евменъ, паче разъяренные, нежели утомленные побѣдою сею, погнались на всей греблѣ за бѣгущими кораблями; но какъ Сирійскія суда были гораздо легче Римскихъ, то и скрылись оныя отъ ихъ погони. Поликсенидъ лишился въ семъ бою дватцати трехъ кораблей, изъ коихъ тринатцать взяты въ плѣнъ, а десять потоплены; Римской же флотъ потерялъ токмо Карѳагенскій, взятый въ первую схватку, корабль. Ливій провелъ остатокъ дня того на мѣстѣ сраженія, дабы насладиться побѣдою своею, и назавтрее пошелъ искать Поликсенида уклонившагося къ Ефесу. На пути присоединился къ нему Родосскій флотъ, состоявшій изъ дватцати пяти палубныхъ судовъ, подъ начальствомъ Пизистратовымъ. Съ симъ подкрѣпленіемъ угрожалъ онъ побѣжденнымъ даже и въ самой Ефесской гавани; но поелику приближалась уже зима, того ради Евменъ и Родосцы отсту-

пили, а Римляне пошли для починки судовъ своихъ въ Хїосъ; тамъ пробыли нѣсколько дней, и направили путь свой къ Фокеѣ, нынѣ Марсель, приморскому, союзному съ Антїохомъ, и токмо отъ страха предавшемуся имъ городу. Въ семъ мѣстѣ, для охраненїя онаго, оставили они четыре о пяти ярусахъ судна, и поплыли къ Кану; куда прибывъ вытащили, по тогдашнему обыкновенїю, корабли свои на берегъ, обвели ихъ вокругъ валомъ и рвомъ, и проводили зиму.

Наступившею весною Ливїй отправился изъ Кана съ тритцатью семью кораблями, и узнавъ, что Сципїоны приближались съ сильною сухопутною армїею, поплылъ къ Геллеспонту, для переправы оной въ Азїю. Прибывъ къ сему проливу, оставилъ онъ десять кораблей предъ Абидосомъ, а съ остальнымъ флотомъ своимъ пошелъ къ Сестосу, которой безъ сопротивленїя покорился ему; по томъ соединился паки съ десятью кораблями своими и приступилъ къ Абидосу; но какъ сей не сдавался ему, то и приуготовился онъ къ осажденїю онаго.

Между тѣмъ Антїохъ, взирая недремлющимъ окомъ на движенїя Римлянъ, сдѣлалъ чрезвычайныя прїуготовленїя на морѣ и на сухомъ пути, и какъ скоро корабли его могли вступить подъ паруса, то и отправилъ ихъ подъ начальствомъ Поликсенида. Сей Генералъ, изгнанный изъ Родоса, пылалъ безмѣрнымъ желанїемъ загладить стыдъ свой, что былъ разбитъ, и не надѣясь успѣть въ томъ силою, употребилъ хитрость или вѣроломство: когда Родоскїй флотъ шелъ соединиться съ Римскимъ, онъ велѣлъ тогда предводителю онаго Пизистрату сказать, что естьли хочетъ онъ заключить съ нимъ миръ и исходатайствовать ему возвращенїе съ честїю въ Родосъ, то выдастъ онъ ему всѣ состоящїе подъ начальствомъ его корабли. Обольщенный столь выгоднымъ предложенїемъ Родосской Капитанъ, вмѣсто того, чтобъ

продолжать путь свой, зашелъ въ Самосъ. Поликсенидъ, для пріобрѣтенія еще большей къ словамъ своимъ довѣренности, написалъ къ нему собственною своею рукою письмо, въ которомъ подтвердилъ ему все обѣщанное имъ, запечаталъ оное своею печатью, и дабы удобнѣе вовлечь его въ обманъ, увѣрялъ его, что, ради уменшенія силъ флота своего, намѣренъ онъ многіе корабли, подъ видомъ яко бы для починокъ, отослать въ разные сосѣдственные порты.

Легковѣрный Пизистратъ, не предвидя обмана, разослалъ суда свои по разнымъ мѣстамъ, для отъискиванія съѣстныхъ припасовъ. Поликсенидъ, при первомъ извѣстіи о семъ его неосторожномъ поступкѣ, отправился тайно изъ Ефеса, и съ семьюдесятью палубными кораблями, въ темную ночь, налетѣлъ на Пизистрата, отнюдь сего неожидавшаго. Родосскій Капитанъ свезъ войска свои на берегъ, предполагая, что оныя лучше могутъ обороняться на сухомъ пути, нежели на пустыхъ судахъ; но въ то самое время напалъ на него Никандръ, славный морской разбойникъ, имѣвшій у себя эскадру изъ пяти кораблей состоящую, и который, по перепискѣ съ Поликсенидомъ, вышелъ изъ судовъ на островъ Самосъ. Пизистратъ, со всѣхъ сторонъ утѣсняемый, бросился съ войсками своими паки на суда; но съ такимъ смятеніемъ и замѣшательствомъ, что поспѣшное стремленіе сіе казалось болѣе бѣгствомъ, нежели пересадкою войскъ. Наконецъ видя, что ничего не остается ему кромѣ бѣгства, велѣлъ онъ изо всей силы гребсти, дабы выйти скорѣе изъ гавани и отдалиться отъ береговъ. Поликсенидъ погнался за кораблемъ его съ тремя о пяти ярусахъ галерами, настигъ оный и проломивъ его ударами шпироновъ своихъ пустилъ ко дну. Пизистратъ былъ убитъ среди самаго сраженія: всѣ суда его, по сильномъ сопротивленіи, взяты, иныя внутри гавани, а другія при выходѣ изъ

оной, выключая семи судовЪ, спасшихся слѣдующею хитростїю: находившїеся на нихЪ люди выставили на долгихЪ шестахЪ нѣкїе огнепалящїе горшки, прошли сЪ оными посреди непрїятельскихЪ кораблей, кои, прїемля ихЪ за нѣкоторый родЪ брандеровЪ, не посмѣли прикоснуться кЪ онымЪ, и дали имЪ свободу соединиться сЪ РимскимЪ флотомЪ. Ливїй осаждалЪ вЪ сїе время городЪ АбидосЪ, которой сдавался уже на договорахЪ; однакожЪ онЪ, получа извѣстїе о разбитїи Пизистрата, оставилЪ осаду онаго, и собравЪ всѣ свои суда, такожЪ и Евменовы корабли, кЪ коимЪ присоединились еще двѣ Митиленскїя галеры, опустошилЪ берегЪ и поплылЪ кЪ Самосу. Нещастїе случившееся сЪ ПизистратомЪ произвело великую печаль вЪ Родосѣ; но когда мѣсто горести заступили пылЪ гнѣва и желанїе мести, тогда Родосцы выслали вЪ море двадцать кораблей подЪ управленїемЪ Евдама.

Ливїя близЪ Самоса захватила буря, разсѣявшая весь флотЪ его. ПоликсенидЪ гнался за нимЪ, дабы напасть на его аррїергарїю, или захватить отставшїя отЪ флота суда; но жестокїе вѣтры принудили его зайти вЪ ЕфесЪ; а Ливїй между тѣмЪ пришелЪ вЪ СамосЪ, куда вскорѣ прибылЪ кЪ нему Родосскїй флотЪ. Сей Римскїй ГенералЪ, собравЪ паки всѣ морскїя силы свои, пошелЪ искать непрїятеля. По прибытїи своемЪ вЪ ЕфесЪ, вытянулЪ онЪ весь флотЪ свой вЪ линїю предЪ гаванью, и видя, что ПоликсенидЪ стоялЪ вЪ оной укрѣпившись и безЪ всякаго движенїя, высадилЪ на берегЪ нѣсколько войскЪ, дабы выманить гарнизонЪ изЪ города; но какЪ онЪ не могЪ ни кЪ сраженїю его побудить, ниже ворваться вЪ гавань и овладѣть городомЪ, то и возвратился паки вЪ СамосЪ.

Когда Л. Емилїй РегиллЪ прибылЪ на смѣну кЪ нему во флотЪ, тогда сїи два Генерала собрали великой совѣтЪ, для разсужденїя о дѣйствїяхЪ кампанїи. Ливїй

подалъ первый мнѣніе свое, предлагая идти въ Ефесъ и запрудить гавань сію потопивъ въ самомъ узкомъ и не глубокомъ входѣ въ оную два большія наполненныя землею судна. Мнѣнія сего не одобрили, по тому что неудобства сопряженныя съ симъ дѣломъ показались гораздо большими, нежели ожидаемыя отъ того преимущества; чего ради положено было Ливію стараться овладѣть Патаромъ въ Ликіи, а Емилію въ тожъ самое время идти въ Ефесъ, дабы приближеніемъ своимъ устрашить оный. И такъ Ливій отправился съ двумя о пяти ярусахъ Римскими, да съ четырмя о четырехъ ярусахъ Родосскими и тремя палубными Смирнскими судами; на пути присоединились еще къ нему три четырехъ-ярусные корабля, и съ начала плылъ онъ съ благополучнымъ вѣтромъ, но потомъ съ перемѣною онаго возстала жестокая буря; однакожъ помощію сильной гребли успѣлъ онъ войти въ близлежащую гавань, гдѣ и могъ бы съ безопасностію пробыть, естьлибъ оная не была окружена высокими каменными горами, съ которыхъ Ликіане въ великомъ числѣ напали на него. Онъ оборонялся храбро и отбился отъ нихъ; но не могши успѣть въ главномъ намѣреніи своемъ, сѣлъ паки на суда, и возвратился въ Римъ.

Емилій, проплававъ нѣсколько времени по морю, пришелъ и сталъ на якорь въ Самосѣ, дабы примѣчать за Поликсенидомъ находившимся всегда въ Ефесѣ. Родосцы съ своей стороны были также непраздны: они сражались съ Антіоховымъ флотомъ. У нихъ было тритцать двѣ о семи, четыре о шести, и десять о трехъ ярусахъ галеръ. Оба флота сошлись въ Памфильскомъ морѣ и тотчасъ построились въ бой. Аннибалъ повелѣвалъ лѣвымъ крыломъ простиравшимся въ море; Аполлоній, Сирійскій Генералъ, находился на правомъ крылѣ, и всѣ флота сего корабли составляли единый рядъ. Родосцы

спускались на нихъ одинъ за другимъ; Евдамъ находился въ переди, Хариклитъ повелѣвалъ арріергардомъ, а Памфилидъ былъ въ кордебаталіи. Родосскій Генералъ, увидя строй Аннибаловъ, перемѣнилъ свое расположеніе, и приказалъ всѣмъ кораблямъ своимъ построиться также рядомъ; но движеніе сіе сдѣлано было съ такою медлѣнностію, что Евдамъ не вытерпя началъ атаку, и пустился на Аннибала съ пятью кораблями; такимъ образомъ правое крыло Родосцевъ вступило въ бой прежде, нежели флотъ ихъ устроился въ боевой порядокъ; однакожъ, будучи совершенно искусны въ мореходствѣ, скоро приуготовились они и привели себя въ состояніе напасть со всѣхъ сторонъ на непріятеля. Обращаясь съ непостижимою легкостію вокругъ судовъ ихъ, ломали они шпиронами своими весла оныхъ и прободали носы; одно изъ самыхъ слабыхъ судовъ ихъ, ударивъ шпирономъ своимъ въ одну о пяти ярусахъ непріятельскую галеру, совершенно ее обезоружило; такъ что правое крыло Сиріянъ, немало уже претерпѣвшее, готово было обратиться въ бѣгство. Аннибалъ наступалъ между тѣмъ сильно на Евдама, и одержалъ бы надъ нимъ верьхъ, естьлибъ Родосскій Генералъ сигналомъ не призвалъ на помощь къ себѣ всѣхъ отдалившихся отъ него судовъ, которыя, собравшись для освобожденія Генерала своего, и исторгнувъ изъ рукъ непріятельскаго вождя побѣду, принудили его отступить: за нимъ послѣдовали всѣ суда его, кои по счастію спаслись отъ ярости Родосцовъ; ибо гребцы на судахъ сихъ послѣднихъ большою частію толико утруждены были, что не могли для довершенія побѣды своей гнаться за непріятелемъ, и паче помышляя о своихъ нуждахъ, нежели о представляющихся имъ выгодахъ, возхотѣли отдохнуть отъ чрезмѣрнаго въ семъ многотрудномъ дѣйствіи утомленія. Евдамъ, примѣтя въ тожъ время, что непріятели буксируютъ суда свои съ

великимъ смятенїемъ и безпорядкомъ, послалъ противъ нихъ Хариклита и Памфилида; но Аннибалъ, съ остатками флота своего, присталъ къ берегу и спасся. Послѣ сей побѣды, Евдамъ съ семью большими кораблями пошелъ за Римлянами къ Самосу, имѣя у себя еще двадцать другихъ судовъ, для отрѣзанїя Аннибала отъ прохода въ гавань, и для недопущенїя его соединиться при Ефесѣ съ Антїоховымъ флотомъ.

Поликсенидъ, будучи какъ бы въ заперти въ Ефесскомъ портѣ, узнавъ что Евменъ поплылъ къ Геллеспонту, и что нѣкоторые Родосскїе корабли крейсеровали въ Памфильскомъ морѣ, почелъ за удобный случай разбить обезсиленный таковымъ раздѣленїемъ судовъ флотъ римской. Въ семъ намѣренїи выступилъ онъ въ море, облегъ Колофону, отстоящїй неподалеку отъ Ефеса союзный Римлянамъ городъ, предполагая, что непремѣнно придутъ они на помощь къ оному, и принуждены будутъ дать сраженїе. Емилїй, во время облежанїя сего, оставя Самосъ и прогнавъ суда морскихъ разбойниковъ, пошелъ наказывать Тейенцовъ, снабжавшихъ Антїоховъ флотъ съѣстными припасами. Поликсенидъ, извѣстясь, что онъ стоитъ на якорѣ близъ Мїоннезскаго мыса, поплылъ къ нему съ сей стороны, дабы напасть на него въ расплохъ, какъ нѣкогда напалъ онъ на Родосцовъ при Самосѣ. Онъ расположился при островѣ Макри, гдѣ Римляне примѣтить его не могли по причинѣ одного мыса, которой закрывалъ его отъ нихъ. Намѣренїе его было весьма хорошо, такъ что могъ бы онъ безъ сумнѣнїя успѣть въ ономъ, естьлибъ Емилїй его не увидѣлъ; но Преторъ сей, будучи о томъ предъувѣдомленъ, собралъ немедленно разсѣянныя войски свои и успѣлъ съ великимъ порядкомъ перебраться на суда. Находясь же въ такой гавани, изъ которой выходъ между двумя мысами такъ узокъ былъ, что больше двухъ кораблей въ рядъ

проходить не могли, спѣшилъ онъ выйти изъ оной на просторную воду и построиться въ боевой порядокъ. Флотъ его состоялъ изъ осмидесяти трехъ кораблей, въ числѣ коихъ были двадцать пять Родосскихъ. Какъ скоро обошелъ онъ Міонезскій мысъ, то и увидѣлъ непріятеля, которой въ числѣ девяноста судовъ, построясь въ двѣ колонны, шелъ подъ парусами. Каждый изъ обоихъ флотовъ имѣлъ свои преимущества: Поликсенидовы корабли были отмѣнной величины; Римскіе крѣпкаго построенія, а Родосскіе весьма легки въ ходу.

Когда оба флота находились одинъ противъ другаго, тогда Сирійскій флотъ столько вытянулъ лѣвое крыло, что оно простираясь гораздо далѣе, чемъ правое крыло Римскаго флота, могло удобно окружить оное. Родосскій Генералъ, повелѣвавшій лѣвымъ крыломъ, проникнувъ намѣреніе противниковъ, перешелъ съ самыми легчайшими судами своими на правое крыло, дабы не дать непріятелю воспользоваться симъ преимуществомъ. По учиненіи сего, два корабля Родосскій и Сидонскій напали одинъ на другаго. Частное побоище сіе, о которомъ Ливій и Аппіенъ различно повѣствуютъ, произвело общую битву. Родосцы пошли помогать своему судну, Сидоняне своему; за ними послѣдовали всѣ другіе обоихъ флотовъ корабли, и сраженіе сдѣлалось всеобщимъ. Храбрость съ обѣихъ сторонъ была равная; Поликсенидъ крѣпко наступалъ на Римлянъ, но побѣду движеніями своими произвели нѣсколько Родосскихъ судовъ, которыя, сцѣпляясь съ кораблями Антіохова Генерала, имѣли на носахъ своихъ огнепалящія орудія. Поликсенидъ видя сіи опасныя зажигательныя суда, не осмѣлился даже и ожидать ихъ, не токмо сразиться съ ними. И такъ главная часть кораблей его начали выступать изъ линіи; но вышепомянутые брандеры, будучи весьма легки, догоняли оныхъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ шпиронами своими проломили, а

другихъ сожгли. Между тѣмъ какъ лѣвое Антіохова флота крыло такимъ образомъ притѣсняемо было, Римляне сбили средину флота; и хотя правое крыло стояло еще, однакожъ разсѣяніе повсюду начиналось оказываться. Поликсенидъ первый обратился въ бѣгство, и какъ вѣтръ былъ ему благополученъ, то весьма скоро принесъ онъ съ собою въ Ефесъ вѣдомость о разбитіи своемъ. Онъ потерялъ въ семъ сраженіи сорокъ два корабля, изъ коихъ тринадцать взяты были Римлянами, а остальные истреблены огнемъ или потоплены. У Римлянъ нѣсколько судовъ были повреждены и два разбиты; Родосцы лишились одного корабля. Послѣ сей побѣды, Емилій появился, ради одной токмо угрозы, предъ Ефесомъ, и отправилъ часть кораблей своихъ къ Геллеспонту, для способствованія переправы въ Азію войскъ Римскихъ предводительствуемыхъ двумя Сципіонами.

Сія морская битва, и другая сухопутная, которую, спустя нѣсколько времени проигралъ Антіохъ, принудили его просить у Римлянъ мира. Оный заключенъ съ нимъ былъ на самыхъ постыдныхъ для него условіяхъ; ибо онъ по договору долженствовалъ оставить всю часть Азіи лежащую между моремъ и горою Тавромъ; выдать всѣ военные корабли свои, и не имѣть у себя болѣе десяти посредственной величины бригантиновъ, для удержанія подданныхъ своихъ въ повиновеніи, и то съ такимъ обязательствомъ, чтобъ никогда съ оными далѣе двухъ Киликійскихъ мысовъ не ходить. Въ слѣдствіе сего договора, Консулъ Римскій велѣлъ истребить пятдесятъ военныхъ кораблей, составлявшихъ всю Сирійскую морскую силу. Таковъ былъ конецъ сей славной войны, въ которую Антіохъ худо поддержалъ имя *великаго*, каковое пріобрѣлъ онъ завоеваніями своими.

Между тѣмъ, какъ Карѳагенцы ратоборствовали съ Римлянами въ Италіи, Сицилія была зрительницею мор-

ской войны. Когда Кареагеняне отправили двадцать пяти-ярусныхъ судовъ для опустошенія береговъ Италіи, тогда Аннибалъ раззорялъ города оной; девять изъ сихъ судовъ находились въ Липари, восемь другихъ остановились у лежащаго неподалеку отъ него острова, а три занесены были быстрыми теченіями въ проливъ. Гіеронъ, Царь Сиракузскій, бывшій въ союзѣ съ Римлянами, находился тогда въ Мессинѣ: онъ увидя сіи три корабля, послалъ къ нимъ двенадцать своихъ судовъ, которымъ велѣлъ взять ихъ и привесть въ гавань, и узнавъ отъ находившихся на нихъ людей, что флотъ Кареагенскій, въ числѣ тридцати пяти судовъ о пяти ярусахъ веслъ, плыветъ къ Сициліи, какъ для ободренія прежнихъ союзниковъ своихъ, такъ и для покушенія овладѣть Лилибеею, предъувѣдомилъ о семъ Емилія, охранявшаго Сицилію, дабы онъ взялъ свои предосторожности. Преторъ сей, воспользовавшись увѣдомленіемъ симъ, укрѣпилъ Лилибею. Кареагенцы, не вѣдая, что намѣреніе ихъ открылось, появились предъ оною гораздо еще до наступленія дня; но какъ весьма свѣтло было отъ луны, то вскорѣ примѣчены они были отъ пріуготовившагося уже къ принятію ихъ гарнизона. Досадуя, что не могли напасть въ расплохъ на Римлянъ, предпріяли они сразиться съ ними. Въ семъ намѣреніи отступили они отъ берега прочь, дабы вызвать ихъ на брань. Римляне пошли на нихъ гордо. Тѣ изъ Кареагенскихъ судовъ, кои хотѣли избѣгнуть абордажа, по тому что имѣли у себя болѣе матрозовъ, нежели солдатъ, старались больше судами своими сражаться, чемъ людьми. Римляне примѣтя сіе окружили семь кораблей ихъ, и взяли оные со всѣмъ ихъ екипажемъ. Остальные разсѣялись и обратились въ бѣгство. Въ сіе самое время Консулъ Т. Семпроній прибылъ въ Мессинѣ, и Гіеронъ вышелъ на встрѣчу къ нему съ знатною эскадрою. Онъ увѣдомилъ его о состояніи Си-

цилїи, а особиво о угрожавшей Лилибеѣ опасности. Консулъ поспѣшилъ тотъ же часъ на помощь къ оной; но по пришествїи своемъ узналъ о разбитїи Карѳагенскаго флота. Онъ сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженїя, касающїяся до безопасности Сицилїи, пошелъ покорять островъ Мальту, бывшїй тогда во владѣнїи Карѳагенянъ; взялъ въ плѣнъ гарнизонъ онаго, купно съ начальствовавшимъ надъ нимъ Амилькаромъ, Гисконовымъ сыномъ, и возвратился паки въ Римъ.

Въ то время, какъ Фабїй Кунктаторъ держалъ Аннибала въ теснотѣ, и искусными движенїями своими приводилъ его въ отчаянїе, Консулъ Кн. Сервилїй Герминъ плылъ со флотомъ къ островамъ Корсикѣ и Сардинїи, дабы удостовѣриться въ вѣрности оныхъ. Оттуда прошелъ онъ въ Африку, гдѣ во многихъ мѣстахъ приставалъ къ берегамъ и опустошалъ оные; но какъ земля сїя была ему неизвѣстна, то многїе разсѣявшїеся для грабежа по разнымъ сторонамъ люди его побиты были жителями; что принудило его сѣсть паки на суда и возвратиться въ Сицилїю.

Римъ, послѣ Канской битвы чаялъ увидѣть Аннибала при вратахъ своихъ. Сенатъ къ совершеннѣйшему еще несчастїю, получилъ изъ Сицилїи отъ Претора Т. Октасилїя письмы, въ которыхъ увѣдомлялъ онъ его, что союзный съ Римомъ городъ Сиракузъ разоренъ Карѳагенскимъ флотомъ, и что Гїеронъ имѣетъ нужду въ помощи, какой онъ дать ему не въ состоянїи, по причинѣ полученнаго имъ извѣстїя, что другой непрїятельскїй флотъ стоитъ на якорѣ у ближняго острова, и ожидаетъ токмо отшествїя его, для нападенїя на Лилибею. Сенатъ, котораго величїе и твердость казалось умножались при нещастїяхъ республики, ни мало не смущаясь сими печальными извѣстїями, повелѣлъ М. Клавдїю отправиться въ Сицилїю съ находившимся въ

портѣ Остїи флотомъ. Спустя нѣсколько времени, въ теченїе самыхъ знаменитѣйшихъ успѣховъ Аннибаловыхъ, Октасилїй отправился изъ Лилибеи съ пятьюдесятью кораблями, опустошать окрестности самаго Карѳагена. Послѣ сей экспедицїи прибылъ онъ въ Сардинїю, гдѣ узналъ о проходѣ Аздрубаловомъ. Онъ встрѣтился со флотомъ его, возвращавшимся въ Карѳагену, напалъ на оный, и по краткомъ сраженїи взялъ у него семь кораблей со всѣми на оныхъ людьми, а остальные прогналъ.

Аннибалъ находился въ Апулїи, когда Гїеронъ, лежа на смертномъ одрѣ и не имѣя другаго у себя наслѣдника, кромѣ одного пятнадцати-лѣтняго внука, созвалъ къ себѣ тѣхъ, которыхъ назначилъ онъ въ опекуны къ нему, и препоручилъ имъ внушать въ него всегда дружбу къ Римлянамъ, такъ какъ самъ онъ въ продолженїе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ сохранялъ оную. Младый Князь сей, вмѣсто того, чтобъ послѣдовать наставленїямъ дѣда своего, вступилъ въ союзъ съ Карѳагенцами; но въ самое то время, какъ ожидалъ онъ отъ нихъ помощи, убитъ былъ злоумышленниками. Ап. Клавдїй, находившїйся тогда въ Сицилїи, предвидя разрывъ сей, донесъ о томъ Сенату, въ слѣдствїе чего послали къ острову сему Октасилїя съ новымъ флотомъ. Морскїя силы Римлянъ состояли тогда во ста пятидесяти долгихъ корабляхъ; но какъ не доставало у нихъ матрозовъ, то опредѣлено было богатымъ доставить оныхъ своимъ иждивенїемъ, и сдѣланъ былъ разщетъ, какое число каждый изъ нихъ, смотря по имуществу своему, долженствовалъ заплатить. Въ первый разъ еще республиканскїе корабли снаряжены были имѣнїемъ частныхъ людей.

Послѣ смерти Гїеронова внука, Гиппократъ, Сиракузскїй Генералъ, возхотѣлъ сѣсть на престолъ. Дабы успѣть въ томъ, снискалъ онъ покровительство Карѳагенянъ, пожертвовавъ имъ всѣми находившимися тогда

въ Сиракузѣ Римлянами, которыхъ предалъ онъ смерти. Консулъ Марцеллъ, для отмщенія за сію обиду, отправился въ Сицилію и осадилъ Сиракузу моремъ и сухимъ путемъ. Онъ съ шестьюдесятью о пяти ярусахъ галерами напалъ на оную со стороны моря, поставя на осми утвержденныхъ на якоряхъ и соединенныхъ вмѣстѣ судахъ, огромную машину, назначенную для разбиванія стѣнъ града. Пріуготовленіе его на брань было ужасное; онъ не умедлилъ бы овладѣть сею крѣпостію, естьлибъ не защищалъ ее Архимедъ (a).

Сей великій человѣкъ, котораго одно имя когда упомянется, то даетъ уже полное понятіе о совершеннѣйшемъ изобрѣтателѣ, каковаго ни когда еще не бывало, умѣлъ посредствомъ машинъ своихъ, на сухопутное осаждающихъ воинство пустить такой градъ большихъ каменьевъ, который весь строй ихъ смялъ и привелъ въ замѣшательство. Потомъ флоту ихъ нанесъ крайній вредъ: онъ достигъ до того, что съ градской стѣны низвергалъ въ тысячу пудъ каменья на восемь соединенныхъ между собою судовъ, которыя разгромилъ на части. Многіе корабли потопилъ онъ великимъ числомъ брусьевъ, кои, упадая на сіи суда, проламывали ихъ и погружали въ воду; иныя, будучи схвачены желѣзною рукою за носъ, и приподняты къ верьху, опускались кормою на дно моря; другіяжъ будучи зацѣплены крѣпкими заки-

(a) Архимедъ Сиракузянинъ, славнѣйшій въ древности Математикъ, превосходствовалъ наипаче въ Механикѣ, яко въ такой наукѣ, въ которой рѣдкое въ изобрѣтеніяхъ дарованіе отличнѣйшимъ образомъ блистаетъ, и смѣшивая пріятное съ полезнымъ, умѣлъ онъ съ самыми многотруднѣйшими знаніями соединять нѣкоторой родъ увеселенія. Гіеронъ, родственникъ его, взиралъ съ удовольствіемъ на его труды, и нѣкогда, дабы показать Государю сему способности свои, одинъ онъ, безъ всякихъ пособій, помощію колесъ и блоковъ, вытащилъ изъ Сиракузской гавани на берегъ самое большое, наполненное грузомъ, судно.

нутыми на нихъ крючьями, привлекаемы и разбиваемы были у самыхъ стѣнъ градскихъ; наконецъ иныя подняты будучи на воздухъ, раздроблялись упадая на землю, или паки на воду. Здѣсь остается токмо тѣмъ, коимъ во всемъ пространствѣ извѣстно всевозможное дѣйствіе движущихъ силъ, заключить, не сказаноль писателями чего излишняго въ сихъ повѣствованіяхъ. Нѣкоторые историки прибавляютъ еще къ сему, что сей же самый Архимедъ сжегъ многія Римскія суда, въ разстояніи трехъ миль, выпуклыми зажигательными стеклами (а).

Марцеллъ, наскучивъ битвою съ невидимыми непріятелями, коихъ ударовъ не могъ онъ избѣгнуть, изыскивалъ всякіе способы, какъ бы уклониться ему отъ оныхъ. Поелику крѣпко напряженныя Архимедовы машины далеко доставали, то подошелъ онъ подъ самыя стѣны, въ томъ мнѣніи, что подъ оными будутъ онѣ черезъ него хватать; но Архимедъ, умѣвшій все придумать, употребилъ другія машины, кои стрѣляли ближе; и такъ Римляне поражаемы были множествомъ стрѣлъ и камней, кои падая съ верьху прямо на нихъ, жестоко ихъ побивали. Марцеллъ, принужденъ будучи отойти отъ стѣнъ и удалиться, при отступленіи своемъ потерялъ еще множество людей и судовъ дѣйствіемъ достигающихъ его машинъ. Напослѣдокъ городъ въ самое то время нечаянно взятъ былъ, когда уже храбрость Римлянъ начинала со всѣмъ изнемогать. Вскорѣ послѣ того Марцелла позвали въ Римъ, куда перевезъ онъ великое множество статуй и картинъ превосходнѣйшей работы, коихъ Сиракуза была тогда хранилищемъ. Римъ

(а) Весьма непонятна возможность сего послѣдняго дѣйствія; но я могу сказать съ Квинтомъ Курціемъ, Equidem plura transcribo, quam credo, то есть: я больше пишу, нежели вѣрю. Въ самомъ дѣлѣ Отецъ Киркеръ Іезуитъ, дѣлавшій толикое множество опытовъ, не могъ найти больше одного стекла, которое зажигало въ разстояніи пятнадцати шаговъ.

не зналъ еще тогда сего рода сокровищъ, кои, такъ сказать, составляли скопище сдѣланныхъ во всей Греціи похищеній (а). За нѣсколько дней до взятія Сиракузы, Октасилій, отправившись изъ Лилибеи съ осмьюдесятью галерами, поплылъ къ Утикѣ, гдѣ совсѣмъ его не ожидали. Онъ взялъ тамъ сто тритцать судовъ нагруженныхъ хлѣбомъ, опустошилъ поля, и возвратился назадъ. Походъ сей совершенъ былъ въ три дни.

Сиракузская осада ознаменована нѣкіимъ особеннымъ произшествіемъ, котораго причины историки не могли угадать. Бомилкаръ, Адмиралъ Карѳагенскій, находившійся со флотомъ своимъ въ гавани города сего, во время облежанія онаго Римлянами, отправился изъ оной со всѣми кораблями своими, для снисканія новой помощи отъ Карѳагена, и получилъ всѣ требованныя имъ пособія. Онъ поплылъ со ста тридцатью кораблями военными и съ семьюдесятью грузовыми, въ Сицилію; шелъ съ благополучнымъ вѣтромъ до самаго Пахинскаго мыса, нынѣ Пассаро, котораго не могъ онъ обойти; сіе самое понудило его стать у онаго на якорѣ. Марцеллъ, коему весьма нужно было не допустить Карѳагенскій флотъ пристать къ Сиракузѣ, послалъ флотъ свой на встрѣчу къ оному, съ тѣмъ, чтобъ дать съ нимъ битву. Когда вѣтръ перемѣнился, Бомилкаръ снялся съ якоря, и сталъ обходить мысъ; но усмотря Римской флотъ, хотя и былъ сильнѣе онаго, однакожъ не хотѣлъ вступить съ нимъ въ сраженіе, и приказавъ стоявшимъ въ Геракліи

(а) Обладаніе сею драгоцѣнною добычею было началомъ процвѣтанія художествъ, и того искуственнаго въ изрядствѣ вещей познанія, которое царствовало потомъ въ Римѣ. Сіе то самое Овидій хотѣлъ ознаменовать симъ, къ сему произшествію относящимся, стихомъ: Graecis tradiderat victas victoribus artes, то есть: Греческимъ побѣдителямъ побѣжденныя предались науки.

судамъ возвратиться въ Кареагенъ, самъ пошелъ къ Таренту. Не понятенъ Генерала сего поступокъ; не извѣстно страхъ ли какой безразсудной, или какая особенная корысть, побудили его на сїе странное дѣло.

Римляне прїучаясь къ войнѣ на морѣ, отъ времени до времени подвергались на немъ разнымъ нещастїямъ: они разбиты были на ономъ Тарентинцами. Тарентъ, по вѣроломству первенствующихъ въ немъ жителей, сдался Аннибалу; крѣпость же оставалась въ рукахъ у Римлянъ, кои много тамъ претерпѣли по недостатку съѣстныхъ припасовъ, коихъ не могли получить отъ инуда, какъ изъ Сицилїи, и то съ великимъ трудомъ. Д. Квинтїй отправился изъ Режїо съ двадцатью судами, для подания имъ помощи. Тарентинцы выступили на встрѣчу къ нему съ равнымъ числомъ кораблей. Оба флота абордировали одинъ другаго: всѣ суда ихъ сцѣпились между собою такъ тесно, что сраженїе произходило какъ бы на сухомъ пути, и ни одной стрѣлы не упало въ море. Галера, на коей находился Квинтїй, сражалась съ галерою Никона, который по личному огорченїю своему былъ сугубый Римлянамъ непрїятель. Квинтїй, ища убить его, лишился самъ жизни, будучи пораженъ рукою сего Тарентинскаго капитана. Никонъ, видя начальника флота падшаго подъ мечемъ, взошелъ на Римскую галеру, нападая на оборонявшихъ ее солдатъ съ такою силою, что загналъ ихъ на самую корму судна; но какъ они и тутъ бодрственно еще упорствовали, то другая Тарентинская галера подошла на помощь къ Никону, Римляне уступая превосходному числу непрїятелей, принуждены были здаться; прочїя галеры, видя Генерала своего убитымъ и корабль его взятымъ въ полонъ, пришли въ великую робость; нѣкоторая часть ихъ погибла на морѣ, а другая досталась въ корысть побѣдителю, овладѣвшему сверхъ того еще нѣсколькими нагруженными хлѣбомъ судами.

Потеря сїя не много обезсилила Римлянъ, посклику спустя нѣсколько времени, имѣли они паки двѣсти судовъ, и охраняя оными берега Сицилїи, Сардинїи и Италїи, приводили Кареагенъ въ трепетъ. М. Валерїй, отправясь изъ Сицилїи со флотомъ состоявщимъ изо ста кораблей, поплылъ въ Африку. Онъ вышелъ на берегъ близъ города Квипїи, въ Тунисской области; прошелъ безпрепятственно по всѣмъ полямъ оной, и опустошилъ ихъ; но извѣстясь о приближенїи Кареагенскаго флота, сѣлъ паки на суда, дабы напасть на оный. Флотъ сей состоялъ изъ осмидесяти трехъ кораблей; сраженїе было упорное; однакожъ Валерїй напослѣдокъ побѣдилъ. Онъ взялъ у непрїятеля осмнадцать кораблей, и прогнавъ остальные, возвратился въ Лилибею, откуда чрезъ нѣсколько времени паки отправился для учиненїя новыхъ набѣговъ на Утическїя и Кареагенскїя земли. Возвращаясь оттолѣ съ богатою добычею, встрѣтился онъ съ непрїятельскимъ флотомъ, состоявшимъ изъ семидесяти долгихъ судовъ, на которыя напавъ, взялъ онъ изъ нихъ семнадцать кораблей, четыре потопилъ, а остальные разогналъ. Сїе происходило въ Сицилїи прежде, нежели Сципїонъ отправился изъ оной въ Кареагенъ.

Римляне, до окончанїя Пуническихъ браней, имѣли еще великїя распри съ Персеемъ, Царемъ Македонскимъ, сыномъ Филипповымъ, коего безпокойства были причиною сей войны. Филиппъ, снося съ прискорбїемъ сдѣланныя имъ съ Римлянами уничижительныя для него мирныя условїя, тайно предпринималъ мѣры къ сверженїю съ себя сего ига. О намѣренїяхъ и прїуготовленїяхъ его узнали въ Римѣ, и Сенатъ обьявилъ бы ему войну, естьлибъ смерть его не предупредила сего обьявленїя. Персей, сынъ его, питая тѣжъ противъ Римлянъ чувства, началъ снискивать сильныхъ себѣ союзниковъ, накопилъ

денегъ, упражнялся въ мореходствѣ, а паче всего прилагалъ стараніе къ обученію цвѣтущаго юношества, содѣлавшагося въ теченіе двадцати шести мирныхъ лѣтъ многочисленнымъ, и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, основывалъ предпріятія свои на самыхъ гнусныхъ злодѣяніяхъ. Римляне, извѣстясь о намѣреніяхъ и пріуготовленіяхъ Персея, положили непремѣнно объявить ему войну. Они велѣли Претору Лицинію исправить немедлѣнно починками пятдесятъ галеръ о пяти ярусахъ веслъ, собраться онымъ въ Бриндской гавани, и привесть еще нѣсколько судовъ изъ Сициліи, естьли въ Римскихъ верфяхъ оныхъ недовольно. Претору Лукрецію препорученъ былъ въ управленіе флотъ сей, который однакожъ состоялъ токмо изъ сорока кораблей, потому что десять изъ вышепомянутаго числа оставлены были на случай другихъ надобностей. Флотъ сей отправился изъ Неаполя, и въ пять дней прибылъ къ Кефалоніи. Я упоминаю слегка о сей экспедиціи, для того, что мореходство мало въ ней участвуетъ, поелику оная служила токмо къ перевозу войскъ. Консулъ Павелъ Емилій велъ войну сію какъ искуснѣйшій полководецъ. Онъ, разстроенный худымъ содержаніемъ матрозовъ, флотъ Римскій привелъ въ хорошее состояніе и поручилъ начальство надъ онымъ Кн. Октавію. По разбитіи Персеевой арміи въ Македоніи, Царь сей удалился на островъ Самоѳракію, нынѣ Самандраки, въ Архипелагѣ. Октавій со всѣмъ флотомъ погнался за нимъ, взялъ его въ плѣнъ, и отдалъ Консулу, который отвезъ его въ Римъ, гдѣ служилъ онъ торжества его украшеніемъ. Павелъ Емилій, возвращаясь въ отечество свое, плылъ въ верьхъ Тибра на Королевскомъ Персеевомъ кораблѣ, имѣвшемъ чрезвычайную величину и шестнадцать ярусовъ веслъ; онъ убранъ былъ самыми драгоцѣннѣйшими взятыми у Государя сего сокровищами; за нимъ слѣдовали многія другія также превеликія суда,

кои поставлены были на марсовомъ полѣ. Октавій раздѣлялъ съ Павломъ Емиліемъ всѣ почести; въ честь ему уставлено было торжество морской побѣды, и сїе торжество, которое было первое въ семъ родѣ, послѣдовало тотчасъ за Консульскимъ. Войною сею, продолжавшеюся три года, пресѣклась власть Македонская.

Гентій, Царь Иллирїйской, бывшій въ союзѣ съ Персеемъ, подвергнулся томужъ самому жребію. Онъ былъ начинщикомъ сей войны, и суда его первыя нападали на Италїанскїя берега. Преторъ Аницій, отправленный противъ Иллирїйскаго флота, велъ себя весьма благоразумно; онъ сдѣлалъ многїе удачные дессанты, и съ такимъ мужествомъ наступилъ на Царя, что принудилъ его отдаться въ волю побѣдителя съ братомъ своимъ, женою, дѣтьми и со всѣми знатнѣйшими государства своего вельможами. Война сїя начата и окончана была въ тридцать дней. Въ Римѣ вмѣстѣ съ началомъ узнали о концѣ ея, и плѣнники прибыли въ оный съ извѣстїемъ о сраженїи. Послѣ сихъ морскихъ походовъ возникла третїя Пуническая война, о которой упоминали мы въ своемъ мѣстѣ.

Конецъ первой части.